
1855
ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА.
ЖИВОПИСЬ
ПАНТЕОНЪ
12.
СЕНТЯБРЬ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
PATKE. 2p.

Книжка двенадцатая, декабрь.

I. Изящная словесность.

1.Варенька Долева. Роман В. В. Толбина. Часть выторая. (С. 1-42).

Стихотворения.

1. Перед камином. Н. Гербеля. (С. 1-2).
2. Герцог Рейхштадтский. В. Зотова. (С. 2-5).
3. Графине А. М. Г. Кн. Гр. Кугушева. (С. 6-7).
4. Портрет матери. В. Мельницкого. (С. 8).
5. Русская песня. И. Яцевича. (С. 9).
6. Молодость. Н. Гербеля. (С. 10).

II. История и теория искусства.

Записки Барнума. Часть пятая.(С. 1-44).

Записки Шарлоты Аккерман. О гамбургском театре, в XVIII столетии. Собраны Отто Мюллером. (С. 1-130).

IV. Смесь.

1. Краснокожие. Рассказ из индейской жизни. (С.1-36).
2. Сумасшедший. Рассказ Октавия Фере. (С. 37-56).
3. Рассказы в кают-компании. Воздаяние. А. Богословского. (С.57-68).

IV. Современное.

1. **Открытия в науках и промышленности**: Океан и его жизнь. (С. 1-12).– Овцеводство в Австралии. (13-19).

2. **Театры, музыка, искусства:** Итальянское пение в XVII веке и в настоящую эпоху. Статья Густва Энгеля. (С. 19-24). – Происхождение органа. (С. 24-27).

3. Мелкие рассказы и повести: Рапорт доктора Кана о его открытиях в полярных странах. (С. 27-32).

V. Репертуар русской сцены. № 12.

Дача с угодьями, или Искусство искать женихов. Комедия в одном действии. (С. 1-26).

Оглавление XXIV тома. (С. 1).

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

ТОМЪ XXIV.

ДЕКАБРЬ. — КНИЖКА ДВЕНАДЦАТАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 29-го Апрѣля 1856 года.

Цензоръ *П. Еланинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ЮЛІУСА ШТАУФА.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА
М. С.
ПОКРОВСКАГО

I.

ВАРЕНЬКА ДОЛЕВА.

Часть вторая *.

—

Вѣсти о Петрушѣ. Разлука Марьи Петровны съ Варенькой. Новый пріѣздъ Прошиныхъ въ Алмазово.

Варенькѣ было уже болѣе десяти лѣтъ, а между тѣмъ все ея воспитаніе ограничивалось очень немногими свѣдѣніями, переданными ей сельскимъ священникомъ. Рѣзвый, своевольный характеръ дѣвочки видимо измѣнялся съ каждымъ годомъ: она дѣлалась все тише, кротче и задумчивѣе. Однообразіе ли окружающей жизни наскучило ей, чудныя ли сказки, разсказываемыя ей Топчуговымъ и повѣствованія о великолѣпіи и удовольствіяхъ видѣнныхъ имъ городовъ, настроивало ея воображеніе къ новымъ предметамъ и новымъ ощущеніямъ, трудно сказать положительно, только часто выказываясь отъ всѣхъ заботливыхъ предложеній матери, она говорила ей:

— Ахъ, мамашечка, скоро ли мы выберемся съ вами отсюда и поѣдемъ въ городъ, какъ вы сами давича говорили?

— Что же такое ты въ городѣ полюбила, что тебя въ него такъ и тянетъ? спросила ея Марья Петровна.

— Вы сами знаете: пора мнѣ учиться. Но даже мысль о кратковременной разлукѣ съ дочерью пугала Марью Петровну и

* Романъ этотъ начатъ въ № 2 Пантеона за нынѣшній годъ, но долговременная болѣзнь не позволяла автору окончить его къ сроку. Поэтому редакція спѣшитъ его допечатать.

она, чтобъ сколько нибудь изгладить такое желаніе, запавшее въ голову дѣвочки, говорила ей.

— Еще успѣешь, Варенька, всему еще научишься, вѣдь тебѣ не настоящимъ профессоромъ быть. Дай еще хоть годокъ вдоволь на тебя насмотрѣться.

— А между тѣмъ Марья Петровна сама сознавала въ душѣ, что Варенька отчасти права, что для той счастливой будущности, которую создавала ей материнская фантазія, не достаточно было однѣхъ нѣжныхъ заботъ. Это убѣжденіе крѣпло иногда еще болѣе, когда пріѣзжала ихъ навѣстить знакомая читателю старушка Прасковья Ивановна, тоже владѣтельница одной дворовой дѣвушки, жившей гдѣ-то въ чужихъ людяхъ, барыня довольно уже пожилая, и давно уже хорошо непомнившая съ которыхъ поръ она обрекла себя на кочевую жизнь ко всѣмъ помѣщикамъ ихъ огромнаго уѣзда. Почтенная старушка становилась истинною отрадой для Марьи Петровны, какъ потому, что пополняла опустѣвшую память Долевой новыми свѣдѣніями, случившимися за предѣломъ ея уголка, такъ и потому болѣе, что всегда останавливалась на Варенькѣ, какъ на предметѣ, единственно достойномъ ея удивленія среди всѣхъ мѣстъ, куда забрасывала ее недобрая воля и привычка мѣнять кровъ и хозяевъ.

— Какая у васъ красавица Варенька, Марья Петровна, жужжала она въ уши Долевой.

— Да, подтверждала вздыхая Марья Петровна, вы точно отчасти правы, только что пользы въ этой красотѣ?

— Какъ, что пользы? Я васъ не понимаю, Марья Петровна.

— А между тѣмъ дѣло очень ясно: къ чему послужитъ Варенькѣ красота безъ состоянія; кто на нее засмотрится, позвольте спросить, моя дорогая?

Гостья быстро вскакивала со стула и выпрямляла свой худощавый станъ.

— Кто засмотрится? переспрашивала она, вы спрашиваете кто?

— Ну, да, какъ я вамъ уже докладывала. Грѣшный человѣкъ, а согласитесь, поневолѣ возьметъ любопытство.

— Да я бы первая, смѣю васъ увѣрить, еслибъ былъ только богатый кавалеръ.

— Вы, произносила Марья Петровна, не спорю, вы точно можетъ быть, по своей добротѣ и поступили бы такъ, но другіе, другіе совсѣмъ иное дѣло! Нынче такой вѣкъ, что не имѣй приличнаго прилагательнаго, такъ кажется самимъ солнцемъ будь, и то никто не замѣтитъ.

И выразивъ эту мысль, Марья Петровна съ какимъ-то нетерпѣливымъ ожиданіемъ начинала смотрѣть изъ-подлобья на свою гостью, ожидая что она найдется еще сказать ей утѣшительнаго на такое дѣльное замѣчаніе.

— Что правда, то правда, соглашалась гостья, и губы Марьи Петровны невольно подергивала грустная улыбка; она произносила:

— Хорошо, хоть договорилась до правды, только не совсѣмъ, да развѣ не бываетъ исключенія?

— Не спорю, но это такъ рѣдко, такъ рѣдко!

— Ни сколько, тѣмъ болѣе, что ваша Варенька, по своимъ качествамъ истинная безприданница. Угодно, я вамъ насчитаю десять примѣровъ.

— Ахъ, не возбуждайте материнской гордости, прерывала Марья Петровна, зачѣмъ десять примѣровъ, хоть бы одинъ, и рука Долевой при этихъ словахъ незамѣтно прижималась къ сердцу, чтобъ повѣствовательница не могла разслышать его мгновеннаго ускореннаго движенія и не догадалась, что въ головѣ помѣщицы «Вороньи-Гнезды» опять оживали безсознательныя надежды и душа снова наполнялась гордыней, которую она напрасно старалась подавить въ эту минуту.

— Такъ вамъ угодно примѣръ?

— Почемуже, если ужъ разъ набрели на эту точку.

— Извольте! вѣроятно вы знаете Рыбинскихъ?

— Еще бы! Въ старые годы частенько-таки къ нимъ съ моимъ покойнымъ ѣзжала, покуда поменьше заботъ было. Хорошіе люди, только также разными излишествами, какъ и мы, не могутъ похвалиться; такъ же противъ многихъ и многихъ во многомъ скажутъ *пасъ*, а что?

— Да вотъ то, и разсуждайте какъ знаете!

— Что же это за пріятное для нихъ утѣшеніе? согласитесь,

«вотъ-то» вѣдь разное бываетъ, возражала заинтересованная Марья Петровна и прибавляла:

— Ну-съ, такъ что же еще хорошенькаго?

— Ужъ развѣ дольше не мучить васъ?

— Въ вашей волѣ, я не любопытна, соглашалась Долева, а между тѣмъ впередъ угадывая по лицу гостьи въ чемъ должно было заключаться ее извѣстіе, еще сильнѣе прижимала руку къ сердцу. Глаза начинали слегка сверкать, а губы подергиваться самонадѣянной улыбкой, которую она напрасно старалась уничтожить, слегка прикусывая ихъ зубами.

— Распространяться много не буду, скажу одно: можете ихъ поздравить. Какъ вамъ это покажется?

— Съ чѣмъ? сдѣлала притворный вопросъ Марья Петровна, зная, что Рыбинскихъ не съ чѣмъ было больше поздравить, какъ съ какимъ нибудь счастіемъ, особенно для ихъ дочери дѣвицы, давно уже невѣсты.

И Долева точно не ошиблась. Разскащица снова выпрямилась и произнесла протяжно:

— Шурочку ихъ, вѣроятно, также запомните?

— Ну, ну, слушаю, слушаю.

— Согласитесь, порядочная халда, говорю это не въ осужденіе, избави меня Богъ, а такъ только къ слову.

— Богъ съ ней, Богъ съ ней! что намъ чужія пятна считать; дальше что?

— Ни красоты, ни радости, что называется.

— Дальше, дальше! не всѣмъ съ неба звѣзды хватать.

— А вотъ подите же—схватила, блистательную партію дѣлаетъ. Человѣкъ солидный, богатый, хоть правда и не молодой, и далеко не красавецъ.

— И, голубушка, прервала добрая Марья Петровна, мужа вѣдь не на вывѣску ставить, былъ бы только добрый человѣкъ. Рада, очень рада; да что же, въ-самомъ-дѣлѣ, такого оказалось вдругъ особеннаго чего въ Шурочкѣ Рыбинской, чтобъ выпала такая доля?

— Воспитаніе, Марья Петровна, образованность. Заговоритъ, заиграетъ, запоетъ хоть кого; король въ этомъ отношеніи противъ всѣхъ.

— Слышу, слышу, отвѣчала Долева, думая про-себя:

— Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ вѣстовщицъ, только преждевременно поселяютъ въ голову ребенка несвойственныя его лѣтамъ мысли, пріучаютъ къ охлажденію къ родительскому дому. Нѣтъ! каждый сверчокъ знай свой шестокъ; я была счастлива и безъ лишней учености, для чего же мнѣ желать иной будущности для своей Вареньки; и сквозь золото иногда льются слезы!

Разстаться съ Варенькой я не могу, это выше моихъ силъ; въ городѣ мнѣ жить также нельзя, не присмотрю за всѣмъ сама—все вкривь и вкось пойдетъ; сюда учительницу взять, тоже нѣтъ никакой возможности, знаю я по Прошинымъ, какъ онѣ кусаются. Дай Богъ чтобъ у Вареньки былъ только добрый характеръ, да была бы она хорошею хозяйкой, а счастіе само за все это ее поищетъ.

Одно совершенно неожиданное обстоятельство опять возмутило все ея честолюбіе и задѣло за живое ея барскую гордость. Однажды (это случилось послѣ обычнаго послѣ-обѣденнаго сна) Марья Петровна начала очень сильно чесать себѣ носъ, и это дѣйствіе было ей тѣмъ непріятнѣе, что это украшеніе ея лица было довольно румяно и безъ всякаго тренія.

— Что это сдѣлалось съ моимъ дуракомъ? проговорила она, повертываясь предъ зеркаломъ, кажется ничего на немъ не видать, а такъ и заигрываетъ; чтобы это могло значить?...

— О покойникѣ, сударыня, слышать, поспѣшила объяснить ей горничная, подававшая ей квасъ, питье,—почитаемое Марьей Петровной за самое пищеварительное средство.

— Марья Петровна остановилась на полуглоткѣ и сдѣлала слѣдующее замѣчаніе, впрочемъ безъ всякаго видимаго гнѣва:

— Типунъ бы тебѣ на языкъ! Ты бы вмѣсто того, чтобъ наводить барынѣ не грустныя мысли и безъ которыхъ довольно голова уже кругомъ идетъ, лучше смотрѣла, чтобъ въ стаканѣ вотъ этакія бревна не плавали, мятные стебельки—то, понимаешь? Стунай!

— Чтобы это могло значить? обратилась она потомъ съ тѣмъ же вопросомъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, которая пріѣхала погостить къ ней въ это время и также отдыхала для

компаніи, согнувшись въ клубокъ на маленькомъ диванѣ.

— Это значитъ неожиданныя новости, можете меня ругнуть, если не правда окажется — послѣдовалъ отвѣтъ.

И дѣйствительно, гостья не обманулась. Глотка мясистаго бугорка Марьи Петровны (лучшаго эпитета невозможно придать ея носу) оказалось точно чесоткой–предсказательаго свойства. Не прошло и четверти часа, какъ изъ полуотворенной двери раздался голосъ:

— Сударыня!

— Ну, что тамъ, сударыня, отозвалась Марья Петровна, дальше–то что съ сударыней?

— Староста пришелъ.

— Ну, и пришелъ! еще что?

— Письмо изъ города къ вашей милости и посылка при немъ.

Вотъ ужъ подлинно чудо чудное, вскричала Марья Петровна: отъ кого бы это такое могло быть—право не понимаю! Съ самой смерти мужа ни я ни къ кому, ни мнѣ никто до сихъ поръ строчки одной не писывалъ. Ужъ не отъ Прошина ли что нибудь крестницѣ? Да нѣтъ, у него не достанетъ на это сметки. Посмотримъ, благословясь, что Господь посылаетъ.

Марья Петровна перекрестилась, перекрестила даже письмо и распечатавъ его прежде всего бросила взглядъ на подпись.

— Петръ Беневоленскій, проговорила она...

— Беневоленскій, Беневоленскій, повторила она потирая пальцемъ лобъ и сильно сдвинувъ брови. Ну, вотъ хоть убейте незнаю никого такого, и какая ему можетъ быть до меня надобность. Новый становой развѣ изъявляетъ письменно какую нибудь претензію; да нѣтъ, сколько я знаю, они всѣ претензіи имѣютъ привычку изъявлять словесно. Посмотримъ, что такое.

И снова перекрестившись, Долева медленно начала шевелить губами, подставивъ письмо такъ близко къ лицу, что широкія оборки ея тюлеваго чепца прикрыли бумагу будто навѣсомъ.

По мѣрѣ того, какъ она пробѣгала строки за строками, безпокойное выраженіе ея лица сглаживалось и по немъ разлилось такое удивленіе и такая добродушная радость, что Прасковья Ивановна, слѣдившая за всѣми поворотами ея головы съ удвоеннымъ

любопытствомъ, не могла удержаться чтобъ не спросить:

— Не поздравить ли васъ съ чѣмъ нибудь веселенькимъ, что вы просвѣтлѣли какъ майскій день?

— Почти что можно поздравить, подтвердила Долева: и даже точно можете, потому что случай въ самомъ дѣлѣ преудивительный и пренеожиданный. Вотъ ужъ подлинно справедливо, что бѣдный охъ, а за бѣднаго Богъ. Вообразите кто бы могъ ожидать! Варенька, Варенька! Топчуговъ! послать сюда Топчугова.

— Да что такое? отъ кого? твердила Прасковья Ивановна.

— Да просто отъ нашего бывшаго Петрушки, теперь онъ впрочемъ подписывается уже Беневоленскимъ какимъ-то. Да, да, чудны дѣла твои, Господи! Кто бы могъ подумать, чтобъ такая ничтожная штука и такъ далеко *произошелъ*. Ну, ужъ истинно скажу, что послѣ такого милосердія Божія намъ грѣшнымъ отчаяваться никакъ не слѣдуетъ.

Варенька и Топчуговъ не заставили себя дожидаться.

— Варенька, помнишь ты Петрушку? спросила Марья Петровна.

— Какого Петрушку?

— Кажется одинъ Петрушка въ домѣ у насъ и былъ. Впрочемъ теперь Петрушкой его звать ужъ не годится: онъ теперь сдѣлался самъ себѣ большой. Топчуговъ, не знаешь ли ты какъ его по-батюшкѣ?

— Просвирнинаго племянника, что ли? А Богъ его знаетъ; догадки никогда не приходило про его отца справляться.

— Нечего стало быть дѣлать. Главное вотъ въ чемъ: какъ ты думаешь, кѣмъ теперь твой прежній питомецъ-то сталъ?

— А Господь его знаетъ, какъ изволите сказать, такъ стало быть и будетъ, отозвался Топчуговъ.

— Ну, такъ знай, что онъ сдѣлался теперь какъ есть человѣкомъ.

— Линія какая нибудь значитъ, вышла ему, по нашему, понимаемъ.

— Да, да, да, именно можно сказать линія: самъ собою существуетъ, степень какую-то получилъ въ Академіи, съ двухъ вельможъ удостоился портреты писать, за границу надѣется ѣхать, если только не хвастаетъ.

— Зачѣмъ кажется хвастать, не мало ему доставалось бывало, если чуть заврется, произнесъ Топчуговъ. Долженъ бы кажется объ этомъ помнить, если душа въ немъ осталась.

— Осталась, осталась душа, подтвердила Марья Петровна. Такъ и разсыпается въ благодарности за все, что мы для него сдѣлали, что право даже и читать какъ-то совѣстно, если вспомнишь, что кромѣ куска хлѣба какого нибудь, да угла, гдѣ преклонить голову, мы больше для него ни чѣмъ похвалиться не можемъ. Вотъ и выходитъ не правда, что будто только одна собака ласки не забываетъ.

— Не баловали, вотъ значитъ и вышелъ хорошій человѣкъ, ввернулъ замѣчаніе бывшій денщикъ.

— Да, точно, хорошимъ человѣкомъ оказывается: у меня съ Варенькою руки цѣлуетъ, тебѣ проситъ позволенія поклонъ передать, и все это такъ складно, такъ вѣжливо хоть бы дворянину.

Петруша увѣдомлялъ Долеву о своей жизни, занятіяхъ и надеждахъ, и упоминая о Прошиныхъ, говорилъ о пріемышѣ ихъ какъ о мальчикѣ своевольномъ и избалованномъ до крайности, въ которомъ Прошина не слышитъ, какъ говорится, души и не щадитъ ничего для его воспитанія.

— Вотъ, поди пожалуй, докончила Долева, такому крапивному семяни, а какое подумаешь выпало счастіе; да впрочемъ что завидовать, лучше посмотримъ, что за посылку прислалъ намъ Петръ... не во гнѣвъ ему—не знаю какъ по-батюшкѣ. Можетъ на послѣднія деньги, бѣдняжка сколотился. Ужъ какъ бы я его выругала, если бъ онъ былъ здѣсь, какъ передъ совѣстью говорю, выругала бы...

Долева поспѣшно разрѣзала холстъ, развернула свернутый свитокъ и вскричала всплеснувъ руками:

— Ахъ, что за прелесть! Скажите, каковъ кудесникъ-то вышелъ. Варенька, Прасковья Ивановна, и ты Топчуговъ, всмотритесь-ка хорошенько да угадайте, что это такое...

— Ахъ, скажите! вскричала въ свою очередь Прасковья Ивановна всматриваясь.

— Ужъ не говорите! подтвердила Марья Петровна.

— Вѣдь это нашъ домъ, кажется, пояснила весело прыгая Варенька.

— Гм! Какой же это нашъ домъ? протянулъ сквозь зубы, смотрѣвшій чрезъ плечо Долевой Топчуговъ.

— Такъ что-же по твоему? разумѣется нашъ домъ, прервала его Марья Петровна.

— Гм! Новенькой-то такой! А краска развѣ такая у насъ; а эти полотняныя навѣски надъ окнами, позабылъ какъ онѣ прозываются, тоже стало быть наши? Гдѣ же онѣ у насъ? А эти два дерева у воротъ, когда же выросли?

— Ну, это онъ можетъ быть только изъ вѣжливости, чтобъ лучше угодить, заступилась Долева.

— Это другое дѣло! согласился Топчуговъ.

— А это никакъ вы, а это я, а это ты, Топчуговъ, замѣтила Варенька, указывая на нарисованныя фигуры.

Топчуговъ снова недовѣрчиво прикрякнулъ.

— И во снѣ такимъ быть не приходилось, проворчалъ онъ. У меня отродясь такой щегольской писарской шинели не было, да еще и трубка въ зубахъ. Я поведеніе свое знаю и службы предъ господами не позабуду. Вретъ онъ все! А корова, что гуляетъ, тоже небось наша. За такую корову чай рублей триста ассигнаціями нужно заплатить. Когда у насъ эдакія коровы ходили; онъ что ли ее намъ подарилъ? Все это только одно кружево. Вотъ у нашего фельдвебеля была картина, такъ картина— Князь Багратіонъ, что подъ Бородинымъ *сподобился*, вѣчная ему память! Какъ бывало посмотришь на нее, такъ встрой и порываешься, и сердце такъ и задорится, глядя какъ наши солдатики молодецки принатуживаются...

— Вотъ у Пентюшиныхъ дочь тоже очень хорошо рисуетъ, прервала дальнѣйшія замѣчанія Топчугова Прасковья Ивановна, что за гвоздики, что за розаны создаетъ, такъ понюхать и хочется. Когда это мы съ тобою научимся также рисовать, Варенька?

— Будетъ и наша очередь, сухо остановила Прасковью Ивановну Долева и сильно призадумалась.

Не то чтобы зависть, а какое-то досадное чувство не давало ей покоя. Ей живо представлялись и Петруша, и пріемышъ Про-

шныхъ, ихъ настоящее превосходство предъ ея дочерью, и въ умѣ ея невольно пробѣгала пугливая мысль:

— Что, если Прошины вдругъ опять неожиданно пріѣдутъ въ Алмазово и какой нибудь, Богъ знаетъ кто заставитъ ее краснѣть за Вареньку.

Марьѣ Петровнѣ казалось, что ея материнскому честолюбію не перенести такого удара и она наконецъ рѣшилась:

— Варенька, сказала она однажды долго надумавшись и нагадавшись въ замасляныя карты всѣми извѣстными ей способами, такъ ты непремѣнно хочешь учиться?

Варенька отвѣчала утвердительно.

— И со мною не жаль будетъ тебѣ разстаться; ну, а если я умру безъ тебя, что ты тогда скажешь?

Вмѣсто отвѣта Варенька бросилась обнимать ее, чтобъ поцѣлуями согнать съ лица Марьи Петровны мелькнувшее выраженіе грусти, но Марья Петровна отвѣчала ей только тяжелымъ вздохомъ.

— Пусть будетъ по-твоему, если такъ торопишься со мною разстаться, произнесла она послѣ долгаго молчанія, хоть и могла бы ты кажется еще годика два, три со мною пробыть, покуда не наберешься полнаго разума и станешь смотрѣть ясно на всѣ вещи; но такъ ужъ и быть, какъ мнѣ ни тяжело будетъ, а свезу тебя въ пансіонъ. Не допущу, чтобъ кто нибудь могъ наступить тебѣ на ногу и сказать: на, смотри, вотъ мы каковы, а ты что! Завтра же отслужу молебенъ и отправлюсь тебя пристроивать. Не люблю я ничего откладывать въ долгій ящикъ!

На другой день Марья Петровна точно отслужила молебенъ, молилась усердно на колѣнахъ, осмотрѣла даже старую коляску, приказала ее смазать и не жалѣть лошадямъ овса, но въ городъ ѣхать и не подумала. На любопытство Вареньки, слѣдившей за этими приготовленіями, она только отвѣчала:

— Не спѣши, не спѣши, успѣемъ еще другъ о другѣ наплакаться; какъ въ чужѣ ни хорошо, а дома, повѣрь, всегда лучше; день куда ни шелъ; въ однѣ лишнія сутки ты съ неба звѣздъ хватать не научишься. Покушай-ка лучше вотъ этого варенья, да пойми, что какъ бы ты прилѣжно не училась, а тебя

ужъ навѣрное никогда въ пансіонѣ такой клубникой и не подумаютъ попотчивать.

И при этомъ Марья Петровна пресоблазнительно почмокивала губами и восклицала:

— Ахъ, какая прелесть!

Слава Богу, свѣтъ не сегоднишній день кончается. Не собралась нынче, соберусь завтра. Все въ рукахъ Божіихъ; утро вечера мудренѣе; завтра ужъ непремѣнно подымусь съ мѣста. Но и это *завтра* походило на минувшее «вчера», и Марья Петровна, удвоивъ свои ласки только твердила:

— Дай, дай мнѣ послѣдній только денечикъ налюбоваться тобою, Варенька, а потомъ пусть будетъ воля Божія. Я знаю, что мы съ тобою заткнемъ за поясъ этихъ Прошиныхъ, ты вѣдь у меня такая умница!

Наконецъ роковой день наступилъ. Старая коляска, нагруженная до верху подушками и разными припасами, тронулась изъ Вороньихъ гнѣздъ, сопровождаемая деревенскими мальчиками, для которыхъ выѣздъ барыни былъ невиданнымъ, самымъ любопытнымъ явленіемъ. Въ первый разъ послѣ смерти мужа, полное румяное лице Марьи Петровны было блѣдно и желто. Она не спала цѣлую ночь. Усѣвшись предъ уснувшею Варенькой, она предалась разнороднымъ мыслямъ и радостная горделивая улыбка часто смѣнялась крупными слезами.

Осенняя поздняя заря застала Долеву еще бодрствующею надъ спокойно спящею дѣвочкой. Начали звонить уже къ поздней обѣднѣ, а Марья Петровна и не думала будить ее. Послѣ напутственнаго молебна и обычнаго русскаго присѣста, въ продолженіе котораго всѣ хранили такое глубокое молчаніе, что можно было разслышать полетъ мухи, Марья Петровна поднялась съ мѣста съ такимъ усиленнымъ рыданіемъ, какъ будто отвозила дочь въ послѣднѣе земное жилище. Напрасно и Прасковья Ивановна, и отецъ Иванъ представляли ей безразсудство ея грусти, Долева отвѣчала только одно:

— И сама знаю, что я въ этомъ отношеніи круглая дура, да случай-то для меня такой новый; привычки къ такимъ обстоятельствамъ никогда не имѣла. Браните сколько угодно, а ужъ поплакать позвольте!

Долева возвратилась изъ города, какъ въ воду опущенная; хозяйственные хлопоты потеряли для нее всю свою прежнюю занимательность, и ея мнительный, вѣрующій примѣтамъ суевѣрный характеръ началъ давать обильную пищу ея воображенію, полному только одною Варенькой. Неожиданный порывъ вѣтра, хлопнувшій ставнею, трескъ сухой половицы, вой деревенскихъ собакъ, почуявшихъ близость волка, карканье вороны надъ крышею, тотчасъ же начинали тревожить ея любящее сердце. Во всемъ видѣла она зловѣщія предвѣщанія, роковой намекъ на что-нибудь недоброе—ее ожидающее, и принималась молиться, охать, дѣлать предположенія самыя несбыточныя и собираться въ городъ. Первое время Прасковья Ивановна, привыкшая болѣе по давности принятой добровольно роли, чѣмъ по врожденной чувствительности, превращаться въ настоящаго Хамелеона, и радуясь съ радостными, грустить съ скорбящими, заставала Долеву почти постоянно въ слезахъ, склоненную надъ бубновою дамой, воображаемой партіей Вареньки. Прасковья Ивановна дня два сама сочувствовала материнской скорби Марьи Петровны, и скрѣпя сердце осуждала себя на воздержаніе, увѣряя, что у нее, глядя на Долеву, также пропалъ апетитъ; но это насильственное качество скорби надоѣло ей, и она сказала Марьѣ Петровнѣ:

— Право, Марья Петровна, досадно даже смотрѣть на васъ! что это вы, съ позволенія сказать, хнычите такъ, какъ-будто вашу Вареньку на каторгу спровадили. Всякій другой на вашемъ мѣстѣ еще радовался бы, что дочь будетъ умница, а вы... нѣтъ, ужъ воля ваша, это ни на что не похоже!

— Хорошо вамъ такъ разсуждать, возразила Марья Петровна, въ теплѣ, въ холѣ, за варенцомъ, который вы такъ любите, а моя бѣдная Варенька, быть можетъ, въ эту же самую минутъ не ѣвши сидитъ; да еще бы хорошо, если только такъ, а то и хуже можетъ-быть и на колѣна поставили, за дрянь какую нибудь, за то, что не довернулась или перевернулась не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Такъ чтожъ? Стерпится—слюбится: за битаго двухъ не битыхъ даютъ. Это не моя фантазія, а мудрецы сказали. Слышите Марья Петровна, мудрецы!

— Хорошо было этимъ мудрецамъ такъ распѣвать, когда у

нихъ можетъ быть никогда дѣтей не было; что другимъ до чужой крови за дѣло, а я вѣдь мать. Вы меня всѣми мудрецами на свѣтѣ не урезоните; вотъ лучше бъ сдѣлали одолженіе погадали, что съ нею...

— Погадать? отчего же не погадать, соглашалась Прасковья Ивановна, принимаясь за замасляную колоду.

Марья Петровна жаднымъ взглядомъ слѣдила за каждою выпавшею картой, сопровождая ее разными возгласами, смотря по тому счастливому или непріятному значенію, которое соединялось съ нею по гадательной терминологіи:

— Скажите! кажется неожиданная радость... почему это можетъ быть? Похвалили, что ли ее?.. Ахъ, Боже мой, ударъ, да еще сильный..!

— Какой ударъ? Гдѣ вы его видите?

— А пиковый тузъ, что онъ по-вашему?

— Казенный домъ, вотъ что! постигли!

— Раздобаровайте, раздобаровайте... славно малолѣтную нашли. Какой можетъ быть казенный домъ, вѣдь я не въ подъячіе Вареньку записала, сами согласитесь...

— Такъ по вашему ударъ?

— Ударъ!

— И вы это вѣрно утверждаете.

— Хоть на кого угодно сошлюсь.

— И побожиться въ томъ можете?

— Какъ передъ совѣстью.

— Ну, такъ извольте гадать сами, если лучше меня знаете.

— Нѣтъ, ужъ докончите, пожалуйста.

— Нѣтъ, ужъ прошу извинить въ этомъ случаѣ; согласитесь Марья Петровна, дозволить себя почитать дурой, трудно благородной женщинѣ.

— Ну, виновата, виновата, упрашивала Долева, искренно радуясь въ душѣ, что Прасковья Ивановна такъ упорно и такъ положительно колебала ея карточное убѣжденіе.

— Тото-то виноваты, изъ вашей вины мнѣ не шубу шить. Лучше сидите, смотрите да помните, что ученаго учить, только дѣло портить...

И безземельная гостья снова принималась викидывать карты

за картами; Марья Петровна, не переставшая слѣдить за процессомъ гаданія, снова вдругъ схватывала руку Прасковья Ивановны съ новымъ возгласомъ:

— Ну, ужъ, на этотъ разъ, совершенно позвольте...

— Чего, чего вамъ позволить?

— А вотъ того: зачѣмъ эти слезы-то изволили вы подъ платокъ припрятать? да еще какъ ловко, хоть бы любому фокуснику!..

— Какія слезы, перекреститесь, Марья Петровна, откуда у васъ вдругъ явились слезы? Какія, какія?..

— Обыкновенно какія у насъ бываютъ—пиковая восьмерка! Стара штука! материнскаго ока самъ Соломонъ не отведетъ! Полно-те грѣшить, покайтесь! И Марья Петровна вынимала изъ-подъ длиннаго платка Прасковьи Ивановны роковую карту.

— Признаться, точно хотѣла сплутовать немножко, сознавалась Прасковья Ивановна, пойманная съ поличнымъ.

— Вотъ и выходитъ правда, замѣтила со вздохомъ Долева, что какъ человѣкъ не хитри, а судьбу ни какъ не перехитришь. Хотѣли успокоить меня на тузѣ, анъ глядь восьмерка васъ самихъ же и выдала.

— Анъ вотъ и невыдала, ей Богу не выдала! И сама-бы я выкинула такую ничтожность, еслибъ вы были по разсудительнѣе и не такъ мнительны.

— Такъ по вашему теперь и пиковая восьмерка выходитъ совершенная ничтожность? Ну, признаюсь, много же въ васъ послѣ этого правды, Прасковья Ивановна!.. восклицала Марья Петровна, укорительно покачивая головой и добавляя:

— Ахъ, ахъ, какъ не стыдно такъ въ глазахъ запираться!

Предъ всѣми этими упреками гостья бодро приподнимала голову и отвѣчала, что пиковой восьмеркѣ полной вѣры рѣшительно дать нельзя, равно какъ и всѣмъ остальнымъ мастямъ, и потому Долевой можно совершенно успокоиться и думать, что все касающееся отсутствующей обстоитъ благополучно.

— Почему-же это вы такъ полагаете? спрашивала Марья Петровна, снова радовавшаяся такому вторичному счастливому истолкованію сочетанія неблагопріятныхъ мастей.

— А потому, что вашимъ картамъ давно пора заболтаться,

поясняла Прасковья Ивановна. Сталь ужъ на что какой крѣпкій металлъ да и та настоящихъ искръ не даетъ отъ долгаго употребленія, а ваши карты, посмотрите какъ вспухли, словно у нихъ водяная.

— И то, можетъ быть правда, соглашалась Марья Петровна. Такъ вы полагаете слишкомъ худаго ничего ожидать нельзя?

— Головою готова отвѣчать, успокойтесь только; если-бъ и была какая маленькая непріятность, то согласитесь, кто безъ нихъ вѣкъ проживетъ.

— Искренно благодарю. А какъ вы полагаете, что можетъ теперь Варенька дѣлать?

— Да веселится! Что ей больше дѣлать.

— Какъ будто веселится? въ чужомъ-то домѣ? Что-то трудно вѣрится!

— Не вѣрьте, если полагаете, что вы умнѣе, произнесла Прасковья Ивановна, принимая видъ обиженной и сопровождая громкимъ вздохомъ восклицанія:

— О Господи, Господи! помоги моему невѣрію. Стыдились-бы такъ малодушничать, Марья Петровна, а еще считаете себя Христіанкой...

— Ну, вѣрю, вѣрю, доканчивала успокоенная на время и повеселѣвшая Марья Петровна, сопровождая слова также громкимъ вздохомъ. Неугодно ли полакомиться чѣмъ нибудь за отрадное слово. Ужъ такъ вы меня право, хоть можетъ быть и напрасно, успокоили, что готова вамъ все отдать.

И Марья Петровна точно переворачивала все свое хозяйство, приказывала принести всѣ находившіяся у нее въ запасѣ сласти и подчивала, что называется на убой, не переставая однакожъ твердить:

— Какъ ей, бѣдненькой, вѣроятно теперь икается! Какъ я думаю, она похудѣла, голубушка, отъ ихъ французскаго кушанья!

Хандра Марьи Петровны проходила только лѣтомъ, когда наступали ваканціонные дни, и она со всею прежнею живостью молодости неслась по полуторасто-верстному пространству, отдѣлявшему ее отъ Вареньки со всею скоростью, которая только могла быть доступна бѣгу ея дряхлыхъ лошадей.

Возвратившись съ дочерью въ Вороньи-гнѣзда, старуха Долева, какъ будто выростала на нѣсколько вершковъ, и горделиво посматривая на всѣхъ домашнихъ, спрашивала:

— А? какова?

Для того чтобъ сдѣлать подобный же вопросъ Прасковьѣ Ивановнѣ, она посылала нарочно ее отыскивать, дожидалась ее съ нетерпѣніемъ, выбѣгала къ ней навстрѣчу и восклицала, какъ будто Прасковья Ивановна была полна равными съ нею чувствами къ Варенькѣ:

— Радуйтесь, радуйтесь! Пойдемте, посмотрите какимъ соколомъ она стала.

Можетъ быть я и грѣшу немного, но только какъ хотите, а мнѣ кажется, что во всей нашей губерніи другой подобной Вареньки днемъ да еще съ огнемъ нужно поискать!

Въ порывахъ почти безумнаго восторга любви и счастія, Марья Петровна, не смотря на свои лѣта и солидность, обращалась въ какого-то ребенка, обращая Вареньку въ свою игрушку. Она повертывала ее, заставляла ходить, упрашивала сѣсть, и полная удивленія къ легкой поступи и граціознымъ движеніямъ дѣвочки, восклицала:

— Ангелъ мой! а ну-ка, удиви насъ съ Прасковьей Ивановной, поговори съ нами по-французски, а мы тебя послушаемъ.

— Да вѣдь вы обѣ не понимаете, маменька, возражала Варенька.

— Нужды нѣтъ, отвѣчала Марья Петровна, все таки намъ пріятно будетъ тебя послушать. И тебѣ также полезно — практики не позабудешь. Ну, хоть о погодѣ намъ что-нибудь, мы и тѣмъ будемъ довольны.

Варенька произнесла нѣсколько словъ, и старая Долева сжимая ее восклицала:

А, неправда-ли, вотъ настоящая француженка!

— Парижъ! чистѣйшій Парижъ, подтверждала клятвенно уродливая Прасковья Ивановна, и Марья Петровна принималась и ее душить въ своихъ объятіяхъ, въ знакъ благодарности, почти также пламенно какъ и Вареньку.

Съ каждымъ новымъ пріѣздомъ Вареньки въ Вороньи-гнѣзда, Долева находила въ ней новыя достоинства, новыя свѣдѣнія и

говорила отцу Ивану, приходившему служить благодарственный молебенъ.

— А что, батюшка, какъ вы полагаете, не пора ли окончить ея мученія?

— М—м! протягивалъ отецъ Иванъ, исторія, вотъ изволите видѣть, немного страдаетъ...

— Пускай ее страдаетъ! Согласитесь, вѣдь ей не гувернанткой быть, хорошо всего знать въ препорцію, а слишкомъ большая премудрость иногда вѣдь намъ и на пагубу можетъ быть.

— Вотъ еще–бы хоть на столько, возражалъ отецъ, Иванъ отдѣляя большимъ пальцемъ маленькую частицу указательнаго.

— Ну, на столько пожалуй, пускай поучится, а то и я чувствую, какъ будто чахну въ разлукѣ съ нею и она, посмотрите, все какъ больше и больше худѣетъ; ее совсѣмъ заморили, бѣдную, науками.

Варенька точно была худа и блѣдна, только не отъ наукъ. Сердце ея точилъ червь самолюбія. Пансіонская жизнь выказала ей совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ то, что было отъ нея отдалено или скрыто любовью и предупредительностью Марьи Петровны. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе слабѣла въ ней вѣра къ словамъ матери. Она поняла, что для той роли, которую предсказывали ей въ Вороньихъ-гнѣздахъ, недоставало у нея многаго. По своему недостаточному состоянію и по простотѣ пріемовъ и сужденію Марьи Петровны, пріѣзжавшей навѣщать ее въ самомъ пансіонѣ, Варенька была, какъ говорится, въ тѣни, и часто слово: мелкопомѣстная, брошенное ей въ минуту досады богатыми подругами, выжимали изъ ея глазъ слезы оскорбленной гордости. Напрасно прилежаніемъ старалась она придать себѣ какое–нибудь большое значеніе, усилія ея не бросали на нее ни какого особеннаго свѣта. Много разъ рѣшалась она открыть матери невниманіе къ ней содержательницы пансіона, оскорбленіе подругъ и просить защиты, но каждый разъ начатое признаніе замирало на ея губахъ. Варенькѣ было уже пятнадцать лѣтъ, природный умъ опередилъ ея годы, и она понимала, какую глубокую рану могла нанести ея исповѣдь Марьѣ Петровнѣ, для которой въ ней одной заключался весь міръ и сосредоточивалось все, что только можетъ терзать и радовать че-

ловѣческое сердце; честолюбіе, самолюбіе, гордость, надежды и счастіе, не полагавшее себѣ предѣловъ. Одной только Катенькѣ Петриковой, тихонько, гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ, чтобы ни кому не доставить злобнаго удовольствія видѣть ея слезы, повѣряла она всю горечь своего обиженнаго самолюбія. Катенька Петрикова, желая сколько нибудь утѣшить ее и успокоить, не находила иныхъ словъ.

— Что же дѣлать, Варенька, не ты одна такая несчастная; со мною обходятся еще обиднѣе, говорятъ что я нищая, да вѣдь я же терплю. Чуть только я сдѣлаю не такъ, мадамъ колетъ мнѣ глаза тѣмъ, что учитъ изъ благодѣянія, даромъ и грозитъ даже прогнать. Что же дѣлать! У тебя, по-крайней-мѣрѣ, мать есть, есть гдѣ жить, а у меня—ты знаешь, кромѣ дальнихъ родственниковъ и то бѣдныхъ, рѣшительно ни одного живаго существа. Если бъ я была свободна какъ ты, если бъ у меня была мать, которая также любила меня, я бы ни одной минуты не осталась,—пошла бы въ учительницы, въ горничныя. Проси, чтобъ тебя отсюда взяли, Варенька, ты слава Богу, довольно знаешь, чтобъ быть счастливой въ твоей деревнѣ.

— А ты? спрашивала Варенька Катеньку Петрикову.

— А я, отвѣчала Катенька, я, разумѣется останусь, не на дворѣ же мнѣ жить.

— Ну, такъ и я еще хоть немного останусь, шептала Варенька.

— Отчего?

— Оттого, что я люблю тебя, Катенька, одну только тебя, слышишь.

— А какъ выдешь, такъ и позабудешь, да и за что тебѣ любить меня?

— За все, Катенька, за то что ты добра, за то что ты помогаешь мнѣ во всѣхъ урокахъ, за то, что ты умнѣе меня и потому еще, ты не разсердишься, Катенька?.. за то, что ты въ самомъ дѣлѣ пренесчастная. Когда я выду отсюда, я упрошу маменьку взять тебя къ намъ; мы будемъ жить вмѣстѣ, не правда-ли?

— Никогда! возражала Катенька Петрикова.

— Это почему?

— Потому что я никому не хочу быть въ тягость, потому что я хочу быть всѣмъ обязанной только себѣ самой. Я наймусь къ кому нибудь въ учительницы.

— Ахъ, какая ты недобрая, Катенька; этимъ ты хочешь только гордиться предо мною своими годами. Ну, хорошо, а если я когда нибудь выйду замужъ и будутъ у меня дѣти, пойдешь ли ты ко мнѣ въ учительницы?

— Сперва пусть будутъ у тебя дѣти, а тамъ посмотримъ, прерывала Катенька.

Пансіонская привязанность Вареньки не ослабѣвала, и каждый разъ когда Марья Петровна пріѣзжала за нею лѣтомъ, чтобъ взять ее въ Вороньи-гнѣзда, Варенька говорила матери:

— Маменька, за то что я хорошо училась, сдѣлайте мнѣ одно удовольствіе.

— Хоть десять, мой ангелъ, ты знаешь, что для тебя у меня нѣтъ отказа ни въ чемъ, ни въ чемъ, отвѣчала Марья Петровна.

— Такъ выпросите у мадамы къ намъ въ деревню Катеньку Петрикову, она такая бѣдная, такая покинутая.

— Только-то! восклицала Долева, а я думала, что ты у меня ни вѣсть какіе милліоны потребуешь, что такъ принимаешься сильно упрашивать. Изволь, да я готова даже что нибудъ подаритъ ей, чтобъ тебѣ было повеселѣе.

И Марья Петровна тотчасъ же передавала желаніе дочери содержательницѣ пансіона, но разсчетливая Нѣмка постоянно возражала, что Катенька ей нужна, что на ней лежитъ обязанность присматривать за остающимися у ней на лѣтнее время дѣтьми, что она должна протверживать съ ними уроки, и Варенька уѣзжала чуть не плача. Свобода деревенской жизни, просторъ полей, неусыпная внимательность Марьи Петровны, вмѣсто того, чтобъ изгладитъ грустное впечатлѣніе разлуки, еще болѣе заставляли Вареньку думать о бѣдной сиротѣ. Она переносилась въ уѣздный городъ, въ душныя комнаты и въ воображеніи ея мелькало блѣдное, задумчивое лицо ея пансіонской подруги и раздавался голосъ мадамы, бранившей ее то за излишній шумъ, поднятый шаловливыми дѣвочками, то за мнимую невнимательность къ ихъ занятіямъ, на что всегда Катенька Петрикова отвѣт-

ствовала только однимъ покорнымъ молчаніемъ. Даже на самое несправедливое обвиненіе, на самое щекотливое школьное оскорбленіе необдуманнаго дѣтскаго возраста, не находилось на языкѣ Катеньки Петриковой ни возраженія, ни упрека, не смотря на то, что она была и старше всѣхъ, и свѣдущѣе, и миловиднѣе. Въ самыхъ сильныхъ порывахъ затаеннаго гнѣва, заставлявшаго еще болѣе блѣднѣть безцвѣтныя черты ея, она произносила только развѣ:

— Стыдно, грѣхъ! и отворачивалась съ презрѣніемъ, не памятуя уже черезъ минуту зла и не думая никогда мстить, хоть имѣла на это и право, и средства.

Разставаясь съ Катенькой, Варенька испытала въ первый разъ ощущенія истинной душевной скорби. Сильно закапали у нея слезы, когда ихъ широкая бричка выѣхала за заставу уѣзднаго города и верхушки обывательскихъ домовъ стали сливаться въ одну слитную массу.

— Не понимаю о чемъ ты нашла такъ плакать, какъ будто въ самомъ дѣлѣ какую-нибудь близкую родную похоронила, замѣтила Марья Петровна.

— Она такая жалкая, такая одинокая, возразила Варенька.

— Мало-ли есть жалкихъ и одинокихъ на свѣтѣ, такъ о всѣхъ и надрываться? Экая невидаль! покончила Долева, чувствуя какое-то странное ощущеніе досады при видѣ, что любовь дочери сосредоточивается не на одной ей, и въ тоже время къ этому чувству примѣшивалось какое-то другое, въ которомъ она не могла дать себѣ отчета и пояснить, что именно ее безпокоило. Говорятъ, что въ людяхъ, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ, существуетъ какое-то предчувствіе — ужъ не предчувствіе-ли чего нибудь неожиданнаго тревожило душу Марьи Петровны?

— Что она нашла хорошаго въ этой своей бѣлобрысой? Не понравилась она мнѣ что-то съ перваго разу, шептала Долева, а между тѣмъ, чтобы какъ нибудь развеселить Вареньку, твердила ей:

— Вспомни, что отъ тебя всегда зависитъ повидаться съ твоей подругой; ужъ какъ-нибудь, а мы выпросимъ на будущій годъ. Повѣрь, душечка, тебѣ только кажется, что ты ее любишь; это отвычка быть со мной...

И вотъ показалась вдали, изъ-за вершины густыхъ деревъ, зеленая глава ихъ деревенской церкви, зачернѣлись наконецъ избы Вороньихъ-гнѣздъ; выросъ ихъ маленькій господскій домикъ!..

— Смотри! смотри какая прелесть, прелесть-то какая; рожь-то какая густая, твердила Марья Петровна; но Варенька смотрѣла безчувственно на мѣста, въ которыхъ прошло ея дѣтство; въ молодой головкѣ ея рисовались иныя картины, душа требовала чего-то другаго, кромѣ живописной мѣстности, благоуханнаго воздуха, простора полей. Марья Петровна окружила ее всѣмъ, чѣмъ только могла: покоемъ, угожденіями, даже излишествомъ и сама радовалась какъ ребенокъ, если замѣчала на лицѣ Вареньки признакъ удовольствія. Она не могла истребить въ дочери только наклонности къ задумчивости и часто ворчала съ сердцемъ:

— Охъ, эти проклятыя книги! Въ наше время, когда ихъ меньше читали, меньше и грусти чувствовалось.

Добрая Марья Петровна не понимала, что не книги были причиной задумчивости Вареньки, а тотъ жизненный возрастъ, которому бываетъ иногда мало одного покоя и родственныхъ ласкъ для полноты его счастія.

— Хоть бы эти Прошины вздумали поскорѣе завернуть опять на лѣто въ свое Алмазово, часто думала Марья Петровна, то-тобъ было хорошо. Пошли-бы у нихъ разныя увеселенія, пріѣзды, танцы, и моя Варенька повеселилась бы, а то какъ нарочно, ни слуху, ни духу о проклятыхъ.

И полная этихъ мыслей, Марья Петровна нарочно послала однажды въ Алмазово пригласить къ себѣ управляющаго, подъ видомъ какого-то очень нужнаго дѣла, а между тѣмъ единственно только для того, чтобъ собрать нужныя свѣдѣнія, гдѣ Прошины, что о нихъ слышно и не предвидится ли надежды ихъ скораго появленія. На всѣ тонкіе распросы Долевой, управляющій отвѣчалъ:

— Богъ знаетъ, когда мы дождемся, видно господамъ за границей лучше, чѣмъ у себя въ помѣстьѣ.

— Какъ! вскричала Марья Петровна, такъ господа за границей, зачѣмъ это? Лукерья Павловна больна, что ли?

— Нѣтъ, слава Богу.

— Такъ зачѣмъ же?

— Да видно, матушка, денегъ некуда дѣвать. Вотъ ужъ съ годъ какъ поѣхали доучивать Ивана Ивановича.

— Какого Ивана Ивановича?

— А того-то-съ, что къ Лукерьѣ Павловнѣ въ сынки названные поступилъ.

— Какъ, неужели? Для этого для Ваньки, воскликнула изумленная Марья Петровна, ну, ужъ подлинно совсѣмъ кажется Лукерья Павловна рехнулась, не смотря на свой умъ. Тратить состояніе для кого подумаешь! Диво бы какой еще родственникъ, хоть дальній былъ, а то Богъ его знаетъ кто, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ.

И вдругъ желаніе Долевой видѣть Прошиныхъ совершенно охладѣло.

— Чего добраго, думала Марья Петровна, вздумаетъ еще пожалуй, эта дура Прошина, хвастаться своимъ баловнемъ, будетъ для него задавать пиры да банкеты, чтобъ показать всѣмъ, какое она выростила золото, а ты поди ему изъ угожденія кланяйся. Нѣтъ, слуга покорная, хоть у насъ и десятой доли противъ Прошиныхъ нѣтъ, а все-таки моя Варенька столбовая дворянка и ей съ какимъ нибудь неизвѣстнымъ ни танцовать, ни компаніи водить не слѣдуетъ...

При этомъ, смотря на миловидное лицо Вареньки, въ честолюбивой помѣщичьей головѣ ея мелькнула даже пугливая мысль:

— Вѣдь пожалуй, чего добраго, можетъ болванъ и влюбится: ему, полагаю, лѣтъ двадцать, если не больше должно быть, а Лукерья Павловна, пожалуй, съ дуру и сватать его готова будетъ. Тогда придется съ Прошиными на вѣкъ разсориться за такое оскорбленіе... Нѣтъ, лучше буду себя подальше держать, когда они пріѣдутъ.

И вдругъ при этомъ опять въ головѣ старой Долевой пробѣгала новая пугливая мысль. Но гдѣ же, кромѣ Прошиныхъ, можетъ кто увидѣть Вареньку и оцѣнить ея достоинства? Послѣ долгаго раздумья Марья Петровна рѣшилась ѣздить въ Алмазово, но не допускать Лукерьѣ Павловнѣ ни малѣйшаго намека о томъ, чтобъ она когда нибудь могла низойти на ея предложеніе,

если только придетъ ей въ голову сумасбродная мысль. Мы уже сказали, что Варенька была единственнымъ предметомъ всѣхъ помысловъ и всѣхъ предположеній Марьи Петровны, и потому нисколько не покажутся удивительными такія пугливыя опасенія, которыя могли далеко не состояться.

Прошелъ уже годъ, какъ Варенька снова поселилась въ Вороньихъ-гнѣздахъ и всѣ ея развлеченія ограничивались рѣдкими поѣздками къ кое-какимъ сосѣдямъ, людямъ хотя и гостепріимнымъ, но довольно скучнымъ для молодой дѣвушки, да постояннымъ обществомъ ихъ сельскаго священника и его жены, которую Марья Петровна подчивала всегда, какъ говорится до упаду, потому что она всякій день находила въ Варенькѣ новыя совершенства и твердила Долевой:

— Нѣтъ, моя золотая, съ Богомъ, съ Богомъ поѣзжайте въ столицу, въ Питеръ или въ Москву, благо она поближе, или по-крайней-мѣрѣ, въ губернскій городъ: подумайте, ужъ вашему золоту-то вѣдь семнадцатый годокъ. Пора вамъ, для полнаго вашего счастія и женишковъ ей высматривать, на одномъ мѣстѣ ничего не высидите.

— И сама часто объ этомъ думаю, подтверждала Марья Петровна, да вотъ видите ли, какъ нибудь съ проста сдѣлать не хочется, все моя родная деньги, чтобы, знаете, товаръ лицемъ показать, согласитесь сами, что за кого нибудь выдать не хочется...

— Разумѣется, при такомъ умѣ...

— Ну, положимъ, что до ума съ перваго разу не доберутся, но личико, личико-то прошу принять во вниманіе.

Попадья и отъ личика оказывалась въ восторгѣ, и въ головѣ Долевой опять зажигалось желаніе скораго пріѣзда Прошиныхъ, чтобъ удивить Александра Михайловича его крестницею. Охотница до пословицъ, добрая Марья Петровна позабыла при этомъ одну: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Желанный день этотъ наступилъ.

Безземельная помѣщица, гостившая у Долевой, предсказывала ей однажды неожиданное извѣстіе, когда доложили о приходѣ Топчугова. Онъ вошелъ какъ-то особенно ухмыляясь.

— Ну, что? спросила Марья Петровна, что скажешь?

— Да скажу то, что къ намъ гость пріѣхалъ, проситъ позволенія видѣть васъ.

— Какой гость? откуда ты его выкопалъ. Гдѣ-жъ онъ?

— Да покуда у отца Ивана.

— Становой, что-ли?

— Смѣлъ-бы я изъ становова тотчасъ васъ и безпокоить; становой и подождать-бы могъ; а то я, изволите видѣть, такъ обрадовался, что тотчасъ и побѣжалъ прямо съ докладомъ... Прежній Петруша-то нашъ, вотъ кто возвратился. Вчера только поздно вечеромъ съ Прошиными въ Алмазово пріѣхалъ и ужъ готчасъ-же, говоритъ, порывался къ намъ, такъ его душа тянула, да не посмѣлъ, полагалъ что поздно.

— Ахъ, Боже мой, зови-же его, зови поскорѣе, вскричала Марья Петровна, вотъ, въ-самомъ дѣлѣ, какая удивительная оказія! Ну, что онъ, какъ онъ, что-съ хорошенькаго говоритъ?

— Да ничего не говоритъ, говоритъ, что все слава Богу...

— Ну, и слава Богу, такъ проси же его поскорѣе, скажи молъ, что очень рада, очень рада.

Тутъ Марья Петровна начала звать Вареньку, писавшую письмо къ своей пансіонской подругѣ—занятіе, за которымъ проводила она цѣлые часы, передавая на бумагу перечень своихъ однообразныхъ впечатлѣній.

— Брось, брось твое писанье, восклицала она, да радуйся; теперь-то ты навеселишся. Прошины пріѣхали, слышишь? Да поди, накинь на себя что-нибудь получше, сейчасъ, поди, чужой человѣкъ войдетъ, то есть не то, чтобы чужой, а знаешь тотъ, Петруша-то, который живописцемъ сталъ; да все-таки нужно будетъ предъ нимъ по авантажнѣе показаться на первый разъ. Пойдутъ, разумѣется, распросы—какъ ты, что ты, понимаешь?

Дальнѣйшихъ наставленій Марья Петровна сдѣлать не могла, потому что въ передней послышались уже шаги Топчугова, замѣчавшаго:

— Сюда, сюда, у насъ теперь господа въ лѣтнее время уже здѣсь направо всегда до обѣда сидятъ...

—

II.

Жанъ и Петруша. Нѣсколько отрывковъ изъ переписки двухъ подругъ, объясняющихъ ходъ событій. Марья Петровна сильно задумывается и не знаетъ, какъ рѣшить представившійся ея обсужденію курьезный случай.

Какое впечатлѣніе произвелъ Петруша на Вареньку и что случилось съ нею въ первое время пріѣзда Прошиныхъ, можно видѣть изъ письма ея къ Катенькѣ, которое она добавляла нѣсколько разъ и которое сдѣлалось оттого такъ велико, что Марья Петровна, взвѣшивая его на рукѣ, не могла не замѣтить:

— Стоило-же тебѣ изъ какихъ-нибудь пустяковъ, такъ много писать, вѣдь отъ этого грудь сохнетъ и спина можетъ заболѣть.

«Я уже кончала письмо мое, милая Катенька, писала Варенька, чѣмъ обыкновенно кончаю, что у насъ все по-старому, тоже однообразіе, таже скука и таже постоянная мысль о тебѣ, когда маменька, чуть не прыгая отъ радости, объявила мнѣ о пріѣздѣ нашего сосѣда Прошина, моего крестнаго отца. Нужно тебѣ сказать, что онъ у насъ въ уѣздѣ первое лицо и съ его появленіемъ все принимаетъ другой видъ. Охотникъ до угощеній, до хорошей молвы о немъ, Прошинъ не щадитъ ничего на угощеніе и разныя празднества. Не мудрено, что я приняла это извѣстіе съ какою-то непонятною радостью, тѣмъ болѣе, что любопытство мое увеличивалось появленіемъ въ нашемъ домѣ еще одного, очень интереснаго для меня лица — Петруши, какъ всегда называла его маменька, или Петьки, какъ постоянно отзывался о немъ старый нашъ Топчуговъ, котораго ты вѣрно не позабыла—тотъ, что вѣчно ворчалъ въ передней нашего пансіона и не находилъ ничего хорошимъ изъ какой-то пристрастной любви ко мнѣ. Должно пояснить тебѣ, что этотъ Петруша—Петръ Миронычъ, какъ оказалось теперь, сирота, воспитанный подъ руководствомъ Топчугова и жившій въ нашемъ селѣ, теперь художникъ, возвратившійся изъ Италіи. Изъ Италіи, Катенька! пойми какое значеніе имѣло для меня это слово, когда передала мнѣ его маменька, маслившая мнѣ помадой волосы,

чтобъ я была, по замѣчанію ея, красивѣе. Италія! Помнишь-ли, какъ мы всегда желали быть въ Италіи, плача съ тобою надъ стихами Батюшкова «Смерть Тасса»? Человѣкъ, самъ создавшій себѣ будущность, самъ своимъ прилежаніемъ и способностями получившій возможность быть въ этой чудной странѣ, о которой всѣ грезятъ и печатно, и на словахъ, представлялся моему воображенію какимъ-то особеннымъ существомъ, предъ которымъ я, еще не видя его, робѣла и сознавала себя неловкой, невѣжественной и даже совершенной дурочкой. Посмотрѣвшись въ зеркало, я замѣтила, что я поблѣднѣла, и раза два пріостанавливалась, покуда рѣшилась отворить дверь въ гостиную. Если уже тебѣ во всемъ признаться откровенно, то я даже совѣстилась за наши бѣдно меблированныя комнаты, полагая, что такой человѣкъ, какъ Петръ Миронычъ, видѣвшій все изящное, раскритикуетъ ихъ въ умѣ и станетъ смотрѣть на насъ, какъ на жалкихъ провинціялокъ, которымъ ничего недоступно ни во вкусѣ, ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ.

— А вотъ и моя Варенька, произнесла маменька, когда я появилась и сдѣлала пренизкій реверансъ, знаешь, тотъ самый, которому насъ учила мадамъ Пети, для торжественныхъ случаевъ, если когда бы пріѣхалъ къ намъ губернаторъ, или предводитель дворянства, чтобъ осмотрѣть наше житье-бытье и методу преподаванія, случай, котораго мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось дождаться, быть можетъ, ты будешь счастливѣе, тогда напиши.

И такъ я сдѣлала реверансъ, не поднимая въ первую минуту глазъ и остановилась, чувствуя что вся кровь прилила мнѣ въ голову и что сердце бьется у меня точно въ горячкѣ. Не знаю, долго-ли бы я осталась въ такомъ положеніи, еслибъ не подошла ко мнѣ маменька, не взяла меня за руку и не шепнула, желая ободрить меня:

— Что ты такъ сконфузилась, а еще училась столько! Вспомни, что вѣдь не принцъ какой-нибудь передъ тобою, а тотъ-же, прости Господи, Петрушка, хоть онъ теперь, по милости Божіей и въ другой шкурѣ.

Не смѣйся, милая Катенька, надъ этимъ послѣднимъ словомъ, вѣдь ты знаешь, что моя мамаша женщина стараго вѣка и какъ-

то лѣнива пріискивать болѣе нѣжныя сравненія, сколько я ей деликатно не замѣчала. Но странное дѣйствіе! Это слово, вѣрь мнѣ или не вѣрь—какъ хочешь, какъ будто уничтожило половину моего очарованія и прогнало непонятную робость. Я взглянула. Предо мной стоялъ мужчина маленькій, худенькій, черноликій, курносенькій, съ длинными каштановыми волосами, спускавшимися въ безпорядкѣ къ воротнику сюртука. Онъ какъ-то судорожно перехватывалъ сѣрую широкополую шляпу и кланялся такъ неловко, такъ не развязно, что мнѣ будто стало совѣстно за него, почему онъ не истребляетъ во мнѣ того невыгоднаго мнѣнія, которое высказала о немъ за секунду предъ этимъ маменька.

— Ну, вотъ тебѣ, Петръ Миронычъ, такъ кажется, произнесла маменька.

— Такъ-съ, отвѣчалъ онъ, поклонившись также неловко и маменькѣ.

— Ну, вотъ тебѣ, продолжала маменька и моя Варенька, можешь поцѣловать у нея ручку. Дай Варенька твою ручку Петру Миронычу, онъ тебя еще маленькую зналъ.

Когда онъ цѣловалъ у меня руку, онъ весь вспыхнулъ и пробормоталъ что-то; маменька попросила его потомъ сѣсть; онъ усѣлся, не знаю уже какъ, на самомъ кончикѣ стула, поднимая глаза только тогда, когда обращались къ нему съ вопросами.

— Ну, какъ тебѣ нравится моя Варенька? спросила его маменька, какъ ты ее находишь?

— Много ансамблю, проговорилъ онъ.

— Что такое?

— Много мягкости и теплоты въ чертахъ, пояснилъ онъ.

— Такъ стало быть не дурна?

Вмѣсто отвѣта Петръ Миронычъ вспыхнулъ, снова молчалъ и только поводилъ глазами. Меня поразила такая дикость, и еслибъ не другіе вопросы, на которые онъ отвѣчалъ съ такою-же застѣнчивостью, но умно, хотя и кратко, я готова была почесть Петра Мироныча за идіота.

Каждую вещь онъ называлъ уменьшительно, къ каждому слову прибавлялъ слогъ *съ*. Прощаясь, онъ уронилъ свою шляпу, поднимая ее, уронилъ платокъ—неловкость и не развязность

такія, какихъ я не замѣчала даже въ нашихъ крестьянскихъ бабахъ. Онъ мало понравился, хотя въ характерѣ его замѣтно много благороднаго и въ особенности много благодарности. Его обыкновенное, ни чѣмъ не бросающееся въ глаза лицо сдѣлалось будто какъ-то красивѣе, когда онъ вспоминалъ о покойномъ моемъ отцѣ и о томъ одолженіи, которое оказалъ ему Прошинъ, взявъ его съ собою въ деревню, отъ нужды и недостатка, обѣщая покровительство и работу. Какъ жаль, что красота души не можетъ отпечатлѣваться на лицѣ. Какъ жаль, что Петръ Миронычъ не такъ красивъ. Кромѣ какого-то невольнаго уваженія, я ничего къ нему не почувствовала. Ахъ, ma chere, какая разница передъ нимъ Jean, какъ его называетъ мой крестный отецъ и жена его Лукерья Павловна Прошины: представь себѣ молодаго, высокаго, тонкаго, стройнаго, блѣднаго молодаго человѣка лѣтъ двадцати, одѣтаго съ самымъ изысканнымъ вкусомъ, бѣлокураго, съ голубыми глазами, которые смотрятъ на тебя съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, какъ будто готовы проникнуть въ душу и прочитать что ты думаешь—и ты будешь имѣть совершенный портретъ Mr. Jean, воспитанника Лукерьи Павловны Прошиной.

Такъ ужъ и быть, милая Катенька, я опишу тебѣ все, не скрывая ни малѣйшей подробности, хотя, быть можетъ, поступаю противъ долга и совѣсти, потому что моя милая, добрая мамаша, можетъ тебѣ показаться иногда довольно странной и слишкомъ требовательной. И такъ, слушай. Петръ Мыронычъ, между прочимъ, передалъ маменькѣ приглашеніе Прошиныхъ пріѣхать къ нимъ на другой день обѣдать и *непремѣнно* вмѣстѣ со мною. Спотыкаясь на каждомъ слогѣ, Петръ Миронычъ, кажется, вѣрный исполнитель всякаго даннаго ему порученія, добавилъ, что это было необходимое условіе и чтобы безъ этого мамаша не ѣхала.

— Что т–а–к–ое? Что такое? протянула мамаша, быстро привставъ съ дивана.

Я взглянула на нее и удивилась, замѣтивъ на постоянномъ добромъ лицѣ ея вспыхнувшій румянецъ досады и негодованія.

— Вотъ хорошо извѣстіе! вскричала она, что это, на показъ, что ли, разной своей швали (прости, прости Катенька, за выра–

женіе, я не умѣю измѣнить его, непонимаю настоящаго его значенія и потому скрѣпя сердце оставляю какъ слышала), Александръ Михайловичъ вздумалъ приглашать являться? Скажи ему, голубчикъ, что мы слава Богу и дома не голодаемъ, чтобъ нуждаться въ его обѣдахъ, да при этомъ напомни, что я такая же благородная дама, какъ и онъ (я не могла не улыбнуться при этомъ, что маменька сама, можетъ быть не понимая, сравнила Прошина съ дамой), такъ слѣдовательно, онъ долженъ самъ первый пріѣхать ко мнѣ. Экая важность, что они были за границей! Да я сама, если захочу, за границу поѣду. И тебѣ-то какъ не стыдно такія порученія принимать. Если бъ ты имѣлъ сколько нибудь совѣсти и желалъ вспомнить, чѣмъ ты намъ обязанъ, такъ догадался бы замѣтить, что моя дочь не актриса какая нибудь, чтобъ ее развозить да показывать для удовольствія каждаго, что онъ тебя на дорогѣ прихватилъ, да къ себѣ въ деревню привезъ, гдѣ можетъ быть, по своей гордости и прихоти еще потолки въ комнатахъ заставитъ расписывать, такъ и готовъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ о себѣ Прошинъ, потому что его дура Лукерья Павловна ни о чемъ не думаетъ, денегъ что ли у него много, такъ онъ и хочетъ всякимъ командовать; въ деньгахъ его намъ нужды ни какой нѣтъ.

Я хотѣла было говорить, но маменька не дала мнѣ произнести ни одного звука.

Молчи, Варенька, сказала она, не мѣшайся не въ свое дѣло, ты еще молода и глупа во многихъ отношеніяхъ, я знаю что говорю.

Никогда еще маменька, даже на-единѣ не говорила такъ грубо, и я не знала, что съ нею дѣлается и нѣтъ ли какой другой затаенной причины къ такому сильному негодованію, похожему на оскорбленіе, независимо отъ приглашенія насъ на обѣдъ, въ которомъ я не находила ничего кромѣ радушія. Маменька продолжала:

— Впрочемъ, если ты, Петръ Миронычъ, уменъ, такъ самъ поймешь, какъ объяснить Александру Михайлычу его неумѣстную честь. Ты человѣкъ маленькій и вѣроятно также при иномъ случаѣ подорожишь своей амбиціей. Являться къ Прошинымъ, какъ будто съ поздравленіемъ, что они выростили себѣ въ угоду

какого нибудь болвана, чтобъ дивиться и ахать передъ нимъ, я не намѣрена. Ну, да кончимъ, однимъ словомъ, скажи, что молъ Марьѣ Петровнѣ некогда, а когда будетъ время, такъ пріѣдетъ и то одна, потому что, туда, гдѣ есть молодой человѣкъ, ѣздить съ молодой дѣвушкой почитаетъ совершенно неприличнымъ.

Бѣдный Петръ Миронычъ совершенно растерялся и не смотря на приглашеніе маменьки остаться обѣдать, откланялся очень скоро, какъ я уже тебѣ писала. По уходѣ его маменька бросилась обнимать меня и просить прощенія въ томъ, что она оскорбила меня.

— Чѣмъ, чѣмъ, мамашенька? спросила я ее, видя, что она чуть не плачетъ и называетъ себя то дурой, то съумасшедшей.

— Въ досадѣ на Прошиныхъ, я назвала тебя дурочкой, отвѣчала она.

— Ничего, маменька, замѣтила я

— Ангелъ мой, вскричала она, но впрочемъ ты сама была немного виновата.

— Въ чемъ?

— Да въ одномъ, ужъ лучше не говори, я знаю.

— Да въ чемъ же?

— Ты хотѣла сказать да, я прочла это на твоемъ лицѣ— ты хотѣла сказать: да почему же вы такъ серьезно приняли слова Петруши, маменька, почему же не ѣхать намъ къ Прошинымъ? такъ ли, признайся, моя голубушка, не скрывай отъ матери, я знаю, что ты добра, какъ голубка.

— Да, отвѣчала я.

— Ну, вотъ видишь, я такъ и знала, а этихъ словъ мнѣ отъ тебя крѣпко не желалось слышать; я хочу, чтобъ тебя всѣ уважали, чтобъ всѣ сами старались тебя видѣть, чего ты по всему достойна, а не считать наравнѣ съ прочими, которымъ покажи только скрипки да гудки, да разную молодежь, которая и ноги твоей не стоитъ, такъ онѣ, кажется, хоть за тысячу верстъ готовы летѣть.

Добрая мамаша, не понимаю, почему видитъ во мнѣ какое-то совершенство; вѣдь неправда–ли, Катенька, что я и не такъ умна, и не такъ красива, и совершенно не знатна, чтобъ можно было мною любоваться и дивиться.

— Изъ послѣдующихъ словъ маменьки я могла угадать, что главная причина ея неудовольствія заключалась въ томъ, что она воображала, будто Прошина хочетъ унизить меня и ее, желая выставить предъ нами всю образованность своего воспитанника. Добрая маменька! кажется вся ея жизнь, честолюбіе и самолюбіе сомкнулись на одной мнѣ... Но продолжаю. Мы сидѣли вечеромъ на балконѣ, когда показалось вдали облако пыли.

— Хоть объ закладъ готова биться, проговорила маменька, что это какой нибудь новый гонецъ изъ Алмазова, чтобы вторично просить насъ на завтрашній день. Ужъ этотъ Александръ Михайлычъ такой съумасшедшій. Чуть что забредетъ ему въ голову, такъ вотъ такъ ему ужъ вынь да положъ. Вишь какихъ себѣ крѣпостныхъ нашелъ! Нечего дѣлать, а придется, кажется, съ нимъ разсориться, не смотря на родство. Провожу я этого посла такъ, что Александръ Михайлычъ узнаетъ, что не всякій по его дудкѣ плясать готовъ.

Пыль разсѣлась и мы могли разгадать четверку лошадей, быстро мчавшихся къ нашему дому.

— Вотъ какой почетъ, произнесла маменька, ужъ не думаетъ ли онъ насъ удивить коляской. Поди, пожалуй, какимъ почетомъ приманить хочетъ! Будетъ нужно, такъ я сама двѣ коляски куплю. Не бывать этому, чтобъ я унизилась. Кого это онъ шлетъ?

Тутъ маменька прикрыла глаза рукою и вскричала:

— Ахъ, Боже мой, да это самъ Александръ Мыхайлычъ. Да, да, вотъ верста какая сидитъ. Ужъ не передалъ ли этотъ дуракъ маляришка слово въ слово все, что я про нихъ говорила. Вотъ подлинно, ни за что, ни про что врага наживешь изъ-за лишней горячности... Да еще съ кѣмъ-то самъ другъ... Посмотри-ка, Варенька, у тебя глаза помоложе, съ кѣмъ бы это могло быть?

Коляска приближалась все ближе и ближе. Я всмотрѣлась.

— Съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, отвѣчала я.

— Съ молодымъ человѣкомъ? не можетъ быть!

— Да, посмотрите сами.

— Неужели съ своимъ остолопомъ, на что онъ его ко мнѣ тащитъ, въ передней развѣ шинель съ себя снять, такъ милости просимъ. Неужели онъ полагаетъ, что я приму? Кому онъ у

меня компанія. Ужъ не тебѣ ли онъ, своей крестницѣ, удовольствіе полагаетъ сдѣлать. Поди пожалуй, какая важная награда!

Лице маменьки опять нахмурилось. Я молчала и нетерпѣливо ожидала пріѣзда Прошина. Замѣтивъ насъ на балконѣ, Прошинъ замахалъ картузомъ, привставъ въ коляскѣ.

— Махай, махай, проворчала маменька, не задобришь: кто я и кто ты и кто прочіе, повѣрь, не позабуду.

Коляска подкатилась къ нашему крыльцу.

— Въ былое время такъ бы и бросилась встрѣчать, замѣтила маменька, а теперь покорно прошу подождать и тотчасъ же за этимъ обратившись ко мнѣ, добавила:

— Варенька, уйди къ себѣ въ комнату, я скажу что ты нездорова.

— Отчего же, маменька? спросила я.

— Да оттого, что тебѣ всякая дрянь не компанія. Будь Александръ Михайлычъ одинъ, другое дѣло, онъ твой крестный отецъ, а то какъ будто обрадовались — экая честь! Иди, иди, кстати ты и одѣта-то по-домашнему. Иди, послушайся, голубушка, если сочту приличнымъ, такъ попрошу тебя, а нѣтъ, такъ Александръ Михайлычъ самъ можетъ потрудиться войдти къ тебѣ, не чужой человѣкъ.

Едва я успѣла исполнить приказаніе маменьки, какъ Прошинъ отворилъ дверь въ гостиную и воскликнулъ:

— Марья Петровна, здравствуйте! крестницѣ жениха привезъ. Рекомендую нашего Жана, сынка Лукерьи Павловны, вы я думаю, его помните...

Я смотрѣла въ щель неплотно затворенной двери.

Маменька расцѣловалась съ Прошинымъ, сухо поклонилась Мг. Жану и просила Прошина сѣсть, не сдѣлавъ ни малѣйшаго о томъ намека ихъ воспитаннику; мнѣ стало какъ-то, право, досадно и совѣстно за нее.

А впрочемъ Мг. Жанъ сѣлъ самъ и безъ ея приглашенія, и началъ разсматривать въ лорнетъ висѣвшія на стѣнахъ гравюры. Маменька слегка кашлянула и повернулась къ нему спиной. Прошинъ спросилъ тотчасъ же обо мнѣ. Маменька отвѣчала, что я не такъ здорова.

— Въ постелѣ? освѣдомился Прошинъ.

— Нѣтъ, а такъ, голова что-то болитъ.

— Такъ дайте же мнѣ ею полюбоваться, продолжалъ Прошинъ.

— Милости прошу, пожалуйте, отвѣчала маменька.

— Пойдемъ, Жанъ, произнесъ Прошинъ, вставая съ креселъ, я представлю тебя моей крестницѣ.

— Что вы, что вы, Христосъ съ вами, Александръ Михайлычъ, пріостановила его маменька, въ комнату-то дѣвушки перваго встрѣчнаго!

— Быть можетъ онъ ей и женихъ будетъ, произнесъ, улыбаясь, Прошинъ.

— Полноте, полноте, вы еще не отвыкли отъ неумѣстныхъ шутокъ, возразила полусерьезно маменька.

— Отъ шутокъ всегда и серьезное дѣло начинается, продолжалъ съ легкимъ смѣхомъ Прошинъ; но маменька опять пріостановила его замѣчаніемъ, что она знаетъ сама, когда ей вступать въ серьезныя дѣла, а до-тѣхъ-поръ не желаетъ слушать даже и шутокъ обо мнѣ.

— Хорошо, будь по вашему, согласился Прошинъ, взявъ маменьку подъ руку. Я едва успѣла отбѣжать отъ двери и скрыться въ другую комнату. Взглянувъ мимоходомъ въ зеркало я увидѣла, что я нѣсколько поблѣднѣла и очень не авантажна.

— Милая крестница, гдѣ вы? кричалъ Прошинъ.

Не зная, что дѣлать, я бросилась за книгу, взяла ее, кажется, на изворотъ, заглавіемъ къ низу, и присѣла къ окну. Не прошло секунды какъ предо мной стоялъ высокій полный мужчина, и уже крѣпко обнималъ меня прежде, чѣмъ я успѣла встать. Онъ смотрѣлъ на меня, хвалилъ, припоминалъ какъ ласкалъ въ дѣтствѣ, говорилъ о папенькѣ такъ долго и съ такимъ участіемъ, что неудовольствіе мамаши на Прошина сглаживалось; она повеселѣла. Возвращаясь съ нами на балконъ, Прошинъ замѣтилъ мое маленькое фортепьяно.

— Какъ, спросилъ онъ, моя крестница въ добавокъ и музыкантша?

— Какъ же, образованіе, слава Богу, получила такое, что хоть бы всякому, отвѣчала маменька, сдѣлавъ замѣтное удареніе на послѣднихъ словахъ.

— Въ такомъ случаѣ у насъ будутъ два музыканта: Жанъ тоже отличный музыкантъ.

— Очень похвально, проговорила маменька, сухо взглянувъ изъ-подлобья на воспитанника Прошиной, который подошелъ ко мнѣ съ вѣжливымъ поклономъ.

Прошинъ познакомилъ насъ. Жанъ началъ говорить со мною. Не помню, что я отвѣчала ему на его первые вопросы, но увѣрена, что чрезъ нѣсколько минутъ я бы привыкла къ нему, такъ онъ мнѣ понравился съ перваго раза, еслибъ не оторвала меня маменька.

— Варенька, сказала она, поди, сядь сюда, къ намъ поближе.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, замѣтилъ Прошинъ, пусть ихъ разговариваютъ: у молодыхъ людей всегда найдется о чемъ поговорить между собою больше, чѣмъ съ нами, стариками.

— Общаго-то ничего между ними нѣтъ, возразила маменька, а васъ она не видала съ дѣтства, такъ ей гораздо приличнѣе если не разговаривать, такъ слушать, по-крайней-мѣрѣ, васъ.

Жанъ сѣлъ противъ меня и недолго безмолвствовалъ. Онъ просилъ меня сыграть что нибудь.

— Она, батюшка, нынче не можетъ, нездорова, отвѣчала за меня маменька.

— Что за нездоровье, вмѣшался Прошинъ, вставая и перебирая ноты. Вотъ кстати пьеса въ четыре руки, пусть попробуютъ сыграть вмѣстѣ. Жанъ разбираетъ все, посмотримъ искусство крестницы.

Я закраснѣлась и сконфузилась, но мамаша опять подоспѣла ко мнѣ на помощь.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила она, что за экзаменъ такой, еще будетъ время вамъ слышать ея игру, увѣряю васъ, что Варенька сыграетъ не хуже *всякаго* — тутъ маменька сдѣлала опять удареніе—а до тѣхъ поръ прошу васъ, Александръ Михайлычъ, не при-

нуждайте и не приказывайте, у васъ, слава Богу, есть кому приказывать.

Между тѣмъ Жанъ открылъ уже ноты и началъ разбирать ихъ. Звуки вылетали все громче и стройнѣе изъ-подъ его пальцовъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ хорошій музыкантъ и я бы не рѣшилась предъ нимъ подвергнуться музыкальному испытанію.

— Ну, что, каково? обратился къ мнѣ съ вопросомъ Александръ Михайлычъ.

— Прекрасно, прекрасно! воскликнула я, подходя ближе къ фортепьяно. Маменька пріостановила меня и шепнула:

— Къ чему такіе возгласы, какъ тебѣ не стыдно, не умѣешь себя прилично держать, что тутъ безподобнаго—и ты сыграешь не хуже. Подумаютъ, право, что ты ужъ ровно ничего лучше не слыхала и не видала.

Ничего не возражая, я только легонько вздохнула. Прошинъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ маменькѣ, она отвѣчала очень сухо:

— Да, но вѣдь и денегъ-то, я думаю, вы не мало переплатили. Нечего сказать, должны бы быть вамъ за все благодарны!

Вслѣдъ за тѣмъ Прошинъ и маменька начали говорить о домашнихъ дѣлахъ, и Жанъ снова обратился ко мнѣ. Мы было отошли въ сторону, но маменька приказала мнѣ снова сѣсть къ себѣ поближе и время отъ времени взглядывала на насъ и прислушивалась къ нашимъ словамъ. Разговоръ Жана былъ живъ, остроуменъ; онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, объ особенностяхъ, видѣнныхъ имъ за границей и какая разница была въ эти минуты между нимъ и Петромъ Миронычемъ, разсказывавшимъ намъ почти о томъ же самомъ. Тотъ не умѣлъ связять двухъ рѣчей съ ряду и поминутно заикался и заминался. Я спросила Mr. Жана о немъ, онъ отвѣчалъ мнѣ шуткой, намѣкая на его неловкость. Маменька тотчасъ вмѣшалась и довольно строго замѣтила, что она не позволитъ шутить въ своемъ присутствіи надъ человѣкомъ, выросшимъ въ нашемъ домѣ и слѣдовательно не совсѣмъ для нея чужимъ. Жанъ вспыхнулъ и на губахъ его пробѣжала легкая дрожь. Я чуть не заплакала при мысли, что онъ

можетъ подумать о такомъ нелюбезномъ обращеніи маменьки и вслѣдъ за этимъ вздрогнула, когда Жанъ сказалъ что-то Прошину по-англійски, на что Александръ Михайлычъ отвѣчалъ согласительнымъ кивкомъ.

— Что это такое, чего молодому человѣку нужно, спросила меня маменька.

Я отвѣчала, что не понимаю, потому что не знаю англійскаго языка. Маменька покраснѣла и сильно закусила нижнюю губу.

— Можетъ быть вамъ некогда, такъ я не держу васъ, обратилась она къ Александру Михайлычу. Избави Богъ, чтобъ я стала отнимать у васъ драгоцѣнное время. Мы люди не заграничные, я знаю, что вамъ съ нами скучно. Простите, что можетъ быть даже долго задержала своей болтовней.

Прошинъ отвѣчалъ, что ему точно нужно сдѣлать кое-какія распоряженія и всталъ. Мг. Жанъ подалъ мнѣ руку и пожалъ ее. Я взглянула на маменьку и увидѣла, что брови ея сильно нахмурились. Напрасно Прошинъ упрашивалъ маменьку пріѣхать къ нему, она отзывалась домашними хлопотами, моимъ нездоровьемъ и твердила:

— Будетъ еще время, успѣетъ еще васъ собою натѣшить.

— Не знаю, какая муха укусила васъ, Марья Петровна, докончилъ улыбаясь Прошинъ, а вы нынче совсѣмъ не любезны.

— Простите великодушно, возразила маменька, на мѣдные деньги училась, но только не знаю, почему вамъ кажусь я не любезною.

По отъѣздѣ Прошиныхъ маменька могла свободно высказаться.

— Вотъ, поди пожалуй, какого невѣжу выростили, начала она, къ рукѣ даже ни къ кому не подошелъ, за чужое фортепьяно безъ приглашенія, какъ будто за свое усѣлся; а ужъ это англійское карканье я ему никогда не прощу — вѣдь это онъ хотѣлъ, мерзавецъ, унизить тебя, Варенька, на, молъ-вотъ, дивись нашей учености.

Напрасно старалась я защищать воспитанника Лукерьи Павловны, маменька возражала:

— Не заступайся, не заступайся за него, безъ этого гадины, который умѣлъ такъ ловко вползти къ Прошинымъ, тебѣ бы навѣрное что нибудь послѣ нихъ досталось; вѣдь у нихъ родныхъ, ни близкихъ, ни дальнихъ никого нѣтъ; а теперь, какъ слухи носятся, Прошины все этому заморскому попугаю хотятъ записать. Признаюсь, Катенька, что этотъ день произвелъ на меня самое грустное впечатлѣніе. Чѣмъ виноватъ бѣдный Мг. Жанъ, что его такъ лелѣютъ, если онъ того достоинъ, и какъ могъ онъ не понравиться доброй мамашѣ, которая ни къ кому не чувствуетъ антипатіи. Я очень грустна и Богъ знаетъ о чемъ думаю. Пожалѣй обо мнѣ, вѣдь я одна и не могу никому передать пробѣгающихъ во мнѣ ощущеній. Пиши мнѣ, Катенька, почаще, чтобъ я могла отдохнуть хоть за твоими письмами.»

Дня черезъ два Петруша снова посѣтилъ Долевыхъ, и его разсказы о празднествѣ, данномъ Прошинымъ, вызвали у Марьи Петровны новую досаду. Узнавъ о числѣ гостей, о танцахъ, она невольно вздохнула, что лишила Вареньку удовольствія, сильно сожалѣла въ душѣ, что осталась вѣрна принятому ею намѣренію не показывать Прошинымъ готовности угождать всѣмъ имъ желаніямъ, а между тѣмъ все-таки сказала:

— Ну, пускай кто хочетъ, тотъ и позволяетъ ихъ олуху жать себѣ руки да повертывать. Никто ни кому не примѣръ, по-крайней-мѣрѣ моя Варенька не будетъ у нихъ куклой, покуда этотъ проклятый будетъ у нихъ въ домѣ, какъ какое-то солнце на небѣ.

Потомъ Марья Петровна пустилась въ распросы о житье Петруши, о его средствахъ, ахала, крестилась и поминутно повторяла:

— Слышишь, Варенька, вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ! и полная участія и состраданія къ Петру Миронычу, уговаривала его переселиться на житье къ нимъ.

— Ты въ тягость намъ не будешь, сказала она, въ чемъ нибудь въ хозяйствѣ поможешь, Вареньку учить станешь, портреты съ насъ спишешь, разумѣется, ужъ постараешься по старой памяти, а то что тебѣ дѣлать у Прошиныхъ? ты у нихъ почти что слуга вѣроятно, а вѣдь помни, что ты нисколько не хуже

ихъ баловня. Ты, по-крайней-мѣрѣ, вездѣ найдешься, а тотъ — выгони его нынче Прошины—завтра и пойдетъ по міру Христовымъ подаяніемъ жить. Вѣдь онъ ни къ чему не способенъ.

Бѣдная Марья Петровна, сама того не зная, подготовила для себя неожиданную развязку.

Нерасположеніе Марьи Петровны къ воспитаннику Лукерьи Павловны еще болѣе увеличилось пересказами нарочно пріѣхавшей въ Вороньи-гнѣзда Прасковьи Ивановны.

— А я къ вамъ отъ Прошиныхъ, начала она.

— Поздравляю васъ съ такою радостію, промолвила Долева, съ наружнымъ равнодушіемъ: веселились, разумѣется?

— Еще бы! Но главное не въ весельи, самое интересное то, что я попала въ Алмазово въ ту самую минуту, когда Александръ Михайлычъ возвратился отъ васъ. Поздравляю, всѣ безъ ума отъ Варвары Викторовны.

— Спасибо Александру Михайлычу за доброе слово.

— Не торопитесь однако его благодарить: Александръ Мыхайлычъ только поддакивалъ, а разсыпался все Иванъ Иванычъ.

— Въ похвалѣ какого нибудь вертопраха, хоть большаго, почему и нѣтъ, произнесла Марья Петровна, однако благодарна и ему. Я увѣрена, что и про меня какая нибудь рѣчь была?

— Мм! д-а-а! протянула загадочно Прасковья Ивановна.

— Что же такое?

— Да такъ, кое-что, впрочемъ лучше не спрашивайте, вы знаете мой характеръ — терпѣть не могу сплетень; могу сказать развѣ одно, что онъ къ вамъ былъ не такъ благосклоненъ.

— Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ — брюзгой вѣрно назвалъ? Что-жъ, пусть его тѣшится, какой нибудь ему подобный меня не унизитъ. Не понимаю только одного, какъ Александръ Михайлычъ, человѣкъ такой умный, всякому, Богъ знаетъ, кому позволяетъ такъ отзываться о людяхъ порядочныхъ; что же онъ сказалъ?

— Право, не спрашивайте, можетъ быть, сердиться слишкомъ будете; что я за сорока такая, всякій соръ изъ избы въ избу на хвостѣ переносить!

— Прошу васъ, уважьте меня, чтобъ ни было сказано, божусь вамъ, глазомъ даже не моргну.

— Не говорю вамъ за вѣрное, потому что они говорили почти все по-французски, только чуть Лукерья Павловна промямливала ваше имя, а Иванъ Иванычъ морщилъ все носъ и произносилъ что-то въ родѣ слова мужикъ....

— Большой долженъ быть негодяй, промолвила только Марья Петровна.

— Да-а-а! протянула опять Прасковья Ивановна и нагнувшись къ уху Долевой, начала что-то нашептывать.

— Слушая таинственный разсказъ, Долева только вскрикивала:

— Ахъ Боже мой! Чтожъ смотрятъ послѣ этого Прошины! Выйди на минутку Варенька, дай намъ поговорить.

— Да, да, продолжала Прасковья Ивановна, ни одной маломальски порядочной не пропуститъ, то какой нибудь комплиментъ скажетъ, то безетку по воздуху пошлетъ.

— Вотъ вамъ и заграничное воспитаніе! произнесла Долева, и тутъ она рѣшила съ большимъ сожалѣніемъ, какъ можно рѣже видѣться съ Прошиными.

— Чего добраго, добавила Марья Петровна, можетъ, пожалуй, какъ нибудь и голову молоденькой, неопытной дѣвушкѣ вскружить, благо смазливая рожица, и страху никакого нѣтъ. Береженаго и Богъ бережетъ!

Добрая Марья Петровна, при всемъ своемъ довѣріи къ пословицамъ, позабыла въ эту минуту одну, что суженаго конемъ не объѣдешь.

Появленіе въ глуши Вороньихъ-гнѣздъ, среди однообразной деревенской жизни, красиваго образованнаго молодаго человѣка, избалованнаго слѣпою любовію Прошиной и не полагавшаго никакихъ разницъ между собою и остальнымъ обществомъ, бойкаго, ласкательнаго, незастѣнчиваго, подѣйствовало сильно на воображеніе мечтательной деревенской дѣвушки.

Видимое нерасположеніе матери, почитаемое Варенькой несправедливыми нападками и непростительною завистью къ безза-

щитному сиротѣ, зависившему единственно отъ добраго или худаго произвола Прошиныхъ, еще болѣе увеличило безотчетное сочувствіе Вареньки. Какъ только являлся къ нимъ изъ Алмазова Петруша и отъ простоты своей художнической души передавалъ ей поклонъ воспитанника Лукерьи Павловны, Варенька вся вспыхивала, переминалась и потомъ, съ тѣмъ тактомъ, которымъ одарены женщины, будто нехотя выпытывала у Беневоленскаго разныя свѣдѣнія о Жанѣ, котораго она называла бѣдненькимъ и интереснымъ въ послѣдующихъ письмахъ къ своей пансіонской подругѣ. На лицо Беневоленскаго набѣгала какая-то тѣнь, и губы искривлялись болѣзненно, когда онъ замѣчалъ видимое участіе Вареньки, но онъ не высказывалъ ничего, и на просьбу Вареньки, не говорить ничего про ея распросы, еслибъ могла зайти какъ-нибудь рѣчь, Марьѣ Петровнѣ, отвѣчалъ съ совершенною покорностью:

— Слушаю-съ! Неужели вы полагаете, что я способенъ сдѣлать вамъ что нибудь непріятное.

Варенька благодарила его, но никогда недогадывалась вникнуть въ грустную, дрожащую интонацію словъ. Сердце безхитростной дѣвушки не постигало того самоотверженія всѣхъ личныхъ интересовъ, которое заключалось подъ такимъ покорнымъ и немногосложнымъ отвѣтомъ. Она встрѣчала Беневоленскаго радушно и безцеремонно, но никогда не догадывалась наградить его лишнимъ вниманіемъ за всю его предупредительность. Въ ея глазахъ, какъ и въ глазахъ самой доброй Марьи Петровны, онъ все продолжалъ еще оставаться прежнимъ Петрушкой, бездомнымъ сиротой и поповичемъ, который своимъ настоящимъ положеніемъ былъ единственно обязанъ горячему покровительству покойнаго Долева. Одинъ только Топчуговъ измѣнилъ къ нему свои отношенія, и не иначе называлъ какъ полнымъ именемъ, съ прибавленіемъ, время отъ времени, титула «Вашего Благородія». Отъ этого названія застѣнчивому Беневоленскому, особенно когда оно произносилось при Варенькѣ и Марьѣ Петровнѣ, становилось будто неловко, и онъ спѣшилъ заглушить это офицерское званіе какимъ нибудь импровизованнымъ разсказомъ, выходившимъ всегда безсвязнымъ и довольно пошлымъ. Варенька старалась скрыть улыбку, Марья Петровна слу-

шала, какъ она все обыкновенно слушала, съ настроеннымъ вниманіемъ и съ возгласами:

— Да, да! ахъ скажите! Такъ вотъ оно что! Такъ вотъ это какъ! Такъ это точно было... А Беневоленскій мѣшался еще болѣе, и тихій, едва долетающій до слуха голосъ его становился еще тише, безсвязнѣе и отрывчатѣе. Понимая изъ полупризнаній Беневоленскаго какую жалкую роль игралъ онъ въ Алмазовѣ, гдѣ, какъ казалось Марьѣ Петровнѣ, все двигалось только волею и прихотью Ивана Иваныча, Долева нѣсколько разъ говорила ему:

— Да скажи пожалуйста, что ты тамъ торчишь; непонимаю что тебѣ за охота быть какимъ-то батракомъ у Прошиныхъ и смотрѣть на все изъ-подъ руки этого ротозѣя. Кажется мы все таки должны быть тебѣ ближе; просто поблагодари, откланяйся да переѣзжай къ намъ. Ты человѣкъ, сколько видно, смирный, не позабудешься и лишняго невозмечтаешь. Переѣзжай, переѣзжай съ Богомъ.

Беневоленскій глядѣлъ на Марью Петровну и Вареньку изъ подлобья и переминался.

— Нельзя-съ, покуда, хоть и радъ бы, произнесъ онъ.

— Отъ чего это, въ кабалу что-ли себя продалъ?

— Рисую портретъ.

— Съ кого?

— Съ Ивана Иваныча.

— Стыдился бы говорить такъ подобострастно — нельзя-съ. Вотъ какого принца нашелъ! Я бы на твоемъ мѣстѣ сказала просто, некогда молъ, не могу — ну, да однимъ словомъ я желаю, чтобъ ты съ меня и съ Вареньки также портреты снялъ— понимаешь. Ну, такъ и скажи — а онъ не велика особа и подождать можетъ.

Марьѣ Петровнѣ ни сколько не нужно было имѣть своего живописнаго изображенія, и только хотѣлось въ чемъ нибудь показать превосходство своего вліянія надъ Прошиными, а еще болѣе сдѣлать что нибудь непріятное Жану. Долева ожидала сильныхъ возраженій отъ упрямаго и любящаго повиновеніе Александра Михайлыча, но къ ея удивленію все обошлось очень тихо и какъ-то совершенно неожиданно. Беневоленскій на другой же

день перебрался въ Вороньи-гнѣзда съ своимъ маленькимъ имуществомъ и помѣстился въ мезонинчикѣ, изъ котораго Марья Петровна, приказавъ убрать разный старый хозяйственный хламъ, преобразовала нѣчто похожее на аптеку, потому что ни за что не хотѣла снимать веревокъ съ разными сушившимися на нихъ травами, замѣчая и очень дѣльно, что Петрушѣ въ этомъ мезонинчикѣ не балы задавать.

* Авторъ, по болѣзни своей, на этомъ закончилъ повѣсть. Если ему удастся продолжать ее, то редакція разошлетъ продолженіе своимъ читателямъ особенною брошюрой.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

ПЕРЕДЪ КАМИНОМЪ.

Люблю сидѣть я вечеркомъ
Передъ пылающимъ каминомъ,
Когда гремитъ на небѣ громъ
Неугомоннымъ властелиномъ;

Когда въ окошко дождь стучитъ,
Тоску на душу навѣвая,
И въ немъ слезинками дрожитъ,
По стекламъ смоченнымъ сбѣгая.

А въ полѣ вѣтеръ, между тѣмъ,
Какъ звѣрь голодный завываетъ,
И словно сердится — зачѣмъ
Его погрѣться не пускаютъ.

И много, много разныхъ думъ,
Одна смѣняяся другою,
Тогда приходитъ мнѣ на умъ..
Сижу и мыслю я порою

Что въ это время кто нибудь,
Сквозь мракъ и дождь, въ ямской телѣгѣ,
Быть можетъ, ѣдетъ въ дальній путь,
Не смѣя мыслить о ночлегѣ...

Напрасно онъ воротникомъ
Лицо отъ вѣтра закрываетъ:
Шинель пробитая дождемъ,
Его давно не защищаетъ...

И вотъ опять передо мной
Необозримые Карпаты,
И нашъ бивакъ во тмѣ ночной,
И наши спящіе солдаты:

И снова сплю я подъ дождемъ,
Въ грязи, подъ мокрою шинелью,
И снится мнѣ нашъ старый домъ,
Съ каминомъ, съ теплою постелью...

Печально въ очи мнѣ глядитъ
Моя бивачная картина...
И пламень сердцу говоритъ:
Не лучше ль грѣться у камина!

Н. ГЕРБЕЛЬ.

ГЕРЦОГЪ РЕЙХШТАДТСКІЙ.

Темный вечеръ по долинѣ
Тѣни черныя развилъ,
И Шенбрунскія твердыни
Мракъ таинственный покрылъ.
Въ цѣломъ зданьи — кабинета
Освѣтилося окно,
Въ темной массѣ точкой свѣта
То окно блеститъ одно.
У окна, пріютъ мечтаній,
Столъ готическій стоитъ.
За столомъ въ тоскѣ, въ страданьи,
Блѣдный юноша сидитъ.
И улыбкою безстрастной
Грусть изъ сердца излилась,

И потухнулъ блескъ прекрасный
Искрометнымъ свѣтлыхъ глазъ.
Жизнь въ чертахъ его уснула,
Только грудь дрожитъ слегка,
Въ темныхъ кудряхъ потонула
Бѣлоснѣжная рука,
Позабыли шелкъ ихъ пальцы
Прихотливо развивать,
Но видна въ чертахъ страдальца
Вся величія печаль.
Это онъ, наслѣдникъ славы
Стопобѣднаго отца,
Онъ, лишившійся державы
Грозной волею Творца,
Онъ судьбой гонимъ съ пеленокъ ..
Чуденъ рокъ его! давно-ль
Былъ онъ царственный ребенокъ,
Рима вѣчнаго король?
Онъ въ отеческихъ мечтаньяхъ
Счастья міра былъ залогъ,
А теперь въ тоскѣ, въ страданьяхъ
И завялъ, и изнемогъ;
Онъ — наслѣдникъ съ колыбели
Многихъ скиптровъ и коронъ,
Онъ — рожденный къ славной цѣли,
Онъ — *второй Наполеонъ*,

У окна своей свѣтлицы
Онъ глядѣлъ на небеса.
Вдругъ блеснула на рѣсницѣ
Одинокая слеза,
И закрывъ лицо руками,
Горесть на сердцѣ тая,
Онъ сказалъ въ тоскѣ съ слезами:
«И *Его* лишился я!!
Умеръ *онъ*! вдали, въ изгнаньи...
Не убила вѣсть меня!
И въ печали, и въ страданьи...
Все я живъ...
Мой отецъ! тебя я мало

Въ этой грустной жизни зналъ!
Какъ душа моя страдала
Въ тѣ года, какъ ты страдалъ!
Я съ тобой твои мученья,
Твой позоръ съ тобой дѣлилъ
И къ врагамъ твоимъ презрѣнье
Въ этомъ сердцѣ затаилъ.
Мало мнѣ судьба на долю
Въ жизни радостей дала.
На тяжелую неволю
Насъ обоихъ обрекла.
О *тебѣ* воспоминанье
Въ цѣломъ мірѣ не умретъ,
Что жъ мнѣ небо въ воздаянье
За страданіе пошлетъ?
Ты великъ судьбой поставленъ—
Выше всѣхъ на свѣтѣ ты,
Я тобою лишь прославленъ
Въ этомъ мірѣ суеты,
Знаю я! въ груди найдется
Искра свѣтлаго огня.
Дай ей пищи—разовьется
Ярче свѣта, ярче дня;
Знаю я! въ душѣ таится
Мысль великаго отца, —
Ею я могу гордиться
Больше славы и вѣнца.
Сердце биться не устанетъ
Славнымъ чувствомъ, на пути
Слабыхъ силъ моихъ достанетъ
По слѣдамъ твоимъ идти; —
Но въ бездѣйствіи постыдномъ
Я живу день ото дня,
И съ сомнѣніемъ обиднымъ
Смотрятъ люди на меня,
И боятся мнѣ повѣрить
Мечъ вождя иль войска рядъ...
Крѣпость духа люди мѣрить
Тѣла слабостью хотятъ!..
Гдѣ друзей и одновѣрцевъ,

Гдѣ родныхъ, гдѣ ближнихъ кругъ?
Я Теперь Рейхштадтскій Герцогъ
Принцъ Австрійскій, Франца внукъ.

Мой отецъ! возьми въ могилу
Сына бѣднаго съ собой!
Мнѣ бороться не подъ силу
Съ этой страшною судьбой,
Не хочу съ мольбой безплодной
Обращаться къ злой судьбѣ —
И въ скалѣ твоей холодной
Я завидую тебѣ!!»

Онъ умолкъ, слезой блистали
Потускнѣвшіе глаза,
Щеки блѣдныя пылали —
Вѣдь по нимъ лилась слеза?
Грудь давилъ недугъ опасный
И надъ сыномъ, край свѣтилъ,
Край небесъ далекій, ясный
Бросивъ, духъ отца парилъ.
И уста его шептали:
«Другъ, въ могилу не спѣши!»
А друзья приготовляли
Ранній гробъ ему въ тиши.

В. ЗОТОВЪ.

ГРАФИНѢ А. М. Г.

Я помню домъ ея старинный
И темныхъ комнатъ длинный рядъ.
Бывало, въ марморной гостиной
Двѣ лампы по угламъ горятъ;
Стоятъ диваны; у окошка,
У стѣнъ холодныхъ и сырыхъ
Два кресла мягкихъ — и на нихъ,
Смѣняясь спятъ то мопсъ, то кошка.
Въ углу дымится камелекъ,
Остатокъ угля пожирая;
Предъ нимъ старушка, вся сѣдая,
Сидитъ и вяжетъ свой чулокъ.
А на полу, на ниткѣ длинной,
Ея валяется клубокъ,
И имъ — подарокъ имянинный —
Играетъ маленькій щенокъ.
На эту мирную картину
Я тоже тѣнь свою бросалъ,
Когда бывало, грѣя спину,
Ей книгу старую читалъ.
Иль полнъ притворнаго вниманья,
На столъ ея облокотясь,
Безсвязный слушалъ я разсказъ
Ея стариннаго гаданья.
Но мнѣ пріятно иногда
Бывало, какъ склонясь къ подушкѣ
Про умелькнувшіе года
Болтала кроткая старушка.
И иногда, увлечена,
Она разсказомъ оживлялась —
И мнѣ казалось — сѣдина
Ея тогда перераждалась...
И въ серебрѣ ея кудрей
Я видѣлъ пудры дуновенье,
И какъ въ неясномъ сновидѣньи
Я сердцемъ поклонялся ей...

И позабывъ ея морщины,
Я видѣлъ львицу давнихъ дней,
Въ чепцѣ временъ Екатерины!
Но мигъ исчезъ, надѣвъ очки,
Старушка вдругъ мнѣ предлагала
Играть по гривнѣ въ дурачки.
Мечта мгновенно пропадала —
И я пять картъ держа въ рукахъ,
Ужъ видѣлъ въ ней, — ея потомокъ —
Минувшихъ дней одинъ обломокъ
И оставался въ дуракахъ.
И думалъ, сердцемъ охладѣлый,
О сходствѣ нравственномъ большомъ
Между старухой посѣдѣлой
И мною — юнымъ старикомъ!..

КН. ГР. КУГУШЕВЪ.

ПОРТРЕТЪ МАТЕРИ.

O l'amour d'une mère! amour que nul n'oublie!
Pain merveilleux qu'un Dieu partaga et multiplie!

V. Hugo.

Когда встрѣчаю я коварство и измѣну
Въ толпѣ моихъ родныхъ, знакомыхъ и друзей
Съ молитвою любви гляжу тогда на стѣну,
Гдѣ возлѣ образа виситъ портретъ моей
Старушки матери. Нѣмое восхищенье
Еще горитъ въ ея померкнувшихъ очахъ,
Въ устахъ ея дрожатъ слова благословенья—
Письмо завѣтное въ трепещущихъ рукахъ...
Платочекъ черненькій — *подарочекъ сыночка,*
Повязанъ на ея склоненной головѣ,
На плечахъ кофточка, что сшила — *дочка,*
И ридикюль большой виситъ на рукавѣ....
Чулокъ не вяжется. На столъ рабочій
Онъ брошенъ ужъ давно.
Порой съ утра до ночи
Безмолвно я смотрю на ликъ ея святой —
Слезою счастія увлаженныя очи
Сномъ осѣняются —и вижу предъ собой:
И старый домъ, и садикъ, и березу,
Которую я самъ сажалъ и подстригалъ,
И озеро: на немъ забывъ угрозу
Я смѣло въ челнокѣ свой парусъ распускалъ!
А подъ березою сидитъ моя старушка
Съ очками на носу, стараясь разобрать
Что на корѣ писалъ *сынокъ ея – рѣзвушка*
«Вѣдь маленькій онъ былъ охотникъ сочинять!»

В. МЕЛЬНИЦКІЙ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Очи милыя, очи ясныя,
Блескомъ радостнымъ вы сіяете,
Въ сердце льете вы чувства страстныя,
Душу пылкую возмущаете!

Ахъ, зажглась моя кровь горячая —
Отъ очей твоихъ загорѣлася, —
Все тобой бы я любовалася,
Въ очи ясныя все бъ глядѣлася!

Если есть печаль на душѣ твоей,
Если горе есть или жалобы, —
Все забылъ-бы ты на груди моей,
Обняла бъ тебя, цѣловала бы!

Но въ душѣ моей есть сомнѣніе —
Я ль въ душѣ живу и въ мечтахъ твоихъ?
Мнѣ-ль любовь твоя, мнѣ ли счастіе,
Иль обманчивъ былъ блескъ очей твоихъ?

Ахъ, зачѣмъ тогда очи ясныя
Блескомъ пламеннымъ вы сіяете?
Ахъ, зачѣмъ тогда чувства пылкія
Сердце бѣдное возмущаете?

И. ЯЦЕВИЧЪ.

МОЛОДОСТЬ.

Нѣтъ драгоцѣннѣй въ мірѣ дара,
Какъ наша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья.
И этой чары драгоцѣнной,
Нашъ лучшій жизненный фіалъ,
За всѣ сокровища вселенной
Никто изъ насъ бы не отдалъ!

Пока мы молоды — безпечно
За наслажденьями спѣшимъ,
И, наслаждаясь безконечно,
Теперь лишь знаемъ цѣну имъ.
И мы сбираемся за чашей,
Усыплены, упоены...
И только молодости нашей
Не знаемъ истинной цѣны.

Пока мы молоды — мы любимъ —
Мы можемъ истинно любить,
И въ сердцѣ страсть свою голубимъ,
Хоть и разлюбимъ, можетъ быть;
И мы кидаемся навстрѣчу
Тому, что сердце шевелитъ:
Бѣжимъ за славой, мчимся въ сѣчу,
И жизнь въ насъ пышитъ и кипитъ.

Такъ будемъ жить и наслаждаться,
Пока мы молоды еще,
Пока намъ не съ кѣмъ разставаться,
Пока въ насъ сердце горячо!
И такъ — сберемся вновь за чашей,
И будемъ пользоваться вновь
Правами молодости нашей —
Любить и пѣть свою любовь!

Н. ГЕРБЕЛЬ.

II.

ЗАПИСКИ БАРНУМА.

—

XI.

ЖЕННИ ЛИНДЪ.

Мой агентъ въ Европѣ.—Контрактъ.—Сплетни.—Подписаніе контракта.—Неожиданная новость.—Согласіе.—Дурной портретъ.—Первыя приготовленія.—Свиданіе съ Женни-Линдъ.—Пріѣздъ ея.—Вода вмѣсто вина.—Новое предложеніе.—Доброе сердце Женни. — Первый концертъ. — Фанатическій пріемъ.—Маленькія неудовольствія.—Дирекція.—Газеты.—Сборы.—Хитрость. — Могущество воображенія.—Президентъ Фильморъ.—Гробница Вашингтона. — Путешествіе въ Гавану.—Путешествіе по Миссисипи.—Свадьба Женни.—Концертъ въ пользу бѣдныхъ.—Цѣна за билеты.—Общіе сборы.—Доходы Женни Линдъ.

Въ октябрѣ 1849 года мнѣ пришла въ голову мысль привезти Женни-Линдъ въ Америку. Я никогда не слыхалъ какъ она пѣла, потому-что она пріѣхала въ Англію послѣ моего отъѣзда, но ея репутація была уже такъ блистательна, что мнѣ было достаточно и этого. Если я что-нибудь задумаю, то неуспокоюсь до-тѣхъ-поръ, пока не приведу въ исполненіе моего плана, не заботясь даже о результатахъ. Только я замѣчалъ, что чѣмъ труднѣе планъ, тѣмъ онъ выгоднѣе. Надобно только съ умѣньемъ за него приняться. Мысль ангажировать *Шведскаго соловья* заняла меня такъ серіозно, что я нѣсколько мѣсяцевъ обдумывалъ ее и наконецъ рѣшился привести въ дѣйствіе. Въ успѣхѣ

нельзя было сомнѣваться, но надобно было найти случай, чтобъ ангажировать пѣвицу.

При томъ-же все зависѣло отъ пріема Американской публики, и если вдругъ ей не понравится примадонна, которую я привезу съ большими пожертвованіями, то спекуляція эта можетъ разорить меня. Ничего нѣтъ капризнѣе публики, которая иногда приходитъ въ восторгъ отъ глупостей, а не замѣчаетъ рѣдкихъ артистовъ. Разумѣется, что нельзя разсчитывать на вѣрный успѣхъ, но рискъ не удерживалъ меня никогда.

Больше всего хотѣлъ я при этомъ случаѣ подновить или возобновить свою собственную репутацію. Имя мое было извѣстно въ Америкѣ, но меня почитали большею частью шарлатаномъ, пуфистомъ, способнымъ сдѣлать сирену изъ обезьяны и рыбы, показать ученаго орангутанга, подъ кожей котораго скрытъ былъ человѣкъ; составить водопадъ изъ живой воды; но я хотѣлъ доказать моимъ соотечественникамъ, что умѣю управлять не только странствующею труппою фигляровъ, но могу быть директоромъ настоящихъ артистовъ. Вотъ почему я началъ хлопотать объ ангажементѣ молодой, прелестной женщины, почитавшейся музыкальнымъ чудомъ. Я готовъ былъ потерять пятьдесятъ тысячъ доллеровъ, чтобъ только Женни-Линдъ согласилась на мои предложенія, которыя, разумѣется, должны быть блистательныя.

Прежде всего надобно было найти агента, способнаго предпринять это дѣло. Я сошелся съ Англичаниномъ Джономъ Галь Вильтономъ, содержателемъ оркестра музыкантовъ, и сговорился съ нимъ, чтобъ онъ на мой счетъ съѣздилъ въ Англію и сдѣлалъ Женни-Линдъ самыя выгодныя предложенія отъ моего имени. Въ случаѣ если она согласится, то я поручилъ ему же привезти ее, за что обязался заплатить порядочную сумму.

6-го Ноября 1849 года Вильтонъ, получившій мои полномочія, кредитныя письма и рекомендаціи къ моимъ новымъ друзьямъ въ Англіи и во Франціи, отправился въ Европу. Вотъ въ чемъ состояли его инструкціи:

«Онъ долженъ былъ ангажировать Женни-Линдъ и нѣсколько другихъ артистовъ по ея выбору, чтобъ можно было составлять концерты разнообразнѣе. Примадоннѣ можетъ онъ предложить половинный сборъ со всѣхъ представленій (что было-бы для меня во всякомъ случаѣ не разорительно), но что для обез-

печенія я назначаю пѣвицѣ шестьдесятъ тысячъ доллеровъ за сто представленій. Если-же она не согласится на эти два условія, то я готовъ дать ей по тысячѣ доллеровъ за представленіе если она обяжется дать ихъ полтораста. Кромѣ того я берусь перевезти ее на свой счетъ и доставить ей квартиру, экипажъ, прислугу. Если артистка потребуетъ, то вся сумма жалованья будетъ передъ отъѣздомъ ея передана одному изъ Лондонскихъ банкировъ.

Вильтонъ пріѣхалъ въ Лондонъ и написалъ письмо пѣвицѣ, находившейся въ это время на твердой землѣ. Она отвѣчала тотчасъ-же, что если согласится ѣхать въ Америку, то антрепренеръ спектаклей долженъ ангажировать г. Жюльена, Бенедикта-композитора, пьяниста и баритона Беллети. Оба эти артиста были въ Лондонѣ, и потому Вильтонъ могъ скоро уговориться съ ними. Они сами назначили себѣ жалованье, которое мой повѣренный имѣлъ право имъ дать и потомъ поѣхалъ въ Любекъ для свиданія съ великою пѣвицею. Вильтонъ послалъ свою карточку съ письмомъ, прося позволенія явиться къ ней для переговоровъ, и Женни-Линдъ пригласила его на другой день къ себѣ.

При первомъ свиданіи артистка призналась, что она справлялась обо мнѣ у Лондонскихъ своихъ друзей, и что совершенно увѣрена въ моей честности и умѣньи составлять спектакли. Она сказала также, что четверо особъ приглашаютъ ее въ это-же время въ Америку, а именно Лондонскій директоръ оперы, директоръ Манчестерскаго театра, одинъ директоръ опернаго оркестра и спекуляторъ, недавно возившій въ Америку одну знаменитую танцорку. Мои соперники уже успѣли переговорить съ Женни, и послѣдній узнавъ, что я тоже дѣлаю предложенія артисткѣ, сказалъ ей, чтобъ она остерегалась меня, потому-что я просто шарлатанъ, директоръ фигляровъ на ярмаркахъ и способенъ показывать ее подъ стекломъ, какъ сирену, чтобъ только собрать больше денегъ.

Эти свѣдѣнія были ей, разумѣется, не очень пріятны, но къ счастію другъ мой Батесъ, товарищъ банкира Баринга, успокоилъ ее на мой счетъ, сказавъ, что я не простой импрессаріо, который бьется изъ лишняго су, но человѣкъ ловкій, честный и главное достаточный, такъ что со мною она не должна ничего бояться.

— Я понимаю, прибавила она, что завистники г. Барнума хотѣли оклеветать его, но увѣрена, что онъ не захочетъ обма-

нуть меня и потому соглашаюсь принять, черезъ ваше посредничество, его предложенія.

Вильтонъ еще нѣсколько разъ видѣлся съ Женни-Линдъ, и такъ какъ гг. Бенедиктъ и Белетти были уже ангажированы, то переговоры не могли долго продолжаться.

Вотъ конвенція, подписанная Женни-Линдъ и Вильтономъ 9-го января 1850 года въ Любекѣ, и потомъ гг. Бенедиктомъ и Беллети.

«Пѣвица Женни-Линдъ, родившаяся въ Стокгольмѣ (Швеціи), обязуется:

«1. Пѣть подъ руководствомъ Финеаса Барнума изъ Нью-Іорка, въ ста пятидесяти концертахъ или ораторіяхъ въ продолженіе года, во всѣхъ городахъ Американскихъ Штатовъ и въ Гаванѣ. Женни-Линдъ имѣетъ право сама назначать день и часъ концертовъ, смотря по расположенію и здоровью. Вообще въ недѣлю будетъ только по два концерта, и всякій разъ она будетъ пѣть не больше четырехъ пьесъ. Ни въ какомъ случаѣ ее не принуждаютъ пѣть оперы.

«2. Джонъ Галь Вильтонъ, агентъ Барнума, обязуется доставить пѣвицѣ горничную и лакея, заплатить всѣ дорожныя издержки Женни-Линдъ и ея подруги, и отыскать ей секретаря, который-бы служилъ въ тоже время управляющимъ дѣлами пѣвицы. При переѣздахъ въ Американскихъ Штатахъ и при поѣздкѣ въ Америкѣ обязаны также содержать Женни-Линдъ и ея прислугу.

Въ каждомъ городѣ должна-быть готова для нее квартира, экипажъ, столъ. За каждый концертъ должны ей платить сумму въ двѣсти фунтовъ стерлинговъ или тысячу доллеровъ.

«3. Агентъ Барнума, Джонъ-Галь Вильтонъ, обязуется, для обезпеченія ангажемента, положить въ домъ банкира Баринга сумму въ сто пятьдесятъ тысячъ доллеровъ.

«4. Если послѣ семидесяти пяти концертовъ, Финеасъ-Джонъ-Барнумъ будетъ доволенъ сборами и будетъ имѣть значительныя выгоды, то Вильтонъ обязуется именемъ его выдавать Женни-Линдъ, кромѣ назначенныхъ тысячи доллеровъ, пятую часть сбора за вычетомъ всѣхъ расходовъ, въ остальные семьдесятъ концертовъ. Если-же послѣ семидесяти пяти концертовъ Барнумъ будетъ въ убыткѣ, то можетъ уничтожить условіе съ Женни-Линдъ, если не желаетъ самъ продолжить его. Во всякомъ слу-

чаѣ жалованье гг. Жюльена, Бенедикта и Джіовани Белети не можетъ-быть убавлено. Прибавка-же зависитъ отъ г. Барнума.

«5. Вильтонъ обязывается, тоже именемъ Финеаса Барнума, заплатить г. Жюльену Бенедикту сумму въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобъ акомпанировать Женни-Линдъ и дирижировать оркестромъ во время концертовъ, которые будутъ наняты во всѣхъ городахъ Американскихъ Штатовъ и Гаванѣ. Эта сумма положена тоже у банкира Баринга, а Джонъ-Галь Вильтонъ обязуется дать Бенедикту полное содержаніе во время всѣхъ путешествій. Бенедиктъ обязуется участвовать безъ отговорокъ во всѣхъ концертахъ Женни-Линдъ.

«6. По желанію Женни-Линдъ, Вильтонъ ангажируетъ Джіовани Беллети, пѣвца-баритона, за двѣ тысячи пять сотъ фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ чтобъ онъ участвовалъ во всѣхъ концертахъ, даваемыхъ въ городахъ Американскихъ Штатовъ и въ Гаванѣ. Всѣ путевыя издержки будутъ на счетъ Барнума, точно также какъ и содержаніе.

«7. Кромѣ-того рѣшено, что Женни-Линдъ имѣетъ право пѣть въ пользу бѣдныхъ, когда ей угодно, только она обязана предупредить Барнума, съ которымъ будетъ уговариваться всегда о мѣстѣ и времени концертовъ.

«8. Если Женни-Линдъ, по случаю болѣзни и по другимъ обстоятельствамъ, будетъ не въ состояніи исполнить ангажементъ, то ей, точно также какъ Бенедикту и Беллети будетъ выдано вознагражденіе, соотвѣтственное заслугамъ, которыя они успѣли оказать.

«9. Всѣ расходы для концертовъ беретъ на себя Барнумъ, но благотворительные концерты Женни-Линдъ и чрезвычайныя представленія будутъ зависѣть отъ переговоровъ между пѣвицею и Барнумомъ.

«10. Женни-Линдъ обязуется не пѣть ни въ чью пользу во время ангажемента ея съ Барнумомъ, кромѣ благотворительной цѣли. Путешествіе ея будетъ всегда самое удобное. На желѣзныхъ дорогахъ ей должны брать первыя мѣста.

«Все это одобрено, подписано и скрѣплено

«Джономъ Галь-Вильтономъ, агентомъ Барнума,

«Женни-Линдъ.

«Юліусъ Бенедиктъ.

«Джіовани Белетти.»

«Въ присутствіи Г. Ашлинга, консула короля шведскаго и норвежскаго.»

Я былъ въ моемъ музеѣ въ Филадельфіи, когда Вильтонъ пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ въ 1850 году въ февралѣ. Онъ тотчасъ далъ мнѣ знать по телеграфу, что Женни Линдъ подписала контрактъ и хочетъ начать свои концерты въ Америкѣ въ сентябрѣ. Меня удивило это скорое рѣшеніе; но я не хотѣлъ, чтобъ публика знала о немъ и отвѣчалъ Вильтону по телеграфу же, чтобъ онъ никому не говорилъ объ этомъ и ждалъ меня въ Нью-Іоркѣ на другой день.

На другое утро я былъ уже на желѣзной дорогѣ и началъ разбирать журналы. Каково было мое удивленіе и досада, когда я прочиталъ въ одномъ журналѣ весь контрактъ, заключенный между Женни Линдъ и Вильтономъ. Однако такъ какъ дѣлать было нечего, то я хотѣлъ узнать какое впечатлѣніе сдѣлаетъ это извѣстіе на публику, и сказалъ моему сосѣду, человѣку извѣстному и почтенному:

— А вѣдь я ангажировалъ Женни Линдъ. Она скоро будетъ въ Америку.

— А кто она? танцорка? спросилъ мой сосѣдъ.

Этотъ вопросъ поразилъ меня непріятно, и я растолковалъ что Женни Линдъ первая пѣвица нашей эпохи.

— Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, если у насъ такъ мало знаютъ исторію артистовъ, то вмѣсто того, чтобъ скрывать пріѣздъ пѣвицы, надобно заранѣе объявлять о немъ, чтобъ публика знала по крайней мѣрѣ, кто она и чѣмъ занимается.

Вильтонъ разсказалъ мнѣ всѣ подробности своего путешествія и главное условіе, чтобъ сумма въ сто восемьдесятъ семь тысячъ пятьсотъ доллеровъ была переслана моимъ лондонскимъ банкиромъ. Я поспѣшилъ подтвердить условіе контракта и послалъ письма г-жѣ Линдъ, Бенедикту и Беллети.

Потомъ съ помощію всѣхъ журналовъ я началъ трубить о достоинствахъ великой артистки. Америка еще теперь помнитъ мои объявленія, и потому я не буду приводить ихъ, но для примѣра моего слога въ эту эпоху я выпишу отрывокъ изъ моего письма въ Нью-Іоркскія газеты. Оно было напечатано 22 февраля 1850 года:

«Можетъ быть, писалъ я, это предпріятіе не доставитъ мнѣ никакой выгоды, но если бъ даже я былъ и увѣренъ въ этомъ, то все-таки не отказался бы отъ него, чтобъ только доставить

случай моимъ соотечественникамъ слышать знаменитую пѣвицу, талантъ которой превосходитъ всѣ описанія, между тѣмъ какъ характеръ ея, доброта и поведеніе дѣлаютъ ее женщиною достойною всякаго уваженія.

«Миссъ Линдъ получила предложенія гораздо выгоднѣе моего, хотя геніяльность ея неоцѣнима, но она давно желала посѣтить Америку и посмотрѣть наши великолѣпные города. Великая артистка на разсчитываетъ на большіе сборы. Ея благородное сердце не ищетъ богатства, напротивъ, она обѣщаетъ употребить свой несравненный талантъ для пользы бѣдныхъ. Я знаю, что она дастъ нѣсколько благотворительныхъ концертовъ. Это ея обыкновеніе. Въ Англіи она дала бѣднымъ вдвое больше, чѣмъ я ей назначилъ, и кромѣ того она дала въ пользу ихъ нѣсколько концертовъ.»

Скоро Женни Линдъ сдѣлалась предметомъ всѣхъ разговоровъ. Я хотѣлъ достать портретъ ея,, и случай представился самъ собою. Однажды пришелъ ко мнѣ въ музей незнакомецъ съ большимъ свертокомъ. Онъ сказалъ мнѣ исковерканнымъ англійскимъ языкомъ, что онъ Шведъ, живописецъ и имѣлъ въ Европѣ случай видѣть Женни Линдъ, которая была такъ добра, что позволила срисовать съ себя портретъ. При этомъ незнакомецъ развернулъ бумагу и показалъ мнѣ небольшое изображеніе шведскаго соловья въ золотой рамкѣ. Я былъ такъ радъ этому случаю, что не торговался съ артистомъ, запросившимъ пятьдесятъ доллеровъ. Послѣ этого я побѣжалъ къ одному изъ моихъ друзей, извѣстному артисту и показалъ ему мою покупку, но тотъ посмѣялся надъ моею поспѣшностью и аристическимъ вкусомъ, сказавъ, что эта жалкая литографія, выкрашенная и покрытая лакомъ, но совсѣмъ не живопись, и что работа не стоитъ и доллера. Недоставало только, чтобъ это была не Женни Линдъ.

Однако надобно было подумать и о деньгахъ, которыя я обязался внести лондонскому банкиру. Разумѣется, что у меня не могло быть такой огромной суммы, а мнѣ не хотѣлось продавать или закладывать имѣніе.

Я пошелъ къ президенту банка, съ которымъ былъ давно знакомъ, и просилъ его или дать мнѣ въ долгъ, или поручиться за меня. Видя, что онъ не расположенъ мнѣ помочь, я предложилъ ему вступить въ долю на концерты Женни Линдъ, предоставляя

ему самому распоряжаться сборами и брать изъ нихъ часть или половину въ уплату.

Банкиръ засмѣялся услышавъ это предложеніе.

— Г. Барнумъ, сказалъ онъ, знаете ли вы, что не только я, но и всѣ друзья ваши увѣрены, что вы разоритесь съ вашею пѣвицею. Мнѣ не придется считать ваши доходы, потому что никто не пойдетъ въ ваши концерты. Какъ же вы хотите, чтобъ я безъ всякаго обезпеченія далъ вамъ такую большую сумму?

Этотъ отвѣтъ разсердилъ меня и я отвѣчалъ, что не смотря на мнѣніе моихъ друзей, я не уступлю моего контракта съ Женни Линдъ за сто тысячъ доллеровъ.

Потомъ я обратился къ другимъ капиталистамъ, но все напрасно: *Шведскій соловей* не имѣлъ еще курса на нашей биржѣ.

Наконецъ банкиръ Джонъ Аспинваль былъ такъ великодушенъ и довѣрчивъ, что согласился дать мнѣ кредитное письмо на имя Баринга. Капиталъ былъ весь собранъ, и мнѣ оставалось только ждать артистку.

Со времени подписанія контракта со мною, Женни-Линдъ получила много другихъ выгодныхъ предложеній, но отказалась отъ нихъ. Она даже нигдѣ не пѣла до отъѣзда и только по моей просьбѣ дала два концерта въ Ливерпулѣ. Я надѣялся, что отчетъ объ этихъ концертахъ перелетитъ чрезъ океанъ и увеличитъ восторгъ пріема.

Я нашелъ случай чрезъ посредника поговорить съ Лондонскимъ музыкальнымъ критикомъ, который для меня потрудился отчетомъ, напечаталъ нѣсколько особенныхъ экземпляровъ и прислалъ мнѣ ихъ съ первымъ пароходомъ, отправлявшимся въ Америку. Разумѣется, эта статья была на другой-же день повторена во всѣхъ газетахъ Нью-Іорка и произвела большой эфектъ въ публикѣ.

21-го августа 1850 года Женни-Линдъ была на большомъ пароходѣ Атлантикъ съ гг. Белетти и Бенедиктомъ. Этотъ пароходъ былъ приготовленъ мною, и на немъ, по моему приказанію, было великолѣпное фортепіано. Вильтонъ, мой агентъ, провожалъ пѣвицу. Кромѣ нихъ свита Женни-Линдъ состояла изъ миссъ Аманзенъ, двоюродной сестры артистки, г. Горсберга, ея секретаря, тоже родственника, двухъ горничныхъ и одного лакея.

Я расчелъ, что пароходъ долженъ пріѣхать въ воскресенье, 1-го сентября, и потому поѣхалъ въ субботу вечеромъ на островъ

Стаменъ, чтобъ поскорѣе увидѣться съ ангажированными артистами.

Я провелъ ночь у знакомаго доктора Сиднея Доаня, и рано утромъ, только что завидѣли *Атлантикъ*, поплылъ къ нему на маленькой лодкѣ, и чрезъ минуту могъ пожать руку Женни Линдъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій и рекомендацій, она спросила меня, когда и гдѣ я слышалъ какъ она пѣла.

— Я никогда не имѣлъ удовольствія слышать вашего голоса, отвѣчалъ я.

— Какъ же вы рискуете такою огромною суммою денегъ, незная есть ли у меня талантъ?

— Ваша репутація обезпечиваетъ меня довольно, и я полагаюсь на нее больше, чѣмъ на мои музыкальныя познанія.

Я долженъ признаться, что если огромная музыкальная слава Женни Линдъ увлекла меня, то ея характеръ, благородство и поведеніе были почти главными причинами, почему я обратился къ ней, а не къ другой знаменитости. Я зналъ, что ея достоинства возбудятъ симпатію американцевъ, увлекающихся больше благородными поступками, чѣмъ талантами, вотъ отчего я въ моихъ объясненіяхъ восхвалялъ качества ея души, доброту и великодушіе, упоминая о музыкѣ какъ бы мимоходомъ. Наши дилетанты цѣнятъ въ артистахъ частную жизнь и аплодируютъ добрымъ поступкамъ больше чѣмъ геніяльности.

Извѣстіе о прибытіи Женни Линдъ распространилось съ быстротою молніи, и тысячи любопытныхъ бросились къ берегу. Гавань и набережная покрылись черною толпою, и приближеніе Атлантика было встрѣчено громкими криками восторга. Въ эту минуту все вниманіе было устремлено на одинъ предметъ и никто не замѣтилъ какъ одинъ человѣкъ упалъ въ бассейнъ и тонулъ, прося напрасно помощи. Къ счастію Женни Линдъ замѣтила его, послала вытащить, и любопытный отдѣлался только холодною ванною.

На набережной былъ выстроенъ павильонъ изъ зелени, съ двумя тріумфальными арками. На одной было написано: *Привѣтствуемъ Женни Линдъ*, на другой, подъ орломъ Соединенныхъ Штатовъ, сіяли слова: *Милости просимъ въ Америку*!

Эта цвѣтущая декорація явилась какъ бы волшебствомъ при выходѣ Женни Линдъ на берегъ, и я не буду отговариваться,

если меня назовутъ колдуномъ, соорудившимъ на воздухѣ эти арки и павильоны.

Моя коляска стояла въ гавани. Женни Линдъ сѣла въ нее, провожаемая капитаномъ Вестомъ. Остальная артистическая компанія размѣстилась въ другомъ экипажѣ, и я сѣлъ возлѣ кучера коляски и направилъ лошадей къ отелю Ирвинга. Это было сдѣлано съ умысломъ, потому что меня зналъ весь Нью-Іоркъ, и увидя меня на козлахъ, всѣ могли догадаться, кого я везу.

Журналы описали подробно блистательный пріемъ, сдѣланный шведской знаменитости, и потому я не буду повторять того, что всѣмъ извѣстно.

Когда мы подъѣзжали къ отелю Ирвинга, вся улица была наполнена народомъ, такъ что мы едва добрались до подъѣзда. Толпа простояла тутъ до десяти часовъ вечера, какъ будто боясь, чтобъ артистка опять не уѣхала въ Европу. Миссъ Линдъ пригласила меня остаться съ нею обѣдать и предложила, въ концѣ обѣда, тостъ за успѣхъ нашего предпріятія. Она ожидала, что я налью вина и выпью его, какъ это всегда дѣлается, но я сказалъ ей:

— Миссъ Линдъ, я такъ увѣренъ въ вашемъ и стало быть въ моемъ успѣхѣ, что сомнѣніе считаю за обиду. И такъ какъ я членъ общества воздержанія и отказался отъ вина, то позвольте мнѣ, за ваше здоровье, выпить стаканъ воды.

Эти слова удивили артистку, которая вѣрно думала, что общество воздержанія не обязано воздерживаться.

Въ полночь артисты филармоническаго общества въ Нью-Іоркѣ дали серенаду подъ окнами артистки. Ихъ было до двухъ сотъ человѣкъ въ сопровожденіи трехъ сотъ человѣкъ пожарной команды, которые несли зажженные факелы. Больше двадцати тысячъ народу собралось на улицѣ съ криками: Ура, Женни Линдъ! Я вывелъ ее на балконъ, крики усилились до того, что заглушили серенаду.

Я не могу привести всѣхъ случаевъ, придуманныхъ для удовольствія артистки, посѣтившей Америку. Энтузіасмъ былъ огромный, хотя никто еще не слыхалъ ея голоса. Первые государственные люди наполняли ея залы; ряды экипажей окружали отель, молодые люди не переставали окружать прелестную женщину, хотя я и старался отдалить ихъ, зная скромность молодой артистки; модистки, швеи, всѣ возможные магазинщики предлагали свои услуги и образчики своихъ произведеній, и были очень

счастливы, если получали автографъ, благодарность или улыбку пѣвицы.

Тотчасъ же ей посвящено было нѣсколько полекъ, кадрилей, романсовъ. Поэты начали воспѣвать ее; въ магазинахъ явились перчатки à la Женни, конфекты, матеріи, шали, прически, манишки, мебель,—все продавалось съ ея именемъ.

Толпа почитателей слѣдила за малѣйшими движеніями артистки. Экипажъ ея былъ всегда окруженъ франтами, ожидавшими, что Шведскій соловей броситъ на нихъ хоть одинъ взглядъ.

Словомъ, если припомнить весь энтузіазмъ, возбужденный пріѣздомъ пѣвицы, если прочитать всѣ восторженныя статьи про нее, то теперь все это покажется сказкою, сномъ, такъ оно неестественно, преувеличено, невозможно. Это было безуміе, а не восторгъ.

До пріѣзда пѣвицы я назначилъ двѣсти доллеровъ за кантату подъ названіемъ: *Привѣтствіе Америки*, которая должна быть исполнена въ первый концертъ. Я получилъ изъ всѣхъ городовъ Американскихъ Штатовъ больше тысячи стихотвореній, такъ, что надобно было назначить для разбора этой поэзіи комиссію, которая съ большимъ трудомъ отыскала бы одну приличную кантату.

Первый концертъ Женни Линдъ былъ назначенъ 11-го сентября въ Кастль-Гарденской залѣ. Большая часть билетовъ была продана съ аукціона. Хозяинъ залы бралъ по шиллингу съ тѣхъ, которые приходили за билетами, чтобъ избѣжать давки, и все таки явилось больше трехъ тысячъ человѣкъ. Тысяча билетовъ, проданныхъ въ первый день, принесли мнѣ десять тысячъ сорокъ одинъ доллеръ.

Видя этотъ результатъ, я явился къ Женни Линдъ и сказалъ, что желаю перемѣнить нѣкоторыя условія нашей конвенціи.

— Что вы хотите сдѣлать? спросила она съ удивленіемъ.

— Я вижу по началу, сказалъ я, что наше предпріятіе будетъ выгоднѣе, чѣмъ мы предполагали, и потому предлагаю увеличить ваше жалованье, а именно выдавать вамъ половину каждаго сбора, что будетъ выше пяти тысячъ доллеровъ, не считая, разумѣется, первой тысячи, назначенной вамъ.

Женни Линдъ, не понявъ вдругъ моихъ словъ, продолжала смотрѣть на меня съ удивленіемъ, но когда я ей растолковалъ въ

чемъ дѣло, она схватила мою руку и пожавши ее дружески, сказала:

— Вы честный и благородный человѣкъ, Барнумъ, я васъ уважаю и буду пѣть сколько хотите и гдѣ хотите, въ Европѣ или въ Америкѣ.

Когда мы составили новый контрактъ, Женни Линдъ выговорила себѣ право прервать ангажементъ послѣ сотаго концерта, а не послѣ ста-пятидесяти, какъ мы уговорились сначала, только въ такомъ случаѣ она обязывалась заплатить мнѣ 25,000 доллеровъ.

Я не хочу увѣрять, что поступилъ въ этомъ случаѣ по внушенію одного великодушія. Совсѣмъ нѣтъ, я хотѣлъ этимъ привязать къ себѣ пѣвицу и обезпечить себя ея благодарностью; я зналъ, что многіе завистники наговариваютъ ей на меня и стараются разорвать наши сношенія и условія.

10-го Сентября объявилъ я артисткѣ, что за первый концертъ ея, часть со сбора будетъ простираться до десяти тысячъ доллеровъ. Она тотчасъ-же распорядилась, чтобъ десять процентовъ были посланы въ благотворительное заведеніе.

Я не жалѣлъ ничего для устройства концерта. Чтобъ избѣжать давки, я раздѣлилъ балконы и партеръ Кастль-Гарденской залы на четыре отдѣленія, освѣтивъ каждое лампою особеннаго цвѣта, который былъ на билетѣ. Сто распорядителей съ палочками, украшенными бѣлыми лентами, смотрѣли, чтобъ всѣ были на мѣстахъ и чтобъ не путали нумера. Я печатно извѣстилъ публику о всѣхъ распоряженіяхъ. Двери открыты были въ пять часовъ, хотя концертъ начинался въ восемь. Результатомъ этого было то, что собралось болѣе пяти тысячъ человѣкъ и не было ни толкотни, ни шума, ни неудовольствій и споровъ. Подобный порядокъ былъ при всѣхъ моихъ концертахъ.

Первое явленіе Женни Линдъ на сценѣ было встрѣчено съ такимъ энтузіазмомъ, какому еще не было примѣра на свѣтѣ. Когда она подошла къ рампѣ въ сопровожденіи г. Бенедикта, вся публика встала съ своихъ мѣстъ, три раза прокричала ей привѣтствіе, махая шляпами и платками. Никогда еще пѣвица не пѣла передъ такою многочисленною публикою. Она была тронута этимъ пріемомъ и казалась взволнованною, но при первыхъ звукахъ оркестра волненіе артистки исчезло, и она пропѣла Casta-Diva такъ отчетливо и превосходно, что о такомъ совершенствѣ мы не имѣли даже понятія. За то при окончаніи каватины раз

дался такой громъ аплодисментовъ, что казалось зала разрушается.

Энтузіазмъ возрасталъ съ каждымъ нумеромъ, и надобно себѣ вообразить съ какими криками начали по окончаніи вызывать артистку. Подобнаго увлеченія я никогда не видывалъ, и надобно признаться, что миссъ Линдъ вполнѣ заслужила его, потому что не жалѣя своихъ средствъ, выказала все богатство своего чуднаго голоса и способностей. Когда она вышла три раза, вдругъ со всѣхъ сторонъ заревѣли: Барнумъ, Барнумъ! и я долженъ былъ выдти и раскланяться съ публикою.

Въ этотъ вечеръ г. Жюль Бенедиктъ доказалъ, что не даромъ заслужилъ въ Европѣ репутацію композитора и хорошаго дирижера оркестра; синьоръ Беллети тоже понравился публикѣ.

Признаюсь, что этотъ тріумфъ, превышавшій всѣ мои надежды, испугалъ меня. Восторгъ дошелъ до такой высокой точки, что могъ только уменьшаться или, пожалуй, упасть. Къ счастію опасенія мои были напрасны. Музыкальный геній молодой артистки дѣлалъ чудеса, звуки ея чуднаго голоса приводили въ восторгъ самыхъ хладнокровныхъ — словомъ мое предпріятіе было не только обезпечено, но могло обогатить меня. На другой день послѣ концерта мнѣ предлагали двѣсти тысячъ доллеровъ, чтобъ я уступилъ свой контрактъ, но я отказалъ, зная что могу получить больше.

Однако не скажу, чтобъ мнѣ было очень легко исполнять мою роль антрепренера. Сколько хлопотъ, непріятностей, придирокъ, капризовъ долженъ былъ я переносить. Не смотря на мои великодушныя предложенія, Женни Линдъ послѣ блистательнаго успѣха, наслушалась обо мнѣ такихъ искусныхъ клеветниковъ, что повѣрила почти сказкамъ, распускаемымъ про меня и стала обращаться со мною холодно. Бенедикту и Белетти дѣлали блистательныя предложенія, чтобъ только они меня оставили и перешли къ другимъ, но эти благородные артисты остались вѣрны своему слову, и скоро сама Женни Линдъ, понявъ неосновательность обвиненій, извинилась передо мною, что смѣла меня подозрѣвать, и съ тѣхъ-поръ была всегда ко мнѣ довѣрчива и не слушала завистниковъ.

Чтобъ поддержать успѣхъ дебютовъ, надобно было показать величайшую дѣятельность, и я почти незналъ покоя, занимаясь статьями, объявленіями, афишами, программами объ устройствѣ концертовъ. Я напечаталъ біографіи шведскаго соловья; портреты

ея во-всевозможныхъ видахъ были разсыпаны по городу; всѣ журналы были наполнены анекдотами о прекрасныхъ поступкахъ пѣвицы.

Сборъ съ перваго концерта былъ не такъ великъ, какъ я воображалъ, потому что число билетовъ было умѣренное, но все-таки онъ простирался до восьмнадцати тысячъ шестидесяти четырехъ доллеровъ (89,320 фр.), что было очень достаточно, если-бъ такъ продолжалось.

Я не буду описывать всѣ концерты, въ которыхъ участвовала Женни Линдъ, но дальше представлю общій отчетъ, гдѣ мы были и сколько собрали. Приведу только нѣкоторые случаи о самой пѣвицѣ.

Щедрость и доброта артистки были всѣмъ извѣстны, и потому къ ней со всѣхъ сторонъ сыпались просьбы несчастныхъ. Въ большихъ городахъ бѣдные просто осаждали ея квартиру. Секретарь Женни Линдъ разбиралъ всѣ эти письма и отвѣчалъ на нѣкоторыя, посылая требуемую помощь отъ имени артистки. Я знаю, что она раздавала отъ двадцати до тысячи доллеровъ и однажды послала пять тысячъ доллеровъ одному бѣдному соотечественнику. Я говорю только о тѣхъ ея благодѣяніяхъ, которымъ былъ самъ свидѣтелемъ, но сколько она помогала тайно отъ всѣхъ, это извѣстно одному Богу. Такую неисчерпаемую доброту трудно встрѣтить!

Однажды миссъ Линдъ давала концертъ въ Бостонѣ. Въ кассу пришла молодая дѣвушка, скромно одѣтая, и отдавая три доллера за билетъ, прибавила:

— Я цѣлую недѣлю работала, отказывая себѣ во-всемъ, чтобъ хоть разъ послушать чудную пѣвицу.

Секретарь, бывшій тутъ, передалъ эти слова артисткѣ.

— Можете-ли вы узнать эту молодую дѣвушку? спросила она.

— Могу.

— Такъ отдайте ей эти двадцать пять доллеровъ и поблагодарите ее отъ меня.

Въ первую ночь послѣ пріѣзда Женни Линдъ, въ Бостонѣ данъ былъ великолѣпный праздникъ съ фейерверкомъ и маршемъ съ факелами.

Возвращаясь въ Нью-Іоркъ, мы остановились всѣ въ моемъ домѣ въ Бриджпортѣ, который очень понравился Женни Линдъ. Она пригласила меня показать ей мой садъ и сказала:

— Здѣсь такъ хорошо, что я на вашемъ мѣстѣ отказалась-бы отъ путешествій, чтобъ жить въ этомъ цвѣтущемъ уединеніи.

— Однако, еслибъ я не бродилъ по свѣту, отвѣчалъ я, то не могъ-бы имѣть этого дома. Вѣрно не нашелся-бы человѣкъ, который подарилъ-бы мнѣ его даромъ.

— А знаете-ли что, продолжала миссъ Женни, въ журналахъ пишутъ, что вы женитесь на мнѣ. Кто это распускаетъ такіе нелѣпые слухи?

— Тѣ, которые знаютъ, что я женатъ.

Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ ее.

Женни Линдъ была недовольна шумными встрѣчами во-всѣхъ городахъ, и удивлялась, какъ могутъ знать о ея пріѣздѣ, когда она сама рѣшала, куда ѣхать почти только въ ту минуту когда садилась въ экипажъ. Я не отвѣчалъ на ея вопросы, но такъ какъ шумные пріемы были мнѣ полезны, то всегда въ минуту отъѣзда я посылалъ телеграфическую депешу къ моимъ корреспондентамъ, которые разносили вѣсть по городу и приготовляли блистательныя встрѣчи.

Въ Филадельфіи огромная толпа любопытныхъ ждала парохода, на которомъ пріѣхала Женни, и мы съ трудомъ могли добраться до отеля, гдѣ артистка заперлась въ своей комнатѣ, потому-что у ней разболѣлась голова отъ криковъ. Между тѣмъ толпа окружала домъ и требовала, чтобъ пѣвица вышла на балконъ. Я не хотѣлъ безпокоить ее, но зная, что шумъ увеличится и толпа не разойдется прежде чѣмъ добьется чего хочетъ, я взялъ шляпку и шаль Женни, попросилъ миссъ Аманзенъ надѣть все-это и вывелъ ее на балконъ. Она граціозно поклонилась публикѣ, встрѣтившей ее восторженными криками, и тишина возстановилась передъ домомъ. Зная отвращеніе Женни Линдъ отъ обмановъ даже самыхъ невинныхъ, мы не разсказывали ей анекдота о ея шляпкѣ и шали.

Женни Линдъ была набожна и ходила въ церковь такъ часто, какъ только могла, не возбуждая любопытства публики. Разумѣется, она посѣщала всѣ шведскія церкви, гдѣ она была и вездѣ оставляла щедрые дары.

Въ Бостонѣ встрѣтила она свою соотечественницу, молодую дѣвушку, служившую въ семействѣ Роксбюри. Женни позвала ее къ себѣ, долго говорила объ отечествѣ на родномъ языкѣ, вечеромъ взяла ее въ концертъ, и сама отвезла ее въ домъ Роксбюри, гдѣ оставила для нее значительный подарокъ.

Когда я собрался изъ Нью-Іорка въ Гавану, то взялъ съ собою дочь мою Каролину и ея подругу Лиманъ, которые хотѣли провожать артистовъ.

Мы остановились одно воскресенье въ Балтиморѣ, и Каролина съ подругою поспѣшили пойти въ церковь. Молодыя дѣвушки стали на хорахъ, чтобъ пѣть, я, разумѣется, провожалъ ихъ. Только по дорогѣ слышавъ со всѣхъ сторонъ шептанье, я понялъ, что жители приняли Каролину за Женни Линдъ. Храмъ наполнился въ этотъ день по обыкновенію, только богомольцы были разсѣянны и разговаривали, тихонько упоминая имя пѣвицы. Когда-же дочь моя встала и начала пѣть гимнъ, то послышался ропотъ одобренія и восклицанія: удивительно! превосходно! Какой голосъ! какая метода!

Къ счастію Каролина не замѣтила этого особеннаго вниманія, которое могло ее смутить и смѣло пропѣла гимнъ.

На возвратномъ пути насъ провожала толпа любопытныхъ, старавшихся поближе взглянуть на шведскаго соловья. Дочь моя только тутъ поняла за-кого ее принимаютъ, но не почла нужнымъ разувѣрять. Передъ концертомъ сотни людей хвастали, что они не только видѣли, но даже и слышали несравненную пѣвицу, удостоившую пѣть во-время службы. Замѣчательнѣе-же всего то, что Каролина не имѣла большихъ способностей въ музыкѣ и пѣла просто и слабо.

Въ Нью-Іоркѣ у насъ былъ оркестръ въ шестьдесятъ человѣкъ, но такъ какъ невозможно было тащить ихъ всѣхъ съ собою, то мы выбрали двѣнадцать лучшихъ музыкантовъ, зная что въ большихъ городахъ можемъ увеличить оркестръ. Въ Новомъ Орлеанѣ мы нашли шестнадцать Орфеевъ и могли всегда имѣть пятьдесятъ музыкантовъ и больше, смотря по надобности. Въ нѣкоторыхъ концертахъ оркестръ нашъ состоялъ изъ ста муэыкантовъ.

На другой день нашего пріѣзда въ Вашингтонъ, президентъ Фильморъ зашелъ въ отель, гдѣ мы остановились и узнавъ, что Женни Линдъ уѣхала, оставилъ ей свою карточку.

— Что это значитъ? вскричала пѣвица, возвратясь домой, Это вѣрно приказаніе пріѣхать къ президенту. Поѣдемте поскорѣе, Барнумъ.

— Куда торопиться? спросилъ я.

— Помилуйте, президентъ Соединенныхъ-Штатовъ желаетъ меня видѣть, я должна исполнить его приказаніе.

Насилу я уговорилъ ее не безпокоиться и доказалъ, что президентъ не требуетъ угожденій отъ иностранцевъ, и что приличнѣе сдѣлать ему визитъ на другое утро.

Женни Линдъ послушалась меня и была тронута ласковымъ пріемомъ президента и его семейства. Жена и дочь его оставили артистку у себя на вечеръ и пригласили также гг. Бенедикта, Беллети и меня.

Мы провели нѣсколько пріятныхъ часовъ въ семействѣ президента. Онъ долго говорилъ съ Бенедиктомъ, который былъ обвороженъ его простотою и обходительностью. Вообще нашъ правитель производитъ сильное впечатлѣніе на иностранцевъ. Въ 1852 году ко-мнѣ пріѣхалъ изъ Лондона Бретель, имѣющій квартиру въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ и попросилъ меня представить его президенту, если только это можно. Я исполнилъ его желаніе, и англійскій придворный былъ удивленъ и восхищенъ этимъ отсутствіемъ всякаго этикета.

Президентъ Фильморъ со всѣмъ семействомъ и члены кабинета присутствовали на двухъ концертахъ, данныхъ въ этомъ городѣ. Я видѣлъ тоже въ числѣ слушателей гг. Кле, Бентона, Касса, генерала Скотта и другихъ извѣстныхъ лицъ.

На другой день гг. Вебстеръ и Кле, генералъ Кларсъ и полковникъ Беншонъ сдѣлали визитъ пѣвицѣ.

Мы посѣтили Капитолій, и г. Клевеландъ, представитель Конектикута самъ водилъ Женни по всѣмъ комнатамъ и показывалъ ей всѣ примѣчательности.

Потомъ полковникъ Вашингтонъ, владѣтель Монтъ-Вернона пригласилъ миссъ Линдъ къ себѣ и прислалъ за нами пароходъ. Мы были встрѣчены мистрисъ Вашингтонъ и другими дамами, которыя послѣ завтрака повели артистку осматривать воспоминанія, собранныя въ домѣ освободителя Америки. Миссъ Линдъ съ благоговѣніемъ смотрѣла на всѣ вещи, какъ вдругъ мистрисъ Вашингтонъ подала ей книгу, на которой подписано было рукою великаго Вашингтона его имя, и просила сохранить ее на память. Этотъ подарокъ принятъ былъ съ благодарностію, и Женни Линдъ, отведя меня въ сторону, сказала:

— Я-бы желала оставить что-нибудь на память отъ меня милой хозяйкѣ, но на-мнѣ только часы. Я не знаю согласится-ли она принять и будетъ-ли это прилично.

Я зналъ, что часы миссъ Линдъ очень дорогая вещь и

подарены ей особой, которую она очень уважаетъ, и потому сказалъ ей, что не совсѣмъ ловко предлагать такіе богатые часы за книгу.

— Но книга эта съ подписью Вашингтона дороже часовъ, отвѣчала она. Впрочемъ вы должны лучше знать, что мнѣ дѣлать. Я привыкла слушаться васъ.

Я увѣренъ, что Женни Линдъ не забыла еще этого пріятнаго дня, проведеннаго въ домѣ и семействѣ Вашингтона.

Въ Ричмондѣ передъ нашимъ отъѣздомъ толпа наполнила залу отеля, чтобъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на знаменитую пѣвицу. Я пришелъ ей сказать объ этомъ, прибавя, что намъ трудно будетъ добраться до подъѣзда. Она усмѣхнулась, подошла къ двери залы и, открывъ ее, сказала:

«Господа, я желаю передъ отъѣздомъ пожать всѣмъ вамъ рвку, только прошу васъ чтобъ тѣ, съ которыми я прощусь, ушли изъ комнаты.

Это распоряженіе было принято съ восторгомъ и черезъ десять минутъ зала опустѣла, только бѣдная рука пѣвицы долго хранила воспоминаніе объ этомъ прощаніи.

Переѣздъ изъ Вельмингтона въ Чарльстоунъ былъ очень труденъ, потому что погода была ужасная, а пароходъ самый плохой. Нѣкоторые изъ пассажировъ были въ ужасномъ страхѣ, но Женни Линдъ не теряла присутствія духа. Она содрогнулась только, когда огромная волна брызнула на палубу и пароходъ почти легъ на бокъ, но тутъ она опомнилась скорѣе всѣхъ и мысленно прочитала молитву.

Наконецъ мы пріѣхали въ гавань, гдѣ почитали насъ погибшими и разослали по телеграфу даже извѣстіе о нашей погибели въ сѣверные города. Мы отдохнули нѣсколько дней въ этомъ маленькомъ городкѣ и ждали парохода *Изабеллы*, который долженъ былъ отвезти насъ въ Гавану. Женни Линдъ объявила, что она хочетъ поправиться отъ всѣхъ волненій, и пожить нѣсколько дней тихо, никого не принимая. Это рѣшеніе было непоколебимо, и всѣ любопытные должны были уходить назадъ, не видя пѣвицы. Одна дочь богатаго плантатора больше всѣхъ настаивала чтобъ увидѣть артистку, и такъ какъ та рѣшительно ни кого не принимала, то молодая дѣвушка подкупила служанку въ отелѣ, нарядилась въ ея передникъ и чепчикъ, и подала чай Женни Линдъ, которая не замѣтила даже этого маскерада.

Черезъ нѣсколько дней я разсказалъ объ этой хитрости почитательницы таланта пѣвицы, но Женни Линдъ отвѣчала мнѣ:

— Она сдѣлала это не оттого, что́ любитъ музыку, или уважаетъ талантъ, а просто изъ любопытства.

Приближался праздникъ Рождества, и Женни Линдъ хотѣла непремѣнно праздновать его какъ въ Швеціи. Она приготовила тихонько дерево, къ вѣткамъ котораго привязала подарки для всей нашей маленькой колоніи. На каждомъ подаркѣ, завернутомъ въ бумагу, была надпись, кому онъ назначенъ.

Мы провели очень весело весь вечеръ и потомъ войдя въ комнату, гдѣ ожидали насъ сюрпризы, начали разбирать подарки. Бенедиктъ получилъ огромный свертокъ, и долго развертывалъ безчисленныя бумажки, чтобъ найти въ концѣ горсточку табаку. Я нашелъ на мое имя маленькаго Бахуса изъ паросскаго мрамора. Вѣроятно это былъ намекъ на мое воздержаніе.

Остальное время до отъѣзда пролетѣло незамѣтно въ танцахъ, музыкѣ и разговорахъ. Миссъ Линдъ была чрезвычайно весела и просила даже меня танцовать съ нею. Напрасно я отговаривался моею неловкостью, она хотѣла непремѣнно, чтобъ я танцовалъ, и разумѣется мои странные па только разсмѣшили всѣхъ.

— Признаюсь, что вы неспособны занимать роль Вестриса, говорила артистка, смѣясь отъ-души.

Наканунѣ новаго года мы тоже веселились, но вдругъ Женни Линдъ остановила шумъ, сказавъ серіозно:

— Успокойтесь немного, друзья мои, черезъ нѣсколько минутъ настанетъ новый годъ.

И она, взявъ стулъ, сѣла молча и задумалась; мы притихли и встрѣтили новый годъ молчаніемъ.

Я распорядился еще въ Нью-Іоркѣ, чтобъ мнѣ наняли въ Гаванѣ порядочную квартиру, и чтобъ на все время нашего пребыванія былъ у насъ столъ, къ какому привыкла артистка. Когда мы пріѣхали туда, то нашли что приказанія мои исполнены не въ точности, и квартира наша не очень удобна. Миссъ Линдъ была ею очень недовольна, и тотчасъ послѣ обѣда наняла *волянту* и переводчика и отправилась гулять по городу. Отсутствіе ее продолжалось почти четыре часа, и мы начали уже безпокоиться, какъ вдругъ она пріѣхала назадъ и объявила, что наняла пре-

восходный загородный домъ, куда всѣ мы должны переѣхать. Мы не заставили себя упрашивать и тотчасъ-же отправились на новоселье. Вилла была въ-самомъ-дѣлѣ въ живописномъ мѣстѣ и вдали отъ шума и несносныхъ посѣщеній, что особенно нравилось Женни Линдъ. Она забавлялась, играя роль хозяйки, рѣзвилась какъ дитя, бѣгала по саду и смѣялась какъ пансіонерка. Наконецъ она хотѣла заставить меня играть съ нею въ волант, но и тутъ я былъ такъ неловокъ, что ни-разу не поймалъ волана, что еще больше возбуждало веселость молодой артистки.

— Нѣтъ, г. Барнумъ, говорила она, заливаясь громкимъ смѣхомъ, вы такъ неповоротливы и лѣнивы, что съ вами нѣтъ никакой возможности играть.

Устроивая концерты въ Гаванѣ, я замѣтилъ нерасположеніе публики, потому что назначилъ высокія цѣны на билеты, къ чему здѣсь не привыкли. Но мнѣ нельзя было пустить ихъ по обыкновеннымъ опернымъ цѣнамъ, если я хотѣлъ, чтобъ доходы покрыли расходы. Я заплатилъ за одинъ наемъ залы тысячу долларовъ, и надобно-же было воротить мои деньги. Но гаванцы не хотѣли этого знать и печатно возставали противъ меня, называя меня американскимъ пиратомъ, пріѣхавшимъ грабить Гавану.

Не смотря на это, толпа бросилась въ концертъ, только съ намѣреніемъ холодно принять пѣвицу, которую я не предупредилъ, что ее ожидаетъ, надѣясь на могущество ея таланта.

Вотъ сеньоръ Беллети вывелъ великую артистку. Триста или четыреста рукъ встрѣтили ее аплодисментами, но двѣ тысячи свистковъ раздались въ залѣ и заставили замолчать дилетантовъ. Послѣ этого все утихло и шведскій соловей началъ пѣть. Я уже привыкъ къ ея голосу и ко-всѣмъ его измѣненіямъ, и въ этотъ разъ немогъ не замѣтить, что онъ дрожалъ отъ сильнаго волненія. Но послѣ нѣсколькихъ слабыхъ нотъ, обиженная незаслуженнымъ пріемомъ, она гордо подняла голову, превозмогла волненіе. холодно, почти презрительно взглянула на публику и продолжала пѣть такъ твердо и восхитительно, съ такимъ выраженіемъ и искусствомъ, что старые кастильцы были тронуты, и восхищены; сеноры и сенориты слушали жадно чудные звуки, но никто не смѣлъ еще выразить своихъ чувствъ. Наконецъ послѣ каскада блистательныхъ руладъ, пѣвица замолкла, и тогда уже оппозиція не могла удержаться. Увлеченные энтузіазмомъ гаван-

цы, кричали неистово: браво! браво! аплодировали такъ, что стѣны дрожали. Тріумфъ былъ совершенный.

Артистка-же холодно поклонилась и сошла со сцены. Тогда раздался новый взрывъ рукоплесканій и крики: еще! еще! Женни Линдъ! Она опять вышла, въ этотъ разъ уже взволнованная и довольная побѣдою, и уйдя за кулисы бросилась ко-мнѣ со слезами на глазахъ, сказавъ:

— Довольны-ли вы мною, мой другъ?

— Вы, Женни, великая артистка и чудная женщина, отвѣчалъ я, обнимая ее.

Между тѣмъ публика продолжала бѣсноваться и вызывать пѣвицу, которая уже забыла обиду и вышла пять разъ. Она была въ этотъ вечеръ необыкновенно хороша собою, потому что волненіе и слезы придали ей новую прелесть.

Однако, не смотря на блистательный тріумфъ, Гаванцы все-таки требовали уменьшенія цѣнъ на мѣста, и думая, что мы дадимъ концертовъ двѣнадцать, не торопились слышать пѣвицу. Но послѣ четвертаго концерта, даннаго въ пользу бѣдныхъ, мы не объявляли о пятомъ, и Гаванцы начали безпокоиться и присылать ко мнѣ навѣдаться, когда будутъ слѣдующіе концерты. Надобно вообразить себѣ ихъ удивленіе, когда я объявилъ очень покойно, что Женни-Линдъ не будетъ больше пѣть въ Гаванѣ, гдѣ, въ первый разъ въ жизни слышала свистки. Составились денутаціи изъ главныхъ *доновъ* города, явившіяся умолять артистку и меня, чтобъ мы сжалились надъ публикою и простили первый пріемъ. Графъ Пенальверъ, одинъ изъ первыхъ богачей, предлагалъ мнѣ даже 25,000 доллеровъ, чтобъ я далъ хоть три концерта, но мы были тверды и сказали, что за всѣ богатства Кубы не измѣнимъ своего рѣшенія.

Послѣ этого насъ оставили въ покоѣ. Я встрѣтилъ въ Гаванѣ моего итальянскаго танцора Вивалу, который очень мнѣ обрадовался. Съ нимъ случилось большое несчастіе, у него отнялась вся лѣвая сторона тѣла послѣ паралича. Не смотря на это, молодой человѣкъ нашелъ средство заработывать себѣ хлѣбъ. Онъ выучилъ собаку прясть и дѣлать другія штуки и показывалъ ее на улицахъ.

Я разсказалъ Женни-Линдъ объ этой встрѣчѣ, и она такъ жалѣла объ участи бѣднаго Антоніо, что послала ему пятьсотъ доллеровъ чтобъ онъ могъ возвратиться въ Италію къ своимъ род-

нымъ. Я тоже прибавилъ отъ себя, чтобъ ему было что привезти на родину.

Такъ какъ послѣдній концертъ данъ былъ въ пользу сиротскаго заведенія, то послѣ его явилась процессія этихъ дѣтей, чтобъ благодарить пѣвицу, но та не вышла къ нимъ, сказавъ имъ черезъ меня, что она считаетъ своимъ долгомъ удѣлять бѣднымъ часть доходовъ, и не любитъ, чтобъ ее благодарили за это.

Вивалла былъ въ такомъ восторгѣ, получивъ подарокъ артистки, что не зная какъ выразить свою благодарность, принесъ ей корзинку самыхъ лучшихъ плодовъ, и отдавая ихъ мнѣ сказалъ:

— Я буду вѣчно молиться за добрую даму, которая дала мнѣ средства ѣхать на родину къ братьямъ моимъ и сестрамъ. Скажите ей, г. Барнумъ, что я очень счастливъ... но что былъ-бы еще счастливѣе, еслибъ она согласилась посмотрѣть мою ученую собаку. Она дѣлаетъ такія штуки, что можетъ занять и посмѣшить артистку. Ахъ, еслибы она позволила притти намъ.

Я отвѣчалъ, что миссъ Линдъ не согласится принять его, потому что она избѣгаетъ выраженія благодарности и недавно еще не хотѣла видѣть депутацію дѣтей. Однако я обѣщалъ говорить ей о собакѣ, умѣющей прясть, и Вивалла ушелъ отъ меня довольный.

Когда артистка возвратилась домой съ гулянья, я подалъ ей плоды и сказалъ какъ бѣднякъ желаетъ ее видѣть и показать ей свою собаку.

— Пускай онъ придетъ, отвѣчала она живо. У него осталось такъ мало радостей въ жизни, что я не хочу лишить его удовольствія. Я рада смотрѣть штуки его собаки, готова помочь ему чѣмъ могу, только-бы хоть немного облегчить несчастное его положеніе.

И на глазахъ ея показались слезы, я тоже былъ тронутъ и сказалъ ей:

— За васъ молится Богу много бѣдняковъ Женни, но я боюсь, что этотъ сойдетъ съ ума отъ радости.

И я послалъ сказать Виваллѣ, чтобъ онъ пришелъ къ намъ на другое утро.

Женни-Линдъ сидѣла у окна, когда показался Антоніо съ собакою и прялкою. Она закричала: вотъ онъ! такъ радостно, какъ будто-бы увидѣла друга или брата, и бросилась сама отворять

имъ дверь. Она отослала маленькаго негра, носившаго прялку, давъ ему серебряную монету, взяла сама прялку и сказала:

— Благодарю васъ, Вивалла, что вы навѣстили меня, я васъ ждала. Пойдемте, покажите мнѣ таланты вашей собаки.

Бѣдный Антоніо былъ въ страшномъ волненіи, глаза его были полны слезъ, голосъ дрожалъ, но несравненная женщина занималась бѣднякомъ какъ братомъ, разспрашивала его о жизни, о родныхъ, объ Италіи, потомъ съ участіемъ и дѣтскою радостію смотрѣла какъ собака принялась прясть, обласкала бѣдное животное. Мало того, она спѣла для италіянца арію, сдѣлала ему нѣсколько подарковъ и проводила его опять до подъѣзда, откуда послала съ нимъ горничную, чтобъ нести прялку.

Я увѣренъ, что эти минуты осчастливили бѣдняка больше чѣмъ деньги, и сама Женни-Линдъ была рада, что могла доставить такое удовольствіе прежнему моему товарищу.

Подплывая на пароходѣ къ Новому-Орлеану, мы увидѣли издали, что вся набережная покрыта народомъ. Женни, отдохнувшая отъ волненій, боялась, что шумъ и тѣснота подѣйствуютъ вредно на ея здоровье и сказала мнѣ:

— Я боюсь этой толпы, любезный Барнумъ. Спасите меня отъ нее.

— Останьтесь на пароходѣ еще десять минутъ и пустите меня впередъ, отвѣчалъ я. Скоро будетъ просторно, и вы доѣдете до отеля безъ остановокъ.

И взявъ руку дочери, которая опустила свой вуаль, я сошелъ на набережную, гдѣ была такая тѣснота, что трудно было двигаться и найти экипажъ.

— Вотъ Барнумъ! закричали нѣкоторые, и съ нимъ миссъ Линдъ.

— Пропустите, господа, не толкайтесь, говорилъ я, пробираясь тихонько къ каретѣ и сѣвъ въ нее съ Каролиною поѣхалъ въ отель Монтальба. Вся толпа бросилась за нами, принимая дочь за великую артистку, которая между тѣмъ незамѣтно сошла съ парохода съ своею подругою, сѣла въ экипажъ и пріѣхала за нами. Тутъ однако толпа не разошлась покуда пѣвица не вышла на балконъ.

Одинъ слѣпой музыкантъ на флейтѣ, жившій у Миссиссипи, пріѣхалъ въ Новый-Орлеанъ только затѣмъ, чтобъ послушать Женни, и то сосѣди его сдѣлали подписку, чтобъ собрать ему

денегъ на дорогу. Миссъ Линдъ, узнавъ объ этомъ, позвала къ себѣ слѣпаго музыканта, пѣла и играла для него одного и отослала его домой съ богатымъ подаркомъ.

Я нанялъ прекрасный пароходъ *Магнолію*, чтобъ отправиться по Миссисипи и Огіо. Мы остановились въ Натчесѣ и Мемфисѣ для концертовъ, проводя время какъ намъ было угодно, потому что пароходъ былъ нанятъ собственно для меня, и я могъ имъ распоряжаться. Уже не въ первый разъ я бралъ цѣлый поѣздъ собственно для себя, чтобъ быть свободнѣе. Я не жалѣлъ денегъ, чтобъ доставить всѣ удобства милой артисткѣ.

Вотъ почему мы провели время очень пріятно, плывя по живописной рѣкѣ. Всякій день Женни-Линдъ пѣла только для насъ, и пассажиры были отъ нея въ восторгѣ. Для развлеченія компаніи я разсказывалъ анекдоты изъ моей собственной жизни и даже показывалъ фокусы.

Одинъ фокусъ состоялъ въ томъ, что я бралъ монету, покрывалъ ее картою, и монета исчезала, такъ что ее нигдѣ не могли найти. Эта шутка заняла всѣхъ пассажировъ.

На другое утро послѣ фокуса, мулатъ, исполнявшій должность цирюльника на пароходѣ, пришелъ меня брить и не хотѣлъ брать съ меня денегъ. Не понимая, что это значитъ, я началъ его разспрашивать и узналъ съ удивленіемъ, что мулатъ, видя мои фокусы, вообразилъ, что я имѣю сверхъестественную силу и сношенія съ діаволомъ.

— Про васъ разсказываютъ чудеса, г. Барнумъ, продолжалъ онъ. Всѣ увѣрены, что вы подписали контрактъ съ діаволомъ. Правда-ли это?

— Правда, отвѣчалъ я серіозно.

— А на сколько лѣтъ имѣете вы власть дѣлать что хотите?

— На девять лѣтъ, изъ которыхъ три прошли.

— И вы можете имѣть столько денегъ сколько пожелаете?

— Я могу переводить деньги изъ чужихъ кармановъ и ящиковъ въ свои, такъ что никто этого не замѣтитъ.

При этихъ словахъ коричневый цирюльникъ замолчалъ, только глаза его блистали необыкновенно и голова обдумывала какой-то планъ. Я началъ замѣчать за нимъ и узналъ, что мулатъ имѣя небольшую сумму, поспѣшилъ отдать ее на сохраненіе священнику парохода Желая подшутить надъ суевѣрнымъ, я сгово-

рился съ священникомъ и позвалъ мулата, который сказалъ мнѣ съ радостнымъ видомъ:

— Вы знаете, что у меня есть деньги, г. Барнумъ. Скажите, гдѣ они и можете-ли вы перевести ихъ куда хотите.

— Твои деньги въ безопасномъ мѣстѣ, отвѣчалъ я.

— Да, понимаю, они въ ящикѣ священника и тамъ вы не можете ихъ достать.

— Ты ошибаешься, ихъ тамъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, вскричалъ удивленный цирюльникъ, и побѣжалъ въ каюту священника, но ненайдя тамъ своего сокровища, вернулся ко мнѣ разстроенный, жалкій, прося, чтобъ я потребовалъ назадъ деньги, украденныя чортомъ.

— Твои деньги у меня въ ящикѣ. Возьми и сосчитай всѣ-ли тутъ.

Цирюльникъ нашелъ свою казну и въ восторгѣ хотѣлъ мнѣ дать доллеръ за труды, но я взявъ монету бросилъ ее на воздухъ, гдѣ она пропала и сказалъ, что послалъ ее Вельзевулу, который долженъ положить ее подъ блюдо. Доллеръ нашелся подъ блюдомъ, но такой горячій, что мулатъ взявъ его въ руку ожогся, и остался увѣренъ, что монета нагрѣлась въ лапахъ діавола, тогда какъ я подговорилъ одного пассажира помогать мнѣ въ этомъ фокусѣ и нагрѣть доллеръ на плитѣ. Я увѣрилъ еще мулата, что могу превратить его въ кота, и онъ такъ испугался этого, что чуть не бросился черезъ палубу.

Въ Нашвилѣ я продавалъ билеты съ аукціона, и такъ какъ изъ гордости надбавляли цѣны, чтобъ только не уступить, то я собралъ порядочную сумму. Послѣ этого, проходя по улицѣ, я увидѣлъ, что одинъ содержатель магазина выйдя на порогъ, кричалъ что дастъ пять доллеровъ тому, кто приколотитъ его.

— Я дуракъ, продолжалъ онъ, я болванъ, какого свѣта не производилъ. Заплатилъ сорокъ два доллера за билетъ въ какой-то концертъ! Не стыдно-ли это! Право, я успокоюсь только, когда меня прибьютъ за мою глупость.

Въ Нашвилѣ мы посѣтили эрмитажъ Генерала Джаксона. Тутъ Женни-Линдъ слышала въ первый разъ птицъ пересмѣшниковъ, пѣніе которыхъ ей чрезвычайно понравилось.

1-го апрѣля всѣ артисты моей труппы начали мучить меня съ утра разными обманами, то заставляя меня выбѣгать даромъ на улицу, гдѣ меня никто не спрашивалъ, то присылая ко мнѣ

всѣхъ встрѣчныхъ, которые спрашивали, что мнѣ надобно. Желая отплатить имъ тѣмъ-же, я купилъ на телеграфѣ пакетъ листковъ съ напечатаннымъ заглавіемъ, что это телеграфическая депеша, и написалъ каждому изъ нашего общества какое-нибудь важное извѣстіе. Дочь моя получила отъ родныхъ приказаніе ѣхать поскорѣе въ Луизвиль, гдѣ ее ждетъ неожиданный сюрпризъ, г-ну Смиту давали знать, что родное селеніе его выгорѣло. Одинъ музыкантъ, недавно женатый, узналъ изъ депеши, что у него родилось двое сыновей, многіе артисты получили выгодныя предложенія отъ первыхъ театровъ, словомъ въ моей труппѣ произошло сильное волненіе, и мистификація удалась до такой степени, что многіе хотѣли оставить меня не простясь, чтобъ узнать, что сдѣлалось въ ихъ семействахъ или принять свои мѣры. Только поздно вечеромъ я объяснилъ имъ шутку, чтобъ успокоить ихъ и оставить воспоминаніе о первомъ апрѣля.

Я забылъ сказать, что въ Гаванѣ я ангажировалъ превосходнаго пѣвца Сальви, который очень понравился публикѣ и въ Луизвилѣ произвелъ даже фуроръ.

Въ этомъ городѣ посѣтилъ меня одинъ житель города Мадисона и просилъ, чтобъ я ѣхалъ къ нимъ и далъ концертъ. Я отвѣчалъ, что Мадисонъ такъ малъ, что мой концертъ не окупится, но посѣтитель предложилъ мнѣ обезпеченіе въ пять тысячъ доллеровъ, и я согласился остановиться въ городкѣ, съ тѣмъ чтобъ тамъ было все приготовлено къ нашему пріѣзду.

Выходя въ гавань Мадисона мы немного удивились, что въ городѣ нѣтъ ни театра, ни залы, и что концертъ будетъ происходить въ огромной конюшнѣ, отдѣланной для этого случая. Это было намъ не очень пріятно, но дѣлать было нечего. Нельзя-же было неисполнить обѣщанія и уѣхать назадъ. Концертъ прошелъ по обыкновенію очень удовлетворительно, хотя и въ конюшнѣ, и чрезъ часъ послѣ него мы были уже на палубѣ *Франклина* и ѣхали въ Цинцинати.

На другое утро мы пристали къ берегу, гдѣ толпились тысячи любопытныхъ. Въ этотъ разъ нельзя уже было повторить прежнюю комедію, чтобъ избавить пѣвицу отъ толкотни, и потому взявъ ее подъ руку, я смѣло сошелъ съ ней на набережную.

Но въ тоже время я научилъ одного изъ моихъ друзей закричать съ парохода:

— Вотъ опять Барнумъ хочетъ надуть публику! Онъ думаетъ, что всѣ примутъ его дочь за Женни-Линдъ.

Всѣ захохотали, потому-что въ газетахъ уже говорили объ этой комедіи, и въ толпѣ послышались восклицанія.

— Нѣтъ, мы нетакъ просты, какъ жители Новаго Орлеана! У насъ есть глаза! Мы не сойдемъ съ мѣста покуда Женни-Линдъ не пройдетъ мимо насъ.

И насъ пропустили очень свободно, не слѣдуя за каретою, какъ по обыкновенію, и любопытные простояли цѣлый часъ передъ пароходомъ въ ожиданіи Шведскаго соловья, который отдыхалъ въ гостиницѣ.

Въ Велингѣ мы тоже не хотѣли дать концерта, не надѣясь на сборъ, но жители заплатили намъ впередъ пять тысячъ долларовъ и остались съ порядочными барышами.

Въ Питсбургѣ жители, не доставшіе билетовъ, собрались у концертной залы и подняли такой шумъ, что заглушали музыку. Не желая имѣть дѣла съ такими отчаянными дилетантами, мы въ тотъ же вечеръ уѣхали въ Бальтиморъ, хотя объявили о другомъ концертѣ.

Въ это время товарищъ мой Смитъ вздумалъ отмстить мнѣ за мистификацію 1-го апрѣля. Онъ послалъ ко мнѣ женщину, которая разсказала мнѣ, что случайно открыла страшный заговоръ. Толпа бродягъ должна была напасть на насъ на дорогѣ между горъ и ограбить меня. Это было довольно невѣроятно, потому-что у насъ нѣтъ разбойниковъ, но женщина играла свою роль такъ искусно, что я невольно повѣрилъ ей. Отославъ всѣ мои деньги въ Нью-Іоркъ, я накупилъ револьверовъ, чтобъ защищаться во время нападенія, но разумѣется оружіе было безполезно, потому-что никто насъ не безпокоилъ.

Возвратясь въ Нью-Іоркъ въ маѣ 1851 года, мы дали еще четырнадцать концертовъ. Всѣхъ ихъ было уже восемьдесятъ два. Женни-Линдъ, опять наслушавшись совѣтовъ и наговоровъ, стала холодна со мною, и признаться, я самъ былъ радъ остановиться на сотомъ концертѣ, чтобъ отдохнуть и избавиться отъ хлопотъ.

При томъ же я былъ увѣренъ, что если пѣвица останется одна, то скоро пойметъ, что безъ меня ей тяжело будетъ устраивать концерты, и что женщина, не смотря на огромный талантъ, все-таки не можетъ распоряжаться какъ мужчина.

Послѣ восемьдесятъ пятаго концерта она объявила мнѣ сконфузясь, что послѣ сотаго концерта хочетъ быть свободна и заплатитъ мнѣ по условію двадцать пять тысячъ доллеровъ.

Я отвѣчалъ, что не имѣю права противиться ея желанію, и повезъ ее въ Филадельфію, гдѣ намѣревался дать остальные концерты и гдѣ готовъ былъ новый театръ, который я послалъ нанять и приготовить. Но враги мои не переставали дѣйствовать противъ меня и кричали, что зала театра неудобна для пѣнія, что я мучаю артистку, врежу ея здоровью, чтобъ только разбогатѣть на ея счетъ. Наконецъ осталось только семь концертовъ, и обхожденіе Женни сдѣлалось до того принужденнымъ, что я рѣшился лучше отказаться отъ остальныхъ сборовъ и написалъ ей письмо, что она можетъ отказаться и отъ семи концертовъ, если желаетъ прервать свои сношенія со мною, и что я за нихъ согласенъ взять то, на что она согласилась, а именно по тысячѣ доллеровъ за концертъ.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ слѣдующее письмо:

«Г. Барнумъ!

«Я принимаю ваше предложеніе и оканчиваю контрактъ мой съ вами на девяносто третьемъ концертѣ. За остальные я обязуюсь заплатить вамъ семь тысячъ доллеровъ, не считая двадцати пяти, назначенныхъ по условію, если я откажусь пѣть больше ста разъ.

«Остаюсь преданная вамъ

«Женни-Линдъ.

«Филадельфія, 9-го іюня 1851.»

Въ тотъ же вечеръ я видѣлъ Женни въ концертѣ. Она была ласкова со мною, хотя и смущена немного. Я нисколько не перемѣнилъ моего обращенія съ нею и представилъ ей только генерала Вельша, которому передалъ наемъ театра и который спросилъ ее, не желаетъ-ли она пѣть въ другой залѣ, если эта неудобна, но миссъ Линдъ отвѣчала, что остается въ новомъ театрѣ.

Скоро однако друзья заставили ее перейти въ другую маленькую залу, чтобъ только не оставаться тамъ, гдѣ я выбралъ мѣсто, и новые распорядители отказались признавать даровые билеты, разосланные мною журналистамъ. Такъ какъ эти люди пришли издалека съ семействами, то я заплатилъ за нихъ, хотя Женни-

Линдъ обѣщалась еще три концерта соблюдать правила, введенныя мною.

Успѣхъ пѣвицы продолжалъ быть значительнымъ, только сборы маленькой залы не могли быть велики. Артистка поѣхала на Ніагару, оттуда въ Нортгамптонъ и наконецъ въ Бостонъ, гдѣ вышла замужъ за Отто Гольдшмита, нѣмецкаго піаниста-композитора, котораго знала въ Германіи. Онъ часто игралъ въ нашихъ концертахъ и талантъ его нравился публикѣ. Мнѣ-же всегда казалось, что онъ кроткаго, тихаго характера, и что Женни должна быть съ нимъ очень счастлива.

Послѣ разрыва нашего я видѣлъ ее еще нѣсколько разъ. Въ Бриджпортѣ, встрѣтясь со мною, она призналась, что сожалѣетъ о томъ, что меня оставила, что хлопоты измучили ее и что публика не всегда къ ней справедлива.

— Съ вами я была покойнѣе и веселѣе, прибавила она.

Когда она пѣла въ Нью Іоркѣ, то всегда посылала мнѣ билеты. На канунѣ ея отѣзда изъ Америки я пошелъ проститься съ нею, и ея мужемъ, и пожелать ей счастія. Она простилась со мною ласково и сказала, что теперь будетъ пѣть очень рѣдко въ концертахъ и никогда не явится въ операхъ. Я думаю, что она сдержитъ свое слово.

Послѣ безпокойствъ съ концертами можно было и мнѣ отдохнуть, и я провелъ въ семействѣ все лѣто, занимаясь собственными дѣлами и устройствомъ имѣнія.

Вотъ сборы наши съ концертовъ:

Въ Нью-Іоркѣ дали мы на тридцать пять концертовъ, а девяносто пять, которые принесли семьсотъ двѣнадцать тысячъ сто шестьдесятъ одинъ доллеръ тридцать четыре сантима. Изъ этого надобно вычесть семь тысячъ четыреста девяносто шесть доллеровъ сорокъ три сант. расходовъ, и два первые концерта въ тридцать двѣ тысячи шестьдесятъ восемь доллеровъ, которые были раздѣлены пополамъ между мною и Женни Линдъ. Доходъ пѣвицы по условію простирался до двухъ сотъ восьми тысячъ шести сотъ семидесяти пяти доллеровъ, но изъ онаго она заплатила мнѣ за нарушеніе контракта двадцать пять тысячъ и семь тысячъ за недопѣтые концерты, стало быть Женни-Линдъ получила чистыхъ сто семьдесятъ шесть тысячъ шесть сотъ семьдесятъ пять доллеровъ девять сант., а Барнумъ, за

исключеніемъ жалованья пѣвицы, пять сотъ тридцать пять тысячъ четыреста восемьдесятъ шесть доллеровъ двадцать пять сант.

За билеты платили съ аукціона отъ ста до шести сотъ пятидесяти доллеровъ, хотя первоначальная ихъ цѣна была двадцать доллеровъ, послѣднія мѣста стоили отъ одного доллера до семи.

XII.

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ.—ОХОТА ЗА БУЙВОЛАМИ.

Подвижной домъ Шекспира.—Швейцарскіе звонари.—Разныя предпріятія.—Странствующій звѣринецъ.—Лошадь съ шерстью.—Стадо буйволовъ.—Даровое представленіе.—Охота за буйволами.—Шутка, въ которой я жертва.—Обстоятельства перемѣняютъ рѣшенія.—Кожи обезьянъ.

Занимаясь различными предпріятіями, я все-таки не оставлялъ американскаго музея, которому былъ обязанъ началомъ своего благосостоянія. Я не жалѣлъ ничего для пріобрѣтенія новыхъ рѣдкостей, и во время моего путешествія по Европѣ хлопоталъ только объ одномъ, чтобъ добыть что-нибудь любопытное и увезти съ собою въ Америку.

Я вздумалъ купить домъ, гдѣ родился Шекспиръ, разобрать его и перевести въ мой музей, гдѣ-бы его сложили опять какъ онъ былъ, но британская гордость была оскорблена этимъ, и Англичане составили шекспировское общество, чтобъ охранять домъ и память поэта.

Я копировалъ модели всѣхъ машинъ королевскаго политехническаго института въ Лондонѣ, составлялъ разныя панорамы, стоившія мнѣ до семи тысячъ доллеровъ, посѣщалъ всѣ выставки и ярмарки и вездѣ покупалъ все примѣчательное.

Въ Парижѣ я купилъ у Роберта Гудена его пишущаго автомата и нѣсколько механическихъ куколъ. Тутъ-же для меня сдѣлали діораму похоронъ Наполеона со всѣми эпизодами отъ вырытія тѣла на островѣ Св. Еленѣ до перенесенія его въ Инвалидный домъ. Извѣстный Ламано составилъ также для меня великолѣпную панораму кристальнаго дворца.

Въ Лондонѣ я слышалъ труппу музыкантовъ изъ Ланкашейра, оркестръ которыхъ состоялъ изъ однихъ колокольчиковъ разныхъ величинъ, производившихъ необыкновенный эффектъ гармоніи. Я предложилъ имъ ѣхать со-мною въ Америку, только съ условіемъ чтобъ они отпустили себѣ усы, одѣлись въ живописные костюмы

и выдавали себя за Швейцарцевъ. Правда, что они говорили только по-Англійски, но провинціяльный ихъ выговоръ былъ не всѣмъ понятенъ, и потому ихъ можно было принять за иностранцевъ. Въ Америкѣ эти звонари чрезвычайно понравились, и я возилъ ихъ въ Кубу и Канаду.

Въ замѣнъ этого колокольнаго оркестра я набралъ въ Америкѣ труппу индійцевъ Іоваевъ обоихъ половъ и послалъ ихъ въ Лондонъ подъ дирекціею моего агента Катлена. Позже я передалъ ему ихъ совсѣмъ, и онъ много выигралъ, показывая ихъ въ Парижѣ.

Возвратясь въ Америку, я сошелся съ Фаберомъ, извѣстнымъ механикомъ и показывалъ въ моемъ музеѣ его говорящаго автомата. Это была кукла въ человѣческій ростъ, имѣвшая внутри машину съ клавишами, посредствомъ которыхъ выговаривала слова и цѣлыя фразы. Этотъ автоматъ имѣлъ большой успѣхъ.

Въ Нью-Іоркѣ посѣтилъ меня эквилибристъ *Гервіо Нано*, прославившійся своимъ талантомъ подражать обезьянамъ, съ которыми онъ имѣлъ большое сходство. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги, но потребовалъ такое большое жалованье, что я принужденъ былъ ему отказать. Тогда два Американца повезли его въ Лондонъ и объявили, что нашлось новое животное въ лѣсахъ Мексики, неизвѣстной породы, и что феноменъ этотъ составляетъ переходъ отъ обезьяны къ человѣку, но лишенъ дара слова.

И вотъ Гервіо Нано явился въ Египетской залѣ съ выпачканнымъ лицомъ и зашитый въ звѣриную шкуру, но къ несчастію въ числѣ публики было нѣсколько Американцевъ, узнавшихъ эквилибриста, которые открыли обманъ. Тогда феномена осыпали свистками, шиканьемъ; поднялся страшный шумъ, такъ что принуждены были возвратить всѣмъ деньги. Этимъ и окончились подвиги бѣднаго Гервіо Нано, который вскорѣ умеръ съ горя.

Въ 1851 году я послалъ въ Лондонъ *молодыхъ Батмановъ*, являвшихся цѣлый мѣсяцъ въ моемъ музеѣ. Они играли на Сентъ-Джемскомъ театрѣ и на многихъ провинціяльныхъ сценахъ.

Я тоже высылалъ изъ Америки нѣсколько великановъ и карликовъ, потомъ устроивъ у себя китайскій музей, выписалъ семейство китайцевъ и послалъ ихъ въ Лондонъ на время всемірной выставки.

Въ 1852 я ангажировалъ миссъ Катерину Гайе и г. Бейниса на шестьдесятъ концертовъ въ Калифорнію, и эта спекуляція была

намъ очень выгодна, хотя я предоставилъ распоряжаться двумъ моимъ агентамъ.

Кромѣ того я разсылалъ по городамъ мои панорамы, купилъ Балтиморскій музей, продалъ его выгодно, потомъ устроилъ музей въ Филадельфіи, принесшій мнѣ большую пользу. Но въ 1851 году, имѣя много хлопотъ, я продалъ его Шпонеру за сорокъ тысячъ доллеровъ, и въ этомъ-же году зданіе музея сгорѣло со всѣмъ, что въ немъ находилось. Содержатель потерялъ немного, потому что музей былъ застрахованъ, но городъ долго жалѣлъ о потерѣ одного изъ лучшихъ своихъ увеселеній.

Музей Пиля вступилъ со-мною въ соперничество, имѣя въ самомъ дѣлѣ любопытныя вещи, но я поспѣшилъ купить и эту коллекцію, которую присоединилъ къ своимъ.

Еще въ 1849 году составилъ я планъ странствующаго звѣринца, но другіе хлопоты помѣшали мнѣ заняться имъ, и потому я взялъ двухъ компаніоновъ Сетъ-Гова и Страттона, отца Томъ-Пуса, которымъ поручилъ набирать разныхъ звѣрей.

Они наняли пароходъ *Регатъ*, отправляющійся въ Цейланъ, подъ командою капитана Прата и посылали на немъ агентовъ и все нужное для содержанія и помѣщенія звѣрей. Черезъ годъ корабль вернулся и привезъ намъ десять слоновъ съ туземными вожатыми и много другихъ хищныхъ звѣрей. Все это съ экипажами, лошадьми, палатками составляло огромный караванъ, который путешествовалъ цѣлые четыре года съ блистательнымъ успѣхомъ. Нашъ звѣринецъ обошелся намъ въ 9,000 доллеровъ, но мы собрали съ нимъ больше милліона. Разумѣется, что и тутъ обошлось не безъ обмановъ, но я откровенно признаюсь въ нихъ и объявляю, что въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго и обиднаго для публики.

Напримѣръ, у меня была *руноносная лошадь*. Вотъ что это было. Лѣтомъ 1848 года я былъ въ Цинцинати съ Томомъ Пусомъ и увидѣлъ объявленіе, что показывается лошадь, на которой вмѣсто гладкой шерсти курчавое руно. Я какъ любитель рѣдкостей побѣжалъ смотрѣть ее, и въ самомъ дѣлѣ нашелъ необыкновенную лошадь. Она была средняго роста, красиво сложена, но вся покрыта тонкою курчавою шерстью, безъ гривы и хвоста. Животное родилось въ Индіанѣ и было дико и капризно. Я купилъ эту лошадь и отправилъ ее на ферму въ Бриджпортъ, ожидая удобнаго времени, чтобъ показать ее публикѣ.

Въ это время произвела сильное волненіе экспедиція полковника Фремона въ скалистыя горы. Прошелъ даже слухъ, что ученый инженеръ погибъ, но потомъ пришло извѣстіе, что онъ возвращается, и всѣ ждали его съ восторгомъ. Я въ это время приказалъ привести мою лошадь въ Нью-Іоркъ, закутанную съ головы до ногъ, и разослалъ слѣдующее объявленіе: Полковникъ Фремонъ, бывши на охотѣ, поймалъ близъ рѣки Жила феноменальное животное, имѣющее сходство съ лошадью безъ гривы и хвоста, тѣло которой покрыто волнистою шерстью. Полковникъ подарилъ это чудо національному конскому заводу.

Черезъ нѣсколько дней явилось въ журналахъ новое извѣстіе: «Руноносная лошадь полковника Фремона, отправляется въ Лондонъ, но передъ отъѣздомъ ее можно видѣть на углу Бродвея и Ридъ-стрита. Природа соединила въ этомъ животномъ нѣсколько типовъ, потому что оно напоминаетъ слона, оленя, лошадь, буйвола, верблюда и барана. Натуралисты и траперы увѣрили полковника, что животное такой породы встрѣчается въ первый разъ и что это удивительная рѣдкость. Цѣна за входъ 25 сантимовъ, дѣти платятъ половину».

У входа были вывѣшены огромные транспаранты, изображающіе необыкновенную лошадь, скачущую по горамъ. Живописецъ немного неестественно изобразилъ скачекъ, для котораго надобно быть птицею, но не четвероногимъ жовотнымъ, однако публика вѣрила всему и бросилась смотрѣть мою лошадь.

Я водилъ ее по провинціямъ, гдѣ никто и не сомнѣвался, что лошадь поймана г. Фремономъ, какъ вдругъ въ Вашингтонѣ на меня подалъ жалобу г. Бентонъ, тесть полковника, приводя доказательства, что зять его никогда не видалъ никакой сверхъестественной лошади, не привозилъ никакихъ рѣдкостей изъ скалистыхъ горъ, и слѣдственно Барнумъ надуваетъ почтенную публику.

Этотъ процессъ надѣлалъ много шума, но принесъ мнѣ больше пользы чѣмъ вреда, потому что возбудилъ только любопытство публики. Однако я самъ почелъ нужнымъ окончить эту мистификацію и отослалъ безхвостую лошадь на ферму въ Бриджпортъ, гдѣ она окончила въ покоѣ свои дни.

Въ Іюнѣ 1843 года купилъ я за семьсотъ доллеровъ стадо молодыхъ буйволовъ и помѣстилъ ихъ у фермера въ новомъ Джерсеѣ, покуда они будутъ мнѣ нужны.

Г. Френшъ, бывшій хозяинъ стада, превосходно дѣйствовалъ арканомъ, и я нанялъ его чтобъ устроить представленіе въ циркѣ, въ которомъ будетъ изображена охота за буйволами. Я разослалъ объявленія и иллюстраціи, чтобъ приготовить публику, и когда всѣ были увѣрены, что я воспользуюсь этимъ случаемъ чтобъ назначить за входъ большую цѣну, я напечаталъ слѣдующее:

«*Въ четвергъ 31 Августа, въ Гобокенъ будетъ представленіе: Охота за буйволами. Входъ безплатный*».

«Г. Френшъ отважный охотникъ въ костюмѣ дикаго, будетъ преслѣдовать верхомъ стадо буйволовъ, вооруженный однимъ арканомъ, и покажетъ публикѣ какъ ловятъ этихъ животныхъ.

«Во все время будетъ играть оркестръ отличной музыки.

«Арена окружена двойными перилами для безопасности.

«Экстренные поѣзды омнибусовъ и пароходовъ будутъ перевозить публику въ Гобокенъ. Начало въ 3 часа.»

Это великодушіе пускать даромъ публику, было сдѣлано совсѣмъ не безъ расчета. Я нанялъ всѣ омнибусы и пароходы, ходящіе въ Гобокенъ, и перевозилъ народъ отъ себя.

Увѣряя публику, что приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобъ буйволы не причинили вреда, я зналъ, что бѣдныя животныя такъ тихи и ручны, что врядъ-ли Френшу удастся заставить ихъ бѣгать, и надобно было ожидать, что буйволы испугаются публики, а не публика ихъ.

Въ назначенный день, съ десяти часовъ народъ бросился къ пароходамъ, которые сдѣлали множество оборотовъ до пятаго часа. Двадцать четыре тысячи пассажировъ были перевезены мною въ Гобокенъ, каждый заплатилъ тринадцать су за проѣздъ взадъ и впередъ, и если присчитать тутъ сборъ омнибусовъ и цѣны, взятыя съ продавцевъ за мѣста, гдѣ они устроили продажу угощеній, то я собралъ больше трехъ тысячъ трехъ сотъ доллеровъ.

Оркестръ музыкантовъ сыгралъ увертюру, и послѣ этого стадо буйволовъ бросилось въ арену, избѣгая ударовъ Френша, который явился разрисованный какъ индіецъ, на дикой лошади съ арканомъ въ рукѣ. Охотникъ готовъ былъ начать охоту, но звѣри этого не желали, и столпясь въ кучу не трогались съ мѣста, не смотря на всѣ усилія Френша.

Эта сцена была такъ неожиданна и смѣшна, что зрители раз-

разились громкимъ хохотомъ. Этотъ шумъ испугалъ буйволовъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые начали махать шляпами и кричать. Тогда звѣри бросились къ загородкѣ, состоящей изъ тонкихъ досокъ, перескочили черезъ нее, кувыркаясь и побѣжали дальше. Толпа разступилась передъ ними съ криками ужаса, и испуганные буйволы нырнули въ ближнее болото, откуда небыло никакой возможности ихъ вытащить. Френшъ, прискакавъ къ болоту, зацѣпилъ арканомъ одного буйвола, но чуть самъ не свалился. Смѣхъ увеличивался, и охотникъ за неимѣніемъ звѣрей, поймалъ на арканъ лошадь съ всадникомъ, что увеличило удовольствіе публики и заставило ее забыть неудачи.

Было далеко за-полночь когда вся толпа разошлась и разъѣхалась. Никто не подозрѣвалъ, что я устраивалъ спектакль и откупилъ сообщенія, потому что имя мое не было ни въ афишахъ, ни въ объявленіяхъ, и можетъ быть многіе узнаютъ объ этомъ только изъ моихъ записокъ.

На другой день я встрѣтилъ друга моего Фредерика Веста, издателя журнала *Воскресный атласъ*.

— Поздравляю тебя, Барнумъ, сказалъ онъ. Нашелся пуфистъ Френшъ, который позабавилъ вчера публику, какъ будто его звали Барнумомъ.

Я поклонился на этотъ комплементъ.

— И что меня больше всего занимало, такъ это страхъ публики, когда буйволы сломали перегородку, тогда какъ бѣдные звѣри были испуганы шумомъ. Право, это былъ любопытный спектакль. Недоставало только, чтобъ ты былъ его распорядителемъ.

Чрезъ нѣсколько времени *охота за буйволами* была все-таки дана въ Камденѣ, близъ Филадельфіи, и такъ какъ Френшъ успѣлъ подучить звѣрей, то все прошло благополучно, и представленіе имѣло успѣхъ.

Надобно замѣтить, что имя мое небыло произнесено и въ мистификаціи подъ названіемъ *Рупоносная лошадь*, но публика кажется догадалась объ этомъ прежде моего признанія.

Часть моихъ знаменитыхъ буйволовъ была отправлена въ Англію, а другая откормлена и распродана на рынкѣ Фультона по пятидесяти су за фунтъ.

Я назвалъ выше *Воскресный атласъ*. Издатели и сотрудники

этого журнала были всѣ мои короткіе пріятели. Они издали мой портретъ съ небольшою біографіею.

Въ это время случилось убійство несчастнаго Адамса. Злодѣй Кольтъ разрѣзалъ его на куски и послалъ ихъ въ ящикѣ въ Новый Орлеанъ. Публика была чрезвычайно занята этимъ происшествіемъ, и разумѣется тотчасъ-же написали исторію преступника и продавали ее на улицахъ вмѣстѣ съ его портретомъ. Я изъ любопытства хотѣлъ посмотрѣть на рожу Кольта и подозвалъ мальчика, продававшаго портреты. Чтожъ я увидѣлъ! Мой собственный портретъ, срисованный съ *Атласа*.

Я совершенно увѣренъ, что не однихъ антрепренеровъ спектаклей должно называть шарлатанами.

Въ 1843 году издатели Атласа были преслѣдуемы кредиторами, и я два раза поручился за нихъ, каждый разъ по 5,000 доллеровъ.

Въ третій разъ я тоже явился въ судъ, чтобъ спасти моихъ друзей, но враги ихъ, желая подорвать журналъ были не довольны этимъ, и адвокатъ ихъ принялъ меня не совсѣмъ вѣжливо:

— Вы г. Барнумъ, поручились уже на 10,000 франковъ, и я незнаю въ состояніи-ли вы отвѣчать еще на 5,000. Что̀ вы имѣете, и сто̀итъ-ли ваше имѣніе этой суммы?

— Стоитъ больше, отвѣчалъ я учтиво. Угодно вамъ пересчитать мое состояніе?

— Я обязанъ это сдѣлать, если-бъ даже это было мнѣ и неугодно. Извольте говорить, что вы имѣете?

— Возьмите бумагу и перо и записывайте, а то вы не запомните всего.

И я началъ говорить серіозно: чучело слона—тысяча доллеровъ; двѣ обезьяны рѣдкой породы—пятнадцать доллеровъ.

Адвокатъ покраснѣлъ отъ досады, вскочилъ и закричалъ:

— Что это значитъ, сударь! Вы смѣете шутить въ судѣ. Вы оскорбляете собраніе.

— Совсѣмъ нѣтъ, я называю вамъ вещи моего музея. У меня ихъ пятьсотъ тысячъ, и это все мое состояніе.

Адвокатъ въ бѣшенствѣ обратился къ судьямъ, но тѣ были такъ благоразумны, что оправдали меня, сказавъ, что должно вѣрить на слово, что я въ состояніи поручиться или выслушать исчисленіе всего имѣнія.

Адвокатъ рѣшился лучше мнѣ повѣрить, видя, что меня трудно испугать строгостью суда.

XIII.

ТРЕЗВОСТЬ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Мое влеченіе къ трезвости. — Запутанная дилемма. — Мое измѣненіе. — Рѣчи о трезвости.—Отвѣтъ на вопросъ.—Человѣкъ безъ друзей. — Трактатъ о трезвости —Земледѣліе.—Картофель.—Нездоровая пища. — О важности земледѣлія.— Работа и вкусъ.—Негоціантъ.—Необыкновенныя происшествія. — Пойманный мошенникъ.—Предохранитель отъ огня. — Новый городъ.—Правила къ обогащенію.— Взглядъ назадъ. — Иранистанъ.—Лары и пенаты.

Я уже упоминалъ, что былъ членомъ общества трезвости. Вотъ по какому случаю я вступилъ въ него:

Въ 1847 году, когда я показывалъ Томъ-Пуса, мнѣ часто случалось видѣть какъ люди богатые и почтенные пьютъ до излишества и дѣлаются жалкими. Между-тѣмъ мнѣ самому случалось быть каждый день въ обществахъ, гдѣ я почти былъ принужденъ пить.

Это могло войти въ привычку, и я рѣшился пить какъ можно меньше, чтобъ отстать отъ вина. Испытавъ на себѣ какъ вредно вино для здоровья и какъ легко можно обойтись безъ него, я совѣтовалъ друзьямъ моимъ брать съ меня примѣръ, и пригласилъ почтеннаго священника въ Бриджпортѣ, чтобъ онъ читалъ проповѣди о воздержаніи.

Краснорѣчивый ораторъ произвелъ сильное вліяніе своею рѣчью, и послѣ нея многіе пьяницы разбили свои бутылки, а я далъ себѣ слово не пить даже шампанскаго, и вступилъ въ общество трезвости.

Когда я сказалъ мое намѣреніе женѣ, она заплакала отъ радости. Это меня немного удивило, и когда я сталъ ее разспрашивать отчего она такъ радуется, то она призналась, что всегда боялась вина, и видя меня окруженнымъ веселыми пріятелями думала, что я со временемъ сдѣлаюсь пьяницею. Если случалось мнѣ приходить домой поздно, она ждала меня со страхомъ, воображая, что я вернусь въ самомъ жалкомъ видѣ, но по счастію ея опасенія были до-сихъ-поръ напрасны, а теперь она совсѣмъ успокоилась, зная что можетъ положиться на мое обѣщаніе.

Въ-самомъ-дѣлѣ, я сдѣлался самымъ ревностнымъ членомъ

общества, и когда ѣздилъ съ Женни-Линдъ, то часто въ той самой залѣ гдѣ она давала концертъ, читалъ рѣчи о трезвости, собирая за входъ по двѣнадцати су въ пользу филантропическаго общества. Товарищи мои упрашивали меня какъ можно чаще говорить, увѣряя, что мое краснорѣчіе приноситъ много пользы. Однажды я читалъ подобную проповѣдь на палубѣ парохода.

Случалось, что меня прерывали и старались спутать, но это было не легко, потому что я никогда не терялъ хладнокровія и отвѣчалъ такъ, что смущалъ насмѣшниковъ, заставляя ихъ молчать. Разумѣется, противъ меня возставали продавцы вина, но я умѣлъ и ихъ увѣрить, что они хорошо сдѣлаютъ, если оставятъ эту продажу, вредную для человѣчества и займутся чѣмъ-нибудь другимъ.

Въ Клевеландѣ я сказалъ посреди рѣчи: Пускай встанутъ тѣ изъ васъ, которые никогда не были пьяны. И чтожъ! Изъ многочисленной толпы всталъ только одинъ человѣкъ, и тотъ съ видимымъ намѣреніемъ посмѣяться надо мною, потому что на лицѣ его были слѣды невоздержанія.

— Поздравляю васъ, сказалъ я ему, что вы въ ваши лѣта умѣли воздержаться. Но это такая рѣдкость, что я, какъ антрепренеръ спектаклей, ангажирую васъ, чтобъ показывать публикѣ въ моемъ музеѣ.

Громкій смѣхъ заглушилъ мои слова, но когда утихло, я началъ говорить съ такимъ убѣжденіемъ и чувствомъ, что по окончаніи рѣчи мой насмѣшникъ подошелъ ко мнѣ и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

— Извините меня, г. Барнумъ. Я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобъ посмѣяться надъ вами, но ваши слова тронули меня, заставили образумиться, и я съ этого дня вступаю въ общество трезвости.

Это не одинъ примѣръ, что краснорѣчіе мое имѣло сильное вліяніе. Однажды послѣ рѣчи о трезвости въ Филадельфіи, ко мнѣ подошелъ пожилой мужчина.

— Вы меня спасли, г. Барнумъ, вскричалъ онъ. Вотъ уже два года какъ страсть моя къ пьянству разстраиваетъ мои дѣла и дѣлаетъ мое семейство несчастнымъ. Выслушавъ васъ, я отказался отъ вина, и счастливъ уже тѣмъ, что обрадовалъ жену и друзей.

Я былъ еще счастливѣе этого человѣка, потому что упрочилъ семейное спокойствіе и сдѣлалъ изъ пьяницы трудолюбиваго, честнаго человѣка.

Я не ограничился одними рѣчами и писалъ много статей о томъ же предметѣ, напечатанныхъ почти во всѣхъ журналахъ. Я издалъ также особенную брюшюру, въ которой выразилъ мои мысли. Читатель можетъ обратиться къ ней.

Въ 1848 году меня выбрали президентомъ агрономическаго общества въ Ферфильдскомъ графствѣ (Конектикутѣ), хотя я былъ не фермеромъ. Однако этотъ выборъ оправдывается тѣмъ, что я имѣлъ до ста акровъ земли и всегда любилъ заниматься земледѣліемъ. Мнѣ поручили даже сдѣлать годовой отчетъ, не смотря на мои отговорки, и я отдѣлался какъ могъ, представя, что я еще плохой хозяинъ. Я привелъ кстати два анекдота о самомъ себѣ, которые очень разсмѣшили собраніе. Я разсказалъ, что въ прошлое лѣто у меня родилось много картофеля, и я велѣлъ продать его. Огородникъ исполнилъ мое приказаніе, но черезъ мѣсяцъ мнѣ надобно было покупать картофель для своего стола, и я заплатилъ вдвое больше, чѣмъ получилъ за свой картофель. Въ другой разъ, видя какъ садовникъ вырываетъ отпрыски яблонь, чтобъ они не оттягивали соки, я взялъ ножъ, срѣзалъ на вишняхъ всѣ прививки, и привелъ въ отчаяніе садовника. Эти два случая заставили меня быть осторожнымъ, и я съ-тѣхъ-поръ не продаю овощей, покуда не отложу нужное количество для себя, и не берусь за садоводство, потому что не много въ немъ понимаю. Однако познанія въ земледѣліи необходимы всякому, имѣющему землю, и хотя я въ этомъ отношеніи мало знаю, но совѣтую всѣмъ отцамъ внушать дѣтямъ любовь и уваженіе къ этому занятію, которое выше всѣхъ наукъ, потому что составляетъ первую необходимость человѣка.

Во время моего президентства были устроены въ Ферфильдѣ шесть выставокъ земледѣльческихъ произведеній и скота. Множество народа собиралось осматривать ихъ, но въ толпѣ мошенники обирали кошельки и часы, и были такъ ловки, что никто не могъ поймать ихъ.

Я воспользовался этою выставкою и устроилъ возлѣ нея спектакли; но публика, боясь, что и тамъ мошенники будутъ грабить, не много посѣщала мои представленія. Тогда я самъ началъ замѣчать за посѣтителями выставки, и поймалъ на дѣлѣ вора, укравшаго портфель у офицера. Въ его карманахъ нашлось много другихъ вещей, и потому нечего было и сомнѣваться въ

его ремеслѣ: это былъ извѣстный мошенникъ, пріѣхавшій изъ Англіи.

Чтобъ привлечь публику, я выпросилъ у шерифа, чтобъ онъ приказалъ привязать вора къ столбу передъ входомъ въ зданіе выставки. Эта мысль имѣла успѣхъ, потому что любопытные видя одного мошенника пойманнымъ, вообразили, что больше ихъ нѣтъ, и посмотрѣвъ на него, отправлялись въ мой театръ. Этому вору я обязанъ большими сборами.

Меня упрекали и за то, что я пользуюсь всѣмъ, чтобъ только наполнить свой театръ. Но я все таки отвѣчу, что это обязанность всякаго директора, и что если я часто обманывалъ публику, то всегда умѣлъ ее забавлять, почему она всегда была ко мнѣ благосклонна.

Кромѣ театральныхъ предпріятій я участвовалъ во многихъ другихъ проектахъ, предлагаемыхъ мнѣ со всѣхъ сторонъ изобрѣтателями разныхъ удивительныхъ вещей. Г. Филипсъ, изобрѣтатель машины для тушенія огня, получившій патенты въ Англіи, прислалъ въ Америку свои машины; у насъ составилось общество, чтобъ ввести ихъ въ употребленіе, и я записался членомъ, внеся сто восемьдесятъ тысячъ доллеровъ, собранные продажею этихъ машинъ. Однако первый публичный опытъ не удался, и я передалъ свое право г. Аллену, который получилъ большія выгоды, потому что съ-тѣхъ-поръ употребленіе машинъ распространилось, и ихъ берутъ почти на всѣ фабрики, магазины, на корабли и въ частные домы.

Въ 1851 году я купилъ у Вильма Нобля пятьдесятъ десятинъ земли противъ Бриджпорта, и хотѣлъ основать на этомъ мѣстѣ новый городъ. Не говоря никому о моемъ планѣ, я началъ скупать сосѣднія земли, раздѣлилъ ихъ на участки и началъ продавать за безцѣнокъ съ условіемъ, чтобъ покупатель тотчасъ-же начиналъ строить домъ по выданному плану.

Чтобъ соединить мою землю съ Бриджпортомъ, я устроилъ дорогу и мостъ черезъ рѣку, не смотря на издержки, и благодаря скорому сообщенію, мои участки разбирались скоро, зданія выростали, и новый городокъ, красивый и здоровый, потому что прежде всего я позаботился о садахъ, началъ подниматься передъ Бриджпортомъ. Такъ какъ не многіе могли купить землю и начать строить, то я выдавалъ даромъ строительный матеріялъ, откладывая уплату до-тѣхъ-поръ, пока хозяинъ поправится, и

давалъ вдолгъ большія суммы почти безъ обезпеченія, зная что въ будущемъ онѣ принесутъ мнѣ большую пользу.

Въ минуту, когда я пишу, прошло три года съ закладки перваго зданія въ новомъ городѣ, и теперь вся моя земля покрыта домами, фабриками, магазинами, представляющими капиталъ въ милліонъ доллеровъ. Посреди площади возвышается церковь и возлѣ нее школа. Теперь за участокъ земли платится тысяча доллеровъ, тогда какъ въ началѣ я отдавалъ его за двѣсти.

Эту спекуляцію можно назвать филантропическою, потому что если я имѣлъ тутъ большую выгоду, то принесъ еще большую пользу моимъ соотечественникамъ и республикѣ. Нобль помогалъ мнѣ во всѣхъ этихъ хлопотахъ, потому что трудовъ было много, но отказался принять отъ меня шестьдесятъ тысячъ доллеровъ вознагражденія.

Много другихъ спекуляцій были предприняты мною, и смѣло могу сказать, что всѣ удавались, потому что если я примусь за что, то добьюсь успѣха, чего бы мнѣ это не стоило. За то репутація моя, какъ самаго счастливаго человѣка, вошла въ пословицу, и когда въ 1852 году г. Эдвинъ Фридлей издавалъ свой *трактатъ о практикѣ въ дѣлахъ*, то прислалъ просить меня чтобъ я сообщилъ ему мой рецептъ: «какъ успѣвать во всѣхъ предпріятіяхъ.»

Я послалъ ему слѣдующую записку:

Правила Барнума, чтобъ всѣ проекты удавались.

I. *Выбирать такія дѣла, къ которымъ мы чувствуемъ влеченіе и которыя намъ нравятся.* Я не могъ-бы быть хорошимъ негоціантомъ, потому что имѣлъ отвращеніе отъ однообразнаго занятія и опредѣленнаго жалованья. Дѣятельность — въ моемъ характерѣ.

II. *Честное слово должно быть священно.* Никогда я не обѣщалъ того, чего не могъ исполнить. Въ дѣлахъ честное слово дороже денегъ, вотъ почему мои друзья никогда не сомнѣвались во мнѣ.

III. *Чтобы вы ни начали, принимайтесь за все ревностно и внимательно.* Когда я принимаюсь за дѣло, то встаю рано и ложусь поздно, стараюсь самъ все устроить, и никогда не дѣлаю кое-какъ и наскоро, чтобъ послѣ не передѣлывать. Вотъ почему я никогда не раскаявался ни въ одномъ предпріятіи.

IV. *Трезвость необходима въ дѣлахъ.* Ясно, что надобно имѣть

свѣжую голову, чтобъ обдумать хорошенько дѣло, а вино какъ опіумъ разслабляетъ здоровье и затмѣваетъ разсудокъ.

V. *Надѣйтесь на успѣхъ, но неразсчитывайте на него непремѣнно.* Дѣловые люди должны-бы были обдумывать хорошенько басню объ охотникѣ, продавшемъ шкуру медвѣдя прежде, чѣмъ звѣрь убитъ. Къ несчастію излишняя довѣренность портитъ многое.

VI. *Не жалѣть своихъ силъ и нераздѣлять ихъ.* Начавъ дѣло, употребите на него всѣ свои силы и не оставляйте его покуда есть малѣйшая надежда. Не хватайтесь также за другое, не окончивъ одного, а то за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.

VII. *Выбирайте вѣрныхъ агентовъ.* Поручая дѣло честнымъ и умнымъ людямъ, я всегда оставался доволенъ ими, но какъ ни старался сдѣлать что-нибудь путное изъ людей неспособныхъ и порочныхъ, всѣ мои старанія были напрасны.

VIII. *Если вы что нибудь предпринимаете, объявляйте объ этомъ, а не скрывайте вашихъ намѣреній.* Такъ какъ успѣхъ зависитъ отъ публики, то она должна знать, что вы дѣлаете. Журналы необходимы въ этомъ случаѣ, и я признаюсь, что большею частію успѣховъ обязанъ объявленіямъ. Надобно только умѣть возбудить любопытство и вниманіе. Главное, не должно жалѣть объявленій, которыя въ гомеопатическомъ видѣ не могутъ принести никакой пользы, разсыпая-же ихъ щедро, вы наконецъ добьетесь своего.

IX. *Избѣгать издержекъ, и жить доходами, а не капиталомъ.* Если можно быть сыту доходами, то лишнія издержки приведутъ къ разоренію. Страсть блистать и жить выше состоянія—губитъ тысячи, и первый шагъ по этому пути влечетъ за собою всѣ несчастія. Одинъ человѣкъ разсказывалъ мнѣ, что заплатилъ 30,000 доллеровъ за диванъ, подаренный имъ женѣ. Вотъ какъ это было:

Когда диванъ былъ принесенъ, жена пожелала перемѣнить всю мебель подъ одинъ цвѣтъ, потомъ столы, часы, ковры показались необходимы при мебели. Послѣ этого квартира сдѣлалась мала и стара, надобно было купить новый домъ. Въ новомъ домѣ хозяйкѣ было неприлично не имѣть экипажа, и надобно было купить карету, нанимать людей, доставать лошадей, — все это отъ одного дивана!

X. *Не полагайтесь на другихъ.* Дѣлайте все сами и никогда

не полагайтесь, что другіе будутъ хлопотать о вашихъ дѣлахъ также, какъ вы сами. Всякому дорого только свое.

Вотъ правила, испытанныя мною въ моей дѣятельной карьерѣ, и я увѣренъ, что всѣ умные и опытные люди согласятся со мною.

Барнумъ.

Общій выводъ.

Окончивъ мои записки, я нахожу нужнымъ прибавить еще нѣсколько словъ о себѣ.

Моя откровенность не всѣмъ понравится, но я предупреждалъ, что не хочу ничего скрывать, и представлю себя и происшествія въ настоящемъ видѣ.

Мы, американцы—люди практическіе, и доводимъ это качество до крайности, вотъ почему насъ обвиняютъ, что мы отвергаемъ всѣ благородныя стремленія, чтобъ только нажиться какимъ-бы то ни было способомъ. Въ Америкѣ не можетъ существовать поэзіи, потому что она, по нашимъ понятіямъ, безполезна какъ цвѣтокъ, выросшій на дорогѣ, изъ котораго нельзя ничего сдѣлать.

Однако нашъ средній классъ любитъ удовольствія, хотя выбираетъ изъ нихъ не самыя эстетическія. Пьянство не почитается даже порокомъ, а просто привычкою. Въ этомъ всѣ согласились со мною.

Я, какъ настоящій американецъ, тоже поставилъ себѣ цѣлью обогатиться, и достигъ этого такъ, какъ никогда не воображалъ. Но заработавъ огромное состояніе, я старался быть полезнымъ ближнимъ и принесъ больше пользы, чѣмъ всѣ филантропы.

Мои музеи познакомили жителей дальнихъ городовъ съ натуральною исторіею, которой-бы они никогда не знали; я распространилъ вкусъ къ музыкѣ; ангажировавъ Женни-Линдъ, я доставилъ удовольствіе всѣмъ классамъ общества моими спектаклями. Я не считаю этого большими благодѣяніями, но еслибъ нашлось побольше людей, думающихъ о себѣ и незабывающихъ другихъ, у насъ было-бы меньше скуки и бѣдности.

Меня упрекаютъ, что я обманывалъ публику и нажилъ состояніе не честнымъ образомъ, но я утверждаю, что поступалъ всегда по совѣсти, что небольшія выдумки директора театра никому не сдѣлали вреда, и что оставшись содержателемъ таверны, я бы и самъ не нажился и не доставилъ случая нажиться другимъ.

Стало быть я совершенно доволенъ и спокоенъ, и живу въ загородномъ моемъ имѣніи, названномъ мною *Иранистанъ*.

Съ 1846 года, когда дѣла мои стали поправляться, я началъ мечтать объ уединеніи, гдѣ отдохну послѣ трудовъ и буду доживать. Я не хотѣлъ удаляться отъ Нью-Іорка и выбралъ Бриджпортъ, находящійся у соединенія двухъ вѣтвей желѣзныхъ дорогъ въ плодородной долинѣ между двухъ рѣкъ.

Посовѣтовавшись съ женою, я купилъ семьдесятъ десятинъ земли въ милѣ отъ города, въ живописномъ мѣстѣ, и хотѣлъ построить самое комфортабельное жилище.

Въ Англіи, въ Брейтонѣ, мнѣ чрезвычайно понравился павильонъ, построенный Георгомъ IV, и я рѣшился перенести въ Америку эту оригинальную архитектуру. Планы были уже готовы, и я по обыкновенію ничего не жалѣлъ, чтобъ только постройка была по моему вкусу.

Въ 1849 году 14-го ноября все мое семейство переѣхало на новоселье, которое мы справили, пригласивъ по обычаю всѣхъ сосѣдей богатыхъ и бѣдныхъ.

Одинъ журналистъ, описывая мою виллу, объясняетъ ея названіе: I-ran, I-stan — я бѣгалъ, я отдыхаю. Эта этимологія справедлива, но я не искалъ ее, а просто придумалъ восточное названіе.

Я въ моихъ запискахъ рѣдко говорилъ о женѣ и дѣтяхъ, хотя для нихъ только трудился, и счастливъ, что могъ доставить имъ покойную, богатую жизнь.

У меня однѣ дочери. Старшая Каролина вышла замужъ за Давида Томпсона, и живетъ возлѣ Иранистана. Елена родилась въ 1840 году, и живетъ съ нами, Франсуаза умерла двухъ лѣтъ, Полина родилась въ 1846 году.

Нечего и говорить, что я купилъ землю пустую и что самъ насадилъ роскошный садъ вокругъ моей виллы, которая въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалась настоящимъ эдемомъ. За то я почти не выхожу изъ него, и въ пять лѣтъ не былъ ни разу въ городѣ, хотя тамъ есть у меня квартира.

Однако я не совсѣмъ бросилъ дѣла и все еще занимаюсь Американскимъ музеемъ и денежными оборотами. Я бываю въ Нью-Іоркѣ и другихъ большихъ городахъ, но всегда тороплюсь въ мою любимую виллу, въ мою семью. Я пишу послѣднія строки въ шестую годовщину нашего новоселья, и опять повторяю, что совершенно счастливъ и доволенъ и лучшаго не желаю ни въ этой жизни, ни въ будущей.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ

О

ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Собраны Отто Мюллеромъ.

—

XXX.

Новое положеніе Шарлоты въ отношеніи къ Зильбургу, который, получивъ позволеніе ѣздить въ домъ, не объявлялъ видовъ своихъ и не объяснялся съ семействомъ, не могло обойтись безъ того, чтобъ не прибавить ей еще внутреннихъ страданій и явныхъ противорѣчій, которыя еще больше разжигали любовь въ сердцѣ молодой дѣвушки. Хотя Шарлотѣ и удалось устроить такъ, что родные приняли Зильбурга какъ будущаго жениха ея, однако она увидѣла скоро, что этого недостаточно для ея счастія. Преградъ, раздѣляющихъ ее съ Зильбургомъ, по-видимому не существовало больше; но родные теперь замѣчали каждый взглядъ, каждое движеніе, останавливали или дѣлали выговоры на каждомъ шагу, такъ, что положеніе это съ каждымъ днемъ становилось тягостнѣе и тѣмъ болѣе что тотъ кто страдалъ вмѣстѣ съ нею отъ такого принужденія, выходилъ изъ терпѣнія и уговаривалъ ее безпрестанно стряхнуть съ себя эту неспосную опеку. Ему не трудно было убѣдить Шарлоту въ своемъ великодушіи и доказать ей, что онъ не можетъ переносить спокойно нѣмыхъ оскорбленій, то-есть, недовѣрія брата ея, и сверхъ того быть еще ему благодарну если не за ласковый, такъ по-крайней-

мѣръ за учтивый пріемъ; это невыносимо!.. На такую жертву можно рѣшиться только изъ одной любви!

Въ присутствіи Зильбурга, мать, братъ и сестра всѣми силами старались казаться ласковыми и скрывать свое неудовольствіе; но когда онъ уходилъ, декорація перемѣнялась и всѣ возставали на Шарлоту, какъ будто хотѣли заставить ее искупить страданіями то позволеніе, которое ей дорого обходилось и которое сами дали, чтобъ не огорчать ее, а между тѣмъ огорчали ежеминутно упреками, подозрѣніями и слезами.

Пока семейная жизнь съ каждымъ днемъ становилась все тягостнѣе для Шарлоты, другое вліяніе, о которомъ никто не думалъ, придало новую силу ея врожденной наклонности къ свободѣ и независимости, и удалило еще болѣе отъ прежняго рода жизни. Какъ скоро Зильбургъ узналъ образъ мыслей и жизни Аккермановъ, то увидѣлъ всѣ препятствія, которыя встанутъ на пути его, если онъ только дастъ замѣтить, что думаетъ обладать Шарлотою, не будучи ея мужемъ, такъ, что ему невозможно было и думать о ближайшихъ съ нею сношеніяхъ. Онъ ясно видѣлъ, что не смотря на вѣжливость, Шредеръ становился ему поперегъ дороги; его холодное, учтивое, всегда одинаковое съ нимъ обращеніе приводило Зильбурга въ недоумѣніе; онъ начиналъ бояться, что играетъ съ этимъ комедіянтомъ вдвойнѣ опасную роль и никогда не сумѣетъ обмануть его. Но съ другой стороны поступки Шредера благопріятствовали планамъ барона, потому что Шарлота еще не изъ одной любви стала искать удобныхъ случаевъ видѣться съ барономъ; притѣсненія въ родительскомъ домѣ заставляли ее искать свободы въ чужомъ, наконецъ она привыкла къ этой мысли, которая сначала казалась ей ужасною.

Сперва она позволила ему провожать себя вечеромъ послѣ театра; потомъ, когда не играла на сценѣ, выходила изъ ложи, чтобъ поговорить съ нимъ тайкомъ въ какомъ нибудь углу театральнаго зданія, или, когда погода благопріятствовала, она, накинувъ вуаль, гуляла съ нимъ подъ-руку по городу. Тайныя свиданія потому именно, что не были совершенно безопасны, имѣли для влюбленныхъ несравненно болѣе прелести, чѣмъ церемонныя, натянутыя свиданія въ родительскомъ домѣ; тутъ безъ малѣйшаго страха и помѣхи они могли сообщать другъ другу мысли свои и чувства, высказывать горе и радость; наконецъ, послѣ каждаго свиданія они уносили съ собою мысль, что имъ

удалось похитить у завистливаго свѣта нѣсколько минутъ блаженства.

Такимъ образомъ узелъ любви затягивался еще крѣпче и окончательно связалъ Шарлоту съ человѣкомъ, на котораго всѣ окружающіе ее смотрѣли съ недовѣріемъ. Чѣмъ больше онъ высказывался, тѣмъ болѣе она находила въ немъ хорошихъ качествъ, которыя заставляли уважать характеръ его и тѣмъ болѣе любить всѣ внѣшнія, достоинства. Онъ говорилъ такъ натурально, что нельзя было подозрѣвать притворства; да и къ чему было ему притворяться: кромѣ Шарлоты небыло другихъ свидѣтелей, предъ которыми бы надо было принуждать себя; и чѣмъ онъ былъ непринужденнѣе и натуральнѣе, тѣмъ былъ увлекательнѣе, тѣмъ яснѣе и краснорѣчивѣе высказывалась душа его *для Шарлоты*. Его живость, энергія и даже нетерпѣніе наполняли душу Шарлоты новыми и сладостными ощущеніями; иногда даже случалось что, въ порывѣ страсти, онъ вдругъ удерживалъ себя, и тогда еще больше казался привлекательнымъ молодой дѣвушкѣ, она находила въ душѣ его вѣрный отголосокъ своихъ собственныхъ чувствъ. Онъ разсказывалъ ей нѣкоторые интересные эпизоды изъ своей прошлой жизни, даже не скрывалъ заблужденій молодости, то есть любовныхъ продѣлокъ, которыя, разумѣется, облагораживалъ въ разсказахъ своихъ и по-видимому старался загладить ихъ, приписывая порокамъ своимъ и недостаткамъ большую часть своихъ несчастій. Часто онъ обвинялъ себя въ непростительномъ легкомыслiи, преступной запальчивости и необузданныхъ заблужденіяхъ. Въ прошлой жизни его была роковая минута, о которой онъ говорилъ таинственно, не договаривая мысли своей, какъ это было на балѣ и во время катанья въ саняхъ съ Шарлотой, когда Зильбургъ въ высшей степени возбудилъ въ ней участіе и любопытство. Нѣсколько разъ онъ какъ будто порывался открыть ей тайну свою, но она замирала у него на языкѣ; воспоминаніе это приводило его въ такое содроганіе, что онъ только въ несвязныхъ и прерывистыхъ словахъ могъ выговорить какъ страдаетъ при одной мысли объ этомъ страшномъ событіи. Шарлота узнала одно только, что стеченіе обстоятельствъ принудило его пожертвовать другу первою своею любовью, и что жертва эта была причиною самыхъ ужасныхъ несчастій, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ считалъ себя самымъ преступнымъ, пока роковая минута смерти друга не вывела его изъ этого жестокаго заблужденія и не воз-

вратила ему наконецъ довѣріе къ самому себѣ и вѣру въ правосудіе Божіе.

Однажды вечеромъ, во время театра, они гуляли по городу и, незамѣтно для Шарлоты, дошли до Кугельсъ-орта; вдругъ барону мелькнула мысль зайти къ португалькѣ Фанни и попросить ее пособить имъ обоимъ. Прежде, чѣмъ Шарлота успѣла разобрать шутитъ-ли онъ, или говоритъ серіозно, онъ сказалъ съ веселымъ видомъ:

— Вѣдь ужъ ты была здѣсь однажды и ктому-же одна одинешенька?.. такъ почему-жъ не повторить того же, а тѣмъ болѣе, когда я съ тобою? Вуаль твой такъ плотенъ, что самъ Аргусъ не разсмотритъ лица твоего; а я скажу, что ты не здѣшняя, а иностранка.

— Домъ этотъ пугаетъ меня, отвѣчала Шарлота съ боязнію. То, что можно сдѣлать однажды, по необходимости, изъ любви, не слѣдуетъ дѣлать завтра и послѣ-завтра изъ шалости, или каприза... Нѣтъ, нѣтъ, я не согласна; Кугельсъ-ортъ и безъ того надѣлалъ мнѣ много зла, ты это знаешь, Максъ; а между тѣмъ я поступила тогда такъ опрометчиво, не изъ любопытства или шалости, а ради исполненія своего долга... Однако это не спасло меня отъ злыхъ языковъ...

— Ну, сдѣлай это для меня изъ любви, сказалъ баронъ ласково, вкрадчивымъ голосомъ. Мнѣ насказали столько чудесъ объ этой женщинѣ, что мнѣ страхъ хочется послушать ея гаданья. Что-то скажетъ она о моемъ будущемъ? Вѣдь ты моя теперь, прибавилъ онъ, нѣжно цѣлуя Шарлоту, слѣдовательно мнѣ нечего бояться.

И не давъ времени Шарлотѣ отвѣтить, онъ прибавилъ шагу, и не смотря на боязнь Шарлоты, повелъ ее къ хорошо-знакомому ему дому. Какъ скоро сабля Зильбурга застучала по лѣстницѣ, на порогѣ явился тотъ-же старикъ, котораго Шарлота уже видѣла въ первый разъ, и который освѣтивъ лѣстницу, указалъ ей дверь Фанни.

Но на этотъ разъ ихъ приняла не Фанни, а какая-то другая женщина, чисто одѣтая, съ блѣднымъ и кроткимъ лицомъ; она ввела ихъ въ комнату, но не въ ту, гдѣ Шарлота была въ первый разъ.

Женщина эта, сказавъ что Фанни нѣтъ дома, но что она сходитъ за ней, исчезла, оставивъ Шарлоту одну съ Зильбургомъ.

Баронъ снялъ плащъ, придвинулъ къ печкѣ спокойное кресло

для Шарлоты и спросилъ по-англійски, не лучше-ли ей здѣсь, чѣмъ на улицѣ, гдѣ такъ темно и холодно.

Шарлота, оставшись одна съ чужимъ человѣкомъ, въ котораго была влюблена, и въ чужомъ домѣ, начала безпокоиться; она вспомнила, что Фанни предлагала ей комнату для свиданій съ своимъ возлюбленнымъ, и что Зильбургъ тоже уговаривалъ ее. Она посмотрѣла на него съ недовѣріемъ, и отвѣчая на первый вопросъ его, сказала:

— Ты спрашиваешь, не лучше-ли здѣсь, чѣмъ на улицѣ? Нѣтъ, Максъ, здѣсь мнѣ вовсе не хорошо. Возьми плащъ свой и уйдемъ скорѣе.

— Что за нетерпѣніе? спросилъ удивленный Зильбургъ. Гдѣ же храбрость моей милой трагической героини? Куда дѣвалась она? Перестань ребячиться, Шарлота: посмотри хорошенько и скажи, что находишь ты тутъ подозрительнаго?

И въ самомъ дѣлѣ комната, хотя маленькая и меблированная весьма просто, была однако убрана весьма чисто, спокойно и со вкусомъ, и еслибъ находилась не въ такомъ отвратительномъ домѣ, то могла-бы нравиться людямъ, пріѣхавшимъ на тайное свиданье. Бѣлыя занавѣски висѣли на окнахъ; на комодѣ, въ фарфоровой вазѣ стоялъ розанъ въ цвѣту, а по стѣнамъ было развѣшено нѣсколько портретовъ знаменитыхъ гамбургцевъ прошлаго столѣтія. Даже портретъ почтеннаго пастора Гётце находился въ этой коллекціи, что вовсе несоотвѣтствовало съ ремесломъ колдуньи, равно какъ и библіотека, стоящая направо отъ дверей и составленная изъ книгъ строгой нравственности и безвредныхъ сентиментальныхъ романовъ.

Шарлота, которая внимательно разсматривала всѣ эти предметы, скорѣе изъ смущенія, чѣмъ изъ любопытства, вскорѣ совсѣмъ оправилась и сдѣлалась весела и разговорчива; видя вниманіе Зильбурга, она почти забыла что находилась въ чужомъ домѣ. Онъ олицетворялъ собою любовь и преданность и описывалъ такими радужными красками блаженство, ожидающее ихъ въ скоромъ соединеніи, когда они будутъ жить только другъ для друга и для взаимной любви своей, что Шарлота слушала его въ тихомъ восторгѣ, и въ эту только минуту поняла всю тягость родственной опеки. Увѣренность, что никто имъ не помѣшаетъ, чувство свободы въ объясненіяхъ любимаго человѣка, все это было такъ ново для Шарлоты, что Зильбургъ и даже сама любовь представились ей совершенно въ новомъ свѣтѣ; онъ

свободно могъ не только говорить съ нею, но даже любить ее, не прибѣгая ни къ какимъ хитростямъ; холодъ церемоннаго этикета не холодилъ ихъ восторговъ, и все существо Шарлоты до того ликовало, что въ эту минуту она была больше, чѣмъ красавица: это была минута высшаго развитія, развитія душевнаго и тѣлеснаго.

— Еслибъ вмѣсто этого портрета очутился здѣсь самъ пасторъ? сказалъ Зильбургъ, указывая со смѣхомъ на портретъ Гётца, что ты сказала-бы тогда Шарлота! Онъ обвѣнчалъ бы насъ здѣсь, въ Кугельсъ-ортѣ!..

Шарлота хотѣла отвѣчать, чтобъ побранить его за такую выходку, какъ дверь отворилась и вошла женщина, принявшая ихъ вмѣсто Фанни. Она объявила, что нигдѣ не могла найти своей хозяйки.

— Такъ мы придемъ въ другой разъ, сказалъ Зильбургъ, сунувъ въ руку женщины серебряную монету.

Представленіе должно было скоро кончиться и потому они поспѣшили возвратиться.

Свиданіе это въ Кугельсъ-ортѣ не было послѣднимъ свиданіемъ. Шарлота, неподозрѣвавшая даже, что такое былъ домъ Фанни, была тамъ съ Зильбургомъ почти каждый вечеръ и проводила съ нимъ по нѣскольку часовъ сряду, наслаждаясь безмятежнымъ счастіемъ и не предчувствуя никакой бѣды, которая однако была не за горами, а за плечами.

Открытіе Унцера въ день представленія «Отелло», отняло у влюбленныхъ это убѣжище и оправдало подозрѣнія Шредера на счетъ Зильбурга, этого злаго и безчестнаго человѣка, который не постыдился заставить невѣсту свою рѣшиться на такой поступокъ, и который не пожалѣлъ бѣдной дѣвушки.

XXXI.

Случаю угодно было, чтобъ на другой день той роковой ночи, когда Шрёдеръ узналъ о безчестіи сестры своей, нѣсколько друзей Аккермановъ должны были собраться къ нимъ ужинать. Общество состояло изъ артистовъ, литераторовъ, любителей театра, однимъ словомъ, изъ всѣхъ близкихъ людей семейства или театра. При входѣ Зильбурга, Шрёдеръ поблѣднѣлъ, но принудилъ себя принять его по обыкновенію; особенно ему было досадно, когда баронъ, послѣ обычныхъ поклоновъ, подошелъ къ

Шарлотъ, которая нисколько не смутилась, даже не покраснѣла, и въ обхожденіи съ Зильбургомъ была такъ развязна, такъ натуральна, что самый опытный глазъ ничего бы не могъ подмѣтить.

Шрёдеръ, наблюдая за Шарлотой, и видя такую закоснѣлость въ порокѣ, такое безстыдство и притворство въ такой молодой дѣвушкѣ, которую считалъ образцомъ душевнаго превосходства, пришелъ въ невыразимое негодованіе и принужденъ былъ выйти чтобъ не разразиться гнѣвомъ и придти въ себя отъ удивленія. Шрёдеръ вспомнилъ, что если онъ измѣнитъ себѣ теперь, то испортитъ весь планъ свой, и потому возвратился въ комнату съ спокойнымъ лицомъ ласковаго и гостепріимнаго хозяина. Это была труднѣйшая изъ всѣхъ ролей Шрёдера, однако онъ подошелъ къ Экгофу и началъ трунить надъ парикомъ его.

— Неуже-ли ты намѣренъ играть въ этомъ парикѣ трагическую роль? спросилъ онъ его смѣясь.

— Если надо, такъ хоть въ ночномъ колпакѣ, отвѣчалъ добрый Экгофъ и весело прибавилъ: плохой трагикъ тотъ, кого останавливаютъ подобныя бездѣлицы! Во время-оно, когда я состоялъ въ труппѣ Шёнемана, который платилъ мнѣ въ недѣлю по одному талеру и шестнадцати грошей, изъ которыхъ я долженъ былъ еще дѣлать себѣ костюмы, мнѣ пришлось играть роль Оросмана Вольтера въ парчевомъ разноцвѣтномъ кафтанѣ, взятомъ тихонько изъ гардероба покойнаго совѣтника Мёйрера, чрезъ посредничество жены его, страстной любительницы театра. И чтожъ вышло, дѣти мои?.. то, что я твержу вамъ ежеминутно: платье можетъ украсить человѣка, но не артиста.

— Такъ зачѣмъ-же дѣло стало? попробуйте сыграть Оросмана въ ночномъ колпакѣ? сказала мадамъ Аккерманъ, которая оскорбилась послѣдними словами Экгофа. Какъ извѣстно уже читателю, мадамъ Аккерманъ обращала особенное вниманіе на костюмы: это была ея слабая сторона. Вѣдь не всѣ Гаррики, прибавила она, не всѣмъ позволено дѣлать то, что онъ сдѣлалъ однажды въ присутствіи благороднаго, избраннаго общества, уронивъ за окно, какъ будто невзначай, скамейку, онъ началъ представлять отчаяннаго отца, который уронилъ ребенка. Игра его была такъ трогательна, что герцоги и герцогини заливались слезами. Но вѣдь господинъ Экгофъ еще не Гаррикъ.

— Да на кой мнѣ чортъ быть Гаррикомъ?.. извините за выраженіе, отвѣчалъ артистъ съ полупритворной и полунастоящей

досадой. Если я не Гаррикъ, за то и не такой Гарпагонъ, каковъ былъ этотъ знаменитый и неумолимый скряга; я просто за-просто ничто иное, какъ бѣдный Экгофъ, на памятникѣ котораго напишутъ: (nota bene: если только поставятъ ему памятникъ) «Плачьте свободно надъ этимъ камнемъ; приносите сюда печаль свою и проливайте слёзы, которыа Экгофъ исторгалъ у васъ во время жизни своей.» Что же до скамейки Гаррика... то мнѣ бы хотѣлось попробовать...

— Ну, ну, перестаньте, не ворчите, сказала ласково мадамъ Аккерманъ, потрепавъ Экгофа по плечу. Экхофъ долженъ понимать почему поддразниваю его Гаррикомъ. Вѣдь великана не сравниваютъ съ карликомъ, а съ такимъ-же великаномъ, какъ онъ самъ? Экгофъ! прибавила она, показывая на сына и Брокмана, вы были и всегда будете лучше вотъ этихъ обоихъ, и всѣ германскіе артисты могутъ у васъ поучиться драматическому искусству. Лессингъ, въ своей ученой драматургіи давно уже написалъ: «Экгофъ можетъ сыграть любую роль; въ самой ничтожной всегда проявляется великій трагикъ или комикъ, и мнѣ бы хотѣлось, чтобъ во всѣхъ пьесахъ онъ одинъ игралъ всѣ роли.» А знаменитый философъ Энгель, который видѣлъ васъ въ Одоардо, назвалъ васъ настоящимъ демономъ.

— Оставимъ въ покоѣ вашихъ философовъ, отвѣчалъ полусердито и полушутливо Экгофъ, явно довольный похвалами своей директорши. Этотъ самый Энгель написалъ ученую книгу, гдѣ ему вздумалось учить насъ, актеровъ, какую мы должны дѣлать рожу (то-есть лицо), чтобъ выражать то или другое чувство, и какими жестами должны передавать страсти, которыя выражаемъ словами. Ему бы слѣдовало тоже описать собственную свою рожу, въ ту минуту, когда баронъ Николаи представилъ меня ему въ Лейпцигѣ. Осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, онъ вскричалъ со смѣхомъ: «Такъ вы хотите увѣрить меня, что этотъ маленькій человѣчекъ, тотъ самый, который игралъ Одоардо? Во-первыхъ, тотъ былъ вдвое выше этого, а во-вторыхъ это былъ статный и красивый мужчина!» Клянусь вамъ, что Энгель, какъ истый нѣмецкій профессоръ, хотѣлъ увѣрить меня въ глаза и доказать что я—не я.

— Но мы забываемъ Тельхейма въ нечесанномъ парикѣ! сказалъ одинъ старый совѣтникъ, большой любитель и ревностный покровитель и защитникъ театра. Я предлагаю, чтобъ Эк-

гофъ доказалъ намъ на опытѣ, прежде, чѣмъ подадутъ жаркое, что истинный артистъ не нуждается ни въ костюмѣ, ни въ декораціяхъ. Если Гаррикъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе скамейкой, такъ почему-жъ другу нашему не доказать въ ночномъ колпакѣ, что онъ не хуже англійскаго мимика и ни въ какомъ отношеніи не уступитъ ему.

— Постойте, Экгофъ! вскричала Доротея, подбѣгая къ знаменитому актеру, дайте мнѣ одѣть себя.

Она вышла и немедленно возвратилась съ ночнымъ колпакомъ и халатомъ брата. Посреди всеобщихъ рукоплесканій, артистъ долженъ былъ покориться волѣ Доротеи, которая вмѣстѣ съ другими молодыми дамами и дѣвицами надѣла на него почтенный мѣщанскій колпакъ и великолѣпный бархатный халатъ Шрёдера. Маленькая и живая мадамъ Рейнике, недавно ангажированная вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ труппу Аккермановъ, желая довершить классическое изображеніе нѣмецкаго отца семейства, схватила огромные очки поэта Бока, тоже тутъ присутствующаго, и надѣла ихъ на носъ Экгофу.

Окончивъ туалетъ Экгофа, Доротея посадила его въ огромныя дѣдовскія кресла.

Въ такомъ видѣ онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, не говоря ни слова. Совѣтникъ просилъ его доказать свою тезу и изобразить характеръ совершенно противуположный его костюму и обстановкѣ.

Экгофъ, не говоря ни слова, но минами и жестами представляя старика, разбитаго параличемъ и качающаго головой, возбудилъ всеобщій, громкій хохотъ, особенно, когда притворяясь будто ничего не слышитъ, онъ подставилъ правое ухо, и по обычаю глухихъ, заставилъ повторить громко и явственно то, что было уже сказано. Вдругъ онъ вскакиваетъ съ креселъ, гордо закидываетъ назадъ голову, выпрямляетъ станъ, за минуту передъ тѣмъ согбенный старостью, и принимая видъ юнаго героя, говоритъ своимъ сильнымъ, звучнымъ, доходящимъ до сердца голосомъ стихи изъ *Кодра*, трагедіи *Кронега* (Cronegk), въ которой Экгофъ представлялъ аѳинскаго царя, предназначеннаго оракуломъ къ смерти, чтобъ упрочить побѣду его народу.

Блестящіе глаза его, сверкающіе отвагой, величественная поза, повелительные, благородные жесты, храбрость, смѣлость и самоотверженіе, дышащія во всѣхъ чертахъ, во всѣхъ движеніяхъ а главное голосъ, потрясающій, звучный, задушев-

ный голосъ, приводятъ въ такой восторгъ зрителей, что онъ не успѣлъ еще продекламировать и десяти строкъ изъ монолога своего, какъ всѣ уже забыли, что́ на немъ бумажный колпакъ и халатъ Шрёдера, въ немъ видѣли только одного греческаго героя, которому отечество дороже жизни. Даже на сценѣ, въ царской мантіи, Экгофъ никогда не передавалъ съ такою истиною и совершенствомъ Кодра, какъ въ этотъ разъ. Всѣ единодушно рѣшили, что онъ превзошелъ самого себя!

Но Экгофъ снова усаживается въ кресла, какъ усаживаются больные, дряхлые старики, и глядя пристально и неопредѣленно, бормочетъ что-то про-себя. Вдругъ онъ дѣлаетъ такое движеніе, какъ-будто обращается къ кому-то, кто подошелъ и сѣлъ подлѣ него. Онъ добродушно смотритъ на мнимаго сосѣда своего, ласково беретъ его за руку, и начинаетъ, перемѣняя поочередно голосъ, разговоръ между двумя дѣйствующими въ комедіи Готтера: «Врагъ брачной жизни», комедіи весьма занимательной, которая, благодаря удивительной игрѣ актеровъ, прославила автора. Если кто изъ зрителей закрывалъ глаза, то слышалъ два совершенно различные голоса. И съ какимъ простодушіемъ доказывалъ онъ врагу брачной жизни всю сладость, все задушевное счастье этого союза! Съ какою благосклонностью, доброжеланіемъ, мягкостью въ голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ обращался онъ къ сердцу этого холоднаго, закоснѣлаго эгоиста! Наконецъ старикъ, все болѣе и болѣе растроганный, говоритъ о своей собственной женитьбѣ и о томъ счастьѣ, которое нашелъ въ любви избранной имъ женщины, слишкомъ рано похищенной у него смертью; потомъ припоминаетъ всѣхъ, кого любилъ, и кого лишился... Вдругъ онъ останавливается, голосъ его замираетъ, губы дрожатъ, на глазахъ навертываются слезы и катятся по блѣднымъ щекамъ его; онъ молится... Потомъ, какъ будто изнывая отъ сильной горести, онъ схватываетъ за руку своего собесѣдника, наклоняется къ нему, падаетъ на плечо, обнимаетъ его и восклицаетъ жалобнымъ и раздирающимъ голосомъ: «Вѣдь ты не знаешь еще, безумный, что въ слезахъ есть своего рода упоенье.» Старикъ ослабѣлъ и снова упалъ въ кресла, а присутствующіе не смѣютъ пошевелиться, не могутъ перевести духа... такъ сильно впечатлѣніе, произведенное могущественною игрою Экгофа, который такъ глубоко прочувствовалъ роль осиротѣлаго старика, живущаго одними воспоминаніями, и такъ краснорѣчиво и внятно передалъ ее слушателямъ,

что они будто остолбенѣли отъ жалости и сочувствія къ его положенію.

Но Экгофъ не даетъ имъ времени опомниться, не позволяетъ предаваться впечатлѣнію; онъ вскакиваетъ съ мѣста, сбрасываетъ съ себя колпакъ, и какъ волшебникъ превращается въ поселянина, глупаго, смѣлаго и добраго, такъ, что передъ удивленнымъ обществомъ является въ порывѣ грубой радости своей Жоржъ *наслѣдникъ*. Онъ возвращается изъ города, гдѣ похоронилъ богатаго брата, и получилъ оставшееся послѣ него наслѣдство во сто тысячъ марокъ. Такое неожиданное благополучіе совершенно отуманило его голову; онъ не узнаетъ себя, и называетъ Лизу «сударыней.» Это смѣшное, буфонское самодовольствіе было передано такъ естественно, такъ живо, что не походило на подражаніе, а точно будто передъ вами находился самъ *наслѣдникъ*, который нисколько не походилъ на Экгофа. Согнутыя колѣна, поднятыя къ верху плеча, наконецъ каждый мускулъ лица изображалъ настоящаго мужика. Каждое движеніе руки было исполнено такого комизма, что всѣ помирали со смѣху. Чтобъ понять, какими маленькими средствами великій этотъ артистъ умѣлъ производить эфектъ, надо было видѣть, какъ онъ опускалъ внизъ два средніе пальца правой руки, и поднималъ кверху съ глубокомысленнымъ видомъ указательный палецъ и мизинецъ; все, что есть смѣшнаго въ этомъ движеніи руки, а главное кисти руки, можно нарисовать, но нельзя описать. Эта фламандская картина, настоящее изображеніе грубаго крестьянскаго понятія о вещахъ и людяхъ, была еще приправлена особымъ нарѣчіемъ platt-deutch, такъ, что когда Лиза спрашиваетъ Жоржа, зачѣмъ онъ шелъ пѣшкомъ, и когда онъ отвѣчаетъ ей на этомъ нарѣчіи: «да затѣмъ, что нахожу это гораздо спокойнѣе,» всѣ разразились хохотомъ, это было такъ смѣшно, что самый угрюмый мизантропъ не удержался бы отъ смѣха.

Въ концѣ сцены между Жоржемъ и Лизой, когда Экгофъ говоритъ попеременно то Лизинымъ голосомъ, то опять голосомъ мужа ея, громкія рукоплесканія заглушили артиста, который, сбросивъ съ себя халатъ, раскланялся бочкомъ, по-мужицки, но съ претензіей обогатившагося человѣка, и явился передъ друзьями своими милымъ артистомъ и человѣкомъ безъ претензій.

Всѣ окружили его, начали благодарить, поздравлять и вос-

хвалять; даже сама мадамъ Аккерманъ объявила себя побѣжденною и сказала весело:

— Да, теперь я вижу, что человѣческая кожа всегда была и будетъ лучшимъ костюмомъ, особенно, когда подъ нею сидитъ Эгмофъ.

Шредеръ же прибавилъ:

— Для истиннаго артиста, играетъ-ли онъ царя Аѳинскаго, или крестьянина Жоржа, бумажный колпакъ всегда будетъ лавровымъ вѣнкомъ.

Во время ужина, главнымъ предметомъ разговора была литература и искусство; особенно разсуждали объ Отелло и о томъ, какимъ образомъ гамбургская публика приняла его, и не смотря на присутствіе совѣтника, всѣ рѣшительно обвиняли совѣтъ за вмѣшательство въ дѣла искусства и вкуса, вовсе до него не касающіяся. Оба критика, докторъ Дрейеръ и Виттенбергъ сильно возстали противъ этихъ офиціальныхъ преградъ, поставленныхъ драматической поэзіи.

— Не странно-ли объявлять государство въ опасности, потому только что женѣ сенатора сдѣлалось дурно во время представленія трагедіи, и приказывать директору театра выкраивать великое твореніе по собственному произволу и подъ угрозою наказанія въ случаѣ неповиновенія!

— Подобныя мѣры вредны, сказалъ Виттенбергъ. Въ такомъ городѣ какъ Гамбургъ, искусство должно развертываться на свободѣ, если оно единственно относится къ тому, чтобъ представлять движеніе ума и страстей, но такихъ страстей, которыя бы не оскорбляли ни государства, ни нравственности. Истинно геніяльный писатель никогда не станетъ оскорблять этихъ двухъ святынь, и даже намеками непозволитъ себѣ дать подобное направленіе; напротивъ, всегда возстанетъ на защиту своего государства, и если видитъ упадокъ нравственности въ соотечественникахъ своихъ, то употребитъ всѣ моральныя силы и средства, чтобъ искоренить зло своею геніяльностью. А Шекспиръ былъ геній, слѣдовательно трагедія его не можетъ быть вредна, какъ увѣряетъ Гамбургскій Совѣтъ.

— Не надо впрочемъ забывать, что мы еще недавно перестали считать поэзію и искусство за враговъ практической жизни и стремимся переносить на сцену плодъ воображенія, зародышъ генія на мѣсто механическаго формализма или нелѣпостей, основанныхъ на преданіи. Еслибъ не Лессингъ, то мы и до сихъ поръ ходили-

бы съ теоріями нашими ощупью въ потьмахъ и не жаловались-бы теперь на велемудрый Совѣтъ, который по большинству пяти голосовъ рѣшаетъ, что прогресъ, даже и въ драматическомъ искусствѣ, долженъ проявляться въ приличныхъ мѣрахъ и формахъ. Одинъ, человѣкъ не маловажный, требовалъ что-бы я назвалъ ему хотя одну греческую или французскую трагедію, которая-бы для психологіи жертвовала закономъ прекраснаго, и которая вмѣсто идеаловъ довольствовалась-бы изображеніемъ человѣческихъ страстей въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, то есть во всей наготѣ своей; а главное, прибавилъ ораторъ, такихъ страстей, какова ревность Отелло, или скупость Гарпагона; такія страсти унижаютъ человѣчество и могутъ скорѣе назваться болѣзнію, чѣмъ драматическою пружиною. Наконецъ, друзья мои, хотя мнѣ и не удалось спасти Отелло, однако это засѣданіе совѣта утвердило меня въ мысли, что германскую литературу и искусство ожидаетъ скоро сильный кризисъ, и что желѣзная рука Гетца фонъ-Берлихингена постучалась въ дверь, откуда геній новой эпохи выйдетъ скоро торжествующимъ.

— А мавръ нашъ для того и пришелъ, чтобъ объявить свѣту власть высокой поэтической дѣйствительности, со всѣми порывами горя и радости, плача и смѣха надъ жалкими выжимками чахлаго воображенія и чахоточной сентиментальности! сказалъ Виттенбергъ. Другъ, Шредеръ, поставивъ на сцену Отелло, толкнулъ на нѣсколько шаговъ впередъ нашу драматургію, и воздвигнулъ нѣкоторымъ образомъ тронъ, на который придетъ и возсядетъ муза нашей отечественной поэзіи. Пусть возстаютъ противъ насъ парики и очки, люди отсталые отъ вѣка, а мы все-таки пойдемъ впередъ и заставимъ говорить на нашемъ родномъ языкѣ Гамлета, Лира, Макбета и неподражаемаго моего Фальстафа.

Наконецъ заспорили о томъ, какъ слѣдуетъ актеру играть роль Яго: выставлять-ли больше тайные помыслы этой личности, или явныя ея дѣйствія, и не слѣдуетъ-ли, нѣкоторою веселостью, смягчать немножко рѣзкія черты этой адской физіономіи, которая освѣщена слишкомъ яркимъ свѣтомъ, и потому непріятно поражаетъ зрителя; или слѣдуетъ наконецъ представлять роль эту просто за-просто, такъ, какъ воображеніе писателя воспроизвело ее, не обращая вниманія ни на время, ни на чувства, ни на людей.

Послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, докторъ Дрейеръ, пока-

зывая на Шредера, который молча слушалъ литературныя эти пренія, сказалъ:

— Зачѣмъ мы такъ споримъ, когда передъ нами самъ Яго, или по-крайней-мѣрѣ неподражаемый его представитель? Онъ скажетъ намъ, кто таковъ Яго: идеальный, или дѣйствительный злодѣй; что преобладаетъ въ немъ больше: голова, то есть умъ и размышленіе, природа, то есть злой нравъ, или привычка дѣлать зло послѣ нравственнаго своего паденія; и какъ намъ слѣдуетъ смотрѣть на него: какъ на фешіонебельнаго плута, или какъ на грубую, висѣличную фигуру?

Шредеръ не сейчасъ отвѣтилъ Дрейеру; онъ задумался, медленно допилъ стаканъ вина и отвѣчалъ притворно-разсѣянно:

— Да, Яго отличный плутъ, настоящій типъ злодѣя, съ котораго самъ сатана можетъ снять образецъ и научиться отъ него многимъ штукамъ, которыя даже ему самому не приходили въ голову... Но не смотря на все мое уваженіе къ этому неоцѣненному плуту, я скажу, что онъ не годится для нашей сцены, потому что выкроенъ по слишкомъ гигантской мѣркѣ, которая не по росту нашимъ современнымъ плутамъ, обыкновеннымъ интриганамъ. Дикая, величественная и высокая натура Отелло насилу досягаетъ до этого адскаго гиганта, который чуть-чуть не разбиваетъ всѣ пружины трагедіи. А между тѣмъ, не смотря на такіе огромные размѣры фигуры этой, кто можетъ сомнѣваться, что она составлена не изъ тѣхъ же матеріяловъ, изъ которыхъ англійскій Эсхилъ составляетъ всѣ другіе свои характеры, то-есть, кто можетъ сомнѣваться, что она взята не съ натуры, не изъ исторіи, и вовсе не противорѣчитъ истинѣ? Посмотрите на него по пристальнѣе, по внимательнѣе, и вы увидите тогда въ немъ бездну человѣчнаго, даже до послѣдней черты... все въ немъ естественно, все человѣчно, какъ напримѣръ: умъ, злость, честолюбіе, жажда мести, неблагодарность, любовь ко всему ужасному... Это самъ сатана въ образѣ человѣка, который радуется своимъ порочнымъ дарованіямъ и даже гордится своею завистливою низостью; особенно же онъ чванится, когда видитъ, что ядовитое дыханіе его отравляетъ кругомъ его все, даже красоту и добродѣтель. Вотъ мысль Яго, какъ мысль совѣтника Фалька въ «*Правосудіе и Месть.*» Если обсуживая особу свою, онъ говоритъ, что такой человѣкъ какъ онъ не возможенъ, такъ это самое и доказываетъ, что онъ возможенъ и дѣйствительно существуетъ. Въ немъ нѣтъ ни одного чувства,

ни одной фибры, которыя бы принадлежали къ хорошей сторонѣ человѣческой натуры, а сверхъ того онъ еще и софистъ, и тонкій, хитрый софистъ; передъ каждымъ новымъ покушеніемъ онъ разсуждаетъ самъ съ собою, доказываетъ себѣ, что поступаетъ справедливо и что изъ его отвратительныхъ дѣйствій можетъ выйти хорошій и даже благой и нравственный результатъ; онъ чувствуетъ потребность обманывать самаго себя, и чтобъ исполнить безъ угрызенія совѣсти задуманные имъ планы, онъ съ ужасомъ отворачивается отъ своей собственной натуры, но все-таки увѣряетъ себя, хотя и не вѣритъ, что поступаетъ такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ скрытенъ, какъ въ большихъ, такъ и въ мелкихъ вещахъ, и заранѣе, такъ-сказать, высчитываетъ, что онъ почувствовалъ-бы вотъ въ такихъ-то обстоятельствахъ, если-бъ у него вдругъ очутилась совѣсть; а чтобъ быть увѣрену, что никогда не впадетъ въ подобную напасть, онъ вѣритъ лицемѣрію своему, какъ самымъ невиннымъ намѣреніямъ. Находчивый, извилистый умъ его, подъ личиною самыхъ благородныхъ стремленій души, умѣетъ скрывать свое нравственное безобразіе. Какъ злодѣй широкихъ размѣровъ, онъ вполнѣ обладаетъ знаніемъ человѣческаго сердца и личиною простосердечія маскируетъ задуманное имъ зло, такъ, что успѣваетъ даже обмануть существо самое чистое, Десдемону, и кончаетъ тѣмъ, что разрушаетъ то очарованіе, посредствомъ котораго женщина имѣла сперва столь сильное вліяніе надъ сердцемъ Отелло... И послѣ этого говорятъ еще, что такого человѣка нѣтъ въ дѣйствительности?.. О! будьте увѣрены, друзья мои, что подобныя личности вовсе не такъ рѣдки, какъ думаютъ, и характеръ, созданный Шекспиромъ, есть ничто иное, какъ слишкомъ вѣрная копія тѣхъ людей, у которыхъ самые лучшіе дары ума и сердца для того только и существуютъ, чтобъ рельефнѣе выставить совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго чувства. Я зналъ такихъ Яго, которымъ недоставало только случаевъ быть такими-же чудовищами, какъ чудовище Шекспира; а потому, чтобъ безпристрастно оцѣнить Шекспирова Яго, не надо забывать обстоятельствъ и лицъ, которыя придаютъ ему этотъ страшный образъ. Въ этомъ-то именно и состоитъ адскій характеръ этихъ сатанинскихъ клевретовъ, что геній ихъ, если можно такъ выразиться, выказываетъ всю силу свою только посреди необыкновенныхъ событій и въ столкновеніи съ замѣчательными характерами, не подходящими подъ общій уровень. Отъ всего этого онъ получаетъ,

такъ сказать, толчекъ; и потому, трудныя положенія и люди высокаго ума или высокой нравственности, которыми по-видимому управляетъ ужъ не ихъ собственная воля, а сама судьба, усиливаютъ могущество злодѣя и помогаютъ кознямъ его безотрадной логики. Для настоящаго Яго нужна достойная жертва, онъ, какъ страшный боа, тогда только и развертываютъ всю свою силу, когда борется со львомъ.

Шрёдеръ остановился въ ожиданіи, что кто-нибудь изъ присутствующихъ заговоритъ въ свою очередь; но какъ всѣ молчали, онъ помолчавъ немного продолжалъ:

— Въ характерѣ Яго есть одна черта, которая поражаетъ меня своею великою истиною, то-есть правдоподобностью: мало того, что онъ обманываетъ благороднаго и простодушнаго Отелло, этого суроваго воина, незнакомаго ни съ дипломатическими хитростями, ни съ притворствомъ; но онъ обманываетъ даже чистую, непорочную Десдемону, этотъ идеалъ любящей и чувствительной женщины, которой, кромѣ великаго этого знатока человѣческаго сердца, каждый другой писатель придалъ бы неизъяснимый страхъ къ этому коварному злодѣю. Каждый нашелъ бы весьма естественнымъ, что эта чистая душа чувствуетъ невольную боязнь при видѣ Яго, что несознательное предчувствіе щемитъ ея сердце, какъ пророческое предвѣщаніе, и шепчетъ ей невнятно: остерегайся этого злодѣя. Но Шекспиръ пренебрегъ этимъ эфектнымъ средствомъ и былъ совершенно правъ; у Десдемоны его, которая исключительно любитъ одного Отелло, со всею страстью и преданностью дѣвственнаго сердца, нѣтъ никакихъ предчувствій, кромѣ одного предчувствія безконечнаго, полнаго счастья въ любви Отелло, предчувствія, или лучше сказать вѣры въ высокую добродѣтель и благородство порывовъ того, кому она всѣмъ пожертвовала: репутаціей, семействомъ, счастливой и блестящей будущностью, и для того единственно, чтобъ называться его женою, другомъ, чтобъ быть для него всѣмъ на свѣтѣ. Упоеніе это наполняетъ все существо ея. Развѣ не видимъ мы и въ дѣйствительной жизни этого вѣрнаго изображенія сердца женщины? Только самые возвышенные и благородные характеры не замѣчаютъ какъ злодѣй подбирается тайкомъ и подкапывается подъ ихъ счастье; а не замѣчаютъ потому, что душа ихъ преисполнена одною исключительною, жгучею страстью, которая дѣлаетъ ихъ слѣпыми и глухими ко всѣмъ постороннимъ предметамъ, не касающимся этой страсти. Что

вышло бы изъ Яго, еслибъ Десдемона, не будучи столь сильно и исключительно предана любви своей, угадавъ женскимъ инстинктомъ злодѣя своего, простосердечно высказала-бы свое мнѣніе, или, еслибъ Отелло, это геройское и вѣрное сердце, судя о дружбѣ и о другѣ по самому себѣ, не поспѣшилъ-бы произнести страшный судъ свой надъ Десдемоной?.. Почему порокъ такъ часто торжествуетъ надъ добродѣтелью?.. потому что добрые и честные люди большею частію бываютъ довѣрчивы, неосторожны, невинны и не могутъ проникнуть въ черную душу злодѣя; между тѣмъ какъ люди, подобные Яго, постигая умомъ своимъ всѣ красоты благородной натуры, которую желаютъ погубить, сливаются, такъ-сказать, съ нею и притворяются во всѣхъ тѣхъ чувствахъ, которыя могутъ обворожить ее; а Яго обладаетъ этимъ даромъ въ высшей степени.

— Чтобы тамъ ни было, сказалъ Зильбургъ, ломая миндальный орѣхъ, но Яго вымышленному гораздо легче дѣйствовать, чѣмъ дѣйствительному, особенно въ настоящемъ положеніи современнаго общества и нравственности. Не смотря на все совершенство, съ какимъ изображенъ этотъ характеръ, не смотря на всю его точность и связь, мнѣ кажется совершенно непонятнымъ, что тотъ-же самый Яго, въ которомъ всѣ зрители съ перваго взгляда узнаютъ злодѣя, можетъ такъ долго обманывать дѣйствующихъ лицъ піесы. Согласитесь, что это не натурально, и тѣмъ болѣе, что дѣйствующія эти лица принадлежатъ къ высшему слою общества; слѣдовательно нельзя допустить, чтобъ люди образованные по тому вѣку (вѣдь не одинъ-же Яго былъ образованъ) ввѣрились и предались такъ необдуманно первому встрѣчному авантюристу. Зрители партера, ложъ и галерей, — значитъ всѣ слои общества, — вздрагиваютъ при первомъ появленіи Яго, лица-же пьесы остаются совершенно спокойными, не думаютъ подозрѣвать его и повѣряютъ ему всѣ свои задушевныя тайны; однимъ словомъ, обходятся съ нимъ какъ съ самымъ преданнымъ, закадычнымъ другомъ. Положимъ, что Десдемона, увлеченная своею страстью, какъ женщина, ничего не видитъ, а другіе-то чего смотрятъ? даже сама Эмилія, собственная жена этого злодѣя, не смотря на врожденную женщинамъ хитрость и осторожность, содѣйствуетъ, ничего не подозрѣвая, интригамъ мужа, и простодушно губитъ съ нимъ Десдемону.

Шрёдеръ спокойно посмотрѣлъ на Зильбурга и отвѣчалъ:

— Извините, баронъ; но здѣсь нѣтъ ничего неправдоподобнаго, и дѣйствительность доказываетъ намъ, что великій Шекспиръ, благодаря опыту своему, описываетъ такъ же вѣрно благородные и низкіе характеры, и не позволяетъ имъ дѣйствовать, мыслить, чувствовать или говорить неправдоподобно. Ну, что помѣшаетъ теперь такому человѣку, какъ Яго, надѣлать столько-же зла, и въ обстоятельствахъ, представленныхъ Шекспиромъ, вовлечь окружающихъ въ такія-же катастрофы? Утонченные интриганы находятъ въ современной жизни нашей довольно удобную для этого почву, и недавно еще мнѣ разсказывали ужасное событіе, могущее служить доказательствомъ тому, что я имѣю честь изъяснить вамъ: непонятное коварство одного современнаго намъ Яго чуть-было не разрушило миръ и честь одного почтеннаго семейства. Но какъ я слышалъ исторію эту только мелькомъ, то не хочу повторять ее. Знаю только одно, прибавилъ Шрёдеръ съ страннымъ выраженіемъ въ лицѣ и какъ будто стараясь стряхнуть съ себя тягостное впечатлѣніе, что злодѣю, о которомъ я говорю, потому только и не удались его замыслы, что онъ захотѣлъ играть въ одно и тоже время обѣ роли: Отелло и Яго.

Баронъ вздрогнулъ, но незамѣтно. Недовѣрчивый взглядъ, устремленный имъ минутно на Шрёдера, выражалъ боязнь, не узналъ-ли Шредеръ его задушевной тайны.

— А! вскричалъ Зильбургъ, успокоенный простосердечнымъ видомъ Шрёдера, и помирая со смѣху, мнѣ бы хотѣлось познакомиться съ этимъ господиномъ. Любопытно видѣть Отелло и Яго слитыхъ въ одну особу! Слѣдовательно, особа эта должна быть съ одной стороны черная, съ другой бѣлая! Я право не понимаю, какъ это онъ не сумѣлъ сыграть хоть одной роли, и не удержалъ за собою ни одного цвѣта?

Шрёдеръ по-видимому нисколько не былъ оскорбленъ шутками барона, который смѣялся въ то время, когда Шрёдеръ разсказывалъ такое событіе, которое явно огорчало его до глубины души.

Шрёдеръ даже улыбнулся и отвѣчалъ весело:

— Извините, баронъ! Но герой нашъ удержалъ за собою одинъ цвѣтъ, даже послѣ неудачи въ обѣихъ роляхъ, потому что изъ чернаго Отелло и бѣлаго Яго вышла такая славная сѣрая скотина, что на всю жизнь останется ею для свѣта!

Тутъ Шредеръ перемѣнилъ разговоръ и сумѣлъ простодуш-

ною веселостью вознаградить молодыхъ гостей своихъ за скуку серіозныхъ разговоровъ. Анекдоты, шутки, каламбуры замѣнили литературныя пренія; а благотворное вино гостепріимнаго этого дома развеселило ихъ и развязало языкъ, такъ что разговоры сдѣлались живѣе, откровеннѣе.

Но вотъ колоколъ св. Михаила пробилъ полночь, и гости разошлись понемногу.

Зильбургъ, пользуясь минутой, когда всѣ, будучи заняты своимъ разговоромъ, не обращали на него вниманія, подошелъ къ Шарлотѣ, чтобъ пожать ей тайкомъ руку и сказать чтобъ завтра она приходила къ совѣтницѣ, и что онъ тоже будетъ.

Когда Шарлота обернулась, чтобъ видѣть, не смотритъ-ли кто на нее, ей показалось, что братъ наблюдаетъ за нею и смотритъ какъ-то мрачно.

Пока гости раскланивались и прощались съ хозяйками, Шредеръ подошелъ къ Зильбургу и такъ долго удерживалъ его пустою болтовнею, что онъ остался послѣдній.

Зильбургъ въ свою очередь простился съ хозяевами; Шредеръ пошелъ провожать его, а Крейнштеръ шелъ впереди со свѣчею въ рукахъ.

Шредеръ спустился съ Зильбургомъ съ лѣстницы. Дойдя до послѣднихъ дверей, и въ ту минуту, какъ Зильбургъ брался уже за ручку дверей, чтобъ окончательно уйти, Шредеръ, взявъ его фамиліарно подъ руку сказалъ:

— А! кстати, баронъ... вы изъявили желаніе познакомиться съ тѣмъ господиномъ, котораго я сравнивалъ съ Яго?

— Это была шутка! пробормоталъ Зильбургъ, смутясь отъ пламенныхъ глазъ Шредера, который дѣлая ему этотъ вопросъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе сжималъ ему руку.

— А! шутка!.. И остановясь на минуту Шредеръ выпрямился съ угрожающимъ видомъ. Шутка!.. Ну, такъ это другое дѣло! А не то я хотѣлъ познакомить васъ съ этимъ Яго. Стоитъ только отправиться когда нибудь, мимоходомъ, въ Кугельсъ-ортъ, къ португалькѣ Фанни, если только это вамъ не слишкомъ противно; вѣдь это настоящій разбойничій притонъ; а нашъ Яго водитъ туда по вечерамъ невинную дѣвушку, почти ребенка, которая принадлежитъ къ почтенному семейству, чтобъ рано или поздно овладѣть этимъ несчастнымъ ребенкомъ... и для чего? чтобъ погубить ея молодость, навсегда разрушить ея сердечный покой и осрамить семей-

ство, а потомъ, обезчестить ее и бросить на поруганіе и позоръ свѣту. Тамъ вы бы увидѣли, какъ этотъ жалкій Яго прячется за геройскую личность Отелло, какими доблестями украшается въ глазахъ своей любезной, какимъ добродѣтельнымъ прикидывается, любо-дорого посмотрѣть!.. самъ же обо всемъ этомъ вѣдаетъ только по наслышкѣ!.. Да, баронъ, клянусь вамъ, что я съ большимъ удовольствіемъ взялъ-бы хлыстъ, которымъ бьютъ собакъ, и далъ-бы почувствовать этому мерзавцу Зильбургу... извините баронъ... я хотѣлъ сказать: мерзавцу Яго...

— Что вы ко-мнѣ привязались!.. что вамъ отъ меня надо?.. оставьте меня!.. закричалъ Зильбургъ, рука котораго какъ въ тискахъ сжималась въ кулакѣ Шредера.

Но онъ напрасно пытался вырваться, Шредеръ снова притащилъ его на порогъ, и закричалъ громко самымъ простодушнымъ и ласковымъ тономъ:

— Прощайте, ваше сіятельство; до свиданія, господинъ баронъ, если вамъ вздумается неравно посѣтить насъ! добраго пути и доброй ночи!

Онъ вышвырнулъ его такъ сильно на улицу, что Зильбургъ насилу устоялъ на ногахъ.

Зильбургъ пошатнулся и чуть-было во всю длину не разстянулся на мостовой.

Тогда Шредеръ захлопнувъ дверь, обратился къ Крейнштеру, который ни живъ, ни мертвъ отъ страху, стоялъ, опустивъ голову, и сказалъ самымъ спокойнымъ видомъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось:

— Ну, теперь, пойдемъ спать, любезнѣйшій, что же до Шекспирова Яго, то мы съ тобой совершенно согласны, что у него въ мезинцѣ одномъ больше ума, чѣмъ въ щедушномъ мозгу всѣхъ датскихъ фанфароновъ.

XXXII.

Предоставивъ собственно себѣ правосудіе надъ Зильбургомъ, что имѣлъ полное право сдѣлать честный человѣкъ со злодѣемъ, Шредеръ совершенно соглашался съ мнѣніемъ доктора Унцера, что такимъ образомъ скорѣе покончитъ дѣло и надѣлаетъ меньше шума, чѣмъ объясняться и откладывать развязку въ длинный ящикъ.

Объявить просто-за-просто, безъ церемоніи, Зильбургу, что его

считаютъ за негодяя, дать ему хорошій урокъ и сверхъ того растолковать, какимъ образомъ оскорбленное имъ семейство намѣрено обходиться съ нимъ: вотъ что задумалъ и исполнилъ Шредеръ по совѣту Унцера; это удовлетворяло Шредера во всѣхъ отношеніяхъ; онъ отмстилъ Зильбургу и за оскорбленіе сестры и за несчастіе всего своего семейства, и за собственныя личныя свои страданія, и отмстилъ ему еще такъ унизительно для его баронской гордости!

Шредеръ, убѣдясь въ ослѣпленіи сестры своей, страшно горевалъ; но если что могло сравниться съ этимъ горемъ, такъ это презрѣніе, которое онъ почувствовалъ къ Зильбургу съ той минуты, какъ Унцеръ подтвердилъ подозрѣнія его и когда удостовѣрился въ глубокой испорченности этого современнаго Яго.

Не по одному изученію ролей Шредеръ зналъ всю черноту порока и всѣ слѣдствія его; но по словамъ біографовъ знаменитаго этого актера, онъ изучилъ порокъ по опыту бурной молодости; и опытность эта научила его признавать двѣ силы, которымъ покоряется жизнь человѣка: одна изъ этихъ силъ толкаетъ его въ пропасть, когда онъ не умѣетъ противостоять искушеніямъ, а другая уноситъ его въ высшія области, очищаетъ душу и открываетъ ему достоинства этой души, о которой онъ начинаетъ тогда заботиться, любить ее, лѣлѣять всѣмъ, что есть возвышеннаго въ человѣкѣ. Опытность эта была для Шредера, въ послѣдствіи его карьеры, основаніемъ его нравственности; и можетъ быть, эта практическая, сильная, строгая философія, слѣдствіе горькихъ заблужденій и прошлыхъ проступковъ, была причиною, что Шредера можно было упрекнуть, особенно во время второй половины его артистическаго поприща, что онъ слишкомъ жестко и рѣзко выказывалъ въ нѣкоторыхъ роляхъ пороки и слабости человѣческія.

На слѣдующее утро Шредеръ былъ мраченъ, горе и гнѣвъ боролись въ душѣ его, и онъ не могъ еще ни на что рѣшиться, не могъ сдѣлать никакого яснаго заключенія.

Дверь отворилась, вошелъ Унцеръ; онъ старался успокоить друга и успѣлъ отчасти. Шредеръ былъ въ лихорадкѣ и немогъ разсуждать; но Унцеръ, успокоивая его, растолковалъ въ какой опасности находится репутація Шарлоты и всего семейства, и что всякій необдуманный поступокъ со стороны Шредера предастъ ихъ всѣхъ на посмѣяніе свѣту и порадуетъ враговъ ихъ.

Но хотя злодѣй получилъ уже заслуженное возмездіе отъ оскорбленнаго имъ дома, зло, причиненное имъ, все-таки оставалось, потому что Шарлота, изъ любви къ которой Шредеръ такъ безцеремонно обошелся съ Зильбургомъ, не подозрѣвала даже такого неожиданнаго разрыва только что начавшейся любви. Прежде всего надо было разлучить ее съ барономъ, и устроить такъ, чтобъ ей невозможно было съ нимъ видѣться. Шрёдеръ хорошо зналъ Шарлоту, слѣдовательно боялся, что это будетъ не такъ легко: у такой страстной женщины какъ Шарлота, не хватитъ силъ оторваться отъ своего возлюбленнаго, и слишкомъ сильное потрясеніе можетъ заставить ее рѣшиться на какое-нибудь отчаянное средство.

— Вотъ горестныя послѣдствія нашей домашней дипломаціи! говорилъ отчаянный Шредеръ. Мы позволяемъ то, чего не хотимъ, охотно зажмуриваемъ глаза и стараемся не видѣть, какъ у насъ похищаютъ все, что намъ дорого и священно, и послѣ этого удивляемся еще своему несчастію, которое не даетъ намъ покоя ни днемъ, ни ночью, потому что мы сами водворили его у себя.

Шрёдеръ очень хорошо зналъ, что Шарлоту нечего уговаривать, а дѣйствовать строгостью еще хуже. Она слишкомъ сблизилась съ Зильбургомъ, чтобъ покинуть его безъ отчаянной борьбы; повинуясь ему, она вѣроятно упрекала себя въ слабости, о которой прежде не имѣла никакого понятія. Шрёдеръ не могъ понять какъ Шарлота, до-сихъ-поръ столь скромная, могла рѣшиться на такой поступокъ, а если рѣшилась, такъ потому только, что слишкомъ сильно любитъ этого злодѣя. Какъ же послѣ этого Шредеръ могъ надѣяться, чтобъ она безъ борьбы и отчаянія разсталась съ барономъ, и тѣмъ болѣе, что недавно еще торжественно объявила Доротеѣ, что готова на все, что онъ только отъ нея потребуетъ, и если ее доведутъ до крайности, то кромѣ власти Зильбурга, она не признаетъ ни чьей власти?

Шрёдеръ, находясь въ трудномъ и необыкновенномъ положеніи, думалъ что ему позволены всѣ средства, чтобъ выйти изъ этого положенія, и потому рѣшился обратиться къ хитрой и опасной Фанни, покорному орудію козней Зильбурга. Это была лучшая и вѣрнѣйшая дорога чтобъ разузнать все о баронѣ и передать Шарлотѣ; но какъ вывѣдать отъ португальки, которая не смотря на дурную свою репутацію, славилась однако тѣмъ, что

умѣла молчать, постоянно соблюдая правило: «за разговоры серебро, а за молчаніе золото!»

Если мнѣ удастся задарить эту вѣдьму, думалъ Шрёдеръ, то почти увѣренъ, что выпытаю все о Зильбургѣ и получу самыя вѣрныя и подробныя о немъ свѣдѣнія.

Ему трудно было однако рѣшиться на этотъ поступокъ.

Выгнавъ Яго изъ дому, онъ надѣялся сорвать маску съ Отелло, доказать ему и Шарлотѣ, что онъ самый коварный злодѣй, и вырвать изъ сердца сестры любовь къ нему.

Унцеръ, назначенный докторомъ для бѣдныхъ въ томъ кварталѣ, гдѣ находился Кугельсъ-ортъ, обѣщалъ Шредеру помочь въ этомъ дѣлѣ, и потому около вечера зашелъ за нимъ, чтобъ отправиться къ Фанни.

Хотя Шредеръ рѣшился уже непремѣнно исполнить то, что задумалъ, однако сердце его сжималось при мысли о Шарлотѣ, которая можетъ прійти въ отчаяніе и рѣшиться на какую-нибудь крайность; ему тоже было непріятно играть роль, такъ сказать, шпіона. Онъ былъ мраченъ и уныло поникъ головою, такъ, что докторъ принужденъ былъ напоминать ему, и довольно часто, что это единственное средство для спасенія Шарлоты и всего семейства, и что для этого надо непремѣнно употребить ту-же самую особу, которую вѣроятно употребилъ Зильбургъ для того, чтобъ ослѣпить и погубить Шарлоту.

— Если деньги твои не подѣйствуютъ на нее, сказалъ докторъ, то я произнесу магическое слово и тогда увидимъ... Мнѣ кажется, что имя Зильбурга играетъ важную роль въ скандальной хроникѣ этого дома, слѣдовательно Фанни знаетъ всю его подноготную.

Стемнѣло уже когда друзья вошли въ домъ португальки, которая только что принарядилась въ ожиданіи обычныхъ гостей своихъ.

Увидя двухъ посѣтителей, изъ которыхъ знала только одного, струсила немножко. Мрачныя лица ихъ не предвѣщали ничего добраго.

Унцеръ, принявъ серіозный видъ допрашивающаго судьи, обратился къ Фанни съ вопросомъ: признается ли она въ ремеслѣ, строго-на-строго запрещенномъ законами, и по какому праву принимаетъ честныхъ дѣвушекъ, доставляя имъ возможность тайныхъ свиданій противъ воли родителей?

— Что съ вами?.. Помилуйте!.. что это вы говорите, докторъ, отвѣчала испуганная гадальщица, лицо которой покры-

лось красными пятнами; видно было, что она сама не понимала, что говорила.

Вмѣсто отвѣта, докторъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Вы должны быть знакомы съ извѣстнымъ барономъ Зильбургомъ, который съ давнихъ поръ пріѣзжаетъ въ Гамбургъ каждый годъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Португалька, догадываясь по вопросу, что дѣло касалось не до нея собственно, вздохнула свободнѣе и отвѣчала презрительно:

— Да кто-жъ его не знаетъ! Я его слишкомъ хорошо знаю, и Богу извѣстно, что я бы желала никогда не видать его. Но что можетъ сдѣлать слабая женщина въ моемъ положеніи? Мнѣ надо стоять на дружественной ногѣ съ богатыми кавалерами, любящими повеселиться.

— А дама?.. знаете вы даму, которая пріѣзжаетъ сюда на свиданіе съ барономъ?

Гадальщица остолбенѣла и глядѣла въ смятеніи то на доктора, то на незнакомаго красиваго и высокаго мужчину, молчаливость котораго видимо пугала ее. Но докторъ повторилъ вопросъ свой такимъ рѣшительнымъ тономъ, что хитрая куртизанка, прикидываясь чувствительною, отвѣчала:

— Не спрашивайте много, я не могу отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ. Какъ человѣкъ благородный, вы поймете, что мнѣ непріятно нескромностью своею губить честную дѣвушку; къ тому-жъ вы и сами осудили бы меня за подобное предательство. Репутація Зильбурга погибла, слѣдовательно ему нечего терять. Кто въ Кугельстъ-ортѣ не знаетъ этого человѣка, какъ самаго развратнаго волокиту? Но дама... это другое дѣло...

— А все-таки вы должны намъ сказать, если не хотите, чтобъ мы обращались къ правосудію, заговорилъ тогда Шрёдеръ, что вѣроятно будетъ вамъ, все равно какъ и мнѣ, весьма непріятно. Я пріѣхалъ къ вамъ, сударыня, именно за тѣмъ, чтобъ узнать подробно и достовѣрно о сношеніяхъ дамы этой съ барономъ. А чтобъ оправдать себя и заставить васъ понять, почему я такъ горячо вступаюсь въ это дѣло, то я объявляю вамъ, что я братъ этой легковѣрной и неосторожной дѣвушки, которую рѣшился спасти, во чтобы то ни стало, отъ когтей вашего хищнаго барона, и потому предлагаю вамъ дружелюбно помочь мнѣ изобличить этого низкаго развратника, а не то я прибѣгну къ законамъ. Если вамъ угодно

содѣйствовать мнѣ честно и безхитростно, то получите отъ меня пятьдесятъ червонцевъ, а не угодно, такъ какъ знаете...

— Мы вернемся къ вамъ скоро съ комиссаромъ Шрёттерингомъ, который посадитъ васъ въ тюрьму, сказалъ съ угрозою Унцеръ, тогда вамъ придется, можетъ-быть, разскаяваться, но слишкомъ поздно, что вы не умѣли пользоваться великодушіемъ и щедростью друга моего Шрёдера, знаменитаго артиста и директора гамбургскаго театра.

Трудно сказать, которое изъ двухъ объявленій произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на португальку, потому что въ домѣ, въ который мы вошли вмѣстѣ съ Унцеромъ и Шрёдеромъ, тюрьма и театръ казались двумя противоположными полюсами, около которыхъ вращалась вся жизнь обитателей этого дома; одинъ полюсъ представлялъ пучину мрака, ужаса, голода, холода, неволи; другой же былъ Елизеемъ всѣхъ удовольствій, гдѣ всѣ стояли на равной ногѣ другъ къ другу и къ обществу, и гдѣ тоже съ помощью нарядовъ, фальшивыхъ брилліянтовъ, бронзовыхъ серегъ и браслетъ и скромнаго, на видъ, поведенія, можно было передразнивать честныхъ людей и слѣдовательно составлять вмѣстѣ съ ними то, что называется *многоуважаемой публикой*. Въ Гамбургѣ жило мало дворянскихъ фамилій, а больше купцовъ, ученыхъ, актеровъ, которые составляли общество и были приняты въ дворянскихъ домахъ чрезъ знакомство свое съ учеными или сенаторами; а какъ Фанни сама по себѣ и по мужѣ, который былъ первымъ танцоромъ, принадлежала къ театру, то и была бы принята въ почтенныхъ домахъ, если-бъ не была извѣстна ремесломъ своимъ. Къ тому жъ имя совѣтника Шрёттеринга, который, въ качествѣ коммиссара, имѣлъ надзоръ надъ этимъ кварталомъ, было такъ же извѣстно въ кругу мадамъ Фанни, какъ имя знаменитаго Миноса въ царствѣ тѣней, и потому докторъ не успѣлъ еще выговорить своей угрозы, какъ испуганная гадальщица начала умолять доктора и Шрёдера—не обижать ее, что она готова на всё, что ей только прикажутъ.

— Я бѣдная, но честная женщина, говорила Фанни; обстоятельства заставляютъ меня иногда дѣлать то, что не слѣдуетъ; къ тому-жъ я самая ревностная католичка... а покойный мужъ мой, знаменитый танцоръ, танцовалъ на первѣйшихъ театрахъ свѣта предъ величайшими монархами міра и получалъ отъ нихъ въ знакъ *благодарности* великолѣпные подарки.

Фанни говорила безъ связи, для того, чтобъ говорить и не дать замѣтить, что труситъ. Перейдя такимъ образомъ отъ прежней скромности къ обыкновенной болтовнѣ своей, она дошла наконецъ, послѣ многихъ увертокъ, до барона Зильбурга. Она разсказала тогда, какъ долго и неотвязно баронъ преслѣдовалъ ее просьбами и деньгами, чтобъ она согласилась отдать ему въ наймы комнату для свиданій съ дѣвицею Аккерманъ, и тогда только отсталъ, когда она, согласясь на его просьбы, приняла деньги. Правда, что она давно уже знала барона за человѣка ветренаго, непостояннаго, который обманывалъ своихъ любезныхъ дамъ и смѣялся надъ ними; но тутъ она не могла предполагать ничего дурнаго, потому что Зильбургъ часто повторялъ ей, что на этотъ разъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ жениться и ждетъ только позволенія родныхъ своихъ, которымъ не хочется впустить въ семейство свое актрису; а есть-ли у него родные, этого она не знаетъ; но зная скромность и нравственное воспитаніе дѣвицы Аккерманъ, она не усомнилась въ словахъ барона, а тѣмъ болѣе въ скромности его собесѣдницы, и думала что открывая тайное убѣжище влюбленнымъ, она хорошо поступаетъ. Разными хитростями онъ привлекъ ее въ этотъ домъ, но она не знала, что это за мѣсто.

Хитрая гадальщица не сказала однако, что Шарлота сама пришла къ ней и просила передать письмо Зильбургу, потому что выгода ея требовала, чтобы все взвалить на барона, а самой выйти сухой изъ воды, или по-крайней-мѣрѣ выставить себя въ самомъ выгодномъ, по возможности, свѣтѣ, то-есть объявить, что въ этомъ случаѣ она только тѣмъ и виновата, что сжалилась надъ несчастными и пріютила ихъ, что всякій бы сдѣлалъ на ея мѣстѣ изъ состраданія душевнаго.

— Если такъ, сказалъ Шрёдеръ, то у меня нѣтъ причины безпокоить друга моего Шрёттеринга. Теперь я долженъ скорѣе благодарить васъ, чѣмъ вредить вамъ, и стану просить: помогите мнѣ исправить зло и устроить такъ, чтобъ не случилось еще чего-нибудь худшаго. Вы сказали, если я не ошибаюсь, что давно уже знаете Зильбурга?

— Да, я знаю его очень давно! отвѣчала гадальщица тѣмъ ластящимся тономъ, которымъ обыкновенно говорятъ люди такого сорта съ честными людьми. Да, я давно знаю его, но не могу вспомянуть хорошимъ: своими любовными продѣлками онъ всегда навлекалъ на меня непріятности, такъ, что мнѣ часто приходилось распла-

чиваться за лакомство этого господина, который не вознаграждалъ меня даже за труды мои и непріятности, отъ которыхъ я не знала часто какъ отдѣлаться, и потому платила собственныя деньги. Ахъ, если-бъ я смѣла говорить откровенно! Но это такія щекотливыя и деликатныя вещи, что насъ-же осуждаютъ, если мы неравно проболтаемся отъ горя, для собственнаго своего несчастія мы должны хранить молчаніе, а заговори я—еще хуже!.. Видно намъ ужъ такъ на роду написано! Вѣдь всѣ думаютъ, что трактиръ приноситъ большіе доходы, что я богата... а все въ долгъ берутъ... потомъ уѣдутъ, и поминай какъ звали!. Непріятности-же на каждомъ шагу... кавалеры эти заведутъ шумъ да крикъ, а ты расплачивайся за нихъ, какъ хозяйка. Да вотъ хоть Зильбургъ... да ну его совсѣмъ!

Гадальщица остановилась.

— Продолжайте, сказалъ Шрёдеръ, вы можете быть увѣрены, что все останется тайной между нами, тѣмъ болѣе, что это моя личная выгода, прибавилъ Шредеръ, опустивъ въ рабочую корзинку Фанни свертокъ червонцевъ. Я и самъ не хочу, чтобъ продѣлки этого господина были всѣмъ извѣстны; вотъ почему вы можете говорить свободно.

Не знаемъ это ли размышленіе или свертокъ червонцевъ отняли у Фанни послѣднюю совѣстливость, можетъ быть и то, и другое, потому что она прокашлялась, какъ будто приготовляясь говорить, а главное, языкъ ея развязывался отъ жадности и досады на Зильбурга, который такъ долго не являясь въ домъ ея, какъ будто нарочно для того только и возвратился, чтобъ нанести ей убытки и хлопоты, какъ это случалось и прежде.

Тутъ Фанни припомнила мимоходомъ Берту, бунтъ матросовъ, которые благодаря Зильбургу, перестали ходить въ трактиръ ея; а ей самой онъ навязалъ на руки подозрительную полицію, которая брала съ нея теперь взятки... однимъ словомъ, Фанни до того была взбѣшена на Зильбурга, что рѣшилась выдать его безъ пощады и описать всю его подноготную, тѣмъ болѣе, что ей выгоднѣе было теперь выдавать его, чѣмъ щадить.

Она разсказала подробно, когда и какимъ образомъ познакомилась съ Зильбургомъ, въ какомъ обществѣ онъ посѣщалъ тогда домъ ея. Чаще всего онъ ѣздилъ къ ней съ графомъ Линдскрономъ; они были всегда неразлучны. Фанни думала тогда, что они потому только такъ дружны, что оба находятъ удовольствіе въ разгульной жизни, ибо графъ характеромъ

своимъ вовсе не походилъ на барона, хотя и умеръ въ слѣдствіе этой жизни.

— Иначе и быть не могло, прибавила Фанни: одинъ Зильбургъ вынесъ все это, но для этого надо родиться Зильбургомъ. Я увѣрена, что онъ нарочно вовлекалъ графа въ развратъ, чтобъ уморить его прежде времени. Будучи пьянъ однажды, онъ сказалъ мнѣ, что Линдскронъ, предчувствуя конецъ свой, завѣщалъ ему управленіе всѣми своими помѣстьями до совершеннолѣтія сыновей своихъ; а какъ до этого еще долга пѣсня, то мы успѣемъ вдоволь накутиться. Послѣ смерти графа, Зильбургъ продолжалъ навѣщать меня и сдѣлался еще какъ будто развратнѣе, но впалъ въ такое мрачное уныніе, въ которомъ оставался даже и тогда, когда пилъ и кутилъ. Что-то тайное, неотвязчивое мучило его и не давало забыться даже въ самомъ опьянѣніи. Объ опекѣ ужъ и помину не было; но по словамъ бѣдной Берты, которую онъ такъ жестоко обманулъ и покинулъ, баронъ увѣрялъ ее, что графиня Линдскронъ женщина удивительнаго ума и красоты, страстно влюбилась въ него еще при жизни мужа, но что онъ, Зильбургъ, изъ дружбы къ графу, не хотѣлъ отвѣчать ей. Бѣдняжка Берта!.. она всему вѣрила, что говорилъ ей этотъ злостный хвастунъ, и воображала, что онъ предпочитаетъ ее, бѣдную дѣвушку, богатой и блестящей графинѣ!

— Чтожъ было такое между нимъ и этой Бертой? спросилъ Унцеръ.

— Ахъ, Боже мой! я чуть-было не забыла самого главнаго! вскричала Фанни страннымъ голосомъ, и каріе глаза ея заблистали мрачнымъ пламенемъ. Бросивъ проницательный взглядъ на посѣтителей, она подбѣжала къ комоду, стоявшему въ глубинѣ комнаты, и вынувъ оттуда тонкую турецкую шаль, положила ее на столъ, и обращаясь къ Шредеру, сказала:

— Милость ваша не осудитъ меня вѣроятно за то, что я взяла отъ табачницы такую дорогую вещь и заплатила ей то, что она потребовала?

— Чтожъ я стану дѣлать съ этой шалью? спросилъ удивленный Шредеръ, и взялъ въ руки тонкую ткань.

— Спросите у дѣвицы Аккерманъ, кому, прошлою осенью, она отдала эту шаль? отвѣчала гадальщица съ лукавою улыбкой; но встрѣтивъ грозный взглядъ Шредера, она перемѣнила тонъ и прикинулась глубоко растроганной, потомъ, всплеснувъ руками, вскричала восторженно:

— Богу и всѣмъ святымъ извѣстно, что я всегда считала дурнымъ предзнаменованіемъ, что мамзель Аккерманъ изъявила милосердіе свое именно надъ ребенкомъ того человѣка, который въ послѣдствіи такъ жестоко долженъ былъ обмануть ее самое! А м-ль Аккерманъ явилась въ ту самую минуту, какъ хотѣли уже заколачивать гробъ Берты. Проходя мимо и увидѣвъ это зрѣлище, она остановилась на порогѣ дома табачницы и потребовала ребенка, отецъ котораго былъ извѣстенъ только мнѣ одной; ей передали его черезъ гробъ матери и сострадательная м-ль Аккерманъ завернула малютку вотъ въ эту шаль, и...

— Ктожъ отецъ дитяти?.. спросилъ Шредеръ.

— Кто?.. разумѣется баронъ, кто жъ больше! Берта знала только его одного, она была такъ...

— Постойте! вскричалъ Шредеръ, перебивая Фанни и вскакивая со стула въ страшномъ волненіи, котораго былъ не въ силахъ удержать, между-тѣмъ, какъ Унцеръ сидѣлъ въ остолбенѣніи.

Внезапное открытіе, что Зильбургъ, котораго онъ такъ ненавидѣлъ, былъ отцомъ ребенка, котораго онъ воспитывалъ ради Шарлоты, сдѣлало на доктора сильное потрясеніе. Онъ страдалъ больше Шредера, который видѣлъ только трупъ дѣвочки, между-тѣмъ, какъ онъ принималъ въ ней такое живое участіе!

Наконецъ Унцеръ былъ въ состояніи спросить, чѣмъ и какъ докажетъ Фанни, что дѣвочка эта была дочь Зильбурга?

Фанни, столь смѣлая и всегда готовая на отвѣтъ, смутилась при этомъ вопросѣ, потому что играла довольно гадкую роль въ этой интригѣ и вовсе не желала, чтобъ ее разспрашивали о Бертѣ. Но какъ докторъ и Шредеръ настаивали на своемъ, то она и рѣшилась наконецъ вывести ихъ изъ сомнѣнія на этотъ счетъ, и разсказала вотъ что:

— Мать этой несчастной дѣвушки, которую, увы! благодаря моему пособію, соблазнилъ баронъ, можетъ, въ случаѣ нужды подтвердить истину словъ моихъ и дать всѣ подробности. Она жила и въ то время въ Гамбургѣ въ маленькомъ подвалѣ, близъ Брукторсваля, и жила честно, торгуя фруктами. Она была вдова. Сначала ухаживанье барона нисколько не дѣйствовало на прекрасную Берту, благодаря благотворному вліянію ея умной и доброй матери, такъ, что богатые подарки Зильбурга не принимались ни матерью, ни дочерью. Тогда злодѣй этотъ обратился ко мнѣ, насказалъ мнѣ турусы на колесахъ,

все равно, какъ теперь, сказалъ, что страдаетъ, увѣрилъ, что имѣетъ на счетъ Берты самые законные виды, и такъ далѣе, однимъ словомъ, онъ растрогалъ меня, и тогда я взялась уговорить Берту и уговорила наконецъ быть поблагосклоннѣе къ барону, который и завелъ съ нею потихоньку отъ матери любовную переписку, слѣдствія которой скоро сдѣлались замѣтными...

Фанни остановилась.

— Продолжайте, продолжайте, сказали посѣтители въ одинъ голосъ, сгарая отъ нетерпѣнія.

— Что было бы съ бѣдняжкой, еслибъ я не сжалилась надъ нею, продолжала Фанни съ притворнымъ состраданіемъ. Мать ея, подстрекаемая другими дѣтьми и сосѣдями, выгнала ее изъ дому и сурово приказала идти къ виновнику стыда своего. Дѣлать было нечего, по его просьбѣ я взяла ее къ себѣ, и хотя она была вѣрна барону, все-таки добрая слава ея навсегда погибла. Она заливалась слезами, вспоминая о матери и сестрахъ, но и утѣшалась скоро, потому что баронъ обѣщался на ней жениться, какъ только получитъ позволеніе отъ короля и родныхъ своихъ; точь-въ-точь, таже самая исторія, что и съ м-ль Аккерманъ. Онъ каждый день навѣщалъ ее, дарилъ, утѣшалъ, и акуратно платилъ мнѣ за ея содержаніе. Что правда, то правда, напрасно грѣхъ говорить. Но вдругъ ни съ того, ни съ другаго, посѣщенія его прекратились, и мы скоро узнали, что онъ выѣхалъ изъ Гамбурга и отправился въ Шлезвигъ. Такимъ образомъ счастливый сонъ Берты кончился, онъ продолжался не долго. Она до того плакала и рыдала, что чуть-было не помѣшалась... Кажется и то помѣшалась, потому что отвергала мою дружбу, обвиняла меня во всѣхъ своихъ несчастіяхъ и упрекала, будто я продала честь ея барону, а душу демону. Она возставала даже на собственную мать свою, которую называла самымъ злѣйшимъ врагомъ своимъ, не смотря, что та охотно снова взяла бы ее къ себѣ. Съ каждымъ днемъ она становилась все мрачнѣе и угрюмѣе, и дошла наконецъ до того, что побѣжала топиться; но ее спасли и принесли ко мнѣ. Тогда она потихоньку убѣжала изъ дома моего, хотя я любила ее и баловала какъ собственное дитя, и поселилась у табачницы, которая приняла ее ласково, имѣя на то свои особенныя причины. Не прошло и недѣли съ водворенія Берты въ домѣ этой старой колдуньи, какъ она родила дочку и черезъ нѣсколько часовъ

умерла... Но какъ ее ни упрашивали, она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла назвать своего губителя и до послѣдней минуты молилась за него и дитя свое.

— А что сталось съ ребенкомъ? спросилъ Унцеръ, желая испытать, скажетъ-ли она правду и на этотъ счетъ.

— Съ ребенкомъ?.. право не знаю, отвѣчала, смутясь, Фанни. На этотъ счетъ я не могу удовлетворить вашей милости; а знаю только, что табачница хранитъ это въ глубокой тайнѣ и увѣряетъ, что ребенка взяли люди порядочные и по наружности достаточные. Сначала Зильбургъ очень безпокоился, и по его просьбѣ я предлагала табачницѣ значительную сумму, чтобъ она открыла настоящаго обладателя дѣвочки. Не знаю, почему это такъ сильно безпокоило его, но ужъ вѣрно не родительская любовь заставляла его хлопотать, за это я ручаюсь. Я думаю, что онъ боялся скорѣе, чтобъ недостойный поступокъ его съ Бертой не сдѣлался извѣстнымъ; во что бы то ни стало, онъ желалъ-бы заглушить его, предупредить молву, особенно съ тѣхъ поръ, какъ м-ль Аккерманъ, сама того не зная, приняла такъ близко къ сердцу участь жертвы его и малютки. Всѣ покушенія мои были напрасны, я ничего не могла узнать отъ табачницы. Тогда онъ рѣшился силою вырвать у табачницы эту тайну, и когда узнаетъ убѣжище ребенка, похитить его; но зачѣмъ, мнѣ неизвѣстно. Замысливъ экспедицію эту, онъ и отправилъ старика негра извѣстнаго плута, который черезъ подвалъ какой-то пролѣзъ ночью на дворъ табачницы, а оттуда черезъ окно и въ комнату попалъ, и, угрожая ей смертью, требовалъ, чтобъ она открыла ему тайну. Она упорствовала; тогда Олафъ занесъ свой огромный индійскій ножъ и ранилъ старуху. Она закричала; прибѣжали на помощь, а Олафъ скрылся. Тогда послали за вами, господинъ докторъ, вы это помните?.. Старикъ Олафъ разсказывалъ мнѣ въ послѣдствіи, что онъ убѣжалъ отъ защитниковъ табачницы, но не отъ ударовъ господина своего, который немилосердо билъ его за неудавшееся покушеніе, которое онъ такъ неловко исполнилъ, вопреки приказаніямъ его. Олафъ говорилъ, что ярость и злость барона нельзя описать, онъ до того измучилъ бѣднаго старика, что онъ упалъ замертво. Вотъ все, что я могу вамъ сказать о ребенкѣ, и это такъ-же вѣрно, какъ и то, что я самая ревностная католичка и вѣрую въ прощеніе грѣховъ.

— Благодарю васъ, сударыня, сказалъ Шрёдеръ съ глубо-

кимъ вздохомъ; вы сдѣлали мнѣ большое одолженіе, котораго я никогда не забуду. Дайте-же мнѣ теперь слово, что вы сохраните въ величайшей тайнѣ весь этотъ разговоръ, и тогда увидите, что я умѣю быть благодарнымъ.

Фанни расчувствовалась и не находила довольно сильныхъ выраженій, чтобъ успокоить Шредера и увѣрить его въ своей преданности.

Друзья раскланялись, еще разъ поблагодарили гадальщицу и вышли.

XXXIII.

Шарлота не подозрѣвала даже разрыва своего съ Зильбургомъ, ни страшнаго объясненія, ожидавшаго ее. Она единственно была занята мыслію о своемъ счастіи и забывала, какъ мы уже сказали, наслажденія искусствомъ, которое прославило ее. Душа ея была удовлетворена теперь, предметъ найденъ, слѣдовательно звѣзда, озарившая молодость ея такою славою, должна была померкнуть, когда любовь со всѣмъ своимъ упоеніемъ проникла въ эту страстную душу и показала ей, какъ дѣствительная любовь не похожа на любовь описываемую поэтами, которую она такъ часто представляла на театрѣ... Представляла!... играла!... играла любовь!... Слова эти казались ей теперь странными. И какъ могла она такъ долго довольствоваться одними вымыслами? Нѣтъ, она не довольствовалась ими, душа ея требовала другой жизни, она все искала чего-то и наконецъ нашла. Теперь она жила вполнѣ, дѣйствительною, не выдуманною жизнью; ей ужъ не для чего было входить въ положеніе постороннихъ лицъ, чтобъ досягать до идеальнаго счастія.

Въ тотъ самый день, какъ Шрёдеръ и докторъ такъ нечаянно открыли имя отца дѣвочки, похороненной наканунѣ на кладбищѣ Св. Михаила, Шарлота, съ радостью въ сердцѣ отправилась къ совѣтницѣ, у которой намѣрена была провесть вечеръ. Баронъ тоже долженъ былъ пріѣхать и притвориться будто нечаянно встрѣчаетъ Шарлоту, которая опередила его для того, чтобъ переговорить съ старушкою о Доротеѣ и любви ея къ Унцеру и придумать какимъ-бы образомъ соединить эти два созданія, точно нарочно сотворенныя другъ для друга. Съ нѣкоторыхъ поръ это была любимая тема старушки; она уже много разъ говорила объ этомъ Шарлотѣ, которая взялась за это дѣло.

Такъ какъ книга эта посвящена разсказу другой любви, то мы должны ограничиться нѣсколькими словами и сказать, что Унцеръ, не отдавая себѣ еще отчета, чувствовалъ уже, благодаря размышленіямъ своимъ, что горе его мало-по-малу утихало и наконецъ совсѣмъ утихло по мѣрѣ того, какъ мысли его переносились отъ Шарлоты, отвергшей любовь его, къ Доротеѣ, которая жила только его жизнью. Унцеръ зналъ это, былъ увѣренъ въ любви Доротеи и находилъ въ этомъ вѣрованіи несказанное утѣшеніе. Онъ понялъ съ какою покорностью, смиреніемъ и неутомимымъ постоянствомъ добрая душа эта переносила презрѣніе чувства, которое уже само по себѣ высоко, а въ сердцѣ такой женщины какъ Доротея, возвышалось до самаго паѳоса милосердія, любви, преданности, скорби, прощенія обидъ и всѣхъ христіанскихъ и геройскихъ добродѣтелей. И это чувство было отвергнуто?.. и докторъ отказывался отъ столькихъ сокровищъ?..

Глядя иногда на грустное лицо сына, старушка Унцеръ безпокоилась, но утѣшала себя мыслію, что эта самая грусть будетъ со временемъ спасительнымъ переходомъ, отъ котораго начнется новое существованіе, благотворные признаки котораго проявлялись уже тамъ и сямъ глазамъ внимательной и попечительной матери. Эта улыбающаяся будущность занимала старушку въ ту минуту, когда она подняла голову и увидѣла въ дверяхъ Шарлоту, которой могла сообщить надежды свои, и счастіе которой заботило ее такъ-же сильно, какъ и счастіе сына.

Таковы противоположности жизни!

Здѣсь радовались, а въ Кугельсъ-ортѣ, Шредеръ и Унцеръ дрожали отъ злобы и негодованія слушая разсказы Фанни. Въ одномъ мѣстѣ Зильбурга бранили на чемъ свѣтъ стоитъ, а въ другомъ такъ хвалили, что не знали ему ни цѣны, ни мѣры.

— Но отчего такъ долго не приходитъ позволеніе короля? спросила совѣтница, качая головою. Вотъ отъ этого такъ можно выйти изъ терпѣнія и окончательно даже потерять его! какъ будто королю надобны недѣли и мѣсяцы чтобъ подписать такую маловажную бумагу? Тутъ нечего много раздумывать, и тѣмъ болѣе, что въ Копенгагенѣ, все равно, какъ и въ Гамбургѣ, вѣрно, извѣстна твоя слава. Я увѣрена, что король согласится, не смотря что въ Даніи на актеровъ смотрятъ иначе, чѣмъ въ Гамбургѣ, вольномъ городѣ торговли, промышлености, а главное, искусства! Поговори съ барономъ, душа моя; по-

торопи его немножко на счетъ этой бумаги; можетъ быть и пришелъ какой-нибудь отвѣтъ... неравно отказъ въ позволеніи... такъ онъ и боится сказать тебѣ; а все лучше сказать, по-крайней-мѣрѣ ты будешь знать, на что рѣшиться, а рѣшиться надо, во всякомъ случаѣ: или объявить всѣмъ во всеуслышаніе, что ты выходишь за него, или навсегда, въ случаѣ отказа короля, прекратить съ нимъ всякое сношеніе. Хотя это и трудно для тебя, однако необходимо... Весь городъ говоритъ уже о вашихъ странныхъ съ нимъ сношеніяхъ, и мнѣ часто приходится сердиться, слушая оскорбительные толки на твой счетъ. Слава Богу, что Доротея еще у васъ, это приводитъ любопытныхъ въ недоумѣніе; они спрашиваютъ другъ у друга, за которою изъ васъ ухаживаетъ этотъ красивый воинъ..

— Ты совершенно права, другъ мой Sophie, отвѣчала Шарлота; но что-же дѣлать, когда король такъ долго медлитъ присылкою бумаги? Это просто невыносимо!.. Что-же до нашихъ городскихъ кумушекъ, то мнѣ все равно... Но вотъ что непріятно, у насъ всѣ дуются на меня, и лица съ каждымъ днемъ вытягиваются все длиннѣе и длиннѣе; особенно Фридрихъ, холоднымъ своимъ обхожденіемъ ясно доказываетъ мнѣ, что не произнесъ еще въ этомъ дѣлѣ приговора. Вообрази, они мучатъ меня съ утра до ночи; и мнѣ было бы гораздо легче, еслибъ они явно возстали противъ любви моей, а не обижали подозрительнымъ своимъ снисхожденіемъ. Но я все вытерплю до конца, Богъ съ ними! . а главное, чтобъ я знала только за кого и для кого я страдаю!

— И чтобъ онъ любилъ и не измѣнялъ тебѣ! прибавила совѣтница съ чувствомъ; да, вѣрность наилучшій компасъ въ бурякъ жизни, а если вы, молодые люди, восхищаясь Вертеромъ и Кларисой, ставите любовь выше всего, то я, старуха, говорю, что вѣрность дороже всѣхъ вашихъ высокопарныхъ фразъ и всѣхъ пистолетныхъ выстрѣловъ вашего Гéте... Да, кстати!.. Скажи мнѣ, Шарлота, что говоритъ Зильбургъ о графинѣ Линденкронъ и о томъ, что она переѣхала въ городъ?.. Знаетъ онъ ее наконецъ, или все это были одни пустые толки?

— Не совсѣмъ пустые, отвѣчала Шарлота, улыбаясь; недавно онъ мнѣ самъ разсказывалъ, что графиня дала ему тогда не отемлемыя доказательства любви своей, но онъ, какъ благородный человѣкъ, и какъ другъ мужа ея, не хотѣлъ этимъ воспользоваться. Судя по описанію Макса, мнѣ кажется невозможнымъ,

чтобъ человѣкъ, хоть сколько нибудь деликатный, могъ влюбиться въ подобную женщину, не смотря что она красавица и умна какъ демонъ; онъ говоритъ, что это самая опасная кокетка, самая хитрая интригантка.

— Можно-ли послѣ этого вѣрить людямъ, или лучше сказать лицамъ ихъ!.. Какъ выраженіе лица бываетъ обманчиво!.. сказала старушка, качая головой. Сегодня еще я встрѣтила ее въ лавкѣ Шлутера, въ адмиралтейской улицѣ, гдѣ она покупала вмѣстѣ съ компаньонкой своей разныя матеріи. Я не могла оторвать глазъ отъ этого прелестнаго личика, и спросила потихоньку у прикащика, кто эта чудная красавица; онъ отвѣчалъ, что это вдова графа Линденкрона. Она или услышала, или замѣтила вѣроятно, что я смотрю на нее съ такимъ восторгомъ, поклонилась мнѣ уходя изъ лавки; но поклонилась такъ мило, такъ граціозно, какъ умѣютъ только кланяться дамы высшаго круга. Какъ будто она хотѣла мнѣ этимъ сказать: «Вотъ вы меня не знаете! а я такъ знаю старушку Штейнвега.» Нѣтъ! трудно повѣрить, чтобъ подъ этою невинною и привлекательною наружностью могла скрываться злая кокетка, тѣмъ болѣе интригантка! Какъ бы мнѣ хотѣлось узнать правду; это какъ гора лежитъ у меня на сердцѣ.

— Будь спокойна! перебила Шарлота съ замѣтною досадою. Максъ очень хорошо и очень подробно знаетъ всю жизнь ея, не хуже ея самой!.. Для чего было бы ему такъ дурно говорить о вдовѣ друга своего, если-бъ это не была правда? Что за охота Максу выдумывать на женщину, отъ которой онъ, кромѣ *хорошаго* (тутъ Шарлота улыбнулась), ничего не видѣлъ. Онъ извиняетъ даже ее и говоритъ, что только одно непонятное легкомысліе, а главное воспитаніе были причиною ея проступковъ.

— Боже, Боже мой!.. Какъ трудно разобрать человѣка! отвѣчала старушка съ грустью и въ недоумѣніи.

Вдругъ Шарлота радостно вскрикнула, вскочила съ дивана и побѣжала къ дверямъ, на порогѣ стоялъ Зильбургъ и глядѣлъ на дамъ, не будучи замѣченъ ими.

Шарлота не замѣтила въ порывѣ радости, что Зильбургъ не подходилъ къ ней, какъ обыкновенно, съ привѣтомъ и ласкою; но когда свѣтъ лампы упалъ на лицо его, она увидѣла, что оно мрачно и что онъ смотритъ на нее недовѣрчиво.

Въ эту минуту Зильбургъ спрашивалъ самого себя, знаетъ ли Шарлота то, что случилось наканунѣ между ими и Шрёдеромъ;

и увидѣвъ, что она спокойна и даже весела, пришелъ въ недоумѣніе, и лицо его омрачилось больше прежняго. Бездна предположеній завертѣлась въ головѣ его, такъ, что онъ самъ не могъ разобрать и рѣшить, какъ поступать въ этомъ случаѣ. Что заставило Шрёдера скрыть отъ Шарлоты свое недостойное съ нимъ поведеніе? Почему щадитъ онъ сестру? Онъ смертельно оскорбилъ одного и не сказалъ ни слова другой?

Изъ всего этого Зильбургъ заключалъ, что что Шрёдеръ, срывая маску съ Зильбурга, не зналъ еще съ какимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло, и какимъ образомъ можетъ отдалить его отъ сестры.

За оскорбленіе это Зильбургъ рѣшился мстить Шредеру и всему его семейству, и рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ удовлетворить уязвленную гордость свою и вмѣстѣ съ тѣмъ любовный капризъ, который чувствовалъ къ Шарлотѣ.

Эта пріятная перспектива заставила его снова стремиться и съ большею еще силою обладать Шарлотой, готовой уже ускользнуть изъ рукъ его.

Какъ только Зильбургъ увѣрился, что Шредеръ не открылъ Шарлотѣ вчерашняго происшествія, то и рѣшился воспользоваться любовью этого невиннаго сердца для задуманнаго имъ мщенія, также, какъ пользовался ею и до сихъ поръ для удовлетворенія своего тщеславія, или лучше сказать эгоизма, и потому рѣшилъ въ душѣ своей на вѣки приковать къ себѣ Шарлоту, вопреки воли родныхъ ея, и главное, на зло Шредеру.

Совѣтница тоже не понимая причины мрачнаго настроенія своего гостя, приписывала озабоченность его желанію побыть съ Шарлотой нѣсколько минутъ на-единѣ, и не нашла ничего лучшаго, чтобъ вывести его изъ этой мрачной задумчивости, какъ встать и уйти, оставя влюбленнымъ нѣсколько минутъ свободы.

— Какъ ты блѣденъ, Максъ, что съ тобою? спросила Шарлота съ безпокойствомъ. Ужъ не болѣнъ-ли ты... или огорченъ чѣмъ нибудъ?..

Зильбургъ, пожавъ ей крѣпко руку, отвѣчалъ съ чувствомъ:

— Слава Богу! теперь я снова счастливъ и спокоенъ, я вижу по откровенному выраженію глазъ твоихъ, что никакая человѣческая сила не отниметъ тебя отъ меня. Ты ничего не

знаешь... а я думалъ... О! прости меня, Шарлота; но я такъ страдалъ изъ-за тебя!... провелъ такой ужасный день....

— Боже мой!.. что-же случилось?... Ты пугаешь меня, Максъ! что могло заставить тебя сомнѣваться во мнѣ не цѣлый день, а хоть одну минуту?... Ты самъ выдумываешь и накликаешь на себя бѣды... Кому придетъ въ голову разлучить насъ, когда мать моя любитъ тебя и желаетъ этого брака, только чтобъ прекратилось скорѣе наше неопредѣленное положеніе, которое вредитъ моему доброму имени... Доротея тоже рада моему счастію; а братъ, если бъ даже и хотѣлъ, то не можетъ разлучить насъ...

— Мы уже разлучены на столько, на сколько это возможно сдѣлать людямъ, отвѣчалъ Зильбургъ удушливымъ голосомъ, устремляя мрачные взоры на дѣвушку, которая блѣднѣла отъ страха Да, милая Шарлота, двери дома твоего захлопнулись для меня навѣки, потому что братъ твой обошелся со мною такимъ оскорбительнымъ образомъ, что мнѣ слѣдовало бы убить его на мѣстѣ, или оскорбить публично; но я призвалъ на помощь всю любовь мою къ тебѣ, и ради любви этой пощадилъ тебя и семейство твое въ лицѣ брата твоего. Я многимъ обязанъ тебѣ, обязанъ всѣми радостями жизни, и потому расквитался съ тобою.

— Что же заставило его такъ забыться? спросила Шарлота, оледенѣвъ отъ страха и горя.

— Вотъ именно о чемъ я хотѣлъ спросить тебя; но я вижу, что ты сама ничего не знаешь. Не могу понять, что вызвало ярость и безчинство комедіянта. Изъ упрековъ его я заключилъ только, что ему извѣстны наши тайныя свиданія въ Кугельсъ-ортѣ. Онъ до того взбѣсился, что забылъ всѣ приличія, все должное уваженіе къ личности моей и даже къ званію иностраннаго офицера, еслибъ я пожаловался, балаганщикъ могъ бы дорого за это поплатиться, а согласись, нельзя же вызывать на дуель фигляра... Но будетъ объ этомъ!.. Теперь мнѣ не о чемъ безпокоиться, Шарлота любитъ меня попрежнему! вскричалъ радостно Зильбургъ, и лицо его просіяло выраженіемъ счатія, пусть только придетъ позволеніе короля, тогда господинъ Шредеръ можетъ говорить, что ему угодно.... Посмотримъ, какъ онъ будетъ тогда противиться нашему счастію. А между тѣмъ... когда я вспомню, что онъ братъ твой!...

— Нѣтъ! онъ мнѣ не братъ!... отвѣчала Шарлота, переби-

вая съ гнѣвомъ Зильбурга. Съ тѣхъ поръ, какъ я запомню себя, онъ вѣчно тяготѣлъ надо мною. Хотѣлъ управлять моими мыслями и чуствами, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ надо мною какую нибудь власть... ему хочется, чтобъ мы всѣ жили только для него одного.

— Да, признаюсь, меня часто удивляло его обхожденіе съ тобою, но я молчалъ, разумѣется. Онъ не любитъ тебя изъ зависти, потому что знаетъ, какъ онъ ни старайся, какъ ни изучай ролей своихъ, никогда не дойдетъ до такого совершенства, которымъ ты обладаешь по вдохновенію. Не знаю замѣтила ли ты, но онъ никогда не похвалитъ тебя откровенно, а всегда скажетъ: «да, хорошо, но могло бы быть лучше», или вовсе не похвалитъ.

— Но чтожъ намъ теперь дѣлать? Фридрихъ предупредитъ мать мою, которая станетъ слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ, намъ невозможно будетъ видѣться; неужели мы покоримся ему?...

— Избави Боже! тогда все потеряно, сказалъ Зильбургъ обхвативъ ее за талію; мы докажетъ имъ, какъ умѣемъ любить. Неужели ты не догадываешься, что намъ остается дѣлать? Все зависитъ отъ тебя...

— Проси чего хочешъ!... вскричала Шарлота въ твердостію; но смертная блѣдность покрыла лицо ея.

— Братъ твой лишилъ меня возможности бывать у васъ, а мнѣ стоитъ только сказать слово, чтобъ начальство вызвало меня въ Шлезвигъ. Хочешь ѣхать со мною?

— Но вѣдь у тебя нѣтъ еще королевскаго позволенія? прошептала Шарлота и вспыхнула какъ зарево.

— Намъ не для чего было бы бѣжать, если бъ я надѣялся, что бумага эта придетъ безъ моего содѣйствія; но къ несчастію всѣ письма, которыя я посылаю, остаются безъ отвѣта... это приводитъ меня въ отчаяніе. Я увѣренъ, что бумага давно лежитъ на столѣ Короля; но ему никто не напоминаетъ о ней. Когда я самъ буду на мѣстѣ, дѣло пойдетъ скорѣе. Но я вижу, прибавилъ онъ съ грустною улыбкою, что ты гораздо терпѣливѣе меня, иначе ты согласилась бы на все, что можетъ ускорить нашъ бракъ.

Глаза Шарлоты налились слезами, и она вскричала горестно:

— Какъ ты мало знаешь свою Шарлоту! Но я боюсь послѣдствій... Подумай хорошенько... неужели намъ необходимо

прибѣгать къ такой крайности? Для чего мнѣ бѣжать?.. Для чего огорчать родныхъ и портить свою репутацію, когда я могу ждать здѣсь, точно также, какъ въ Шлезвичѣ или въ Копенгагенѣ, этой бумаги?..

— А!.. такъ ты думаешь?... сказалъ Зильбургъ медленно; потомъ пристально и недовѣрчиво посмотрѣвъ на Шарлоту, онъ прибавилъ съ горечью:

— Я право не понимаю тебя, Шарлота. Ты говоришь, что можешь оставаться здѣсь безъ меня, а между тѣмъ забываешь, что отдѣльно намъ нельзя дѣйствовать, во-первыхъ, потому что письма наши будутъ перехватываться, а во-вторыхъ, братъ твой изъ корыстолюбія не выпуститъ тебя изъ рукъ своихъ; гдѣ онъ достанетъ такую актрису, какъ ты?.. а если и достанетъ, то какое жалованье долженъ будетъ платить!.. Доротея одна не можетъ привлекать публику, изъ зависти онъ ненавидитъ тебя и изъ корысти не захочетъ разстаться, и уговоритъ мать твою взять назадъ данное мнѣ слово. Если ему это не удастся, то онъ способенъ очернить меня въ глазахъ твоихъ, выдумать что нибудь... Дай только ему волю, онъ изъ такихъ людей, что не откажется отъ плановъ, разъ имъ задуманныхъ, и не станетъ думать о средствахъ, чтобы поставить на своемъ. Бьюсь объ закладъ, что онъ не отказался еще отъ странной идеи выдать тебя за этого блѣднаго доктора... потому что жена доктора можетъ остаться на сценѣ, между тѣмъ какъ баронесса Зильбургъ... Но что объ этомъ говорить!.. ты слишкомъ увѣрена въ искусствѣ этого комедіянта, а между тѣмъ я слышалъ о прошлой его жизни такія вещи, которыя выставляютъ характеръ его въ довольно невыгодномъ свѣтѣ... По всему видно, что въ молодости онъ находился подъ надзоромъ іезуитовъ.

— Это правда, онъ самъ намъ разсказывалъ, сказала смутившись Шарлота. Онъ любитъ властвовать; но я не думаю, чтобъ онъ былъ золъ и коваренъ. Ты самъ говорилъ прежде, что онъ честенъ и добръ.

— Я не желаю однако, чтобъ ты на себѣ испытала эту честность и доброту, отвѣчалъ съ досадой Зильбургъ. Но вчера я замѣтилъ, что подъ личиной братской любви онъ скрываетъ жадность директора театра. Онъ знаетъ что баронессѣ Зильбургъ невозможно оставаться въ его труппѣ: вотъ и вся загадка, почему онъ такъ хлопочетъ о тебѣ и почему удостоиваетъ меня своею ненавистью.

Старушка Унцеръ, появленіемъ своимъ, перебила разговоръ, и увидѣвъ по лицу Шарлоты, что между ними что-то несовсѣмъ ладно, вообразила, что Зильбургъ и Шарлота, по модѣ того времени, придумывали себѣ какое-нибудь горе, чтобъ имѣть удовольствіе помириться.

Въ то время не было ни одной свадьбы, которая бы состоялась обыкновеннымъ образомъ; влюбленнымъ необходимы были разнаго рода мытарства, придуманныя ими самими. Всѣ литературныя произведенія того времени были напитаны этою сентиментальностью, которая изъ литературы перешла въ дѣйствительную жизнь, и переходя отъ одного къ другому, распространилась во всѣхъ слояхъ общества.

Старушкѣ то и нравилось въ Зильбургѣ, что онъ не былъ пустымъ мечтателемъ; она восхищалась его оригинальностью, веселымъ, положительнымъ характеромъ, который вовсе не походилъ на восторженный и мечтательный характеръ Шарлоты, и потому была убѣждена, что они будутъ счастливы. Вдругъ, совѣтница, къ великому своему удивленію видитъ, что Зильбургъ сидитъ опустя голову и мечетъ яростные взоры, какъ будто задумываетъ самые мрачные и отчаянные планы.

Совѣтница не могла на этотъ разъ скрыть своего неудовольствія, потому что лица влюбленныхъ все еще непрояснялись, и спросила насмѣшливо барона почему онъ до-сихъ-поръ не надѣлъ еще желтаго жилета Вертера и не зарядилъ пистолета?

Зильбургъ съ принужденною улыбкою сказалъ:

— Вотъ видишь, Шарлота... Ну, сами посудите, прибавилъ Зильбургъ, обращаясь къ мадамъ Унцеръ, пріятно-ли имѣть такую невѣсту, которой все равно когда пришлютъ формальное позволеніе, сегодня или черезъ три мѣсяца? Она увѣряетъ, что до лѣта нечего и думать о свадьбѣ, потому что приданое не будетъ готово.

Сказавъ это, баронъ значительно и повелительно посмотрѣлъ на Шарлоту, которая понявъ его, должна была продолжать говорить о приданомъ и обманывать совѣтницу, какъ будто все горе ея происходило отъ этого.

Совѣтница взяла сторону Шарлоты и сказала шутя, что приданое такая вещь, о которой стоитъ подумать, слѣдовательно барону нечего обижаться.

Разговоромъ своимъ она развеселила его; но Шарлота сдѣлалась еще грустнѣе, и почти весь вечеръ молчала. Каждое слово

Зильбурга пугало ее; она безъ ужаса не могла вспомнить о томъ, что ожидало ее прежде, чѣмъ она достигнетъ желанной цѣли, которая казалась ей такъ близка за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ.

XXXIV.

Шарлота возвратилась домой грустная, и съ біеніемъ сердца вошла на верхъ, въ свою комнату, чувствуя, что силы покидаютъ ее прежде еще, чѣмъ началась борьба.

Баронъ, провожая ее отъ совѣтницы, не переставалъ уговаривать бѣжать съ нимъ, и доказывалъ діалектикой любви, что этимъ поступкомъ она поддержитъ честь ихъ обоихъ, и принимая сторону жениха противъ брата, докажетъ свѣту, кто изъ нихъ правъ, и кто виноватъ, и что только такимъ образомъ она можетъ дать Зильбургу приличное удовлетвореніе за обиду, нанесенную въ ихъ домѣ. Наконецъ, Зильбургъ торжественно обѣщалъ Шарлотѣ, что въ Шлезвигѣ она будетъ жить не у него, а у одной его родственницы, женщины образованной, изъ хорошаго круга, гдѣ и останется до самой свадьбы.

Послѣ долгихъ переговоровъ, Шарлота согласилась наконецъ, въ случаѣ, если мать приметъ сторону Шредера.

— Тогда я уѣду съ тобою, куда хочешь, и оставлю имъ отвѣтственность передъ Богомъ.

Вотъ какъ рѣшительно говорила Шарлота; а когда осталась одна, силы ее покинули. Она не могла спать, сомнѣнія измучили ее; въ одномъ только она была увѣрена, что у нея не хватитъ силъ бороться съ братомъ, зная напередъ и съ давнихъ поръ, какое вліяніе онъ имѣлъ на мать и Доротею.

Шарлота уважала въ душѣ брата; но тутъ она начала вѣрить Зильбургу, что онъ хочетъ удержать ее изъ корыстолюбія, и предполагала даже, что онъ для того только и оскорбилъ барона, чтобъ заставить его бѣжать, не объяснившись съ Шарлотой, которую вѣроятно увѣрилъ бы потомъ, что Максъ измѣнилъ ей. Для чего-жъ было Шредеру скрывать отъ нея это событіе?

Еслибъ Шарлота была въ нормальномъ состояніи, она заглушила бы подобныя предположенія, вовсе несходныя съ характеромъ Шредера; но тутъ она пришла въ такое негодованіе противъ предполагаемаго виновника ея горя, что гнѣвъ ея уступилъ

мѣсто холодной настойчивости; она рѣшилась платить ему тѣмъ же: за хитрость, хитростью; за коварство—коварствомъ и обманывать его на каждомъ шагу, притворяясь равнодушною и покорною.

Удивительно, что такое намѣреніе хотя на минуту могло войти въ благородное сердце Шарлоты, столь откровенной и вовсе не мстительной; но это доказываетъ, какое вліяніе имѣлъ на нее Зильбургъ. Она не отличала болѣе добра отъ зла, и въ полномъ убѣжденіи, что покоряется самому святѣйшему долгу, все болѣе и болѣе заблуждалась.

Любовь такой восторженной дѣвушки могла окончательно погубить ее и тѣмъ болѣе, что она предпочитала теперь стыдъ свой прежнему самосознанію своего достоинства и переносила его съ большимъ восторгомъ, чѣмъ спокойствіе совѣсти и вѣру въ добродѣтель.

Шрёдеръ зналъ все это напередъ, и гораздо прежде, чѣмъ она встрѣтилась съ Зильбургомъ, вотъ почему, замѣтя, что Зильбургъ ухаживаетъ за его сестрою, онъ старался предупредить злую судьбу и спасти Шарлоту; но не рѣшался дѣйствовать изъ любви къ ней; а когда рѣшился, то было уже поздно.

Шарлота думала, что ее встрѣтятъ упреками и слезами; но ничего подобнаго не было; не смотря на то, что выраженіе лица матери и брата было грозно, а Доротея была печальна.

Шредеръ, закинувъ руки назадъ, ходилъ огромными шагами по комнатѣ и не отвѣтилъ даже на поклонъ Шарлоты, которая вошла именно въ то время, когда Шредеръ возвратясь изъ Кугельсъ-орта, разсказывалъ какія онъ сдѣлалъ открытія. Мадамъ Аккерманъ и Доротея слушали молча отъ удивленія и ужаса, и не знали за что больше благодарить Бога, за то-ли, что узнали все во-время, или за то, что Шарлота еще не совсѣмъ погибла, какъ увѣряла Фанни. Исторія бѣдной Берты и несчастной ея малютки, тайная участь которой такъ часто занимала ихъ, до того растрогала Доротею, что съ нею сдѣлалась истерика, а мать только благодарила Бога за спасеніе дочери.

Мать и дочь съ большимъ удовольствіемъ узнали, какимъ образомъ Шредеръ распорядился наканунѣ съ Зильбургомъ, и совершенно одобряли его; но Доротея прибавила съ безпокойствомъ:

—Его легче выгнать изъ дома, чѣмъ изъ сердца Шарлоты.

Появленіе Шарлоты остановило разговоръ; и никто не рѣшался объявить ей страшное несчастье, къ которому До-

ротея хотѣла приготовить ее и заранѣе просила, чтобъ на этотъ вечеръ ее оставили въ покоѣ и дали собраться съ силами для слѣдующаго дня, для борьбы и страданій.

Шредеръ думалъ, что онъ уже исполнилъ славное дѣло, и говорилъ даже, что можетъ-быть, его содѣйствіе ужъ больше и не понадобится, чтобъ образумить Шарлоту; въ этомъ отношеніи онъ надѣялся на мать и на добрую Доротею.

Такимъ образомъ вечеръ прошелъ молчаливо, но по-видимому спокойно. Хотя Шарлотѣ никто не сказалъ ни слова, однако она предвидѣла, что завтра настанетъ для нея борьба, еще хуже прежнихъ.

XXXV.

Виновникъ всѣхъ этихъ бѣдъ, тотъ, кто поселилъ раздоръ въ семействѣ Аккерманъ, узналъ на другой день утромъ, вовсе не лестнымъ для себя образомъ, какъ перемѣнчиво человѣческое счастье, особенно для тѣхъ, кто такъ-же ухищренъ въ интригахъ и козняхъ, какъ и въ денежныхъ расчетахъ.

Онъ получилъ надушенную записку, которую, судя по бумагѣ и формату, можно было принять за надежду на новое любовное похожденіе; но распечатавъ и прочитавъ надпись достойнаго друга своего изъ Кугельсъ-орта, сердце его ёкнуло.

Фанни объявляла ему сухимъ тономъ, что не можетъ больше давать своихъ комнатъ для тайныхъ его свиданій, потому-что съ сегоднишняго дня онѣ назначены для другаго употребленія. Она требовала отъ него остатокъ уплаты, и въ случаѣ отказа грозила подать на него прошеніе.

Какъ ни было плохо правописаніе письма этого, однако Зильбургъ могъ заключить изъ него, что ему для избѣжанія большихъ непріятностей, слѣдуетъ немедленно удовлетворить Фанни, которая имѣла противъ него въ рукахъ много доказательствъ, могущихъ погубить барона, къ тому-жъ, смѣлый и довѣрчивый тонъ письма заставлялъ предполагать, что она его уже выдала.

— Это ясно, какъ день! вскричалъ онъ, задыхаясь отъ злости; вотъ оракулъ, въ мудрости котораго комедіянтъ этотъ почерпаетъ любопытныя свои свѣдѣнія... Такъ вотъ кто выдалъ насъ!.. Погоди-же, жаба проклятая, ты поплатишься мнѣ за это! А Шредеръ?.. Какимъ-же образомъ тартюфъ

этотъ познакомился съ такою добродѣтельною дамою?.. Чортъ возьми!.. Еслибъ я зналъ только до чего доходитъ коварство этой женщины!.. Ну, если она разсказала исторію мою съ Бертой! Да, я слишкомъ далеко зашелъ съ этою тварью... слишкомъ много повѣрялъ ей... Покушеніе Олафа, этого нелѣпаго дурака тоже ей извѣстно... Письма мои къ Бертѣ такъ же въ ея рукахъ!.. Какой я дуракъ!.. Шредеръ правду сказалъ, что роль Яго гораздо легче играть между порядочными людьми, чѣмъ съ этою дрянью!

Не смотря на такое откровенное признаніе, онъ вовсе однако и не думалъ серьозно о самомъ себѣ и о поведеніи своемъ въ отношеніи къ такому честному семейству. Онъ слишкомъ хорошо зналъ, что съ самаго начала, исключая нѣсколькихъ мимолетныхъ минутъ увлеченія, онъ смотрѣлъ на новую любовь свою съ такимъ же легкомысліемъ, какъ и на прошлыя интриги. Онъ вообразилъ, что любитъ Шарлоту, потому, что знаменитость ея льстила его самолюбію. Но лишь только овладѣлъ сердцемъ ея, какъ привычная смѣлость покинула его; онъ чувствовалъ какое огромное разстояніе отдѣляло его отъ этой благородной и любящей натуры, а между тѣмъ, зная хорошо свѣтъ и женское сердце, онъ скрывалъ недостатокъ благородства чувствъ подъ личиною поддѣльнаго восторга. Онъ такъ ловко дѣйствовалъ, что довелъ Шарлоту до убѣжденія, что она любовью своею исправляетъ недостатки его; въ невинности сердца своего она воображала, что имѣетъ на него самое благотворное вліяніе, потому что онъ прикидывался нѣжнымъ, преданнымъ, благодарнымъ.

Одно время онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ жениться, что мы уже знаемъ изъ письма его къ маіору Т, который получилъ и письмо и просьбу Зильбурга.

Баронъ, ожидая съ часа на часъ отвѣта, не могъ объяснить себѣ такого загадочнаго молчанія друга, который однакожъ во многихъ случаяхъ, то-есть въ любовныхъ интригахъ, былъ ему полезенъ и словомъ и дѣломъ. Т. и самъ былъ извѣстенъ въ Копенгагенѣ своимъ донжуанствомъ, и былъ также опытенъ и хитеръ, какъ Зильбургъ, во всѣхъ продѣлкахъ такого рода, иногда даже Т. случалось перещеголять его.

Наконецъ пришло давно ожидаемое письмо.

Т. писалъ, что онъ до тѣхъ поръ не представитъ просьбы

королю, пока положительно не узнаетъ, который изъ нихъ сошелъ съ ума: Зильбургъ, или м-ль Аккерманъ?

«Если тебѣ захотѣлось въ сумасшедшій домъ, писалъ Т, то женитьба вылечитъ и сердце твое и голову, а если она... то я право не знаю, что сказать. Во всякомъ случаѣ, ты хорошо сдѣлаешь, если придумаешь на свободѣ какую нибудь другую развязку къ своей любовной комедіи; признайся, что конецъ, тобою задуманный, и глупъ, и невыгоденъ. Говоря откровенно, письмо твое заставило меня усомниться на счетъ ума твоего. Ты, Зильбургъ, хочешь жениться, и поручаешь мнѣ, другу своему, добыть тебѣ позволеніе!.. Развѣ ты думаешъ, что я способенъ на такую низость, на такое предательство? Не думалъ я, чтобъ ты могъ оскорбить меня такъ смертельно! Положимъ, что я подалъ бы просьбу твою, король подписалъ бы ее, а я послалъ бы ее къ тебѣ? Что ты подумалъ-бы тогда обо мнѣ?.. Я скажу тебѣ, въ доказательство, что знаю тебя, какъ самаго себя, монологъ, который яростнымъ каскадомъ полился бы изъ устъ твоихъ при полученіи королевскаго позволенія, вотъ онъ:

«— Чортъ возьми!.. лучшіе друзья всего болѣе вредятъ намъ... Для чего проклятый этотъ Т. суетъ голову мою въ петлю, вѣрно изъ зависти!.. Или онъ до того оглупѣлъ, что не понялъ меня? Надо было просто-за-просто написать, что король не позволяетъ; а онъ съ дуру шлетъ мнѣ позволеніе!.. Экій оселъ! О чемъ онъ думаетъ!.. И потому только, что голова его набита сѣномъ, я долженъ гибнуть, прошу покорно! И вотъ клочекъ бумаги, который сдѣлаетъ несчастье всей моей жизни, и я этимъ обязанъ ревностному старанію этого дурака Т., который долженъ же наконецъ знать, что я часто бываю разсѣянъ, и тогда прошу именно того, что совершенно противно моимъ желаніямъ. Вѣдь онъ знаетъ, что я не серьозно просилъ его объ этомъ, а только чтобъ выиграть побольше времени, успокоить совѣсть свою, а въ случаѣ непріятностей, имѣть оправданіе подъ рукою?

«Вотъ что сказалъ-бы мой любезный Максъ,—между тѣмъ какъ теперь онъ на колѣнахъ благодаритъ Бога за такого догадливаго товарища, который очень хорошо понимаетъ моментъ, когда натуральный талантъ лицемѣрія и сентиментальности обращается у Зильбурга противъ самого же Зильбурга, такъ что онъ самъ не можетъ разобрать въ себѣ, гдѣ кончается лицемѣріе и гдѣ начинается настоящее чувство.

«Развѣ ты забылъ, что уже два раза хотѣлъ жениться и два

раза писалъ просьбы, только не подавалъ ихъ? Вотъ загадка, которую я не могу отгадать! Какимъ это образомъ, ты, заклятой врагъ тихой семейной жизни, бываешь такъ часто мученикомъ своего непостоянства? Не самъ ли ты увѣрялъ меня, что чувствуешь такое же отвращеніе къ женитьбѣ, какъ къ парикмахерской вывѣскѣ съ завитыми головами, и стклянками и банками бѣлилъ и румянъ?.. И послѣ этого я стану еще хлопотать о позволеніи!.. Болѣе трехъ дней ты не можешь любить; разсмотримъ настоящее твое положеніе и разсудимъ принесетъ ли женитьба эта хотя малѣйшую выгоду. Ты самъ пишешь, что у Шарлоты маленькое состояніе, это значитъ... что у нея вовсе нѣтъ его. Такъ скажи на милость, чѣмъ же ты надѣешься прилично содержать семейство? Жалованьемъ своимъ?.. терпѣніемъ кредиторовъ или надеждою на наслѣдство старой и жадной тётки? Какъ извѣстно всѣмъ и каждому, и даже тебѣ самому, что кромѣ долговъ и кредита у тебя ничего нѣтъ; долги, положимъ, останутся и послѣ женитьбы, но кредита уже не будетъ, потому что ростовщики даютъ теперь потому, что увѣрены что ты не иначе женишься, какъ на богачкѣ, которая принесетъ тебѣ въ приданное по крайней мѣрѣ бочку золота. Знаю, что ты веселый и пріятный товарищъ, сами завистники должны въ этомъ согласиться... сверхъ того, тебя считаютъ за мастера во всемъ томъ, что называется по-французски «noble effronterie» (благородное нахальство); а сверхъ этого, ты умѣешь кутить на чужой счетъ и угождать дамамъ, не платя ни одного крейцера. Все это очень хорошо... Но когда ты женишься, будетъ плохо. Представъ себѣ ужасъ кредиторовъ, негодованіе скаредной тётки, которая такъ гордится своими предками... Что будетъ съ ними, когда въ свѣтѣ заговорятъ, что баронъ Зильбургъ женится на гамбургской актрисѣ? Кредиторы засадятъ тебя въ тюрьму, а тётушка, переписавъ духовную, захлопнетъ сундукъ съ деньгами!.. Что-же до жалованья, то изъ него станутъ вычитать половину на долги, другою половиною тебѣ одному можно жить, но съ Эмиліей Галотти не станетъ и на полгода.

«Ты смѣешься, можетъ быть, что я съ такимъ жаромъ отговариваю тебя отъ женитьбы, о которой ты серьозно никогда и не думалъ?

«Я замѣтилъ, что ты болѣе всего нравился женщинамъ, когда намѣренія твои касательно ихъ были менѣе всего честны; потому что, какъ скоро ты заговариваешь о свадьбѣ, можно

быть увѣрену, что ты уже пресыщенъ любовью и задумалъ ретироваться.

«Не знаю почему, но на этотъ разъ боюсь за тебя не потому, чтобъ я думалъ, что ты способенъ влюбиться или жениться; нѣтъ!.. я слишкомъ уважаю тебя; но ты говоришь, что Шарлота идолъ гамбургской сцены, а какъ гамбургцы любятъ ходить въ театръ, то и не выпустятъ ее безъ исторій.

«Вотъ мое мнѣніе: постарайся какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ своей Рутландъ, если она тебѣ надоѣла. Какъ я предполагаю, судя по просьбѣ твоей, можетъ быть что нибудь хорошее ожидаетъ тебя здѣсь; пора кончить съ актрисами и приняться за свѣтскихъ дамъ, но не сентиментальничать, не дѣлать театральныхъ фарсовъ, а думать о чемъ нибудь повыгоднѣе, иначе ты не будешь достоинъ имени Зильбурга!»

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ маіоръ Т. писалъ къ другу; и хотя письмо это не произвело никакого вліянія на ходъ дѣйствій, однако Зильбургъ до того былъ пораженъ откровенностью его и дѣльными совѣтами, что призадумался.

Онъ не зналъ, на что рѣшиться, но ему хотѣлось на зло Шредеру поставить на своемъ: то ему приходило въ голову немедленно жениться на Шарлотѣ безъ всякихъ формальностей, то выйти въ отставку и ѣхать съ нею въ Америку или въ восточную Индію и жить тамъ какими бы то ни было средствами. Наконецъ ему пришла фантазія летѣть въ Копенгагенъ и упасть, въ полномъ мундирѣ, къ ногамъ тетки; но увы! онъ вспомнилъ, что дѣлалъ это уже нѣсколько разъ, и всегда неудачно.

Переходя отъ одного намѣренія къ другому, баронъ дошелъ до того заключенія, что можетъ теперь успокоиться, сдѣлавъ все, что только отъ него зависѣло, а если не пришло позволеніе, то все же не онъ виноватъ, а Т., который не далъ королю подписать его бумаги.

Зильбургъ успокоивалъ совѣсть свою, а между тѣмъ въ эту минуту онъ больше чѣмъ когда либо любилъ Шарлоту и даже думалъ кончить дѣло это совсѣмъ иначе, то есть, хотѣлъ жениться; а если нечѣмъ будетъ жить, то итти на сцену и соперничать со Шредеромъ. Вѣдь ему не привыкать стать: онъ всю жизнь былъ отличнымъ актеромъ!

Нѣтъ, это невозможно! это возвыситъ Шредера въ глазахъ свѣта, сравняетъ его съ барономъ Зильбургомъ, а Зильбургъ хочетъ мстить Шредеру, унизить его и все его семейство.

А еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ рѣшился на такой поступокъ.... что сказала бы тетушка, должники и свѣтъ, мнѣніемъ котораго онъ очень дорожилъ, хотя и не признавался.

— Т. совершенно правъ, думалъ Зильбургъ: чтобъ обладать ею, надо жертвовать многимъ и терять многое.

Слѣдовательно ему оставались двѣ крайности: или отказаться отъ этой жестокой игры сердцемъ Шарлоты, или продолжать комедію, которая до сихъ поръ шла довольно изрядно и позволяла обстоятельствамъ развязать этотъ узелъ, такъ искусно и хитро завязанный. Можетъ быть, Зильбургъ самъ того не зная, любилъ Шарлоту больше, чѣмъ думалъ; исключая тщеславія, простодушіе и возвышенность ея характера приковывали его къ ней невольно, такъ, что у него недоставало духу разстаться съ нею; а можетъ быть и то, что онъ боялся унизить ее въ глазахъ родныхъ, если уѣдетъ безъ нея; Богъ его знаетъ!... но какъ бы ни было, а онъ все-таки оставлялъ это сердце въ ослѣпленіи, давалъ ему волю такъ жестоко обманываться и довѣрчиво предаваться радужнымъ мечтамъ; что же касается до родственниковъ ея, онъ и не думалъ о нихъ, не думалъ прекратить ихъ неизвѣстности и вывести ихъ изъ непріятнаго положенія.

Мы знаемъ однако, какъ кончилась эта неизвѣстность, и всякій другой на мѣстѣ Зильбурга отдѣлалъ бы Шредера, но оставилъ бы ихъ всѣхъ въ покоѣ; Зильбургъ же рѣшился дразнить Шредера и мстить ему.

Увѣрившись, что страсть Шарлоты къ нему сильнѣе, чѣмъ любовь ея къ роднымъ, онъ рѣшился совершенно разорвать связь между ею и семействомъ и употребить власть свою на то, чтобы посредствомъ ея уязвить какъ можно больнѣе Шредера и навсегда уничтожить репутацію почтеннаго и уважаемаго дома. На это онъ употребилъ всѣ силы свои, всѣ средства ума и всю дѣятельность. Шредеръ, изображая Яго, подставилъ ему зеркало, въ которомъ онъ принужденъ былъ узнать себя; а Зильбургъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые прощаютъ нескромный взлядъ, съ намѣреніемъ заброшенный въ глубину ихъ души.

XXXVI.

На слѣдующій день Шарлота сидѣла въ своей комнатѣ въ

самой горестной нерѣшимости и не могла придумать, какъ бы укрыться отъ грозы, ожидающей ее у матери. Она выждала, чтобъ братъ ушелъ въ театральную контору, и тогда, дрожа всѣмъ тѣломъ, сошла внизъ.

Даротея сидѣла съ матерью. Грозные взгляды обѣихъ заставили ее понять, что настала роковая минута.

Мадамъ Аккерманъ смотрѣла строго, а когда Шарлота подошла, чтобъ поцѣловать ея руку, она отдернула ее, и показывая на столъ, сказала холодно:

— Завтракай сперва, а потомъ я скажу тебѣ, что у меня на сердцѣ.

Шарлота сѣла и взяла хлѣбъ; но когда начала рѣзать его, руки ея такъ сильно задрожали, что ножикъ упалъ, а глаза наполнились слезами, которыхъ она не могла удержать. Она вскочила и хотѣла бѣжать.

— Куда? вскричала м-мъ Аккерманъ повелительнымъ голосомъ, и бросивъ взглядъ, пылающій гнѣвомъ: Такъ ты не хочешь знать что у меня на сердцѣ? хочешь бѣжать!... вѣроятно къ милому своему барону, чтобъ онъ защитилъ тебя отъ упрековъ матери?.. Да, смотри на меня, какъ будто не понимаешь въ чемъ дѣло... Кажется вы созданы другъ для друга, и одному Богу извѣстно, кто изъ васъ лучше играетъ комедіи, ты или онъ! Ахъ, Шарлота, Шарлота! куда дѣвались твой умъ, сердце, скромность, когда ты могла рѣшиться ходить на тайныя свиданія въ домъ недостойной этой жидовки или цыганки... кто ее знаетъ! Всѣмъ извѣстно, что бродяга эта торгуетъ честью, которую ты такъ обожала въ роляхъ Эмиліи и Виргиніи, и часто увѣряла меня, что лучше умереть для нея, чѣмъ жить въ порокѣ. Такъ это было только на сценѣ?... и искусство въ глазахъ твоихъ ничто иное, какъ лживое подражаніе высокимъ чувствамъ, которыя мы имѣемъ право попирать ногами въ дѣйствительной жизни? Не таково было мнѣніе покойнаго отца твоего... въ его глазахъ ни талантъ, ни слава не оправдываютъ актера, если онъ пороченъ. Сколько разъ говаривалъ онъ намъ, что актеръ долженъ представлять на сценѣ человѣка такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, а въ жизни такимъ, какимъ ему слѣдуетъ быть...

Тутъ м-мъ Аккерманъ остановилась въ ожиданіи, чтобъ Шарлота оправдалась. Но Шарлота, сидя передъ нею, блѣдная, неподвижная, съ опущенными глазами, молчала, потому что

не находила словъ къ оправданію, но упорствовала въ любви своей.

Молчаніе это, которое мать толковала въ весьма худую сторону, еще болѣе сердило ее; она понимала, что Шарлота не чувствуетъ вины своей, слѣдовательно и не разскаявается. Старушка приходила въ отчаяніе, особенно когда сравнивала прежній характеръ Шарлоты съ настоящимъ упрямствомъ и своеволіемъ, которое она выказывала съ нѣкоторыхъ поръ.

Доротея, угадавъ чувства матери, и желая предупредить взрывъ гнѣва ея, поспѣшила заговорить и сказала самымъ трогательнымъ голосомъ:

— Сколько разъ я предупреждала тебя, Шарлота, но ты не хотѣла вѣрить и всегда смѣялась надъ моимъ страхомъ. Такъ позволь же сказать тебѣ, что онъ тебя страшно обманулъ, больше чѣмъ ты насъ всѣхъ обманула. Да, бѣдная Шарлота, человѣкъ, который притворялся передъ тобой въ самыхъ возвышенныхъ чувствахъ, ничто иное, какъ бездушный злодѣй, безъ чести и совѣсти, готовый обманывать всѣхъ женщинъ, а въ томъ числѣ и тебя, мое милое, доброе созданіе...

На глазахъ Шарлоты навернулись слезы, губы ея задрожали и она зарыдала. Доротея продолжала:

— Какъ жестоко онъ поступилъ съ бѣдною Бертой, такъ поступилъ бы и съ тобою; онъ отнялъ у нея и честь, и жизнь, а у ребенка своего отнялъ мать. И у злодѣя этого хватило силъ возвратиться туда, гдѣ совершилось это преступленіе за тѣмъ только, чтобъ снова затѣять страшную игру свою, игру обмана и мученій. Онъ хотѣлъ приготовить тебѣ ту же судьбу, которую испытала бѣдная дочь торговки Гидъ... Все, что я говорю тебѣ, Шарлота, правда, сущая правда... Клянусь тебѣ, какъ другъ и сестра... бѣдное созданіе, которое прошлою осенью ты видѣла въ гробу, была жертва его обмана; а дитя, которое ты хотѣла пріютить послѣ смерти матери, дочь Зильбурга, живой свидѣтель и доказательство его злодѣяній.

Трудно передать, какое впечатлѣніе произвело это открытіе на Шарлоту: слезы высохли на ея рѣсницахъ; она выпрямилась и приняла твердый и холодный видъ; негодованіе мелькнуло въ глазахъ ея. Вся эта исторія казалась ей столь неправдоподобною, что она сочла ее выдумкою со стороны брата и матери; Доротею она не оскорбила этимъ подозрѣніемъ; въ голосѣ и во всей особѣ ея было столько истиннаго чувства любви къ Шар-

лотѣ и жалости къ Бертѣ, что Шарлота думала, что сестру ея такъ же обманули, какъ и ее самое.

Сѣмя недовѣрія, такъ ловко брошенное Зильбургомъ въ сердце ея, произвело желанное имъ дѣйствіе и гораздо скорѣе, чѣмъ онъ могъ надѣяться.

Несчастная мысль, что мать и братъ клевещутъ на барона, чтобъ заставить ее разлюбить его, приводила въ негодованіе Шарлоту; ей и въ голову не приходило что хитрость, въ которой она обвиняла родныхъ, придумана Зильбургомъ, и что не они, а онъ опутывалъ ее сѣтями.

Доротея кончила говорить, а Шарлота все продолжала молчать.

М-мъ Аккерманъ чуть было снова не вспылила, но посмотрѣвъ на Шарлоту и увидѣвъ какъ она изнемогаетъ отъ горя, не выдержала и залилась слезами, которыя затушили гнѣвъ ея. Ей стало жаль бѣдняжку, которую и вчуже всякій бы пожалѣлъ, тѣмъ болѣе, что она первый разъ въ жизни испытывала горе, которое и удивляло, и пугало ее.

Устремивъ сострадательный взоръ на дочь свою, она начала упрашивать ее умоляющимъ голосомъ забыть этого человѣка и откровенно признаться Богу и ей, матери, въ проступкѣ своемъ. Она умоляла ее именемъ отца, который любилъ ее больше всѣхъ дѣтей, отказаться отъ Зильбурга и покориться безропотно волѣ Создателя, который спасаетъ ее отъ такого злодѣя.

М-мъ Аккерманъ была такъ сильно разстрогана и говорила съ такимъ страданіемъ сердца, что Шарлота тоже не выдержала и вскричала съ воплемъ отчаянія:

— Ахъ! Боже мой, Боже мой! Да какъ же вы хотите, чтобъ я вамъ вѣрила, когда вы приписываете ему такія злодѣянія, какихъ нѣтъ и не можетъ существовать въ дѣйствительности. Но скажите мнѣ, ради Бога, и ты, Доротея, скажи мнѣ, можетъ-ли въ самомъ дѣлѣ такой человѣкъ пользоваться уваженіемъ и почетомъ въ обществѣ?.. а баронъ пользуется и тѣмъ и другимъ... Если онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ, то его слѣдуетъ ненавидѣть и презирать... Но почему же никто не изобличилъ его... никто не заклеймилъ заслуженнымъ позоромъ?.. Вѣдь онъ сдѣлался злодѣемъ не въ одинъ день?.. Такъ почемужъ столько лѣтъ терпѣли его дѣла, когда сто разъ могли сорвать съ лица его маску?.. Сверхъ того всѣ родственники его, письма которыхъ я читала, не стали бы дорожить имъ еслибъ все это была правда; такіе знат-

ные и нравственные люди, узнавъ злодѣянія его, прекратили бы съ нимъ сношенія... Да и вы сами видѣли его каждый день и ничего не замѣчали... О!.. повѣрьте, другъ мой, мамаша, что онъ только несчастливъ.. но не золъ, не коваренъ... Не знаю, въ чемъ состоитъ его несчастіе, но онъ страдаетъ; а кто самъ страдаетъ, тотъ не вредитъ другимъ... И кто жъ обвиняетъ его?.. жидовка, интригантка!.. которая живетъ измѣной, предательствомъ...

Все это правда... а ты между тѣмъ выбрала ее себѣ въ покровительницы, вскричала М-мъ Аккерманъ съ негодованіемъ... Еслибъ баронъ твой былъ благородный человѣкъ, онъ сберегъ бы тебя отъ самой себя, сберегъ бы честь твою и не сталъ бы заманивать къ подобной женщинѣ.

Шарлота помолчавъ немного отвѣчала, колеблясь, но твердымъ голосомъ:

— Онъ не заманивалъ меня, я сама пришла къ ней гораздо прежде, чѣмъ сблизилась съ барономъ, такъ, что онъ черезъ меня познакомился съ нею.

— Ты лжешь! вскричала разсерженная мать, которая, какъ и Шрёдеръ, не знала этого обстоятельства, и не хотѣла вѣрить, чтобъ дочь ея сама начала интригу. Предполагая, что Шарлота лжетъ, она вспыхнула и съ трудомъ удерживая гнѣвъ, продолжала задыхающимсь голосомъ: Да, ты лжешь, потому что сама Фанни признается, что знаетъ его давно, и что ей было поручено совратить съ истиннаго пути Берту, которой Фанни отъ имени Зильбурга носила подарки и письма... Сравни ихъ съ своими... тогда и увидишь, кто говоритъ правду! Если не вѣришь матери своей, то ступай къ бѣдной вдовѣ Гадъ, она разскажетъ тебѣ подробно, какъ погибла глупая ея дѣвочка.

Вдругъ дверь распахнулась, и совѣтница блѣдная, растрепанная, вбѣжала въ комнату.

За нею шелъ Шрёдеръ.

Судя по безпорядку одежды ея и по времени, (въ это время дня она никогда не выходила изъ дому,) всѣ догадались, что она все знаетъ, и прибѣжала защищать Шарлоту противъ матери и брата.

Увидѣвъ Шарлоту блѣдною, съ опухшими глазами, она вскричала въ порывѣ самаго раздирающаго горя:

— Шарлота!.. дитя мое! Что они дѣлаютъ съ тобою, другъ мой!.. Я была увѣрена, что они мучаютъ тебя!.. Какъ будто ты

и безъ нихъ недовольно еще несчастна; и они еще вздумали упрекать тебя, когда сами во всемъ виноваты!.. И я виновата... но сознаюсь по крайней мѣрѣ въ винѣ своей, и готова всѣмъ жертвовать, чтобъ облегчить твою участь!.. Хороша мать!.. вмѣсто того чтобъ пожалѣть своего ребенка, она, какъ палачъ, изтязаетъ ее! Да, мы всѣ виноваты, и потому должны утѣшать ее... Шарлота во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ, чтобъ ее жалѣли, а не грызли... Человѣкъ этотъ губилъ ее въ нашихъ глазахъ... а мы смотрѣли... и даже помогали... Да, сударыня, сказала совѣтница, обращаясь къ М-мъ Аккерманъ, да, да!.. Что вы смотрите на меня такъ сердито и хмурите брови?.. Куда вы смотрѣли?.. Шарлота не виновата; мы съ вами поопытнѣе ея, а не могли разгадать его... Какъ же вы хотите, чтобъ дѣвочка восемнадцати лѣтъ думала за всѣхъ насъ?.. Если-бъ мы съ вами были поумнѣе, то связь эта не зашла-бы далеко, и Шарлота моя не изнемогала бы теперь отъ горя. Зло неисправимо, слѣдовательно холодныя нравоученія ваши безполезны... Признаюсь откровенно, что во всемъ этомъ я болѣе всѣхъ виновата, и потому не потерплю, чтобъ ее долѣе преслѣдовали... а если вы не согласны, то я уведу ее къ себѣ и не отдамъ до тѣхъ поръ, пока вы не дадите честнаго слова, что оставите ее въ покоѣ.

Не смотря на все уваженіе, которое питали къ совѣтницѣ въ домѣ Аккерманъ, хозяйка дома выпрямилась и весь гнѣвъ ея перешелъ отъ Шарлоты на ея защитницу; скрестя руки, она вскричала съ горечью:

— Только этого недоставало! Очень понятно, почему вы защищаете ее... потому что безъ вашей особенной къ нему благосклонности она не была-бы такъ близка къ нему... Развѣ мать можетъ уберечь, когда снисходительныя подруги помогаютъ?.. Довѣряя лѣтамъ вашимъ, опыту и дружбѣ къ намъ, я отпускала ее къ вамъ безбоязненно... а вы что сдѣлали?.. сблизили съ развратнымъ, безчестнымъ человѣкомъ... въ которомъ кромѣ лицемѣрія и порока нѣтъ ничего натуральнаго... остальное все... ложь и обманъ!.. Признаюсь, что я имѣю особенную слабость къ хорошимъ, великосвѣтскимъ манерамъ и къ красивой наружности; но не смотря, что Зильбургъ обладаетъ всѣмъ этимъ, я чувствовала къ нему всегда отвращеніе и впередъ предвидѣла, что мечты безумной моей дочери разлетятся, какъ дымъ. Я угадала его съ перваго взгляда, и Фридрихъ тоже. Правъ онъ былъ или нѣтъ?..

— Какъ же иначе!.. вѣдь вы все угадываете, все знаете съ вашимъ Фридрихомъ... Такъ вамъ и книги въ руки! отвѣчала насмѣшливо совѣтница. Что-же до меня, то онъ мнѣ такъ понравился, что казался единственнымъ человѣкомъ, достойнымъ моей Шарлоты; только ему одному я бы отдала ее съ радостью... Но если-бъ я *все угадывала* и *все напередъ знала*, продолжала совѣтница, дѣлая нарочно удареніе на эти слова, то не стала-бы смотрѣть спокойно какъ гибнетъ дитя мое, а употребила-бы все, что въ моихъ силахъ, чтобъ изобличить его и открыть глаза неопытной дѣвушкѣ.

— Мадамъ Унцеръ совершенно права, отвѣчалъ Шрёдеръ, опустивъ голову, но я одинъ во всемъ виноватъ... будучи увѣренъ, твердо убѣжденъ въ порокахъ его, я допустилъ сестру зайти такъ далеко... Вы сами, дорогая мамаша, такъ хвалили его... что видя довѣріе ваше и я успокоился... а когда глаза мои открылись, то было уже поздно.

Въ продолженіи этого разговора Шарлота оправилась немного; преданность старушки ободрила ее и она насилу могла добиться, что-бы Шрёдеръ разсказалъ ей постепенно и подробно все, что онъ узналъ о Зильбургѣ, особенно же о связи его съ Бертой.

Шрёдеръ исполнилъ ея желаніе.

Трудно сказать, какое впечатлѣніе произвело это на Шарлоту; замѣтно только было, что участь дитяти тронула ее до глубины души. Такъ какъ всѣ люди пылкаго воображенія, Шарлота была суевѣрна, и потому, вспомнивъ, что судьба натолкнула ее на эту дѣвочку прежде, чѣмъ она встрѣтилась съ Зильбургомъ, она была поражена этимъ обстоятельствомъ; и столкновеніе это показалось ей тайнымъ приговоромъ небесъ, изъ чего она и заключила, что Зильбургъ предназначенъ ей самимъ Богомъ; но она не высказала своей мысли и продолжала молчать, посматривая иногда съ благодарностью на М-мъ Унцеръ.

Но М-мъ Унцеръ еще болѣе, если только это было возможно, сердилась на барона, чѣмъ М-мъ Аккерманъ. Она клялась, что никогда его не увидитъ и радовалась его погибели.

— Я бы много дала, чтобъ узнать правду на счетъ графини Линденкронъ!.. Какъ-бы мнѣ хотѣлось встрѣтиться съ нею!.. Онъ вѣрно оклеветалъ ее!.. Тутъ кроется что-то недоброе!... вскричала она пророческимъ голосомъ. Но

что говорить о немъ!... Шарлота, другъ мой, прибавила она, цѣлуя и обнимая блѣдную дѣвушку, если ты любишь меня хоть сколько нибудь, то сейчасъ же напиши ему отказъ. Три строчки, не болѣе... напиши ему, что ты его презираешь и мы тоже, потому что онъ обманулъ тебя и насъ всѣхъ; а я, съ своей стороны, отошлю ему всѣ подарки. Эту индѣйскую дрянь, старое тряпье баядерокъ... ничего не хочу имѣть отъ него, а то, каждую минуту мнѣ будетъ это напоминать мое безуміе и ослѣпленіе. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что Амани, о которой онъ намъ разсказывалъ... помнишь Доротея!... что Амани сожгли за него. Вѣрно онъ погубилъ бѣдняжку...

Совѣтница задумалась, потомъ подойдя къ Шарлотѣ, сказала:

— Не плачь, Шарлота, Богъ милостивъ. Въ жизни все такъ... сегодня радуемся, завтра плачемъ, и на оборотъ. А честный человѣкъ все таки непреклонно хранитъ свое упованіе въ прекрасное и не смѣшиваетъ человѣчества съ людьми.—Сегодня ты играешь Минну фонъ-Барнгельмъ, такъ я пріѣду къ вамъ въ ложу... Прощайте, прощайте!

Она поцѣловала Шарлоту, пожала руку съ улыбкою матери и Шредеру, и вышла изъ комнаты.

Доротея провожала ее. Дойдя до передней, она остановилась, обняла Доротею и сказала ей на ухо дрожащимъ голосомъ:

— Мнѣ надо переговорить съ тобою, но разговоръ нашъ не будетъ походить на этотъ. Заходи послѣ театра, Богъ хочетъ порадовать насъ, наградитъ за сегоднишнія страданія....

— Я не понимаю васъ... прошептала Доротея и зардѣлась, какъ роза.

— Поймешь, душа моя, когда я скажу тебѣ, что Богъ докажетъ счастьемъ твоимъ всю разницу истинной любви и притворной, сказала старушка съ торжественнымъ видомъ. Господь всегда награждаетъ покорное сердце, которое не покупаетъ счастія своего цѣною душевнаго мира и спокойствія совѣсти... Приходи, приходи, дитя мое, докторъ мой тоже будетъ.

XXXVII.

Шарлота отправилась въ театръ, хотя и была увѣрена, что не въ состояніи играть; кромѣ несчастья своего она ничего не чувствовала, и давала одѣвать себя, не обращая вниманія, какъ ее одѣваютъ. Всѣ увѣщанія матери и сестры были безполезны; она ничего не видѣла и не слышала, а только вздрагивала по временамъ и судорожно сжимала на груди бѣлыя свои руки.

Наконецъ м-мъ Аккерманъ испугалась и побѣжала объявить директору, что Шарлотѣ невозможно играть въ такомъ состояніи, что она не докончитъ своей роли.

Шредеръ не зналъ, на что рѣшиться; было слишкомъ поздно перемѣнять пьесу. Ктому жъ публика любила ее и была бы недовольна перемѣною, потому что Экгофъ, въ роли Тельхейма былъ превосходенъ. Слѣдовательно надо было согласоваться съ афишею, хотя и въ то время, современное наше извиненіе; «по внезапной болѣзни г-на, или г-жи такой-то» пьеса перемѣняется, было въ большомъ употребленіи.

За нѣсколько минутъ до представленія, Шарлота послала сказать Экгофу, что хочетъ говорить съ нимъ. Экгофъ прибѣжалъ, ужъ совершенно одѣтый; въ мундирѣ à la réforme, съ маіорскими эполетами и съ подвязанною рукою, которую въ разсѣянности держалъ даже неподвижно и далеко отъ себя, какъ будто и съ самомъ дѣлѣ былъ раненъ, или игралъ уже на сценѣ роль свою.

Войдя въ уборную, Экгофъ выпрямился, приложилъ два пальца къ виску, и принимая воинственную позу, сказалъ, что готовъ къ услугамъ своей обожаемой Минны, причемъ былъ крайне удивленъ, когда Шарлота обратясь къ матери и сестрѣ, просила ихъ выйти и позволить переговорить съ другомъ своимъ на-единѣ.

Когда онѣ вышли, она сказала:

— Вы знаете, любезный Экгофъ, что я недавно играла роль Франчески и играла не дурно... но по просьбѣ брата, должна была уступить м-мъ Рейнеке, а теперь играю Минну во второй разъ...

— И дѣлаете изъ нея, какъ изо всего, къ чему только прикасаетесь, твореніе геніяльное... какъ недавно еще пи-

салъ мнѣ объ этомъ Лессингъ. Повѣрьте мнѣ, прибавилъ онъ съ жаромъ, только съ тѣхъ поръ, какъ вы играли роль Минны, я понимаю совершенно роль Тельхейма, такъ, что учитель вашъ, какъ вамъ угодно называть меня, идетъ по стопамъ своей ученицы.

— Да, учитель, вы всегда имъ останетесь, отвѣчала съ чувствомъ Шарлота. Но между тѣмъ, прибавила она, глядя стыдливо на Экгофа, въ роли Тельхейма есть мѣсто, которое совершенно смутило меня и даже испугало, когда я услышала въ первый разъ. Это должно повториться и сегодня, а я... если надо уже признаться .. не въ состояніи этого слышать и потому умоляю васъ пропустить это мѣсто.

— Избави Боже! вскричалъ артистъ при такой неожиданной просьбѣ.... Скорѣе Экгофъ всадитъ себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ позволитъ Тельхейму уродовать такое высокое твореніе!... это было бы святотатство... Что же пугаетъ васъ въ моей роли?... скажите откровенно.... Тельхеймъ образецъ совершенства... и потому въ роли его нѣтъ ни одного слова, которое бы могло пугать своею нескромностью... Тутъ все чинно и прилично...

— Нѣтъ, не то... отвѣчала Шарлота, запинаясь; тутъ говорится, чего я не могу... сегодня... слышать. Если вы хоть сколько нибудь меня любите, то пропустите эту фразу, хоть на этотъ разъ... а не то... я зарыдаю...

— Что съ вами, Шарлота? спросилъ Экгофъ съ участіемъ. Горестный взоръ Шарлоты и умоляющій голосъ ея тронули его до глубины души. Извольте, я пропущу это мѣсто, хотя мнѣ въ первый разъ случается оскорблять такого великаго писателя и законы театра... да еще въ классической пьесѣ, которую большая часть публики знаетъ наизустъ. Но если вамъ угодно, то я рѣшаюсь... только скажите, что это за фраза, которая васъ такъ пугаетъ и пугаетъ именно... сегодня?

Шарлота опустила глаза, поблѣднѣла и сказала вполголоса:

— Въ четвертомъ дѣйствіи, шестомъ явленіи, Тельхеймъ говоритъ Миннѣ: «*Кто не стыдится подвергать презрѣнію любимую женщину, тотъ недостоинъ любви, и любовь къ нему становится постыднымъ чувствомъ.*» Не говорите этого Экгофъ... я ужъ слышала это нѣсколько часовъ назадъ... слова эти... точно ножъ поворачивались въ моемъ сердцѣ...

а вы, Экгофъ... не захотите дорѣзать меня... Ахъ, Боже, Боже мой!... когда все это кончится!...

— Да что съ вами, Шарлота?... Что случилось?... скажите мнѣ, ради Бога! вскричалъ Экгофъ, который любилъ Шарлоту какъ отецъ, и ни чѣмъ такъ не гордился, ни чему такъ не радовался, какъ если его называли учителемъ Шарлоты. Не безпокойтесь, душа моя, продолжалъ онъ отеческимъ тономъ, я исполню вашу просьбу и надѣюсь... Лессингъ проститъ меня.

Шарлота плакала.

— Перестаньте, Шарлота, пьеса сейчасъ начнется; а вы знаете мои привычки: я люблю выходить на сцену хладнокровно. Въ другой разъ мы поговоримъ объ этомъ, а теперь Экгофъ не хочетъ, чтобъ другъ его плакалъ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, кто отниметъ у меня право защищать мою Шарлоту!... Развѣ только... тутъ Экгофъ устремилъ испытующій взглядъ на Шарлоту и прибавилъ лукаво, этотъ...

Онъ не могъ кончить фразы.

Звонокъ режиссера, сзывая актеровъ на мѣста, раздался по корридору. Экгофъ, поцѣловавъ руку Шарлоты и погрозивъ ей полушутливо и полугрустно, убѣжалъ изъ уборной, оставивъ ее одну. Тельхеймъ являлся въ первомъ актѣ, а Минна во второмъ.

XXXVIII.

— *Минна фонъ Барнгельмъ или счастье солдата.* Чортъ возьми!... какъ это позволяютъ комедіянтамъ этимъ унижать такъ своими штуками благородное званіе солдата! сказалъ полковникъ Гольбахъ, которому попалась въ руки афиша того дня. Какъ смѣютъ они передразнивать на подмосткахъ военныхъ!...

Онъ началъ читать дѣйствующихъ лицъ:

— «Маіоръ Тельхеймъ, реформатъ.»

— Маіоръ!... да еще и реформатъ!... Славно! никакъ они съума сошли?... Маіоръ играетъ въ комедіи и пачкаетъ мундиръ свой въ балаганѣ!... забавляетъ нелѣпую толпу любопытныхъ!...

Такъ ворчалъ Гольбахъ, и опять принялся читать:

— «Поль Вернеръ, бывшій сержантъ маіора.» Экое ду-

рачье!... *бывшій* сержантъ маіора?...Чтобы это значило? бывшій!... если бывшій, такъ ужъ и теперешній... чинъ сержанта остается... Сержантъ *маіора*!.. Развѣ можетъ сержантъ принадлежать маіору?.. Бываютъ сержанты гвардіи, или арміи... а маіорскихъ сержантовъ не бываетъ... Совсѣмъ ошалѣли!.. этакіе олухи!.. Хорошъ долженъ быть этотъ сержантъ!.. а вотъ какъ я велю отколотить его... такъ онъ и перестанетъ у меня сержантничать!

Полковникъ до того взбѣсился, что скомкалъ афишу, бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами. Можетъ быть полковникъ и продолжалъ бы облегчать гнѣвъ свой новыми вспышками, если бъ ему не пришло въ голову удостовѣриться собственными глазами въ дерзости комедіянтовъ, которые публично срамили военный мундиръ. И такъ онъ рѣшился идти въ театръ, и при первомъ покушеніи на честь мундира, остановить фигляровъ палкою и согнать ихъ съ помостовъ, гдѣ позволяются такія непростительныя шутки на счетъ почтенныхъ, заслуженныхъ воиновъ.

Мы познакомились уже съ полковникомъ Гольбахомъ, но не знали еще отвращенія его ко всѣмъ драмамъ и комедіямъ. О театрѣ, въ которомъ никогда не бывалъ, и искусствѣ, онъ имѣлъ весьма смутное понятіе, и воображалъ, что актеры передразниваютъ честныхъ людей, или обманываютъ этихъ послѣднихъ, представляя то, чего нѣтъ на свѣтѣ. Его нравственность и суровая натура солдата не согласовались съ театромъ. Когда ему разсказывали какой нибудь волшебный балетъ, то онъ удивлялся, какъ это умные люди позволяютъ себя обманывать. «Вѣдь волшебниковъ и геніевъ нѣтъ на свѣтѣ, такъ зачѣмъ показываютъ ихъ, они смѣются надъ вами, думая что вы вѣрите, и забавляютъ васъ, какъ малаго ребенка.» Драмы и комедіи еще больше сердили его: онъ воображалъ, что публику или передразниваютъ въ карикатурѣ, или стараются развратить. И кто же позволяетъ себѣ такія штуки!.. комендіянты! фигляры!

Объявленіе пьесы, гдѣ дѣйствующія лица были военныя въ отставкѣ, страшно взбѣсило полковника, столь добраго по природѣ. Оскорбленный начальствомъ, которое обошло его и посадило ему на голову младшаго, онъ вспомнилъ обиду эту, и читая афишу, пришелъ въ ярость, что маіора въ отставкѣ и реформата, какъ и онъ самъ, выставляютъ на посмѣшище публики.

Онъ рѣшился въ одну минуту, и не сказавъ никому ни слова, одѣлся въ полный парадный мундиръ, накинулъ широкій плащъ и отправился въ театръ. Онъ успѣлъ занять мѣсто въ одномъ изъ первыхъ рядовъ скамѣекъ (въ то время не было креселъ), и преспокойно разсѣлся, не думая о своихъ сосѣдяхъ, которымъ было весьма неловко подобное сосѣдство. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на этого страннаго человѣка, закутаннаго въ плащъ до самого носа. Онъ поминутно поворачивался и толкалъ окружающихъ; иные ворчали, а другіе смѣялись; но старый воинъ не обращалъ вниманія ни на тѣхъ, ни на другихъ; недовольные и любопытные могли дѣлать, что имъ угодно, полковнику было все равно, только когда его сосѣдъ, низенькій, горбатый старичекъ, спросилъ его съ насмѣшливою учтивостью, не ловче-ли ему будетъ сѣсть къ нему на колѣна, онъ проворчалъ что-то, но въ воркотнѣ этой только слышалось слово: «*откровенно*!..»

Завѣса поднимается, пьеса начинается, а нашъ врагъ театра все не перестаетъ ворчать и шептать,—и не смотря на тѣсноту, все двигается и ворочается, къ великому неудовольствію сосѣдей. Онъ недоволенъ двумя первыми явленіями между трактирщикомъ и Юстомъ, и всякую минуту перебиваетъ разговоръ ихъ неумѣстными замѣчаніями.

— Шиканье послышалось со всѣхъ сторонъ, но не остановило полковника.

Вдругъ входитъ Экгофъ при громкихъ рукоплесканіяхъ.... и пріятель нашъ утихаетъ; даже начинаетъ слѣдовать за пьесой съ большимъ вниманіемъ и наконецъ совсѣмъ перестаетъ перебивать игру актеровъ.

Экгофъ представляетъ такой благородный типъ воина, что съ перваго взгляда видно непривычку его ждать въ переднихъ министровъ, и что ему ловко и привольно командовать на конѣ, передъ строемъ солдатъ, или на полѣ сраженія въ самой горячей схваткѣ. Воинственная осанка Тельхейма, спокойствіе, исполненное достоинства, благородные пріемы, твердая, но краткая рѣчь, всѣ тѣлодвиженія однимъ словомъ доказывали человѣка испытаннаго, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Все въ немъ дышало храбростью, честью и истиннымъ чувствомъ достоинства, какъ къ себѣ, такъ и къ друзьямъ.

Чѣмъ болѣе датскій полковникъ Хольбахъ смотрѣлъ на нѣмецкаго маіора Тельхейма, тѣмъ сильнѣе разгоралось его серд-

це восторгомъ. Вмѣстѣ съ Тельхеймомъ, Хольбахъ проходилъ свою собственную военную жизнь, такъ, что по временамъ ему казалось, что онъ встрѣчалъ гдѣ-то этого маіора и питаетъ къ нему уже съ давнихъ поръ какое-то особенное чувство пріязни. Грустные образы эти и жестокія воспоминанія прошлаго такъ сильно и незамѣтно слились въ одно съ событіями жизни Тельхейма, что подъ конецъ Хольбахъ началъ мѣшать свою исторію съ исторіею маіора.

Любовь прекрасной Минны фонъ-Барнгельмъ, по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе развертывалось, проходила передъ его глазами, какъ снимокъ съ его прошлой жизни сердца; раздраженное воображеніе слило эту Минну съ предметомъ первой и единственной любви его, и тысячи горькихъ и сладостныхъ воспоминаній проснулись съ новою силою въ осиротѣлой душѣ старика-воина.

Онъ любилъ однажды, и его любили, точно такъ, какъ Тельхейма; но судьба, не похожая на судьбу Минны, отняла у него любимую женщину... Но вѣдь это только случайное обстоятельство; сущность же исторіи, главный предметъ былъ тотъ же самый—любовь, любовь и любовь!

Появленіе Шарлоты во второмъ дѣйствіи довершило счастливый сонъ стараго воина. Милая наружность ея, звучный голосъ, нѣжность движеній заставили забыть полковника, что онъ ничто иное, какъ зритель, и что другому предназначено обладать этою Минной. Онъ сильнѣе началъ волноваться, когда Тельхеймъ, притворяясь гордымъ и нечувствительнымъ, избѣгаетъ этой прелестной женщины. Языкъ полковника снова развязался: ему надо было облегчить сердце, и потому онъ ежеминутно перебивалъ разговоръ возгласами и привлекалъ тѣмъ на себя вниманіе ближайшихъ зрителей.

Сосѣдъ съ правой стороны, тотъ горбатый старикъ, о которомъ мы уже говорили, былъ никто иной какъ докторъ Дрейеръ, нашъ старый знакомый. Острякъ этотъ началъ тогда больше прислушиваться къ возгласамъ и замѣчаніямъ стараго оригинала, чѣмъ къ самой пьесѣ, и предположилъ, что сосѣдъ его не въ своемъ умѣ.

Эта двойная игра, на сценѣ и въ партерѣ, забавляла его; онъ слушалъ съ удвоеннымъ любопытствомъ всѣ коментаріи, вставляемыя сосѣдомъ его въ текстъ Лессинга; въ нихъ было много энергическихъ проклятій, остроумныхъ замѣчаній и выраженій добраго чувствительнаго сердца. Когда Тельхеймъ отка-

зывается отъ руки Минны, товарищъ его въ партерѣ не на шутку сердится; а когда трактирщикъ хочетъ выгнать изъ гостиницы бѣднаго маіора, который не въ состояніи заплатить ему, то полковникъ кричитъ: мерзавецъ!.. негодяй!.. жадная душа!.. Живую Франциску называетъ онъ «рѣзвухой» а Вернера «молодцомъ...» Вѣрность его и преданность къ маіору, котораго защищаетъ, какъ начальника своего всѣми силами, до того восхищаютъ Хольбаха, что онъ нисколько не стѣсняя себя кричитъ ежеминутно и во все горло: Славно, товарищъ!.. Молодецъ! лихой! Вотъ такъ!..

Всѣ шикаютъ, но это не помогаетъ.

Восторгъ полковника возрасталъ съ каждымъ явленіемъ. Благодаря удивительному таланту Экгофа, онъ видѣлъ въ Тельхеймѣ образецъ воина и дворянина. Когда же милостивое письмо короля возвращаетъ наконецъ Тельхейму его званіе и удовлетворяетъ оскорбленную честь его, полковникъ уже не въ состояніи владѣть собою: онъ плачетъ какъ дитя, и въ порывѣ увлеченія восклицаетъ:

— Да здравствуетъ король! да здравствуютъ всѣ храбрые воины!

Публика, тоже растроганная, забываетъ обыкновенные знаки одобренія, и какъ будто ожидая только этого сигнала, единодушно подхватываетъ возгласъ полковника, и вмѣстѣ съ нимъ восклицаетъ:

— Да здравствуетъ король! да здравствуютъ всѣ храбрые воины!

Нельзя было найти лучшаго доказательства въ сочувствіи публики къ счастію воина. Успѣхъ пьесы этой зажалъ ротъ тѣмъ, кто спорилъ будто военный офицеръ не можетъ быть героемъ драмы, потому что всѣ дѣйствія его постоянно подчиняются военной дисциплинѣ.

— Не правда-ли, какъ хороша пьеса?.. спросилъ лукавый докторъ полковника въ ту минуту, какъ опускали завѣсу.

Полковникъ протеръ глаза, пристально посмотрѣлъ на Дрейера, схватилъ его за руку, съ чувствомъ пожалъ ее, и какъ будто просыпаясь отъ сна, вскричалъ съ одушевленіемъ:

— Скажите мнѣ, ради Бога, имя автора! *Откровенно* говоря, это долженъ быть честный человѣкъ!.. я хочу съ нимъ познакомиться и *откровенно* изъявить ему все мое къ нему уваженіе... Скажите *откровенно*, какъ его зовутъ?

— Шш... не говорите такъ громко. Автора пьесы зовутъ Іоганъ Мельхіоръ Гётце; онъ главный пастырь и глава церкви нашей, но скрываетъ драматическій талантъ свой, отвѣчалъ съ самымъ серіознымъ видомъ лукавый докторъ на ухо полковнику; но ради Бога, прибавилъ онъ таинственнымъ видомъ, не говорите этого никому, потому-что нашъ почтенный деканъ очень строгъ по наружности, но втайнѣ отъ собратій занимается мирскими твореніями.

— Гдѣ же онъ живетъ? если осмѣлюсь *откровенно* спросить?..

— Подлѣ Церкви Св. Екатерины, отвѣчалъ докторъ съ тѣмъ же таинственнымъ видомъ и исчезъ въ толпѣ, оставя сосѣда своего въ совершенномъ удовольствіи отъ пьесы и оттого, что узналъ имя автора.

Старикъ возвратился домой въ самомъ пріятномъ настроеніи духа и совершенно примиренный съ театромъ, который онъ до сихъ поръ такъ ненавидѣлъ. Вмѣсто пошлыхъ фарсовъ, которые онъ видывалъ встарину на Копенгагенскомъ театрѣ, глазамъ его представилась великая картина человѣческой жизни въ настоящемъ ея видѣ, показывая въ чемъ именно состоитъ достоинство человѣка. Отрадное чувство, чувство увѣренности въ прекрасное, овладѣло полковникомъ; языкъ поэта, задушевными, глубокими своими звуками затронулъ уснувшую его душу, пробудилъ ее отъ горестнаго усыпленія, показалъ ему самыя тайныя его мысли, которыхъ онъ не умѣлъ уже разбирать, отвыкъ такъ сказать; собственную судьбу его и провелъ все это передъ глазами его въ видимыхъ, осязаемыхъ формахъ. Теперь онъ все понималъ, да, все.. и все ему нравилось, исключая одного: какъ это пасторъ Гетце не хотѣлъ признавать своего творенія, столь невиннаго, полезнаго и даже животворнаго.

— И въ самомъ дѣлѣ, думалъ самъ про-себя полковникъ, такой пасторъ какъ этотъ, долженъ быть человѣкъ съ душой, если онъ знаетъ такъ хорошо человѣка и даже солдата. Подъ рясой его должно биться благородное сердце. Честному этому человѣку не надо скрывать своего небеснаго дара. Такою пьесою онъ надѣлаетъ гораздо больше добра, чѣмъ сотнею сухихъ проповѣдей.

Въ слѣдствіе этого онъ и рѣшился *откровенно* высказать пастору свое мнѣніе, и рѣшился сдѣлать это на другой же день послѣ обѣдни; при чемъ думалъ просить его продолжать под-

держивать своими твореніями честь и репутацію храбрыхъ воиновъ во мнѣніи почтенной публики.

XXXIX.

Іоганъ Мельхіоръ Гетце, знаменитый теологъ и толкователь спорныхъ мѣстъ въ религіи, былъ главнымъ пасторомъ церкви Св. Екатерины, деканомъ и членомъ богословскаго совѣта; его весьма уважали какъ въ кругу ученыхъ, такъ и въ великосвѣтскихъ салонахъ; многіе даже боялись его; онъ увлекся въ борьбу, возникшую между церковью и театромъ, и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ по-Евангельски, потому-что превратилъ христіанскую каѳедру въ арену нападательныхъ преній противъ такихъ же христіанъ, какъ и онъ самъ. Каждое воскресенье, въ проповѣдяхъ своихъ, онъ громилъ всѣхъ и все: называлъ прихожанъ своихъ язычниками, городъ ихъ сравнивалъ съ Содомомъ и Гоморрою и доказывалъ, что театръ есть ничто иное, какъ школа сатаны, гдѣ учатъ только разврату и безбожію.

На другой день вышеописанныхъ нами событій, почтенный пасторъ, совершенно довольный своимъ краснорѣчіемъ, возвратился домой, надѣлъ великолѣпный халатъ, подбитый мѣхомъ, усѣлся въ мягкія стеганныя кресла и началъ отдыхать отъ физическаго и моральнаго утомленія, прихлебывая изъ хрустальнаго стакана мускатное вино, которое, по-видимому, пришлось ему весьма по вкусу.

Въ этотъ день онъ сильно нападалъ на жрецовъ и на самый храмъ Таліи, который называлъ капищемъ Сарданапала. Отъ него нельзя было отнять своего рода краснорѣчія; но выраженія его были неприличны, особенно въ церкви, а доводы и убѣжденія иногда странны.

Рѣчь проповѣдника имѣла большой успѣхъ; многіе изъ слушателей согласились съ нимъ, сами того не замѣчая, что нападая на театръ, они сами становились актерами. Въ одномъ только была разница: тутъ проклинали, а оттуда выходили со слезами умиленія на глазахъ.

По окончаніи обѣдни, поклонники декана собрались на паперти, чтобъ проводить его до дому, какъ граждане Рима или Аѳинъ провожали до дому знаменитаго оратора, сходящаго съ каѳедры. Пасторъ любилъ почести, и чѣмъ больше было стеченіе на-

рода, тѣмъ онъ былъ довольнѣе, воображая что рѣчь его произвела изумительный эффектъ.

За то, почтенный Гётце, погруженный въ самыя сладостныя мечты, преспокойно ожидалъ минуты, когда м-мъ Беата скажетъ ему, что кушать подано; а это была тревожная статья для господина декана, который былъ большой лакомка, особенно по воскресеньямъ. У него былъ претонкій вкусъ и претонкій носъ, то есть обоняніе, и потому наслаждался уже заранѣе, чувствуя носомъ, какъ изъ кухни долетали до него нѣкоторыя испаренія гастрономическихъ произведеній м-мъ Беаты.

Вдругъ мужской голосъ раздался въ передней: какой-то посторонній проситъ позволенія говорить съ пасторомъ.

М-мъ Беата выскочила и отвѣчала, что господинъ деканъ никогда не принимаетъ между службой и обѣдомъ, что она не смѣетъ доложить, и потому проситъ придти въ другой разъ. Посѣтитель настаивалъ и не хотѣлъ уйдти. Онъ подходилъ уже къ дверямъ гостиной и намѣревался войти безъ позволенія. Тогда деканъ всталъ съ досадой съ своего мѣста и съ любопытствомъ, естественнымъ праздному человѣку, самъ отворилъ дверь, чтобъ узнать, кто этотъ несвоевременный гость.

Пусть припомнитъ теперь читатель фигуру стараго полковника, его худобу, сѣдые усы, черный пластырь на глазу, и тогда поймётъ чувство его при такомъ непріятномъ сюрпризѣ. Не смотря на это, онъ попросилъ его войти, дѣлая знакъ рукою, и полковникъ огромнымъ шагомъ переступилъ завѣтный порогъ. Онъ тревожно поклонился, и принимая воинственный видъ, выпрямился по военному, ни дать ни взять, какъ наканунѣ маіоръ Тельхеймъ, и сказалъ своимъ обычнымъ, непонятнымъ слогомъ:

— Имѣю честь представиться, господинъ пасторъ!.. Я говорю это *откровенно*, и *откровенно* пришелъ благодарить васъ и посмотрѣть собственными глазами на достойнаго человѣка, внушившаго мнѣ своимъ твореніемъ такое высокое о себѣ мнѣніе. Я полковникъ Хольбахъ... Копенгагенъ... первый полкъ королевской грардіи... сорокъ пять лѣтъ службы... довольно ранъ и много сраженій.

Полковникъ совершенно заранортовался... Пасторъ глядѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Что-же вамъ угодно? спросилъ онъ наконецъ.

— Вамъ лучше моего извѣстно, какъ обходятся съ нами, заслуженными солдатами въ мирное время... Но мнѣ ничего не

надо... и благодаря вамъ, я все простилъ врагамъ моимъ, и горжусь отставкой... Да, я плакалъ, какъ ребенокъ, и со слезами этими вышла изъ сердца моего вся желчь негодованія...

Хотя деканъ не понялъ и половины того, что говорилъ полковникъ, однако угадалъ, что человѣкъ этотъ пришелъ отдать ему должную дань уваженія, а кто же заслуживалъ его болѣе, по мнѣнію знаменитаго теолога и проповѣдника, какъ не истолкователь тёмныхъ мѣстъ писанія? Гетце такъ былъ напыщенъ своими достоинствами, что воображалъ, что его всѣ должны знать, и что творенія его производятъ вездѣ сильнѣйшіе нравственные перевороты. Вполнѣ убѣжденный, что полковникъ находился въ числѣ его слушателей и согласился съ любимою тезой его противъ театра, онъ отвѣчалъ съ глубокимъ благоговѣніемъ:

— Да будетъ благословенно пришествіе вашего превосходительства... Да, намъ, защитникамъ алтаря, необходимо соединиться съ защитниками престола, чтобъ общими силами побѣдить врага человѣчества.

— Званіе мое не позволяетъ мнѣ быть защитникомъ алтаря, отвѣчалъ Хольбахъ, за то оно доказываетъ, что я самый ревностный защитникъ престола, а слѣдовательно и алтаря...

Деканъ, не понимая хорошенько полковника, продолжалъ:

— Не смотря на все мое рвеніе, театръ—это капище всѣхъ пороковъ, все еще стоитъ...

Такая странная выходка со стороны драматическаго писателя удивила сначала Хольбаха; но вспомнивъ слова Дрейера, и воображая, что бесѣдуетъ съ авторомъ *Минны фонъ-Барнгельмъ*, онъ отвѣчалъ съ энергіей:

— *Откровенно* сказать, я не понимаю хорошенько, что вы говорите... мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ капищъ... но я знаю, что главное достоинство человѣка состоитъ въ томъ, когда онъ хорошій христіанинъ и храбрый защитникъ престола и отечества... и мнѣ пріятнѣе было-бы видѣть васъ откровеннымъ Тельхеймомъ, чѣмъ слушать ваши сухія проповѣди, или другаго какаго нибудь писаки. Пьесы ваши смягчаютъ сердца, а проповѣди, исполненныя проклятій, приводятъ въ негодованіе...

Пасторъ въ остолбенѣніи смотрѣлъ на полковника, который все еще воображалъ, что пасторъ молчитъ изъ авторской скромности или боязни собратій своихъ.

Наконецъ Хольбахъ вышелъ изъ терпѣнія, и хлопнувъ по плечу Гетца, вскричалъ полусердитымъ и полушутливымъ тономъ:

— Экій лукавый!.. Послѣ этого я не удивляюсь, что общество братій слѣдитъ за нимъ изъ-подъ-тишка!..

Тутъ пасторъ испугался и гнѣвъ его уступилъ мѣсто боязни.

— Что такое?.. Что вы говорите, полковникъ?.. бормоталъ Гетце, не зная, что говорилъ. Вѣдь я самъ членъ этого общества и сверхъ того деканъ и президентъ... Можетъ быть, завистники... тайные враги... но я, право...

— Вы не хотите имъ признаться въ своихъ комедіяхъ!.. перебилъ полковникъ громко захохотавъ, и такъ крѣпко ударилъ пастора по плечу, что своротилъ на сторону шиньонъ парика его, съ котораго посыпалась пудра; да, я понимаю, что вы отъ нихъ скрываете свой талантъ; но за-чѣмъ-же притворяетесь передо мною? вѣдь я не пойду доносить на васъ!

Обращеніе и манеры полковника съ самаго начала удивили пастора; но тутъ, принявъ его за помѣшаннаго, онъ съ боязнію посматривалъ на двери, чтобы въ случаѣ нужды, улизнуть въ кухню. Видя изъ послѣднихъ словъ полковника, что на него нѣтъ доноса, пасторъ успокоился на счетъ своихъ мірскихъ выгодъ, но боялся еще за бренное тѣло свое, и потому сказалъ съ притворною любезностью:

— Помилуйте, полковникъ... радъ-бы угодить вамъ, но намъ нельзя писать комедій. Богослужителю не слѣдуетъ заниматься такимъ безбожіемъ.

Хольбахъ вспыхнулъ, вскочилъ съ яростью со-стула и махая руками закричалъ:

— Безбожіемъ!.. да какъ вы можете называть безбожіемъ то, что улучшаетъ нравственность человѣка?.. Притворство ваше становится отвратительнымъ, такъ что въ моихъ глазахъ вы походите теперь скорѣе на хитраго трактирщика, чѣмъ на честнаго Тельхейма. Я пришелъ къ вамъ съ любовью и благодарностью, а теперь не знаю, что и думать о человѣкѣ, который не считаетъ за стыдъ отказываться отъ такого высокаго творенія... Да, объявляю вамъ *откровенно*, что въ драмѣ вашей *Минна фонъ-Барнгельмъ* гораздо больше чести, блегородства, и даже истиннаго христіанства, чѣмъ во всѣхъ проповѣдяхъ вашихъ. Тельхеймъ образецъ чести и храбрости, Вернеръ преданности, а Юстъ... такой солдатъ, что если-бъ мнѣ дали сотню подобныхъ молодцовъ, то я усмирилъ бы всю Швецію. Говорятъ, что вы написали эту пьесу, которую я видѣлъ вчера, для улучшенія рода человѣческаго, а главное для славы храбрыхъ воиновъ, но

скрываете свое имя... во-первыхъ изъ скромности... а во-вторыхъ изъ боязни своихъ собратій... Вы видите, что я все знаю, такъ скажите-же мнѣ *откровенно:* вы авторъ *Минны фонъ-Барнгельмъ?*

— Какъ!.. вскричалъ Гетце, пылая гнѣвомъ и грозя кулакомъ полковнику, который смѣлъ приписывать ему такую чудовищность; какъ можете вы оскорблять меня такъ ужасно?.. Развѣ я безбожникъ, что стану писать комедіи?

Тутъ пасторъ разразился гнѣвомъ и пришелъ въ такую ярость, что глаза его выходили изъ орбитъ. Онъ требовалъ, чтобъ полковникъ отказался отъ словъ своихъ, или онъ станетъ жаловаться. Онъ кричалъ, топалъ, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ, что Хольбахъ, сравнивая его съ еретикомъ Лессингомъ, трояко оскорбилъ его: какъ главнаго пастора, какъ богослова и какъ декана почтеннаго братства проповѣдниковъ, онъ увѣрялъ бѣднаго дядю Антонія, что тотъ очень хорошо зналъ, къ кому шелъ, но притворяется будто не знаетъ.

— Вамъ угодно было выдать меня на посмѣшище еретиковъ... говорилъ онъ, и потому вы силою врываетесь въ тихое мое жилище и прерываете мои святыя размышленія... но это вамъ даромъ не пройдетъ! Вы оскорбили не меня одного, но въ лицѣ моемъ оскорбили паству мою, то есть, цѣлый приходъ: а какъ я начальникъ всѣхъ здѣшнихъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый приходъ, то оскорбленіе ваше падаетъ на всѣхъ пасторовъ и на всѣ приходы... слѣдовательно и на весь городъ.

Тутъ Хольбахъ не могъ болѣе сомнѣваться въ справедливости словъ пастора, отказывающагося отъ авторства. Онъ такъ злился, такъ дрожалъ и кричалъ, что полковникъ принужденъ былъ повѣрить, и тутъ только ему мелькнула мысль: ужъ не надулъ-ли его горбатый сосѣдъ? При этой мысли, полковникъ необыкновенно щекотливый, когда дѣло касалось чести, еще больше разсердился, чѣмъ деканъ, когда его приняли за Лессинга; и они кричали въ одинъ голосъ.

Сначала дядя Антоній только и могъ сказать:

— Это низко, неблагородно! Но потомъ, рѣшившись отыскать неизвѣстнаго мистификатора, и намѣреваясь проучить его, онъ немного успокоился и нѣсколько разъ начиналъ разсказывать декану, въ чемъ было дѣло, но тотъ не хотѣлъ его слушать. Видя наконецъ неподдѣльную досаду Хольбаха и его истин-

ное раскаяніе, Гетце принужденъ былъ повѣрить, что какой нибудь злой человѣкъ подшутилъ надъ бѣднымъ полковникомъ, который, не будучи знакомъ съ теологами и учеными, повѣрилъ на слово этому шуту.

Они помирились, изъяснились и извинились другъ передъ другомъ; но все таки не могли простить виновника дерзкой шутки, которая привела ихъ въ такое недоумѣніе:

— Это должно быть еретикъ, говорилъ Гетце, такъ называлъ онъ всѣхъ враговъ своихъ, и тѣхъ кто не соглашался съ его мнѣніями.

Полковникъ не могъ усидѣть на мѣстѣ; послѣ столь неловкаго дебюта въ поклоненіи драматической геніяльности, ему оставалось только еще разъ извиниться передъ пасторомъ и уйти. Изнывая отъ стыда и гнѣва, онъ рѣшился во что бы то ни стало, и гдѣ бы то ни было отыскать насмѣшника и строго наказать его за то, что онъ осмѣлился мистифировать такого стариннаго дворянина и такого стараго человѣка.

Воспоминаніе объ этомъ происшествіи приводило его въ такое уныніе, что онъ потерялъ послѣднюю свою веселость, но за то сдѣлался дѣятеленъ, какъ человѣкъ, который постоянно преслѣдуетъ одну и ту же идею и затѣваетъ что-то недоброе. Напрасно Ульрика и Франциска допрашивали его, онъ молчалъ, но съ утра до ночи бѣгалъ по городу. Аккуратно въ девять часовъ онъ выходилъ изъ дому и не пропускалъ ни одного общественнаго сборища; заходилъ въ каждый трактиръ, въ каждую кандитерскую; обошелъ всѣ публичные сады, не пропустилъ безъ вниманія ни одного закоулка, но врага своего все еще не находилъ.

Наконецъ, по прошествіи цѣлой недѣли безполезныхъ поисковъ, несчастная звѣзда Дрейера привела полковника въ трактиръ *Высшаго Общества*, гдѣ докторъ бывалъ почти ежедневно и нѣсколько лѣтъ сряду, придерживаясь правила, что гдѣ больше долженъ, туда и слѣдуетъ ходить чаще.

Общество было многочисленное; посѣтители сидѣли за столами, поставленными по обѣимъ сторонамъ узкой и длинной залы, они пѣли, говорили, курили и пили изъ огромныхъ кружекъ съ жестяными крышками.

Старикъ музыкантъ еще больше прибавлялъ шуму, играя на старой скрипкѣ, которая мучила уши и вытягивала душу своими пискливыми звуками. Ансельмъ Клефекеръ, стоя за буфетомъ,

посылалъ, звонкимъ своимъ голосомъ, молодую и расторопную дѣвушку то къ одному стулу, то къ другому, а самъ между тѣмъ прислушивался къ стуку оловянныхъ крышекъ, и какъ только звуки эти долетали до его музыкальнаго уха, онъ немедленно отправлялъ туда служанку узнать, что угодно господамъ посѣтителямъ; послѣдній столъ, гдѣ сидѣли артисты съ своими друзьями, наиболѣе привлекалъ его вниманіе.

Почти всѣ привычные гости были на своихъ мѣстахъ, слѣдовательно все было въ совершенномъ порядкѣ.

Шредеръ тоже тутъ былъ, а подлѣ него сидѣлъ человѣкъ уже вовсе не молодой, съ удивительно выразительнымъ и краснымъ лицомъ, на которомъ постоянно скользила добродушная и спокойная улыбка, а большіе глаза его блестѣли, какъ у самаго молодаго человѣка; какое-то задушевное теплое чувство дышало во всей его особѣ. Сидя за столомъ артистовъ, онъ по-видимому забавлялся всѣмъ, что видѣлъ, и не смотря на свои лѣта, принималъ въ обществѣ такое же участіе, какъ самый молодой человѣкъ. Это былъ Клопштокъ, авторъ *Мессіады*.

Онъ рѣдко показывался въ *Высшемъ Обществѣ*, но за то всегда былъ принятъ съ самою восторженною радостью. Онъ былъ отъявленнымъ партизаномъ театра Шредера и его веселыхъ, остроумныхъ и понятливыхъ товарищей, которые съ распростертыми объятіями принимали его въ свой кружокъ, какъ генія поэзіи и искусства, и считали присутствіе его за великую для себя честь. Въ то время это былъ величайшій писатель Германіи; потрясающій гимнъ его: «Возрожденіе», пѣли каждое воскресенье въ протестантскихъ церквахъ; но не смотря на это и на *Мессіаду*, воспѣвающую Спасителя, партія ханжей такъ же ненавидѣла его, какъ и всѣхъ ученыхъ.

Въ самомъ концѣ залы, за особымъ столомъ, сидѣлъ докторъ Дрейеръ съ своими пріятелями и игралъ въ ломберъ, потому что за бутылкой вина онъ не любилъ литературныхъ премній. Въ эту минуту появилась тощая, длинная и одноглазая фигура полковника Хольбаха, привлекшая на себя всеобщее вниманіе. Завернутый въ широкій плащъ, онъ важно обошелъ залу, посмотривая направо и налѣво и всматриваясь въ лицо каждаго. Наконецъ, увидѣвъ Дрейера, онъ какъ вкопаный остановился. Онъ нашелъ того, кого такъ долго искалъ! Съ перваго взгляда онъ узналъ своего театральнаго сосѣда, маленькаго горбуна съ лукавымъ подвижнымъ лицомъ.

Дрейеръ, занятый игрой, не видѣлъ и неслышалъ, что происходило вокругъ него, какъ вдругъ почуствовалъ на щекѣ своей такую сильную пощечину, что одурѣлъ отъ нея. Онъ вскочилъ, какъ ошеломленный, и придя немного въ себя, увидѣлъ своего театральнаго сосѣда. Испуганная физіономія его прояснилась тогда; онъ съ ногъ до головы окинулъ глазами полковника, и громко захохотавъ, вскричалъ самымъ фамильярнымъ тономъ:

— А! это вы любезный полковникъ?... вѣрно прямо отъ пастора Гетца?

Лукавая и насмѣшливая физіономія Дрейера, развязный и спокойный тонъ его и даже вопросъ, съ которымъ онъ обратился къ Хольбаху, заставили всѣхъ громко расхохотаться.

Незнакомецъ же не помнилъ себя отъ ярости и готовъ былъ хоть на ножи; но друзья Дрейера вступились и не допустили, чтобъ исторія эта зашла далѣе шутки.

Дрейеръ разсказалъ наскоро въ чемъ дѣло, и хотя всѣ готовы были разразиться смѣхомъ, однако изъ уваженія къ лѣтамъ и воинственной осанкѣ полковника, удержались отъ такого взрыва веселья.

Шредеръ и Экгофъ посадили его между собою, а Клопштокъ, знавшій его еще въ Копенгагенѣ, началъ уговаривать помириться съ весельчакомъ докторомъ. Онъ представилъ полковнику въ особѣ Экгофа неподражаемаго представителя Тельхейма, а въ лицѣ Шредера сержанта Вернера. Тотъ и другой, чтобъ развеселить старичка, еще разъ сыграли ему роли свои, и до того восхитили, что онъ обнялъ ихъ обоихъ и назвалъ своими любезными товарищами, увѣряя между прочимъ, что за неимѣніемъ настоящаго автора, онъ вполнѣ вознагражденъ знакомствомъ своимъ съ храбрымъ Тельхеймомъ и сержантомъ его Вернеромъ. Онъ становился все веселѣе и развязнѣе и готовъ даже былъ помириться съ Дрейеромъ, который и не замедлилъ явиться къ нему съ извиненіемъ и согласился даже, помирая со смѣху, что онъ заслужилъ не одну, а три пощечины. Тогда Хольбахъ протянулъ ему руку, и они дружески обнялись. Но полковникъ поклялся, что во вѣки вѣковъ никогда не будетъ бѣгать ни за какимъ авторомъ, будь онъ ему другъ или недругъ; прося однако директора дать поскорѣе опять *Минну фонъ Барнгельмъ* и увѣряя, что бо́льшаго удовольствія онъ не можетъ ему доставить.

Такимъ образомъ кончилось траги-комическое приключеніе доктора Дрейера съ датскимъ полковникомъ Хольбахомъ. Мы прибавимъ только, что въ слѣдующемъ нумерѣ еженедѣльной газеты Дрейеръ отмстилъ Гетцу за тяжеловѣсную пощечину, которою наградилъ его Хольбахъ за его услужливость. Въ газетѣ этой было напечатано:

«Теперь нѣтъ никакой возможности сомнѣваться, что Лессингъ, а никто другой написалъ комедію» *Минна фонъ Барнгельмъ*. Кто другой, кромѣ его, можетъ быть авторомъ такого высокаго творенія. Очевидность поразительна!»

Гамбургская публика поняла, что это значило.

XI.

Страшная ссора съ семействомъ имѣла для Шарлоты хотя то пріятное послѣдствіе, что ее оставили въ покоѣ и даже избѣгали по возможности всего, что могло раздражить ее. Съ нею обходились ласкаво и даже не напоминали объ этой исторіи.

— Если что еще можетъ спасти ее, говорилъ Шредеръ, такъ это самосознаніе, когда она увидитъ, какъ провинилась передъ нами, передъ самой собою и предъ искусствомъ. А чтобъ чувство это могло овладѣть сердцемъ ея, дадимъ ей полную свободу и не станемъ мучить новыми подозрѣніями. Что же до барона, я буду наблюдать за нимъ.

Шредеръ принялъ такія вѣрныя мѣры, что Зильбургъ, котораго совѣтница не принимала больше, рѣшительно не зналъ, что дѣлается съ Шарлотой и любитъ-ли она его еще; онъ былъ увѣренъ, что благодаря предательству Фанни, она все знаетъ. Мысль эта должна была сильно раздражить этаго страстнаго и мстительнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что это унижало его самолюбіе. Потерять Шарлоту было ему не такъ прискорбно, какъ сознаться въ своей неловкости. Тщеславіе его было затронуто; его разгадали и явно дѣйствовали противъ него: два самые почтенные дома затворились для него разомъ, и даже третій домъ презрѣнной Фанни дѣлалъ тоже самое.

Онъ бѣсился, выходилъ изъ себя и въ порывѣ ярости хотѣлъ бы напустить на нее своего преданнаго негра съ индѣйскимъ ножемъ; но въ настоящихъ обстоятельствахъ средство это было такъ же безполезно, какъ и всякое другое; ему остава-

лось одно: немедленно уѣхать въ полкъ и забыть о Гамбургѣ и Шарлотѣ. Но какъ уѣхать не отомстивъ Шредеру?

Напрасно Олафъ бѣгалъ съ утра до ночи, напрасно самъ баронъ бродилъ по вечерамъ около дома, Шарлоты не было нигдѣ видно: ни у окна, ни на улицѣ, ни даже въ театрѣ. Въ продолженіе цѣлой недѣли, на афишѣ ни разу не стояло ея имени. Что бы это значило? Ужъ не больна-ли она? или можетъ быть, мать и братъ силою держатъ ее на привязи, чтобъ она не прибѣжала къ нему, а можетъ быть и она сама рѣшилась прекратить съ нимъ всѣ сношенія?

Всѣ предположенія эти были ложны; но баронъ не могъ знать, что бѣдная дѣвушка мучилась такими же сомнѣніями и не имѣла ни силъ, ни духу рѣшиться на что нибудь; ей страшно было видѣтъ его, а еще страшнѣе разстаться на вѣки.

Ее не такъ мучили страданія любви, какъ неизвѣстность и сомнѣнія на счетъ Зильбурга: кто обманывалъ ее, онъ или родные? Холодная дрожь пробѣгала по ея тѣлу, когда она представляла себѣ Зильбурга такимъ, какъ описывали его мать, братъ, сестра и старушка Унцеръ. Неужели Господь до того разгнѣвался на нее, что наслалъ такое ослѣпленіе? Или, можетъ быть, онъ имѣетъ надъ нею какую нибудь сверхъестественную власть, потому что теперь, когда думать о немъ страшно, ей стоитъ только припомнить какое нибудъ слово или взглядъ своего кумира, чтобъ забыть для него все на свѣтѣ.

Наконецъ ей показалось, что она нашла спасительную нить, которая доведетъ ее до чего нибудь вѣрнаго и выведетъ изъ смертельнаго сомнѣнія. Шарлота думала идти къ вдовѣ Гадъ, на которую ей указывали, какъ на главную обвинительницу Зильбурга. Шарлота рѣшилась узнать всю правду и въ тягостномъ ожиданіи сумрака начала считать часы и минуты.

Шарлота, подъ предлогомъ, что идетъ къ совѣтницѣ, накинула мантилью, шляпу, и вышла изъ дому, благодаря Бога, что наконецъ настала-ночь, которая рѣшитъ судьбу ея. Мать бѣдной Берты жила въ отдаленномъ кварталѣ, на концѣ города, у самого порта, гдѣ производилась нагрузка и выгрузка товаровъ. Тутъ большею частью жили матросы, шкипера и все, что живетъ мореплаваніемъ и кораблестроеніемъ. Кварталъ этотъ, въ своемъ родѣ, былъ на такомъ же дурномъ счету, какъ и Кугельсъ-Ортъ, потому что дикое племя гамбургскихъ матросовъ, столь

несговорчивыхъ даже днемъ, становится еще хуже, еще буйнѣе ночью.

Не смотря на то, Шарлота отправилась туда ночью, безъ проводника, для того, чтобъ спуститься со всею своею славою въ низкій, душный подвалъ бѣдной торговки и услышать отъ незнакомой старухи послѣдній приговоръ судьбы своей!

Это былъ день базара, и потому на улицахъ, не смотря на темноту, было еще довольно движенія, особенно у мясныхъ лавокъ. Рыбаки, торговки овощами и плодами, игрушечники сидѣли еще за своими столиками при освѣщеніи бумажныхъ крашеныхъ фонарей, и хотя торговля шла уже не такъ живо, какъ днемъ, однако видны были еще и продавцы, и покупатели.

Шарлота прошла мимо этихъ столовъ и повернула уже въ Нейбургскую улицу, какъ чей-то голосъ назвалъ ее по имени. Она обернулась и увидѣла Зильбурга.

Остолбенѣвъ отъ страха и удивленія, она чуть было не упала въ обморокъ; но Зильбургъ поддержалъ ее и сказалъ кротко, но съ упрекомъ:

— Такъ Шарлота боится меня? Ты не ожидала видѣть меня, а между тѣмъ наша встрѣча такъ натуральна; нѣсколько дней сряду я бродилъ около твоихъ оконъ; наконецъ сегодня увидѣлъ, какъ ты вышла изъ дому, и пошелъ за тобою, но не смѣлъ заговорить съ тобою, пока ты шла по тѣмъ улицамъ, гдѣ такъ много народу... здѣсь же совершенно безопасно... А теперь позволь просить, куда ты идешь, и совершенно одна? Время и погода не годятся для прогулки... Или, можетъ быть, увидѣвъ меня изъ дома, ты хотѣла ускользнуть отъ меня, и не зная куда бѣжать, забрела въ эту улицу?

Шарлота, какъ убитая, стояла на одномъ мѣстѣ. Она держалась за его руку и не могла отвѣчать. Увидѣвъ Зильбурга, она забыла, куда шла.

— Проводи меня домой, тогда ты все узнаешь, прошептала она наконецъ; я же знаю только одно... что я очень, очень несчастлива...

Тутъ Шарлота громко зарыдала. Напрасно Зильбургъ старался успокоить ее; она судорожно сжимала руки и всхлипывала, не переводя духа, почему и не могла отвѣчать на его вопросы. Однако она не выдергивала руки своей, которую держалъ Зильбургъ и позволяла ему прижимать себя къ сердцу съ нѣжнымъ и страстнымъ выраженіемъ чувства. Они шли медлен-

но, шагъ за шагомъ; Шарлота продолжала плакать и молчала. Баронъ много говорилъ ей, но она его не слушала, у нея было одно въ головѣ: зачѣмъ онъ самъ не признался ей во всемъ, зачѣмъ она должна была узнать все это невзначай!

Горестное это размышленіе придало силъ Шарлотѣ; ей хотѣлось видѣть, какъ онъ будетъ оправдываться, и больше того хотѣлось, чтобъ онъ оправдался.

Наконецъ, она спросила его, правда-ли, что онъ зналъ Фанни и прежде, и что она помогла ему погубить невинную дѣвушку, которую звали Бертою?

Какъ только Шарлота выговорила это имя, Зильбургъ схватилъ ее за руку и какъ вкопаный остановился. Опустивъ голову, онъ устремилъ на нее блестящіе глаза свои; смутная блѣдность покрыла лицо его и придала ему такое отчаянное выраженіе, что Шарлотѣ стало жаль его. Но Зильбургъ скоро пришелъ въ себя, гордо откинулъ назадъ голову, и посмотрѣвъ на Шарлоту спокойно, сказалъ твердо, но съ горестью:

— Такъ вотъ причина, почему я цѣлую недѣлю не видалъ тебя, Шарлота? Недавно еще ты упрекала меня, что я незнаю твоего сердца и что безпокоился и сомнѣвался въ тебѣ одинъ только день... Ты сказала одно слово... я повѣрилъ тебѣ, успокоился.

Сказавъ это, онъ замолчалъ, грустно покачалъ головою и глубоко вздохнулъ. По всему видно было, что онъ и самъ не зналъ, что отвѣчать; лицо его было мрачно и выражало страхъ и недоумѣніе, противоположныя чувства боролись въ сердцѣ, и на этотъ разъ только одно вдохновеніе могло вывести его изъ бѣды, потому что онъ не зналъ навѣрное, что именно Шарлота знаетъ, и чего не знаетъ.

— Ну, да, я виноватъ передъ нею! вскричалъ Зильбургъ; тогда я былъ вѣтренъ и любилъ въ женщинѣ только одну красоту; а Берта была хороша и полюбила меня... Но клянусь тебѣ, я этимъ обязанъ не Фанни, а самому себѣ. Тогда только я помѣстилъ ее къ этой женщинѣ, когда она совершенно уже сдѣлалась моею, и помѣстилъ ее потому, чтобъ спасти отъ гнѣва матери... Мнѣ же самому надо было ѣхать... Еслибъ ты знала, какое это горькое для меня воспоминаніе... какъ я тогда раскаявался!.. Бѣдное созданіе, она повѣрила клятвамъ моимъ... надѣялась на меня... а я....

— А ты бросилъ ее!... сказала Шарлота съ горькимъ упрекомъ,

не понимая на яву она или во снѣ слышитъ это признаніе вѣтреннаго, но кающагося человѣка.

— Нѣтъ, я не бросилъ ее, отвѣчалъ баронъ въ смущеніи; только не возвратился къ ней по возвращеніи въ Гамбургъ.., потому что ее не было уже на свѣтѣ...

Помолчавъ немного, онъ сказалъ съ жаромъ:

— А тутъ, какъ нарочно, всѣ заговорили о приключеніи твоемъ въ Кугельсъ-Ортѣ, что заставило меня желать видѣть тебя; а когда увидѣлъ... то участь моя рѣшилась... тогда я забылъ всѣхъ и все и даже угрызенія совѣсти и самое горе... вѣдь я любилъ Берту и не скоро бы утѣшился, еслибъ не встрѣтилъ тебя; но эта несчастная исторія была причиною, что я полюбилъ тебя.

— Зачѣмъ же ты не разсказалъ мнѣ?.. вскричала Шарлота съ негодованіемъ... Но вотъ что ужасно: ты зналъ, что послѣ нея остался ребенокъ... а ты и не подумалъ даже о немъ.

— Тутъ я вовсе не заслуживаю упрека, отвѣчалъ Зильбургъ спокойно. Было бы совершенно безполезно говорить тебѣ о Бертѣ и вызывать тѣнь оскорбленной дѣвушки... Этимъ нельзя было исправить прошлаго... я и безъ того мучился совѣстью. Что же до ребенка, то я не могъ, не смотря на всѣ мои старанія, отыскать его.

— Что такое!.. что говоришь ты?.. вскричала Шарлота притворяясь удивленною, а между тѣмъ радуясь, что нашла случай испытать правдивость Зильбурга. Ты говоришь, что не знаешь, куда дѣвался ребенокъ, а я слышала, что ты приказалъ похитить его, чтобъ я не успѣла взять его изъ Кугельсъ-орта. Не обманывай меня... только ты одинъ и можешь знать, гдѣ онъ теперь... Ты хотѣлъ скрыть его отъ меня!

Зильбургъ, услышавъ такое неожиданное обвиненіе, замолчалъ; на этотъ разъ онъ не былъ виноватъ. Натуральный тонъ, которымъ Шарлота упрекала его за выдуманный проступокъ, привелъ его въ такое смущеніе, точно будто онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ. Быть невиноватымъ въ чемъ-бы то ни было, было новостью для Зильбурга, и потому новость эта смутила его; наружность была противъ него, а въ дѣйствительности его нельзя было обвинить; обыкновенно съ Зильбургомъ случалось на оборотъ, и потому онъ терялся въ этомъ новомъ, странномъ для него положеніи. Онъ клялся Шарлотѣ, что не знаетъ, гдѣ ребенокъ.

— Повѣрь мнѣ, сказалъ Зильбургъ, начиная снова обманы-

вать, что если-бъ я нашелъ его, то поручилъ бы его тебѣ, и тогда признался бы въ моемъ проступкѣ. Я искалъ малютку, чтобъ дать ей въ тебѣ вторую мать; но не говорилъ никому, потому-что боялся что мнѣ не повѣрятъ...

Шарлота вздохнула свободнѣе: «Слава Богу!.. подумала она съ благодарностью, чувствуя, что довѣріе ея къ нему снова воскресло. Но, чтобъ вполнѣ удостовѣриться въ искренности Зильбурга и разсѣять до малѣйшаго сомнѣнія, она скрыла свою радость и сказала колеблясь:

— Не могу передать тебѣ отчаянія моего, когда я узнала, какъ жестоко ты поступилъ съ Бертой... но это было ничто въ сравненіи съ исторіей графини Линденкронъ. Тутъ нѣтъ для тебя оправданій... потому-что графиня... я это навѣрно знаю... женщина благородная... одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ нельзя оскорблять безнаказанно.

Баронъ, котораго имя Берты вывело уже изъ себя, былъ какъ громомъ пораженъ при воспоминаніи объ Ульрикѣ; роковая и давно ожидаемая минута настала наконецъ, минута, когда предательство его должно было открыться и рѣшить можетъ-ли онъ еще спастись отъ этой Немезиды и осмѣлится-ли еще притворяться невиннымъ при такомъ обвиненіи.

Нѣтъ, онъ до того былъ пораженъ, что не могъ, не успѣлъ найтись. Ангелъ-хранитель Шарлоты вложилъ въ уста ея именно тѣ слова, которыя могли заставить его думать, что Шарлота открыла всѣ его преступленія.

Онъ онѣмѣлъ отъ ужаса, и только послѣ долгаго молчанія, когда они уже приблизились къ дому Аккермановъ, сказалъ съ ѣдкою насмѣшкою:

— Если графиня Линденкронъ сдѣлалась твоимъ оракуломъ, то приговоръ мой подписанъ, и ты должна считать меня готовымъ на всѣ-возможныя преступленія. Такъ иди-же къ своему оракулу, посовѣтуйся съ нимъ и спроси, какимъ это образомъ ты такъ долго ошибалась въ человѣкѣ, котораго видѣла каждый день, что-же до меня касается, то я объявляю тебѣ, Шарлота, что разрываю связь, которая должна была соединить насъ на вѣки! Я думалъ, что въ тебѣ есть великодушіе, независимость, та святость чувствъ, которыя вдохновляли тебя въ искусствѣ... а теперь вижу, что ты ничто иное, какъ хорошая актриса; теперь я не вѣрю истинѣ твоего дара, это не даръ, а хорошее изученіе ролей, которыя ты понимала умомъ, а не серд-

цемъ. Кто жертвуетъ любовью для мелкихъ выгодъ, изъ уваженія къ ничтожнымъ причинамъ, кто болѣе вѣритъ коварной клеветѣ чѣмъ голосу собственнаго сердца, тотъ не истинный артистъ, а просто-за-просто актеръ. Нѣтъ, ты не умѣешь любить... ты неспособна любить!

— Послушай, Максъ, прошептала полумертвая Шарлота, я вѣрю, что графиня...

— Вѣрь, чему хочешь, только не требуй больше, чтобъ я тебѣ вѣрилъ, отвѣчалъ Зильбургъ съ притворнымъ отчаяніемъ. Ступай къ своей графинѣ Линденкронъ, она научитъ тебя, какъ изъ всего святаго можно сдѣлать самую пошлую комедію: она славная актриса... не знаю, которая изъ васъ перещеголяетъ другую.

Сказавъ это, онъ дерзко захохоталъ и выхватилъ руку свою отъ Шарлоты, которая удерживала его, стараясь что нибудь сказать себѣ въ оправданіе; но онъ не хотѣлъ слушать ее, оттолкнулъ отъ себя бѣдную дѣвушку, и не давъ ей времени оправдаться, убѣжалъ съ ужасными проклятіями.

Шарлота хотѣла было бѣжать за нимъ, чтобъ остановить и успокоить его; но силы измѣнили ей; голова ея закружилась, въ глазахъ потемнѣло, и она принуждена была опереться о стѣну церкви. Въ эту минуту, Шрёдеръ, слѣдившій издали за сестрою, перебѣжалъ улицу и подхватилъ ее въ ту самую минуту, какъ она уже падала.

Онъ принесъ ее домой бездыханную. Насилу мать и Доротея привели ее въ чувство; но съ чувствомъ возвратилась и память о томъ, что съ нею случилось, а съ памятью увѣренность, что онъ покинулъ ее навсегда.

— Онъ бросилъ меня! уѣхалъ!.. кричала Шарлота, ломая руки съ отчаяніемъ.

Всѣ утѣшенія были безполезны; горе, долго сдержанное, вырывалось въ судорожныхъ рыданіяхъ, раздирающихъ крикахъ. Она отталкивала отъ себя съ упреками сестру и брата, которые хотѣли уложить ее въ постель, и вырывалась отъ нихъ, чтобъ бѣжать за кумиромъ своимъ и примириться съ нимъ. Послали за Унцеромъ, онъ предписалъ бросить кровь; это ослабило ея физическія силы, но не ослабило чувствъ; она помнила, что онъ покинулъ ее, и что для нея все погибло. Бо́льшей утраты для нея не могло быть.

Къ утру она впала въ безпамятство, послѣ котораго открылись всѣ признаки нервной горячки.

XLI.

Нѣсколько дней сряду Шарлота находилась въ большой опасности и только изрядка приходила въ самосознаніе; но минуты эти были еще страшнѣе для окружающихъ, чѣмъ для самой больной, потому-что неизлечимая рана сердца мучила ее больше горячки, и Шарлота изливала горе свое въ самыхъ раздирающихъ жалобахъ на судьбу и людей. Она ежеминутно призывала Зильбурга, называла его самыми нѣжными именами, и пугала всѣхъ силою и глубиною любви своей. Окружающіе поняли тогда, что такая страстная душа не можетъ долго переносить такихъ томительныхъ страданій.

Наконецъ молодость восторжествовала надъ горемъ и болѣзнію; Шарлота выздоровѣла, покрайней мѣрѣ, по наружности, гораздо скорѣе, чѣмъ смѣли надѣяться. Но стебель цвѣтка этого былъ сломанъ, и тѣ, кто видѣлъ ее послѣ болѣзни, были поражены быстрою перемѣною и въ такое короткое время. Блескъ вдохновенныхъ глазъ ея потухъ, прелесть выразительной улыбки, отражающей, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, всѣ впечатлѣнія ея чистой души, исчезла навсегда, голова поникла; цвѣтъ лица потемнѣлъ. Въ замѣнъ этого горе омрачило чело ея, взоръ подернулся грустью, и только по временамъ выражалъ какое-то тягостное чувство, когда кто нибудь хотя неумышленно заводилъ разговоръ, напоминающій о ея скорбномъ положеніи.

Бѣдная Шарлота любила еще такою чистою любовью, что вполнѣ была убѣждена въ неблагодарности своей; она воображала, что сама разбила счастіе свое, и потому заслуживала всѣ страданія, за то, что перестала вѣрить чести и вѣрности своего идола. Она не хотѣла вѣрить, чтобы онъ бросилъ ее такъ, безъ причины; нѣтъ, она, она сама оскорбила его и оскорбила ужасно. Какъ благородный человѣкъ онъ долженъ былъ покинуть ее...

Правда, что Шарлота упрекала его въ жестокости, упрекала, что онъ не хотѣлъ выслушать ея оправданій, но въ этой самой жестокости она находила столько благородства, такую прелесть, что образъ Зильбурга, съ презрѣніемъ во взорѣ, съ ѣдкою насмѣшкой на губахъ, еще глубже врѣзывался въ ея сердце. Припо-

миная его нетерпѣливые жесты, отрывистый, раздраженный голосъ и холодный, жестокій взглядъ, душа ея замирала отъ упоенія, и въ эти минуты онъ ей нравился больше прежняго, когда она его видѣла нѣжнымъ, любящимъ, покорнымъ.

Овладѣть имъ снова или погибнуть въ его глазахъ!—вотъ единственная, постоянная мечта Шарлоты, единственная ея надежда.

Въ эту рѣшительную минуту судьбы ея, перечтемъ еще разъ письмо ея, и послушаемъ какъ она сама разсказываетъ свою исторію. Письма эти вдвойнѣ заслуживаютъ наше вниманіе, какъ изображеніе человѣческаго сердца, и какъ отрывки біографіи знаменитой актрисы.

Шарлота писала къ другу своему м-мъ Унцеръ:

«Онъ бросилъ меня!.. а я живу еще! Еслибъ онъ зналъ, что сердце мое только и бьется для него, онъ не покинулъ бы меня такъ безжалостно! Мнѣ слѣдовало бы ненавидѣть его, а я обожаю... образъ его всюду преслѣдуетъ меня, ни днемъ, ни ночью не даетъ мнѣ покоя... Но къ чему слезы?.. Вѣдь мнѣ надо ненавидѣть, презирать его... Онъ любитъ другую... онъ забылъ меня... Такъ и я забуду! Нѣтъ, не могу!.. перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ!

. . . . . .

«...Какъ выразить тебѣ мое страданіе? Я видѣла барона, но это коварный демонъ, который принялъ на себя его видъ, чтобъ обмануть меня! Вчера онъ проѣхалъ верхомъ подлѣ моей кареты... онъ не взглянулъ на меня... онъ отвернулъ голову... Я собрала всѣ силы, чтобъ не лишиться чувствъ. Я надѣялась еще, что ошиблась, но сегодня узнала, что онъ точно еще въ Гамбургѣ. Сколько горя должна я перелить въ твою душу! . Подкрѣпи меня въ этомъ ужасномъ состояніи, я гибну!

. . . . . .

«Можетъ быть, я получу письмо отъ него. Мнѣ кажется я умру, если онъ станетъ еще упрекать меня! Софія, неужели онъ въ самомъ дѣлѣ оставилъ меня? А я! Я люблю его болѣе, чѣмъ когда нибудь! Никогда не найдетъ онъ женщины, которая любила бы его какъ я! И такъ варварски поступить со мною! Придетъ время когда онъ узнаетъ какое сердце онъ потерялъ!.. Потерялъ?.. Нѣтъ, онъ никогда не потеряетъ это разбитое сердце, которое всегда, всегда будетъ принадлежать ему... Еслибъ только онъ былъ мѣнѣе несправедливъ ко мнѣ!

. . . . . .

«Я въ отчаяніи! Я не узнаю себя!.. Я слишкомъ страдаю. Это невыносимо! Что сдѣлалось со мною! Мая мать, моя добрая мать, которая прежде была такъ нѣжна со мною, теперь снова сдѣлалась жестокою... Она получила письмо отъ какого-то неизвѣстнаго. Что могъ написать ей этотъ злой человѣкъ?.. Нѣтъ, это невыносимо!

. . . . . .

«Софія, моему горю нѣтъ границъ! Баронъ поклялся погубить меня; это планъ методически составленный. Я сдѣлала все, чтобъ вырвать изъ сердца воспоминаніе о немъ... напрасный трудъ!.. Я боюсь его любви, но холодность его убиваетъ меня. Онъ ищетъ случая показать мнѣ ее; каждая встрѣча съ нимъ растравляетъ раны моего сердца. Вчера... я разсказываю тебѣ исторію Маріи Бомарше... вчера мы встрѣтили его, и одинъ взглядъ на него пробудилъ всю мою любовь. Но когда, возвратясь домой я вспомнила его, вспомнила этотъ спокойный, холодный взглядъ, которымъ онъ взглянулъ на меня когда проходилъ мимо съ этой женщиной, которая шла подъ руку съ нимъ... тогда я почувствовала себя испанкой; я взяла кинжалъ, взяла яду; я переодѣлась... ты понимаешь меня, Софія, это было все одно воображеніе!... я преслѣдовала его; онъ былъ у ногъ своей новой любовницы и расточалъ передъ нею всю нѣжность и преданность, которыми такъ часто умѣлъ обворожать меня; я мѣтила прямо въ сердце изверга. О, Софія, единственный другъ мой! ты, отъ которой жду я состраданія, успокой, успокой меня, или я покушусь на мою жизнь.

. . . . . .

«Ты хочешь знать что дѣлается со мною? Что могу я сказать тебѣ, добрая моя Софія?!.. Мое сердце измучено самой ужасной ревностью... Я слишкомъ хорошо знаю, что онъ меня уже не любитъ, и ненавижу предметъ новой любви его... Я была вчера въ театрѣ, онъ былъ совершенно спокоенъ и веселъ, а я не могла удержаться отъ слезъ. Онъ познакомился съ одной дамой, которая сидѣла въ четвертой ложѣ. Онъ не могъ видѣть меня! Я старалась спрятаться, чтобъ скрыть свои слезы.

. . . . . .

«Я въ отчаяніи! Маменька сердита на меня; она не хочетъ видѣть меня болѣе, и можетъ-быть, меня удалятъ отсюда. Я

такъ несчастлива, что едва смѣю открыть тебѣ мое сердце... оно было создано для любви и дружбы... оно стоило лучшей участи. Не можетъ быть любви чище моей, не можетъ быть измѣны чернѣе его измѣны! Онъ любитъ другую... Вѣришь ли ты этому, Софія?.. Съ нимъ я потеряла все; весь міръ оставляетъ меня!.. Но что мнѣ въ цѣломъ мірѣ, когда я не любима болѣе!.. Я презираю этого человѣка! Не думай, чтобъ я еще любила его! Я бѣгу его, я его ненавижу, и горжусь этимъ... Заблужденіе!.. ревность обманываетъ меня!.. О, я люблю его болѣе, чѣмъ когда-нибудь!.. Что я говорю опять?.. Я хочу забыть коварнаго, я хочу забыть его!.. Не приходи навѣщать меня, у насъ и тебѣ недовѣряютъ.

. . . . . .

«Голова моя такъ устала отъ невыразимыхъ страданій, что я боюсь сойти съ ума. Боже мой, не уже-ли это тотъ міръ, который ты создалъ... Какая черная измѣна!.. Онъ составилъ заговоръ противъ меня... онъ хочетъ моей погибели... Я бы должна его ненавидѣть... а я плачу о немъ... я плачу... о немъ, котораго вѣчно буду любить... Можетъ-ли онъ быть такъ неблагодаренъ?.. Нѣтъ, это невозможно!.. Повѣрь мнѣ, Софія, онъ еще любитъ меня, или онъ никогда не любилъ меня. Еслибъ было иначе, онъ не сталъ бы такъ терзать меня. Онъ былъ на послѣднемъ представленіи; увидя его, я задрожала такъ, что всѣ это замѣтили. Мой голосъ прервался, я не могла выговорить ни одного слова.

. . . . . .

«Слушай, Софія, я писала къ С., я умоляла его не быть такъ жестокимъ со мною. Что ты скажешь мнѣ объ этомъ поступкѣ? Я написала ему, что все еще обожаю его. Я боюсь, я не могу понять себя... Его отвѣтъ рѣшитъ мою участь.

. . . . . .

«Ты знаешь мою слабость, мое раскаяніе, мое горе, ты также знаешь и любовь мою, которая сильнѣе всего остальнаго. Ты знаешь, какой камень лежитъ на моемъ сердцѣ, какой ужасъ смущаетъ его... Ты знаешь, что я буду любить до могилы человѣка, который погубилъ всю мою жизнь. И въ этомъ ужасномъ состояніи духа я должна принимать посѣщеніе графа П. и г-на В. Они вчера были у насъ. Боже мой, какого зла они не говорили о баронѣ!.. Если все это правда, то онъ самый низкій человѣкъ... Я обѣщала отказаться отъ этой любви;

да, Софія, мой долгъ приказывалъ мнѣ сдѣлать это обѣщаніе, и словами я проговорила его, но сердце, сердце ничего не обѣщало: оно всегда будетъ любить недостойнаго, который зажегъ въ немъ любовь... Но Богъ отмститъ за меня. Другая женщина заставитъ его выстрадать за все, чѣмъ онъ мучитъ меня теперь. Но я повторяю опять, человѣкъ, который могъ измѣнить мнѣ, не можетъ быть вѣренъ никому... Легче умереть вдругъ, чѣмъ отъ медленнаго яда... Еслибъ онъ сначала открылъ мнѣ глаза на счетъ своего нрава, я имѣла бы хоть утѣшеніе видѣть еще добродѣтель въ этой самой откровенности. Но что я говорю! Онъ никогда не любилъ меня! никогда, никогда! Это его слова! онъ самъ сказалъ мнѣ это... Можно-ли быть до такой степени безчеловѣчнымъ!.. Развѣ не довольно одного мученія быть разлученнымъ съ тѣмъ, кого любишь болѣе всего въ мірѣ? И еще презирать его... Лучше смерть, чѣмъ такая жизнь... Или мы въ мірѣ только для вѣчной внутренней борьбы безъ конца и безъ отдыха... Неуже-ли самое слабое созданіе должно служить примѣромъ мужества! Неуже-ли бѣдное сердце не вправѣ было бы искать себѣ утѣшенія, преслѣдовать его, овладѣть имъ!.. Или женщина только игрушка для общества, жертва, предназначенная уже самой природой? Нѣтъ, Софія, стыдъ не можетъ унизить сердца полнаго любовью. Сильныя страсти находятъ себѣ оправданіе въ этой самой силѣ.»

XLII.

Эти письма, которыя показываютъ намъ страданія Шарлоты, заключаютъ въ себѣ нѣсколько намековъ на то, что случилось вскорѣ послѣ ея болѣзни и повергло ее въ то отчаяніе, противъ котораго не могла бы устоять и менѣе слабая и чувствительная женщина. Мы видимъ, что у нея страсть торжествуетъ надо всѣмъ; напрасно усиливаются ея подозрѣнія на счетъ характера и поведенія Зильбурга; Шарлота не въ состояніи измѣнить своихъ чувствъ. Вліяніе на нее обольстителя усиливается по мѣрѣ того, какъ доказательства противъ него становятся яснѣе и сильнѣе. Кажется, будто адская сила невидимо влечетъ ее къ предмету несчастной любви.

Но должно сказать также, что баронъ, слишкомъ хорошо знавшій всю слабость женскаго сердца, прибѣгнулъ къ хитрости, которая непремѣнно должна была удасться и совер-

менно предать ему Шарлоту или разлучить ее съ нимъ на вѣки. Обманутый нечистою совѣстью своей, онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что семейство Аккерманъ знаетъ его старинныя сношенія съ графиней Линденкронъ, и потому, когда Шарлота въ первый разъ произнесла при немъ имя этой дамы, онъ увѣрился еще болѣе, что все открыто и что маска, которую онъ сперва надѣлъ на себя, теперь уже безполезна. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ вдругъ и какъ-бы насильно рѣшился на поступокъ, который обѣщалъ ему большой успѣхъ. Онъ разыгралъ роль человѣка глубоко оскорбленнаго въ своей любви и чести; представился отчаяннымъ и отбросилъ всю отвѣтственность своего несчастія на ту, которая сама была его жертвою. Самъ Яго не исполнилъ бы съ большею ловкостью этой мастерской штуки демонскаго изобрѣтенія. Уже въ тотъ вечеръ, когда онъ съ такой варварской жестокостью разстался съ Шарлотою, ея страшная блѣдность доказала ему слишкомъ ясно, что его упреки подѣйствовали глубоко на ея сердце.

Послѣ этого баронъ нѣсколько дней не являлся нигдѣ, и это утвердило распущенные въ городѣ слухи, будто Шарлота имѣетъ новую сердечную привязанность, предметъ которой прекрасный датскій офицеръ Кейзергофъ. Друзья Зильбурга освѣдомлялись о причинахъ, которыя заставили его удалиться изъ ихъ общества. Скоро весь городъ узналъ, что семейство Аккерманъ противилось этой связи, и клевета прибавляла еще, что Шредеръ, изъ своихъ видовъ, какъ директоръ театра, насильственно разлучилъ сестру свою съ ея любовникомъ.

Тѣ, кто мало зналъ этого прекраснаго человѣка, легко повѣрили этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что всѣ боялись, чтобъ Шарлота не оставила сцену, если выйдетъ замужъ; а кто могъ замѣнить эту геніяльную женщину, эту артистку, совершенную во всѣхъ отношеніяхъ? Это безпокойство театральныхъ любителей было слишкомъ основательно, чтобъ нѣкоторые изъ враговъ Шредера не воспользовались и не употребили въ пользу своихъ коварныхъ замысловъ несчастную любовь Шарлоты. Распустили слухи, что Шредеръ жертвуетъ сестрой для денежной выгоды, что сама г-жа Аккерманъ, извѣстная какъ хорошая экономка и распорядительница, тоже противилась привязанности своей дочери... по денежнымъ разсчетамъ!.. Словомъ, всѣ эти слухи, распространяясь, причиняли много вреда, благодаря искусству враговъ и завистниковъ, и прибавляли еще болѣе огорченія

въ семьѣ, и безъ того уже огорченной несчастною любовью Шарлоты. Семейная жизнь ихъ становилась со дня на день тяжелѣе. Безпрерывно получались безъименныя письма, полныя самыхъ ужасныхъ упрековъ; нескромные друзья передавали всѣ сужденія публики. Однажды появилась даже статья въ одномъ изъ журналовъ, статья, написанная очень умно, но не менѣе того съ большою злостью, въ которой, кромѣ Шарлоты, очень строго критиковали всѣхъ актеровъ Шредеровскаго театра. Неизвѣстный критикъ щадилъ только младшую г-жу Аккерманъ и осыпалъ ее похвалами, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Все это явно было направлено противъ Шредеровскаго учрежденія, которое старались представить какъ частную спекуляцію и подтвердить слухъ о томъ, что Шредеръ, изъ корыстныхъ видовъ, насильно хочетъ при себѣ удержать Шарлоту.

Что могли сдѣлать Шредеръ и мать его, чтобъ опровергнуть эти коварныя обвиненія? Они не могли оправдываться даже передъ самыми искренними друзьями, потому что открывъ истину, нужно было обвинить Шарлоту, разсказать до чего дошла ея связь съ барономъ и какъ она вмѣстѣ съ нимъ обманывала мать, брата и сестру? Чтобъ сохранить честь Шарлоты, Шредеръ и семья его рѣшились не отвѣчать ни однимъ словомъ на всѣ навѣты и обвиненія. Они надѣялись, что правда откроется сама собою, со временемъ, и что тогда справедливѣе будутъ судить о людяхъ. Шарлоту щадили, сколько было возможно, скрывали отъ нея огорченія, дурное расположеніе духа, но во взглядѣ и на лицѣ родныхъ своихъ она часто могла видѣть, что всему горю, всему позору, которому подвергалась ея семья, она одна была причиной. Она вполнѣ понимала и цѣнила всю нѣжную преданность, все благородство, съ какимъ обходились съ нею, виновницею всего.

Всѣ эти огорченія, вся эта внутренняя борьба, послѣ такой сильной грозы, уничтожили наконецъ въ душѣ ея послѣдній призракъ довѣрія. Только одна привычка позволяла ей переносить это тяжкое испытаніе. Она не знала уже ничего о Зильбургѣ, онъ исчезъ; никто не произносилъ при ней его имени. Но Шарлота безпрерывно слышала въ глубинѣ сердца роковыя слова, которыя сказалъ онъ ей при прощаніи. Она еще содрогалась при воспоминаніи о нихъ. Ей казалось, что она слышитъ еще какъ онъ упрекаетъ ее въ несчастіи всей своей жизни, въ коварствѣ, въ измѣнѣ.

— О, Боже, говорила она, одно отчаяніе могло заставить его

говорить такъ. Его благородное сердце не можетъ ошибаться и почитать меня такою преступною!

Это было послѣднее ея утѣшеніе; потомъ воображеніе создавало тысячи пріятныхъ сновъ, и она нѣсколько времени забывала, что онъ оставилъ ее, что на ней тяготѣетъ его гнѣвъ, его страшный гнѣвъ!.. Но когда горькая дѣйствительность уничтожала эти золотые сны и Шарлота, пробудясь, сравнивала благородный образъ того, котораго обожала, съ тѣмъ, котораго представляли ей люди, она уже не чувствовала въ себѣ довольно силы, чтобъ защищать его; тогда блѣдный образъ Берты, какъ Шарлота видѣла ее въ гробѣ въ Кугельсъ-ортѣ, становился какъ ангелъ мщенія между ею и обольстителемъ. Этотъ образъ охранялъ Шарлоту противъ пагубной любви къ нечестивцу, и Зильбургъ падалъ, уничтоженный подъ гнетомъ страшныхъ обвиненій.

Но, ни тяжелое сомнѣніе, ни обманъ воображенія, которое иногда представляло ей Зильбурга вѣрнымъ и искреннимъ, ничто не могло успокоить ее, потому что противуположныя мысли безпрерывно боролись въ головѣ ея и погружали ее въ самое нерѣшительное состояніе. Иногда ей казалось, что Зильбургу стоило только явиться и она снова прижалась бы къ его сердцу, не смотря на всѣ обвиненія.

При такомъ расположеніи ума, искусство не могло уже интересовать ее. Естественное послѣдствіе тяжкихъ испытаній было для нея совершенное отвращеніе отъ своего ремесла.

Шарлота была слишкомъ артистка по чувству и вдохновенію, чтобы гроза, сразившая лучшій цвѣтъ ея жизни, не убила бы также ея молодаго таланта. Она, которая прежде жила только для своего искусства, которая привыкла видѣть въ дѣйствительной жизни отблескъ прекрасныхъ поэтическихъ мечтаній, должна была забыть, въ служеніи искусству, всѣ страданія свои, всѣ мечтанія души, словомъ она должна перестать вѣрить гармоніи между идеаломъ и дѣйствительностью.

Впечатлѣніе, которое несчастіе Шарлоты имѣло на ея артистическое поприще, дѣлало положеніе ея весьма тяжелымъ въ семьѣ, существованіе которой было основано на искусствѣ, трудѣ и работѣ. Шредера не разъ предупреждали, что бездѣйствіе Шарлоты будетъ вредно ему и въ художественномъ, и въ денежномъ отношеніи. Наконецъ онъ принужденъ былъ сказать ей это, со всѣми возможными предосторожностями, разумѣется. Онъ умолялъ сестру самымъ дружескимъ и убѣдительнымъ образомъ доказать, что

она обладала не однимъ только природнымъ талантомъ, но и умомъ, который умѣлъ торжествовать надъ страданіемъ и характеромъ, который, укрѣпляясь въ несчастіи, поможетъ ей со временемъ достигнуть высшей степени искусства. Онъ уговаривалъ ее возвратиться къ оставленнымъ занятіямъ, и въ этомъ самомъ занятіи почерпать новыя силы и спокойствіе.

Долго Шарлота отвѣчала только одними слезами. Она была такъ поражена тѣмъ, что говорилъ ей братъ, что не могла найти ни одного основательнаго возраженія. Наконецъ она вооружилась мужествомъ и обѣщала брату исполнить его желанія, не смотря на страшныя усилія, которыхъ это будетъ ей стоить.

— Выбири-же сама роль, въ которой ты хочешь явиться въ первый разъ, вскричалъ обрадованный Шредеръ. Докажи нашей публикѣ, что Шарлота Аккерманъ, не смотря на всѣ огорченія, не перестала быть артисткой и не измѣнила своему генію. Самое лучшее жемчужное ожерелье, которое находится только у гамбурскихъ ювелировъ, будетъ нарядомъ моей Шарлоты въ этотъ вечеръ.

— Жемчугъ напоминаетъ слезы, сказала она съ грустною улыбкой; возьмемъ *Оливію*, новую пьесу Брандта, она давно уже на нашемъ репертуарѣ. Я буду играть роль Оливіи, и мнѣ не много придется притворяться.

— *Оливію*? вскричалъ огорченный Шредеръ, но это такая тяжелая, грустная роль; я гораздо болѣе желалъ бы, чтобъ твой выборъ палъ на комедію или даже на какую нибудь веселую оперетку.

— Сыграемъ Оливію, отвѣчала съ волненіемъ Шарлота. Какъ ты, и я не слишкомъ люблю эту пьесу, не смотря на лестные отзывы о ней Виланда, который такъ расхваливаетъ ее въ Веймарѣ. Я нахожу, что эта пьеса плохое подражаніе Рутланды и Эмиліи Галотти. И все таки я выбираю ее потому, что ни въ одной роли я не буду такъ увѣрена въ себѣ.

— Пожалуй, пусть будетъ по-твоему, возразилъ Шредеръ, хотя этотъ сентиментальный фарсъ и кажется мнѣ, не смотря на свой успѣхъ въ Веймарѣ, огромнымъ шагомъ назадъ. Роли давно уже выучены. Доротея сыграетъ графиню Монтани, Брокманъ—Леонса, Рейнике—маркиза, Лангбрехтъ-Рикардо, остальные актеры найдутся; и такъ, Шарлота, рѣшено, черезъ недѣлю мы играемъ *Оливію*.

— Какое счастіе, что ты одержала верхъ, сказала Г-жа Аккер-

манъ своей дочери, когда Шредеръ вышелъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ это сочиненіе откладываютъ въ сторону единственно потому, что оно средняго достоинства. Но я готова поручиться, что Оливія будетъ имѣть гораздо болѣе успѣха, чѣмъ Рутландъ и Отелло. Теперь, Шарлота, я совершенно довольна тобою и прощаю тебѣ долгое бездѣйствіе.

Отзывъ Шредера и Шарлоты объ *Оливіи* былъ совершенно вѣренъ, и никогда бы при другомъ расположеніи духа, молодая артистка не выбрала трагедіи, въ которой слѣпой случай бѣгаетъ изъ сцены въ сцену за неудачными кулисными эфектами и въ которомъ все дѣйствіе собственно вертится только на ядѣ и кинжалѣ, которые во все продолженіе пьесы играютъ попеременно главную роль. Тайный бракъ, точно также, какъ въ Рутландѣ, только еще съ прибавкой тайнаго убійства супруга и всѣ ужасы, изъ которыхъ часто склеиваются трагедіи въ пяти дѣйствіяхъ. Все въ этой пьесѣ доказываетъ бѣдность и ничтожество генія ея автора. И не смотря на это, авторъ осмѣлился посвятить свое жалкое произведеніе знаменитой Амаліи Веймарской, которая потомъ удостоивала своею дружбой Гёте и Шиллера!

Но одного слова достаточно, чтобъ объяснить этотъ странный выборъ Шарлоты. Она выбрала не пьесу, а роль Оливіи, которая казалось была написана нарочно для нея. Она своей игрой могла сказать гамбургской публикѣ: вы видите меня въ настоящемъ моемъ видѣ; дайте мнѣ еще злую мачиху, какова графиня Монтани, и я сойду съ ума, какъ эта бѣдная Оливія, также невинно оклеветанная и обманутая въ любви своей. Такова была побудительная причина, заставившая Шарлоту отдать предпочтеніе плохой пьесѣ.

Страстной, пламенной Шарлотѣ казалось, что играя роль *Оливіи*, она непремѣнно докажетъ Зильбургу свою невинность. Разумѣется, онъ будетъ въ театрѣ; *Оливія* помиритъ его съ нею и возвратитъ, какъ благороднаго, но слишкомъ запальчиваго Леонса, въ объятія прежней любовницы. Шарлота льстила себя надеждою, что ея искусство, уже доставившее ей столько успѣховъ, доставитъ ей на этотъ разъ самое высокое и лучшее торжество, которое въ глазахъ Шарлоты имѣло во сто кратъ болѣе цѣны, чѣмъ вся слава и всѣ вѣнки въ мірѣ. Шарлота вручила свою несчастную любовь покровительству Таліи, которая столько разъ улыбалась ей, и рѣшилась сдѣлать превосходное

созданіе изъ роли, которая послѣ нее въ рукахъ сотни другихъ актрисъ была одна жалкая карикатура на женщинъ, и въ которой видятъ сегодня только хорошую сатиру на сентиментальную восторженность.

— Не будетъ изъ этого ничего добраго, говорилъ Экгофъ, качая головой, послѣ послѣдней репетиціи и предсказывая самую страшную неудачу этому представленію. Нечего ждать хорошаго когда въ пьесѣ ничего нѣтъ!

— Но знаете-ли вы, любезный Экгофъ, что тамъ то, гдѣ ничего нѣтъ, самъ артистъ долженъ создать все.

— О, мой добрый и почтенный Брандтъ, со всей твоей скромностью, врядъ-ли ты нашелъ бы по своему вкусу такой разборъ твоей *Оливіи*! Но, послушайте-ка, Шарлота, я еще не удовлетворенъ вашей исповѣдью на счетъ *Мины*. Я хочу знать, зачѣмъ вы хотѣли, чтобъ изъ *многаго* я сдѣлалъ *ничего*. Какая мысль была у васъ? Что такое было у васъ противъ словъ Тальгейма?

При этомъ воспоминаніи молодая артистка поблѣднѣла, потомъ съ волненіемъ отвѣчала Экгофу, указывая на роль, которую держала въ рукѣ:

— Отвѣтъ мой здѣсь; Оливія объяснитъ вамъ все, погодите, мой другъ! Оливія выскажетъ вамъ исповѣдь Шарлоты лучше самой Шарлоты!

XLIII.

Вѣсть, что любимая актриса снова появится на сцену, произвела въ публикѣ гораздо болѣе впечатлѣнія, чѣмъ извѣстіе о новой пьесѣ. Всѣ, кого интересовалъ театръ или сама артистка и ея родные, даже и тѣ, которые по слухамъ только знали о любви Шарлоты и борьбѣ ея съ семействомъ—всѣ спѣшили достать себѣ мѣста на этотъ вечеръ. Частная жизнь актеровъ для большей части зрителей имѣла еще болѣе занимательности, чѣмъ самое искусство и театръ. И теперь, когда повѣсть романической любви, о которой было уже такъ много толковъ, присоединялась къ одному изъ самыхъ знаменитыхъ сценическихъ именъ—любопытство усилилось вдвое. Дружескія сношенія, существовавшія между театромъ и публикой, заставляли почти всѣхъ привычныхъ посѣтителей интересоваться этимъ дѣломъ, и по мнѣнію многихъ, частная жизнь актеровъ должна была подвер-

гаться критикѣ точно также, какъ и сценическіе труды ихъ. Никто въ этомъ многочисленномъ обществѣ не сомнѣвался, что въ этотъ вечеръ послѣдуетъ объясненіе; нѣкоторые молодые люди, восторженные поклонники Шарлоты, хотѣли даже вызвать директора и публично требовать отъ него отчета въ насильственномъ вмѣшательствѣ его въ любовное дѣло сестры.

Это предположеніе не было исполнено; но еще до начала представленія, полная зала казалась въ большомъ волненіи. Когда поднялась завѣса, зрители не были ни внимательны, ни безмолвны какъ обыкновенно. Безпокойство и волненіе только увеличивались. Но когда Доротея, въ роли графини Монтано, приказала Франческо позвать Оливію — все затихло, всѣ лорнеты, всѣ взгляды обратились на кулису, изъ которой Оливія должна была явиться на сцену. При появленіи Шарлоты, одѣтой въ трауръ, съ бѣлыми розами на головѣ — рукоплесканія разразились, какъ громъ. Крики vivat! продолжались нѣсколько минутъ. Наконецъ голосъ совѣтника Коха, голосъ стентора, раздался изъ партера, и все утихло. Оливія могла начать свою роль, и вскорѣ очарованіе ея игры увлекло всѣ сердца. Изъ слабой, плачевной роли, Шарлота сдѣлала, съ первой-же сцены, нѣчто столь трагическое и глубокое, что вскорѣ весь интересъ драмы сосредоточился на ней, и даже у зрителей, привыкшихъ судить только умомъ, чувство взяло верхъ. Всѣ были тронуты; невинность несчастной Оливіи пробуждала въ самыхъ холодныхъ сердцахъ жалость и сочувствіе. Ея любовь блистала какъ звѣзда посреди мрака ея судьбы и томленій, и каждый разъ, когда она произносила имя Леонса, лицо ея, казалось озарялось лучемъ радости и счастія. Когда мы теперь читаемъ эту самую *Оливію*, то не можемъ понять какимъ чудомъ трагическаго искусства и чувства Шарлота могла сдѣлать изъ такой роли образцовое, геніяльное произведеніе.

Шарлота сдержала слово, данное Экгофу, и изъ *ничего* сумѣла сдѣлать *все*. Впечатлѣніе, произведенное ею въ роли Оливіи было такъ сильно и увлекательно, что самые старые театралы не помнили ничего подобнаго, и что это единственное представленіе на гамбургскомъ театрѣ, дало пьесѣ, ничтожной во всѣхъ отношеніяхъ, огромную славу во всей Германіи.

Посреди усиливающагося волненія зрителей, началась сцена четвертаго акта, сцена, въ которой графиня Монтани съ кинжаломъ въ рукѣ хочетъ вырвать у Оливіи признаніе и узнать, кто

сказалъ ей тайну смерти ея отца. Вдругъ Шарлота, на которую было обращено общее вниманіе, остановилась на полу-словѣ, устремила глаза на ложу перваго яруса, и безъ чувствъ упала на руки Рейнике, который игралъ роль маркиза, и въ эту минуту входилъ на сцену, чтобъ спасти Оливію отъ кинжала мачихи. Невыразимое волненіе распространилось между зрителями: «Она умерла, она умерла!» кричали со всѣхъ сторонъ, но Рейнике поддерживая обезпамятовавшую Шарлоту, отвѣчалъ: «Нѣтъ, это только обморокъ. Она уже начинаетъ приходить въ себя.» Завѣса опустилась.

Всѣ сбѣжались, суетились около Шарлоты; Шредеръ на рукахъ отнесъ ее въ уборную, гдѣ она пришла въ себя, и слабая, измученная, открыла наконецъ глаза. Но она была такъ слаба, такъ разстроена, что не было возможности позволить ей доиграть роль. Директоръ объявилъ, что лучше согласится отдать зрителямъ деньги, чѣмъ позволить сестрѣ сдѣлать такое усиліе. Госпожа Веттеръ, молодая трагическая актриса изъ Брауншвейга, которая тамъ уже исполняла съ успѣхомъ роль Оливіи, взялась замѣнить Шарлоту и окончить пьесу. Актеръ Ламбрехтъ объявилъ зрителямъ этотъ замѣнъ, сдѣлавшійся необходимымъ по случаю внезапнаго нездоровья Шарлоты Аккерманъ, и просилъ у публики снисхожденія для г-жи Веттеръ. Наконецъ, послѣ четверти часа ожиданія, завѣса снова поднялась, и пятый актъ трагедіи, такъ несчастно прерванной, могъ начаться. Шредеръ, у котораго огорченія не отняли присутствія духа, выказалъ его вполнѣ посреди всеобщаго замѣшательства: онъ былъ въ одно время суфлеромъ, режиссеромъ и директоромъ. Госпожа Веттеръ употребила всѣ усилія, чтобъ понравиться публикѣ, которая показала себя довольно снисходительною и благосклонною и нѣсколько разъ аплодировала ей. — Шредеръ вздохнулъ свободнѣе, когда завѣса опустилась и раздались крики зрителей, которые требовали скораго повторенія *Оливіи* съ Шарлотою. Ламбрехтъ обѣщалъ, и отъ имени Шредера и сестры его благодарилъ зрителей за участіе и снисхожденіе ихъ въ этомъ несчастномъ приключеніи.

Отправляясь къ Шарлотѣ, Шредеръ встрѣтилъ доктора Унцера, который шелъ къ нему навстрѣчу.

— Зачѣмъ не послушался я твоего совѣта и не отговорилъ сестру играть эту печальную роль, сказалъ ему Шредеръ, я также опасался, тѣмъ болѣе что эта роль отъ начала до конца

имѣетъ сходство съ ея собственной исторіей. Каждое слово должно было разить ее прямо въ сердце. Съ перваго акта я уже видѣлъ, что она не дойдетъ до конца.

— Какъ? и ты думаешь, что сюжетъ пьесы единственно причиной тому, что случилось съ Шарлотой? Говорилъ удивленный докторъ. Хорошо было-бы если-бъ ея обморокъ не имѣлъ никакихъ другихъ причинъ.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ испуганный Шредеръ?

Я видѣлъ, продолжалъ Унцеръ, и многіе кромѣ меня видѣли, что Шарлота посреди своей роли какъ-бы прикованная волшебной силой, пристально смотрѣла на четвертую ложу. Многіе вслѣдъ за нею посмотрѣли туда-же... другъ другу говорили на ухо: «Это онъ! это онъ!» и я очень хорошо видѣлъ Зильбурга; я видѣлъ какъ онъ поблѣднѣлъ и смущенный тѣмъ, что привлекаетъ на себя общее вниманіе, отодвинулся въ глубину ложи, и сказалъ, улыбаясь, нѣсколько словъ дамѣ, которая сидѣла подлѣ него. Я уже прежде замѣтилъ его и вполнѣ убѣжденъ, что онъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе смутить Шарлоту, и для этого выбралъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, гдѣ она непремѣнно должна была его замѣтить.

— Возможно-ли! этотъ негодяй позволилъ себѣ подобную вещь, вскричалъ Шредеръ, блѣднѣя отъ бѣшенства. Я выгналъ его изъ моего дома, и здѣсь, у меня-же, онъ опять является, чтобъ сдѣлать мнѣ столько зла... Погоди, безчестный человѣкъ, въ другой разъ ты не вернешся сюда! Я пошлю двухъ ламповщиковъ съ кнутами, чтобъ выгнать тебя изъ ложи, въ виду всей публики.

— Не дѣлай этого, Фридрихъ! Ради Бога, не дѣйствуй неосмотрительно. Лучшій способъ лишить его возможности вредить вамъ, было-бы удалить Шарлоту изъ Гамбурга; я убѣдился сегодня вечеромъ, что её непремѣнно должно удалить отъ этого человѣка, потому что я совершенно увѣренъ, хоть-бы весь міръ увѣрялъ меня въ противномъ, что она все еще любитъ его и что онъ имѣетъ полную возможность погубить ее совершенно и довести до послѣдней степени отчаянія. Заставь же Шарлоту уѣхать, пусть она оставитъ Гамбургъ, какъ можно скорѣе, а мы между тѣмъ напишемъ въ Копенгагенъ и постараемся черезъ друзей своихъ, чтобъ самаго Зильбурга отозвали отсюда.

— Но куда отправить её? сказалъ въ затрудненіи Шредеръ.

— Разумѣется, куда нибудь поближе, чтобъ мы могли не терять

её изъ виду, но и не слишкомъ близко, чтобъ баронъ не могъ опять мучить её. Свези её въ Валдзбекъ, къ барону Шимельману, онъ вѣрный другъ вашего семейства, и какъ родной будетъ заботиться о Шарлотѣ.

— Но, если я не ошибаюсь, въ этомъ самомъ замкѣ ты встрѣтилъ, кажется, нѣсколько лѣтъ тому назадъ Зильбурга!

— Да, но на дняхъ я узналъ изъ вѣрнаго источника, что баронъ и все семейство его очень возстановлены противъ Зильбурга. Въ присутствіи нѣсколькихъ альтонскихъ офицеровъ, баронъ назвалъ его негодяемъ, прибавя, что узналъ о его прошлой жизни такія подробности, которыхъ не можетъ разсказать потому, что нѣсколькихъ особъ живыхъ и умершихъ замѣшаны тутъ. Ты можешь думать, что я не оставилъ этого такъ. Баронъ зналъ также отношенія Шарлоты и Зильбурга, и очень хвалилъ тебя, когда узналъ твой энергическій поступокъ съ этимъ обманщикомъ; но въ тоже время совѣтовалъ тебѣ быть осторожнымъ и прибавилъ еще: «Не даромъ Зильбургъ славится лучшимъ вербовщикомъ датской арміи; онъ въ состояніи рѣшиться на все; онъ имѣетъ свою особенную манеру, которая можетъ быть еще опаснѣе для невинной дѣвушки съ поэтическимъ воображеніемъ, чѣмъ для обыкновенныхъ женщинъ. Ты можешь судить по этому, что нигдѣ Шарлота не будетъ въ такой безопасности отъ вліянія и козней Зильбурга, какъ въ Валдзбекѣ, подъ покровительствомъ человѣка, который пользуется самымъ высокимъ расположеніемъ датскаго короля и имѣетъ большой вѣсъ при дворѣ. Повѣрь, Зильбургъ будетъ осторожнѣе съ нимъ.

— Рѣшено, сказалъ Шредеръ, подумавъ немного. Хотя я право не знаю, что станется съ театромъ, когда Шарлота уѣдетъ. Но я слишкомъ дорого поплатился за сегоднишній вечеръ и нехочу въ другой разъ подвергать ее опасности. Завтра, послѣ репетиціи, я сажусь на лошадь и ѣду къ барону; разскажу ему все наше несчастіе, и буду просить его покровительства для Шарлоты.

—Я поѣду съ тобой, отвѣчалъ Унцеръ. Но прежде всего поди къ своей матери и постарайся расположить ее въ пользу нашего предпріятія. Позаботься также о томъ, чтобъ Шарлота ничего не знала, пока не дойдетъ къ ней приглашеніе барона. Она была бы въ состояніи... «Тсъ! онѣ идутъ,» сказалъ Шредеръ, въ ту минуту, когда дамы выходили изъ уборной, чтобы проводить до кареты Шарлотту, которая уже совершен-

но пришла въ себя. Одна Доротея замѣтила Шредера, отстала немного отъ другихъ и сказала ему въ полголоса:

— Повѣришь-ли? Она торжественно объявила, что сегодня въ послѣдній разъ являлась на сцену, и что она лучше бросится въ рѣку, чѣмъ еще разъ покажется публикѣ.

Докторъ бросилъ значительный взглядъ на своего друга; Шредеръ понялъ его и сказалъ съ горестью: Намъ не нужно было этого опыта, чтобъ убѣдиться, что ты вполнѣ проникнулъ ее. О, какимъ несчастіемъ этотъ злодѣй поражаетъ всѣхъ насъ! Онъ разрушилъ спокойствіе Шарлоты и наше также. Онъ губитъ ея доброе имя, и въ довершеніе всего поражаетъ ее даже въ ея искусствѣ, единственной вещи, на которой я основывалъ надежду на ея выздоровленіе! Потомъ... теперь не время, сказалъ онъ сестрѣ, которая просила его объясниться. Поѣзжайте домой, постарайтесь, чтобъ Шарлота отдохнула. Я пріѣду съ докторомъ и скажу вамъ все.

XLIV.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, нѣсколько альтонскихъ офицеровъ собрались въ одномъ изъ погребковъ и праздновали со стаканомъ въ рукѣ, какъ добрые товарищи, повышеніе одного изъ нихъ въ чинъ капитана. Виновникъ празднества, по имени Эйроль, былъ храбрый солдатъ и веселый, любезный товарищъ, и кружокъ офицеровъ, собравшихся вокругъ него, состоялъ изъ лучшихъ друзей.

Много бутылокъ было уже выпито; вино раскрывало сердца, и разговоръ становился часъ отъ часу веселѣе и откровеннѣе. Поговоривъ о послѣднихъ исторіяхъ, случившихся въ полку, объ охотѣ, лошадяхъ, разсказавъ всѣ новѣйшіе городскіе анекдоты, какъ случается между молодыми офицерами, также приключенія и любовныя похожденія того или другаго изъ товарищей. Новый капитанъ былъ также извѣстенъ въ полку, какъ весьма ловкій и счастливый ловецъ въ сердечныхъ дѣлахъ. Огонь его черныхъ глазъ сдѣлалъ не одну брешь въ самыхъ непокорныхъ сердцахъ, и хорошенькія альтонскія женщины краснѣли каждый разъ, когда называли передъ ними Эйроля.

— Его сердце вѣчно въ походѣ, вскричалъ старый капитанъ Пальмстедъ, посмотрите сколько новыхъ побѣдъ надѣлаетъ онъ

съ своими новыми эполетами! Не потолстѣйте только слишкомъ скоро, Эйроль, тогда дамы навѣрное пожалуютъ васъ своимъ генералиссимусомъ!

— Да спасетъ его небо отъ этого! Надо чтобъ маіоръ Зильбургъ сперва уступилъ ему свое мѣсто, сухо проговорилъ бѣлокурый поручикъ Диркингъ.

Благодарю за повышеніе! вскричалъ Эйроль съ недовольнымъ видомъ, пускай Зильбургъ остается на своемъ мѣстѣ, я не завидую ему!

— Не знаешь-ли чего новаго о милой пташечкѣ, маленькой Аккерманъ? спросилъ съ любопытствомъ кавалерійскій капитанъ Сторклахъ. Весь городъ толкуетъ объ исторіи Зильбурга съ Шарлотой и всѣ слухи противорѣчатъ одинъ другому. Если вѣрить однимъ, то онъ далъ ей отставку, а другимъ, то она выпроводила его. Въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ увѣряли, что братъ актрисы безъ церемоніи вытолкалъ его за дверь.

— Это безъ всякаго сомнѣнія очень скверное дѣло, потому-что Зильбургъ замѣшанъ въ немъ, отвѣчалъ Эйроль. Нѣтъ, друзья, умоляю васъ, даже въ шутку не соединяйте моего имени съ именемъ этого человѣка, то, что я узналъ о немъ въ прошлый понедѣльникъ въ одномъ почтенномъ домѣ, гдѣ мы были всѣ почти земляки, совершенно раскрыло мнѣ глаза на счетъ Зильбурга.

— Это было у барона Шимельмана, потому-что въ этотъ день ты обѣдалъ у него, сказалъ Диркингъ. Если такъ, то дѣла маіора очень плохи.

— Какое сердце надо имѣть, чтобъ обмануть такую дѣвушку, какъ Шарлота! вскричалъ Эйроль, со всею пылкостью долго удержаннаго негодованія. Онъ довелъ эту благородную женщину до того, что родные опасаются за ея жизнь! И теперь, когда онъ позволилъ дать себѣ такую постыдную отставку, онъ не перестаетъ преслѣдовать ее всюду, и въ первый разъ, когда она появляется на сцену послѣ болѣзни, онъ садится въ одну изъ ближайшихъ ложъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобъ привлечь ея взгляды въ то время, когда она играетъ; потомъ, когда онъ достигъ своей цѣли, когда въ присутствіи всей публики бѣдная дѣвушка упала безъ чувствъ на сценѣ, онъ одинъ остается холоднымъ и совершенно спокойно разговариваетъ съ дамой, подлѣ которой сидитъ!

— Это вѣроятно его новая побѣда, богатая баронесса Стей-

нау изъ Шверина! сказалъ капитанъ Пальмстедъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ вездѣ является съ этой дамой, и всегда послѣ обѣда ихъ можно видѣть вмѣстѣ въ Альстерской аллеѣ.»

— Баронесса Стейнау?.. изъ Шверина?.. Богатая, ха, ха, ха! вскричалъ Эйроль. Такъ вы уже не узнаете болѣе нашу Каролину Глукштадтъ, которая за свое прекрасное поведеніе въ Килѣ, была отослана правительствомъ на родину? Это она разыгрывала въ Дрезденѣ роль польской графини, за что и просидѣла нѣсколько лѣтъ въ исправительномъ домѣ. Теперь Зильбургъ преобразилъ ее въ баронессу Стейнау, страшно тратится для нея, разыгрываетъ роль влюбленнаго, жениха, и все это для того, чтобъ показать свѣту, какъ мало труда стоитъ ему найти себѣ снова блестящую партію. Это ничто болѣе, какъ штука, придуманная имъ для того, чтобъ скрыть свою неудачу въ домѣ Аккермана.

— Если это и не совсѣмъ справедливо, то по крайней-мѣрѣ очень похоже на него! вскричалъ Диркингъ.

— Это совершенно справедливо, возразилъ Эйроль, самъ Зильбургъ хвалился своей геніяльной выдумкой своему другу Виборгу, и увѣрялъ, что съ помощію Каролины, онъ доведетъ Аккермановъ до того, что они должны будутъ оставить Гамбургъ. Я спрашиваю теперь у васъ, друзья, достойно ли это поведеніе благороднаго офицера? Можно ли извинить все это какъ шалость, простительную вѣтренность! Право, я нисколько не буду удивленъ, если это новое приключеніе уронитъ еще болѣе датскій мундиръ въ Гамбургѣ и обезчеститъ всѣхъ насъ!

Друзья Эйроля всѣ подтвердили справедливость его словъ. Мундиръ и званіе Зильбурга не мѣшали товарищамъ судить о немъ, какъ онъ этого стоилъ. Всѣ ненавидѣли его. И даже духъ товарищества, всегда столь сильный между военными, не могъ защитить его отъ собственной его низости.

XLV

Такимъ образомъ исполнилось то, чего Шредеръ давно опасался и что онъ и вся семья старались предупредить всѣми мѣрами благоразумія. На другой день послѣ представленія Оливіи, несчастная связь Шарлоты съ датскимъ офицеромъ стала извѣстна всему городу, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. На счетъ Зильбурга ходили даже самые странные слухи. Говорили,

что онъ искатель приключеній, нѣчто въ родѣ Каліостро, словомъ, изъ датскаго вербовщика сдѣлали одно изъ тѣхъ лицъ, которыми были въ то время богаты почти всѣ большіе города. Слѣдствіемъ этого былъ возвратъ добраго расположенія публики къ Шредеру и его матери. До тѣхъ поръ всѣ жалѣли Шарлоту и обвиняли ея родныхъ въ эгоизмѣ и жестокости, теперь же напротивъ ихъ хвалили за то, что они противились этой любви.

Произнеся такимъ образомъ приговоръ Зильбурга, друзья и поклонники Шарлоты должны были сознаться однакожъ, что она поступала непростительно опрометчиво, привязавшись къ человѣку недостойному, о нравѣ и прошлой жизни котораго она почти ничего не знала.

Новспоминая всѣ ея любимыя, трогательныя роли — самый холодный моралистъ не былъ въ состояніи обвинить Шарлоту, которая вложила въ нихъ прелесть и жизнь.

Благодаря знаменитости Шарлоты, имя Зильбурга сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ во всѣхъ гамбургскихъ обществахъ. Гдѣ бы онъ ни показался, общее вниманіе обращалось на него. Сначала это смущало его, но вскорѣ онъ привыкъ видѣть, что всѣ смотрятъ на него, и самъ надменно и дерзко смотрѣлъ на всѣхъ, и какъ будто не подозрѣвалъ причины общаго любопытства, котораго былъ предметомъ. Онъ часто являлся верхомъ, съ развѣвающимся султаномъ, въ Альстерской аллеѣ, въ полдень, когда все лучшее общество тамъ гуляло. Онъ принималъ такой свободный и торжествующій видъ, какъ будто возвращался съ турнира; словомъ, онъ разыгрывалъ роль безстрашнаго, но не безукоризненнаго рыцаря, какъ настоящій датскій фанфаронъ.

Этимъ поведеніемъ онъ доказывалъ, что очень мало заботится объ общественномъ мнѣніи и топчетъ въ грязь нравственность добрыхъ гамбургскихъ жителей. Чтобы поставить въ настоящемъ свѣтѣ свою интригу съ актрисой и удалить отъ себя и отъ своего древняго дворянскаго герба всякое подозрѣніе объ истинной привязанности къ дѣвушкѣ изъ мѣщанскаго семейства, онъ придумалъ хитрость, достойную его геніяльной изобрѣтательности и которая должна была прикрыть его отступленіе въ случаѣ, еслибъ настоящій планъ, нанести Шарлотѣ неотразимый ударъ, не удался.

Мы узнали отъ Эйроля, какъ баронъ, въ то самое время, когда городъ былъ наполненъ толками о немъ, завелъ новую интригу, достойную его во всѣхъ отношеніяхъ. Правда, имя но-

вой побѣды его было совершенно неизвѣстно гамбургскимъ жителямъ, которые гораздо болѣе заботились о хорошихъ деревьяхъ для мачтъ своихъ кораблей, чѣмъ о родословныхъ древахъ; но блескъ этого новаго явленія, надмѣнный и торжествующій видъ прекрасной дамы, когда она въ первый разъ появилась на публичномъ гуляньѣ подъ руку съ барономъ, заставило однакоже всѣхъ думать, что она женщина высшаго круга; черезъ нѣсколько дней узнали въ городѣ, что баронесса Стейнау самая богатая наслѣдница Шверинская, отдала какъ знамя побѣды свое вдовье покрывало датскому вербовщику, который пользовался такою дурной славою.

Узнавъ эту новость, никто не могъ подозрѣвать какого рода особу Зильбургъ такъ нахально выводилъ въ свѣтъ.

Но правда разгласилась мало по малу, и изъ общества датскихъ офицеровъ перешла въ самый городъ. Эта новость казалась невѣроятною; но въ одно прекрасное утро неумолимый комиссаръ Шреттеранкъ, этотъ заклятый врагъ романическихъ интригъ, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ схватить баронессу Стейнау и ея горничную, въ богатомъ домѣ, который она занимала, и отвести ее въ тюрьму, гдѣ на первомъ допросѣ въ поддѣльной баронессѣ узнали публичную женщину, которая скоро выдала своего рыцаря, точно также, какъ сдѣлала это и Фанни.

Прежде еще чѣмъ случилось все, что мы разсказали сейчасъ и что должно было снова сдѣлать недѣйствительными всѣ попытки Зильбурга—погубить несчастную жертву своего тщеславія, въ жизни Шарлотты наступила новая эпоха, начавшаяся въ тотъ самый вечеръ, когда она объявила матери, сестрѣ и друзьямъ своимъ, что она никогда не возвратится болѣе на сцену.

Что за нужда была ей до знаменитости, таланта и восторженной любви ея къ сценическому искусству? Какъ все это казалось ей пусто и ничтожно въ присутствіи человѣка, который дѣлалъ ее такъ несчастною, и одного взгляда котораго было достаточно чтобъ уничтожить въ ней весь идеальный міръ.

И развѣ не искусство же съ своимъ обольстительнымъ сіяніемъ сперва привлекло взгляды Зильбурга? Безъ сомнѣнія онъ никогда не обратилъ бы на нея вниманія въ тишинѣ обыкновенной жизни, гдѣ она была бы защищена своею неизвѣстностью, безъ таланта, безъ блеска, безъ громкой славы.

Но кромѣ этого, Шарлота имѣла еще причины ненавидѣть

поприще, на которомъ до сихъ-поръ встрѣчала она такіе блестящіе успѣхи.

— Зачѣмъ быть мнѣ еще артисткой, когда я не могу достигнуть высокой цѣли жизни, цѣли, гдѣ дѣйствительность и поэзія сливаются? Развѣ искусство имѣетъ какую нибудь цѣну безъ утѣшительнаго вѣрованія что гдѣ-нибудь, когда-нибудь всѣ страстныя мечтанія превращаются въ земное блаженство? Я люблю слишкомъ сильно для земнаго сердца и слишкомъ легко для безсмертной души. Я не могу болѣе вѣрить поэзіи въ здѣшнемъ мірѣ и отдаться снова ея обманчивымъ обѣщаніямъ. И такъ, умоляю васъ, увольте меня на вѣки отъ театра! Каждый увидя меня теперь на сценѣ, не повѣритъ, что я играю Рутландъ, Эмилію или Оливію, каждый подумаетъ, что я выказываю свѣту мою собственную судьбу, и не смотря на имя и нарядъ, каждый будетъ только видѣть во мнѣ обманутую несчастную Шарлоту... Ты былъ правъ, Фридрихъ, когда совѣтовалъ мнѣ не давать людямъ никакого повода заниматься мною, потому что едва частная жизнь артиста перейдетъ границу, которая отдѣляетъ его отъ сцены — все очарованіе исчезаетъ, и зритель въ каждой роли, которую исполняетъ актеръ, видитъ обыкновеннаго человѣка, а въ частной, общественной жизни его— больной и блуждающій геній.

Вотъ какъ оправдывала Шарлота передъ родными твердую рѣшимость свою оставить сцену, между тѣмъ какъ въ этомъ поступкѣ, который ставилъ ея судьбу выше всѣхъ обыкновенныхъ, пошлыхъ любовныхъ романовъ, она находила себѣ тайное, единственное удовлетвореніе. Она отказывалась отъ славы, отъ блеска прославленнаго имени; она отрекалась отъ своего таланта, отъ счастія преслѣдовать свое артистическое назначеніе —и все это для того, чтобъ наложить на несчастную страсть печать освященія.

Зильбургъ узнаетъ черезъ это какова была сила ея чувствъ, безграничность горя! Онъ увидитъ, что доказавъ ему всю силу своей преданности, она приносила въ жертву прекрасной, минутной любви своей все, что имѣла лучшаго, драгоцѣннаго въ жизни!...

Мы сожалѣемъ, что не знаемъ письма, которое около этого времени Шарлота написала Зильбургу, и въ которомъ, судя по тому что она говорила своей подругѣ, она признавалась барону, что все еще обожаетъ его, умоляла его не быть съ нею такъ

жестокимъ и оканчивала прощаніемъ на вѣки. Мы знаемъ только, что это письмо было написано подъ вліяніемъ страшной ревности, когда Шарлота узнала о связи Зильбурга съ баронессою Стейнау. Мы знаемъ также изъ писемъ ея къ подругѣ какъ этотъ злодѣй старался всячески доказать ей свою холодность и коварство. Не только онъ не глядѣлъ на нее, когда случайно встрѣчалъ ее на улицѣ; но нарочно проѣзжалъ въ великолѣпной каретѣ подъ ея окнами, вмѣстѣ съ новой своей возлюбленной; благородная баронесса, сидя подлѣ него, наводила съ насмѣшливой улыбкой свой лорнетъ на домъ, гдѣ жила покинутая красавица.

Въ этихъ обстоятельствахъ старушка Аккерманъ, которая сперва противилась отъѣзду дочери, увидѣла необходимость удалить на время Шарлоту изъ Гамбурга. Она согласилась прибѣгнуть къ испытанной дружбѣ барона Шимельмана.

Наступила весна; ясные дни начали появляться; Эльба величественно уносила въ Сѣверное море послѣднія льдины свои. И въ торговлѣ какъ въ природѣ, съ весною начиналась новая жизнь. Для Шарлоты, которая всегда любила природу и ея красоты, могло ли быть что нибудь цѣлительнѣе какъ вырваться совершенно изъ обычнаго круга дѣйствій. Она знала, что любовь ея къ барону служила предметомъ разговора цѣлому городу: она знала, что виновникъ всѣхъ ея несчастій, нечувствительный къ ея жалкому состоянію, имѣлъ уже новую связь, которую выказывалъ публично, вѣроятно по самому глупому разсчету. Могла ли она желать чего нибудь болѣе, посреди безпрерывныхъ страданій, какъ удалиться оттуда, гдѣ все напоминало ей несчастіе, погубившее ея молодость, помрачившее ея доброе имя и оторвавшее навсегда отъ поприща полнаго славы.

И не смотря на все это, Шарлота поблѣднѣла и задрожала когда баронъ Шимельманъ вошелъ однажды вечеромъ, какъ бы неожиданно и объявилъ ей, что пріѣхалъ въ городъ для того, чтобъ увезти ее съ собою въ Вандзбекъ, гдѣ одинъ изъ старыхъ друзей ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ. «Да, добрый другъ, который возвратился изъ дальнихъ странствованій, продолжалъ баронъ съ своей всегдашней веселостью, забавляясь смущеніемъ Шарлоты. Но я вижу, вы не отгадываете, о комъ я говорю, даже если я прибавлю, что это самый любезный и прекрасный молодой человѣкъ во всей поднебесной, и что онъ свелъ съ ума уже не одну красавицу. Когда онъ нынче пріѣхалъ въ Ванд-

збекъ, съ букетомъ фіалокъ на шляпѣ, первымъ вопросомъ его было: Развѣ моя Шарлота не пріѣхала еще? — Нѣтъ еще, господинъ весна, отвѣчалъ я ему, Шарлота еще не пріѣхала, но оснаньтесь все таки у насъ; госпожа ласточка и кукушка постараются занять васъ пока, въ тѣни нашихъ садовъ. Я сейчасъ велю закладывать лошадей, ѣду въ городъ, и сегодня же вечеромъ привезу вамъ вашу пастушку. Завтра же Аркадія ваша можетъ начаться.

Такимъ образомъ шутя и смѣясь баронъ объявилъ Шарлотѣ цѣль своего посѣщенія. Послѣ минутнаго, разумѣется, притворнаго сопротивленія, мать согласилась охотно на то, чтобъ Шарлота воспользовалась приглашеніемъ своего покровителя.

— На этотъ разъ мы не спросимъ у Директора позволенія, сказалъ баронъ, ударивъ дружески по плечу Шредера, рискнемъ на Божью волю, а если нужно, въ наказаніе за нарушеніе контракта и несвоевременную отлучку заплатить штрафъ, то мы внесемъ въ кассу жалованье за шесть мѣсяцевъ.

Шарлота безъ труда отгадала, что неожиданный пріѣздъ барона, скорое согласіе матери, обыкновенно осторожной и осмотрительной—было слѣдствіемъ сдѣлки, заранѣе условленной между ними. Она еще болѣе увѣрилась въ этомъ, когда увидѣла, что баронъ, Шредеръ и мать ея совѣщались болѣе часа, въ слѣдствіе чего Шредеръ вдругъ явился будто перерожденный; онъ не казался болѣе убитымъ; лицо его блистало весельемъ, между тѣмъ какъ госпожа Аккерманъ вышла изъ совѣщанія съ глазами красными и распухшими отъ слезъ, и съ большимъ усиліемъ только могла принять снова обыкновенный видъ свой. Сама Доротея не знала, что случилось до тѣхъ поръ, пока мать не сказала ей на ухо, что баронъ изложилъ имъ планъ, по которому онъ надѣется исцѣлить совершенно Шарлоту.

Доротея не узнала ничего болѣе въ эту минуту, но этого было достаточно для того, чтобы она стала спокойнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, Шарлоту нельзя было поручить въ лучшія руки. Баронъ и жена его любили Шарлоту, какъ родную дочь, и она уже прежде проводила въ Вандзбекѣ много счастливыхъ дней.

Ничто въ предложеніи барона не смутило Шарлоты, кромѣ внезапности и таинственности, съ какими ведено было дѣло. Она замѣтила тоже, что во время обѣда, благосклонный другъ ея бросалъ на нее испытующіе взгляды, какъ бы стараясь прочесть въ глубинѣ души ея тайну, и это еще болѣе смущало ее.

Послѣ обѣда нѣсколько друзей и сосѣдей пришли, чтобъ повидаться съ г. Шимельманомъ и проститься съ Шарлотою. Клопштокъ былъ также между ними, и какъ прочіе, обѣщалъ ей въ воскресенье пріѣхать навѣстить ее, если погода будетъ благопріятна.

— Пріѣзжайте всѣ, говорилъ уѣзжая гостепріимный Шимельманъ, кому не будетъ мѣста въ замкѣ, того помѣстимъ въ башнѣ Тихо-Браге. Вы помните, Шарлота, какъ тамъ хорошо!... До свиданія же, друзья мои!

Карета помчалась, и Шредеръ вскричалъ, возвращаясь домой: «Слава Богу, она уѣхала!... Какъ бы ни тяжело было испытаніе, которое ожидаетъ ее въ Вандзбекѣ, другаго способа спасти ее нѣтъ, я совершенно увѣренъ въ этомъ, и скажу вмѣстѣ съ другомъ нашимъ Шимельманомъ: Если этотъ способъ окажется не дѣйствительнымъ, тогда не нужно болѣе стараться спасти Шарлоту; тогда ясно будетъ, что всѣ силы души ея пренебрегаютъ и силою и мудростью человѣческою, и что кромѣ помощи Бога нельзя ожидать для нея ничего другаго.

XLVI.

Семейство барона Шимельмана приняло Шарлоту самымъ радушнымъ образомъ. Она нашла въ баронессѣ и дочеряхъ ея, Юліи и Эршенгардѣ, нѣжныя и благородныя сердца, которыя другъ передъ другомъ старались развлечь горе молодой артистки, разсѣять и развеселить ея умъ, омраченный меланхоліей. Въ этомъ обществѣ, гдѣ царствовали самыя нѣжныя и возвышенныя чувства, Шарлота вскорѣ почувствовала благодѣтельную перемѣну; тамъ не только были ласковы и предупредительны съ нею, но откровенны и совершенно просты въ обхожденіи — а этого она уже не знала и въ своемъ семействѣ, съ тѣхъ поръ, какъ началась несчастная любовь ея къ маіору. У Шимельмановъ все дышало радостью и спокойствіемъ; не слышно было заботливо удерживаемыхъ вздоховъ, не видно было строгихъ взглядовъ брата, и украдкой пролитыхъ слезъ Доротеи, которые напоминали Шарлотѣ ея проступокъ и несчастіе. Тутъ избѣгали всего, что только могло пробудить въ ней это воспоминаніе, и даже рѣдко говорили при ней о Гамбургѣ и театрѣ.

Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобъ нѣсколько человѣкъ гостей не посѣтили гостепріимный домъ барона, иные для того,

чтобъ попасть въ милость къ человѣку, который имѣлъ большой вѣсъ при Копенгагенскомъ дворѣ, другіе изъ одной привязанности къ нему и къ его семейству.

Это безпрерывное движеніе и перемѣна общества невольно заставляли Шарлоту выходить изъ обычнаго своего состоянія, а приличія требовали усилій, которыя были весьма благодѣтельны для ея ума, отъ природы уже расположеннаго къ меланхоліи. Красота окружныхъ мѣстъ, сосѣднихъ деревень также не менѣе цѣлительно дѣйствовали на нее. Она имѣла и развлеченія, и обязанности въ обществѣ, и также могла пользоваться, въ минуты грусти, совершеннымъ уединеніемъ.

Посреди всѣхъ этихъ впечатлѣній, горесть ея мало-по-малу теряла свой мрачный характеръ; она чувствовала, какъ разсѣявались понемногу ея черныя мысли. Какое-то расположеніе къ умиленію, которое друзья ея замѣчали въ ней, казалось имъ хорошимъ предзнаменованіемъ. Молодость и поэзія не совсѣмъ еще умерли въ ея сердцѣ, и для этого прекраснаго цвѣтка можетъ еще настать новая весна.

Эта счастливая перемѣна заставила барона, который очень вѣрно судилъ о состояніи Шарлоты, отложить еще на нѣсколько времени посѣщеніе гамбурскихъ друзей. «Надо, писалъ онъ Шредеру, чтобъ этотъ благодѣтельный переворотъ шелъ своимъ порядкомъ; не должно ничѣмъ напоминать Шарлотѣ ту бездну, въ которой она чуть было не погибла. Что-же касается до остальнаго, прибавлялъ Шимельманъ, то все остается такъ, какъ мы условливались, и я буду умѣть выбрать благопріятное мгновеніе, чтобъ довершить выздоровленіе Шарлоты и поручить ее доброй Ульрикѣ, которая сумѣетъ навести снова на прямую дорогу нашу заблудшую овечку. Я не имѣю еще извѣстій изъ Копенгагена, но знаю навѣрное, что Голштинскій герцогъ не такой человѣкъ, чтобъ отказать справедливой просьбѣ, хоть поздно, но вы все-таки получите должное удовлетвореніе.

XLVII.

Утѣшительныя надежды благороднаго покровителя Шарлоты могли-бы однакоже разрушиться самымъ гибельнымъ образомъ, еслибъ невидимая рука не защитила молодую дѣвушку и не предохранила ее отъ большой опасности. Это слу-

чилось три недѣли послѣ пріѣзда Шарлоты въ Вандзбекъ; баронъ предложилъ дамамъ и еще двумъ Шверинскимъ владѣльцамъ, которые были въ гостяхъ у него, свезти ихъ на ферму, отстоявшую на полмили отъ замка. Онъ хотѣлъ показать гостямъ свой конный заводъ, вновь устроенный по англійской методѣ, которымъ онъ очень гордился, потому что лошади съ его завода были самыя лучшія во всей Голштиніи.

Дамы ѣхали въ каретѣ, а мужчины верхомъ. День былъ прекрасный, весенній. Все общество скоро пріѣхало на мызу; дамъ отвели въ комнату, приготовленную на случай пріѣзда господъ, напились кофе и потомъ отправились въ конюшни, потому что лошадей еще не выгоняли на пастбище.

Увидя это заведеніе, его превосходное расположеніе, порядокъ, чистоту, и въ особенности достоинство и красоту лошадей, оба гостя объявили, что этотъ заводъ самый обширный и примѣчательный, какой они когда либо видѣли. Они тихо переходили съ мѣста на мѣсто, любуясь, какъ знатоки, благородными животными, въ жилахъ которыхъ текла кровь Корнвалисская и Арабская. Но горячія карія лошади, чистой голстинской породы, выдерживали сравненіе и по красотѣ формъ, и по силѣ мускуловъ.

Хозяинъ зналъ имя каждой лошади, зналъ всѣ ихъ достоинства, и то ласкалъ одну, то бранилъ другую, и умныя животныя понимали его, какъ говорилъ онъ, лучше многихъ людей.

— Вы, Шарлота, хорошая наѣздница, сказалъ онъ обращаясь къ ней, видите ли мою темную Сибиллу, съ острыми, плутовскими глазами. Нѣтъ ни одной лошади въ мірѣ, которая могла бы сравниться съ нею въ кротости. Прошлое лѣто Эрменгарда ѣздила на ней, но нынче она принадлежитъ вамъ, и вы можете, если хотите, сейчасъ же испытать ее.

— Охотно, вскричала Шарлотта, которая любила верховую ѣзду и ѣздила очень хорошо.

По приказанію барона, Сибиллу вывели вмѣстѣ съ другими лошадьми, которыхъ владѣльцы хотѣли купить. Всѣ отправились въ манежъ; Шарлота надѣвъ верховое платье Эрменгарды, проворно вскочила въ сѣдло, и скоро все общество могло любоваться ловкостью, граціей и твердостью, которыми Шарлота оправдала похвалы барона. Мужчины рукоплескали, и Шимельманъ замѣтилъ, смѣясь, что она могла бы поспорить съ любой казачкой.

— Вы увидите, возразила Шарлота, оживленная движеніемъ и похвалами, которыя воздавали ей. Въ тоже время она направила лошадь на середину манежа, сильно ударила ее хлыстомъ и, къ великому ужасу зрителей, заставила ее перескочить довольно высокій барьеръ, находившійся въ манежѣ. Лошадь одно мгновеніе оставалась неподвижною, какъ бы окаменѣвъ отъ страха внѣ ограды; она сильно задрожала; но едва почувствовала снова удила, какъ пришла въ ярость, захрапѣла, поднялась надыбы, бросилась вправо и влѣво, и не повинуясь ни голосу, ни поводу, заржала и какъ стрѣла помчала Шарлоту по полямъ, къ сторонѣ Вандзбека. Это зрѣлище было ужасно для тѣхъ, которые, оставаясь на фермѣ, съ минуты на минуту ожидали паденія безстрашной дѣвушки. — Шимельманъ пѣрвый вскочилъ на лошадь и поскакалъ вслѣдъ за нею; оба гостя послѣдовали его примѣру; но испуганная Сибилла была уже слишкомъ далеко, и вскорѣ лошадь и Шарлота пропали изъ виду.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда баронъ подъѣхалъ къ парку, онъ услышалъ голосъ человѣка, который звалъ на помощь. Онъ бросился въ ту сторону, откуда слышался голосъ, и недалеко отъ обсерваторіи увидѣлъ садовника Конрада, который бѣжалъ къ нему навстрѣчу блѣдный, испуганный и объявилъ, что Шарлота Аккерманъ лежитъ мертвая у подножія башни, изъ которой она упала.

Когда баронъ подошелъ къ башнѣ, онъ увидѣлъ зрѣлище, которое легко объясняло заблужденіе садовника; Шарлота лежала на землѣ у самой башни; изъ виска ея текла кровь; никакого слѣда лошади не было видно.

— Боже мой!.. вскричалъ внѣ себя баронъ и сталъ на колѣна подлѣ Шарлоты, которую считалъ мертвою, онъ прижалъ ее къ своей груди; тогда онъ увидѣлъ, что она еще дышала. Конрадъ спрыснулъ ей лицо водою изъ ближняго источника, и наконецъ она пришла въ чувство. Увидя окровавленный платокъ, которымъ баронъ обмывалъ ея рану, она испугалась и начала чувствовать боль, но вскорѣ замѣтивъ, что рана легка, она весело вскричала:

— Кажется и на этотъ разъ еще я уцѣлѣю! А право самъ г-нъ Сакко, нашъ балетмейстеръ не легко исполнилъ бы опасный скачокъ, который я сдѣлала. Надо было немножко присутствія духа!... Лошадь бѣжала прямо на эти деревья, на вѣтвяхъ которыхъ я повисла бы какъ Авесаломъ, тогда чтобъ

спастись, я бросилась долой съ лошади на вѣтви этой ели, но по несчастію ударилась головой объ этотъ голый камень.

— Слава Богу, сказалъ вѣрный Конрадъ, я былъ позади этихъ деревьевъ, около пруда; вдругъ слышу крикъ; прибѣжалъ, вижу барышня лежитъ на землѣ блѣдная, окровавленная, а я въ страхѣ и подумалъ, что она упала съ башни!

— Какъ же ты могъ подумать это, Конрадъ, отвѣчалъ ему баронъ, который также вздохнулъ свободнѣе. Чтобъ упасть съ башни, надо было бы прежде взойти на нее!

— Что вы говорите? вскричала Шарлота съ удивленіемъ. И такъ предсказаніе, которое сдѣлала нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ ворожея, исполнилось бы, по-крайней-мѣрѣ по предположенію Конрада! Она сказала мнѣ, что я упаду съ башни, не взойдя на нее!

— Это доказываетъ, что вы впередъ должны остерегаться четвероногихъ Сибиллъ, отвѣчалъ Шимельманъ. Я вспомнилъ, но уже поздно, по несчастію, что вашъ братецъ терпѣть не можетъ, когда дамы ѣздятъ верхомъ, и онъ безъ сомнѣнія совершенно правъ, потому что всѣ вы амазонки таковы! Лишь только вы преодолѣете природную робость вашего пола, то уже не умѣете отличить храбрость отъ дерзости.

Появленіе гостей, лошади которыхъ были всѣ въ пѣнѣ отъ быстрой скачки, положило конецъ выговорамъ барона. Шарлота встала и хотя слабая еще, но могла безъ труда дойти до замка, опираясь на руку барона. Она чувствовала еще боль въ искѣ, но была снова весела и не захотѣла другой помощи, кромѣ той, какую могъ ей подать Вандзбекскій лекарь. Но когда онъ явился наконецъ, вооруженный большими очками, на огромномъ красномъ носѣ, то нашелъ рану уже перевязанною, къ большому своему огорченію.

Часто бываетъ въ жизни, что какое-нибудь нечаянное приключеніе, какъ бы пересѣчетъ и измѣнитъ весь ходъ событій. Это самое случилось и въ этотъ разъ, и паденіе Шарлоты, которое само по себѣ не имѣло никакихъ худыхъ послѣдствій, не прошло однакоже не оставивъ послѣ себя слѣдовъ. Хотя Шимельманъ тотчасъ же далъ знать родственникамъ молодой актрисы о случившемся происшествіи, на другой же день во многихъ гамбургскихъ гостиныхъ распустили слухъ, что Шарлота Аккерманъ въ припадкѣ меланхоліи бросилась въ Вандзбекъ изъ

высокой башни и спаслась отъ смерти только какимъ-то чудомъ.

Эти слухи дошли до Зильбурга, и хотя онъ долженъ былъ думать, судя по прощальному письму Шарлоты, что она навѣки разсталась съ нимъ, но это послѣднее извѣстіе возвратило ему всю его дерзость. Его самолюбіе, подстрекаемое общимъ говоромъ, возродило въ немъ опять надежду. Комедія его съ баронессой Стейнау подходила въ развязкѣ, онъ понялъ, что не долженъ былъ терять ни минуты, чтобы не быть тоже увлечену въ непріятное полицейское дѣло, и въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ составилъ планъ, который могъ-бы показаться геніяльнымъ, еслибъ только удался! Онъ рѣшился сблизиться съ Шарлотой, письменно просить у нея свиданія и для этого предложить ей уединенную гостиницу недалеко отъ Вандзбека. Оттуда онъ думалъ увлечь ее силой, еслибъ она добровольно не согласилась, и бѣжать съ нею въ Данію. Что-же касается до послѣдствій этого дѣла, то онъ и не думалъ объ этомъ. Когда-же черезъ нѣсколько дней онъ, узналъ правду на счетъ приключенія Шарлоты и долженъ былъ отказаться отъ пріятной мысли, что она хотѣла лишить себя жизни изъ любви къ нему, онъ не отказался однакожъ отъ предпріятія, которое обѣщало ему месть. Онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ успѣхѣ, чтобъ холодно разсудить обо всемъ. Онъ еще съ большимъ упрямствомъ стоялъ въ своемъ намѣреніи и принялся за приготовленіе съ безумнымъ нетерпѣніемъ.

Въ то время, когда Зильбургъ готовился къ своему гнусному поступку, вдругъ получилъ онъ громовую новость: начальство приказывало ему явиться черезъ восемь дней въ Шлезвигъ, въ коммиссію, наряженную королемъ для отвѣта на обвиненія, которыя касались его личности и чести офицера. Въ случаѣ-же неявки, ему угрожало немедленное разжалованіе.

Онъ рѣшительно не имѣлъ никакого понятія о томъ, что угрожало ему, и не могъ придумать, кто бы могъ нанести этотъ страшный ударъ. Ему оставалось только выбрать между опасностями суда и стыдомъ военнаго разжалованія. Онъ нѣсколько часовъ оставался какъ оглушенный и не зналъ, на что ему рѣшиться. Онъ машинально перечитывалъ роковое приказаніе, и ревелъ отъ бѣшенства, пробѣгая его. Артеріи его бились съ ужасною силой и, въ припадкѣ ярости, онъ едва не разбилъ себѣ голову объ стѣну. Часы проходили, какъ секунды; тысячу предложеній рождалось попеременно въ смущенномъ умѣ его — но

напрасно искалъ онъ между людьми, которыхъ оскорбилъ когда-то, того, кто нанесъ ему роковой ударъ.

Никогда еще во всю жизнь свою Зильбургъ не находился въ такомъ затруднительномъ положеніи. Напрасно пробѣгалъ онъ въ умѣ всѣ средства, которыя въ критическихъ случаяхъ бывало хорошо сходили ему съ рукъ—какъ вдругъ Кейзерговскій трактирщикъ принесъ ему письмо, при видѣ котораго онъ не могъ воздержаться отъ радостнаго восклицанія. Онъ узналъ почеркъ маіора Т., и зналъ заранѣе, что это письмо разъяснитъ ему многое, лучше всякой Сибиллы въ мірѣ. Онъ не ошибся въ своей надеждѣ. Едва сорвалъ онъ дрожащими руками печать и взглянулъ на первыя строки письма, какъ имя Шимельмана бросилось ему въ глаза — и онъ понялъ вдругъ, кто бросилъ его въ это отчаянное положеніе. Правда, маіоръ не могъ передать ему того, что говорилось на ухо во дворцѣ короля и въ кругу высшихъ офицеровъ, то, что баронъ Шимельманъ, бывшій государственный казначей, членъ тайнаго совѣта, пользуясь вліяніемъ своимъ у короля, написалъ ему письмо, въ которомъ описывалъ поведеніе Зильбурга съ Шарлотою и ея семействомъ, и описалъ это такими красками, что король немедленно приказалъ сдѣлать строжайшее разысканіе. «Должно быть, писалъ маіоръ Т., ты позволялъ себѣ самыя неловкія вольности, потому что я слышалъ отъ самаго генерала W., что герцогъ Аугустенбургскій сказалъ ему: «про Зильбурга узнали такія вещи, за которыя въ другомъ мѣстѣ сослали бы его на галеры на всю жизнь». Скажи на милость, Максъ, что ты сдѣлалъ такого, что тебя хотятъ проучить eum infamia? Напрасно я думаю, не могу представить себѣ, чтобы человѣкъ такой ловкій и умный какъ ты, могъ бы сдѣлать что нибудь до такой степени мерзкое, что навлекаетъ на себя разжалованье. Еслибъ ты заколдовалъ маленькую Аккерманъ какимъ нибудь волшебнымъ напиткомъ; еслибъ ты ночью похитилъ ее; еслибъ тѣмъ или другимъ образомъ ты слишкомъ далеко завлекъ бы ее — все же я не вижу причины, чтобъ тебя, виноватаго тутъ какъ и тысячи другихъ, хотѣли наказать, какъ за государственное преступленіе! Съ какихъ поръ любовная интрига приводитъ датскихъ офицеровъ предъ лицо особенно назначенной коммиссіи? Съ которыхъ поръ иностранная актриса и ея сообщники стали такъ сильны въ Даніи, что могутъ потребовать маіора въ судъ за такую бездѣлицу? Это загадка для всѣхъ; что же касается до меня, то я отказываюсь разга-

дать ее, я жду отъ тебя подробныхъ объясненій, и какъ можно скорѣе, прошу тебя!... На этотъ разъ ты попалъ въ петлю, которую легче затянуть, чѣмъ распутать. И такъ, не медли, доставь мнѣ ясныя доказательства, чтобъ убѣдить герцога Аугустенбургскаго въ твоей невинности; я постараюсь изгладить хоть частію непріятное впечатлѣніе, произведенное на него, и, клянусь тебѣ, какъ вѣрный другъ, буду защищать тебя словомъ и дѣломъ. Если точно твои дѣла такъ худы въ Гамбургѣ, то послѣдуй примѣру своего соперника Элькинса: возьми отпускъ и поѣзжай на нѣсколько времени въ Англію. Но не жди, чтобъ тебѣ дали этотъ отпускъ прежде, чѣмъ ты его спросишь! Чортъ возьми! если я понимаю что нибудь во всемъ этомъ дѣлѣ, то я тебѣ ни другъ, ни сослуживецъ! и готовъ за одно съ другими кричать хоромъ, что ты заслужилъ все это! Письмо, скорѣе письмо, чортъ побери! Пусть гонецъ, который привезетъ мнѣ его, загонитъ на мой счетъ двухъ лошадей! только избавь меня скорѣе отъ этого мучительнаго безпокойства!»

Перечитавъ нѣсколько разъ это письмо, Зильбургъ понялъ наконецъ, что заключалось въ немъ; понялъ даже болѣе, чѣмъ зналъ его другъ. Маіоръ Т. не зналъ, что уже нѣсколько лѣтъ какъ Шредеръ находился въ перепискѣ съ герцогомъ Фридрихомъ-Христіаномъ Аугустенбургскимъ, что братъ Шарлоты пользовался дружбою и уваженіемъ этого принца, и потому, если герцогъ видѣлъ въ Зильбургѣ, своемъ подчиненномъ, врага Шредера, то гибель его была неминуема.

Но какъ не безотрадно казалось его положеніе, Зильбургъ видѣлъ единственный, послѣдній способъ къ спасенію въ самой дружбѣ герцога къ Шредеру. Онъ хотѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ завладѣть Шарлотой, увѣренный, что тогда онъ можетъ противустать всѣмъ опасностямъ, которыя грозили ему.

Завладѣть снова сердцемъ Шарлоты, бѣжать съ нею, даже жениться на ней; отнять черезъ это у герцога, у барона, у Аккермановъ всякую возможность погубить его — таковъ былъ дерзкій планъ Зильбурга. Исполненіе его казалось разгоряченному воображенію маіора до того легкимъ, что онъ забылъ даже о первомъ затрудненіи, какъ проникнуть къ Шарлотѣ, находившейся подъ непосредственнымъ покровительствомъ того самого человѣка, который бросилъ его въ это отчаянное положеніе. Увлеченный страстью, онъ не позаботился выждать сперва удобный случай, его искусство, осторожность, которыя досе-

лѣ дѣлали его такъ опаснымъ для женщинъ, на этотъ разъ обманули его. Ослѣпленный бѣшенствомъ онъ не видѣлъ бездны, раскрытой передъ нимъ. Подобно утопающему, котораго волна уноситъ все далѣе въ море каждый разъ, когда онъ дѣлаетъ усиліе, чтобъ достигнуть берега, онъ вскочилъ на лучшаго коня своего и, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своемъ намѣреніи, поскакалъ по направленію къ Вандзбеку, съ такою быстротою, что казалось и лошадь раздѣляла нетерпѣніе сѣдока.

Только въ виду замка онъ остановилъ дымящуюся лошадь. Видъ дома, гдѣ онъ когда-то былъ принятъ такъ радушно, привелъ немного въ порядокъ его разстроенныя мысли. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ неподвижно, прислушиваясь къ шуму голосовъ, который, казалось ему, несся изъ парка... Это былъ шумъ вечерняго ветерка, который пробѣгалъ въ кустахъ и деревьяхъ, біеніе собственнаго сердца—и больше ничего... Мало-по-малу онъ началъ думать о томъ, что дѣлать, куда направить свои шаги, и ему показалось, что онъ гонится за блуждающимъ огнемъ, за призракомъ; что онъ ищетъ цѣли въ ту минуту, когда думалъ уже что достигъ до нея. Онъ былъ такъ близко отъ Вандзбека, что ясно могъ слышать бой часовъ въ замкѣ. Вдругъ представилась ему вся опасность, которой онъ подвергался, если бъ его тутъ застали; послѣдняя надежда на успѣхъ рушилась. Эта мысль до того смутила его, что онъ быстро повернулъ лошадь и пустился съ такою же быстротой, съ какой пріѣхалъ. Но онъ не воротился въ Гамбургъ; проѣзжая по полямъ, онъ увидѣлъ вдали уединенный трактиръ, тотъ самый, гдѣ онъ намѣренъ былъ сойтись съ Шарлотой. Этотъ трактиръ пользовался довольно худою славою; онъ былъ извѣстенъ какъ притонъ всѣхъ подозрительныхъ людей, привлекаемыхъ въ сосѣдство съ большимъ торговымъ городомъ. Бѣглецы, бродяги, которымъ боязнь полиціи мѣшала открыто входить въ городъ, ждали тутъ удобнаго случая тайкомъ пробраться въ него.

Трактирщикъ съ своей разбойничьей рожей и всѣ остальные жители его заведенія выпучили глаза отъ удивленія, когда увидѣли путешественника такой прекрасной наружности, который остановился передъ ихъ дряннымъ кабакомъ и велѣлъ отвести себѣ комнату на ночь. Зильбургъ превосходно умѣлъ вести себя съ людьми такого рода. Онъ отвелъ въ сторону стараго трактирщика, сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, и тотчасъ же, не

только комната, какую только можно было найти въ такомъ домѣ, но и все остальное, необходимое для исполненія его предпріятія, было на готовѣ; Зильбургъ нашелъ себѣ соучастника; лучше какого не могъ пожелать.

XLVIII.

Но Провидѣніе хранило Шарлоту и на этотъ разъ опять спасло ее отъ замысловъ человѣка, который безпрерывно угрожалъ несчастной жертвѣ своей и бросалъ ее изъ одной опасности въ другую.

Едва Зильбургъ успѣлъ удалиться отъ замка, какъ Шимельману, который строго приказалъ сторожить окрестности Вандзбека, доложили, что какой-то человѣкъ появился недалеко отъ парка. Еще до наступленія ночи баронъ узналъ, что этотъ человѣкъ былъ Зильбургъ и что онъ остановился въ трактирѣ, извѣстномъ всѣмъ по своей худой славѣ.

Эта новость на минуту сильно обезпокоила барона; онъ побѣжалъ къ женѣ, чтобъ разсказать ей объ угрожавшей опасности. Для кого какъ не для Шарлоты могъ пріѣхать Зильбургъ? Шимельманъ боялся, чтобъ она не узнала объ этомъ; онъ опасался ея сообщничества съ Зильбургомъ; баронесса разувѣрила его, сказавъ, что совершенно убѣждена въ противномъ.

— Шарлота должна была-бы быть совершенной лицемѣркой, еслибъ до такой степени обманывала меня, прибавила она. Нѣтъ, нѣтъ, она ничего не знаетъ о пріѣздѣ Зильбурга! Еще сегодня она говорила Эрмигардѣ, что навсегда разсталась съ нимъ, что у него дурной нравъ и что она не вернется къ матери пока этотъ человѣкъ не оставитъ городъ, чтобъ она могла быть совершенно избавлена отъ его преслѣдованій. Кто бы велѣлъ ей говорить все это, еслибъ она знала о присутствіи Зильбурга? Эта дѣвушка могла находиться подъ его пагубнымъ вліяніемъ, но теперь она совершенно избавилась отъ него.

— Слава Богу! отвѣчалъ баронъ, должно стараться, чтобъ она ничего не знала о присутствіи маіора и о нашихъ опасеніяхъ. Надо, чтобъ она какъ прежде чувствовала себя совершенно свободною и непринужденною. Но я думаю, что теперь уже пора предупредить графиню и просить ее пріѣхать сюда. Ты знаешь, какъ горячо Ульрика желаетъ вырвать милую Шарлоту

изъ рукъ обольстителя, который ей самой надѣлалъ столько зла.

— Я все уже устроила къ принятію графини, сказала г-жа Шимельманъ и думаю, что наша больная достаточно приготовлена, чтобъ съ твердостью перенести послѣднія извѣстія на счетъ Зильбурга, и потомъ воротиться опять къ новой жизни. Присутствіе же графини будетъ самой лучшей защитой для Шарлоты противъ козней, которыя разставляетъ ей этотъ низкій человѣкъ, осмѣливающійся являться даже сюда.

— Я очень удивленъ, сказалъ Шимельманъ качая головою, что онъ не узналъ еще о чемъ герцогъ и я просили короля. А отъ этого дерзкаго негодяя можно ожидать всего! Береги-же Шарлоту, какъ родную дочь, милая Каролина, скоро можетъ быть справедливая месть наша поразитъ злодѣя! Я посылаю нарочнаго къ графинѣ, чтобъ просить ее пріѣхать къ намъ на помощь.

Чрезъ полчаса послѣ этого разговора старый баронъ вошелъ съ веселымъ лицомъ къ дамамъ, которыя собрались около чайнаго стола, и сѣлъ на диванъ подлѣ баронессы, чтобы поболтать нѣсколько минутъ. Сперва онъ началъ дразнить Эрменгарду на счетъ ея новой прически, потомъ лукаво спросилъ Шарлоту въ честь кого она приколола букетъ розъ къ своему поясу. Онъ потрепалъ ее по щекѣ и сказалъ съ таинственною улыбкой:— Да, да, вы, женщины, имѣете необыкновенное чутье и тотчасъ узнаете, если гдѣ нибудь въ сосѣдствѣ интересуются вами! Это тотчасъ замѣтно по изысканности вашего наряда, прежде даже чѣмъ вы сами узнаете, кто этотъ человѣкъ и понравится-ли онъ вамъ!

— О комъ вы говорите, спросила смущенная баронесса, которая рѣшительно думала, что мужъ ея намекаетъ на маіора.

Шарлота ни мало не смутилась, и баронъ продолжалъ: сегодня-же вечеромъ вы лично узнаете его. Это человѣкъ очень замѣчательный, знакомство котораго я очень цѣню. Въ эту минуту онъ путешествуетъ инкогнито. Правда, онъ и мнѣ не высказался вполнѣ, но уже снискалъ мое уваженіе, и я могу сказать, что въ жизнь мою не встрѣчалъ человѣка болѣе достойнаго любви.

— Кто-же это?... Его имя!.. Его имя!..

Всѣ три дѣвушки забросали вопросами Шимельмана, между тѣмъ, какъ баронесса вскричала съ горемъ:

— Боже мой, Шимельманъ, зачѣмъ сказалъ ты намъ это такъ поздно! Его надо оставить ночевать, а всѣ комнаты наши, ты знаешь...

— Не безпокойся, милая Каролина! отвѣчалъ баронъ. Мой новый другъ остановится, разумѣется, у меня въ замкѣ, но со всѣми прекрасными качествами своими онъ соединяетъ еще простоту и совершенное отсутствіе всякихъ церемоній. Какъ вѣрный израильтянинъ...

— Жидъ! вскричали въ одинъ голосъ дамы.

На всѣхъ лицахъ выразилось удивленіе.

— Какъ истинный израильтянинъ, продолжалъ баронъ, онъ слѣдуетъ въ своемъ образѣ жизни обычаю своихъ отцевъ, и не смотря на свою ученость и богатство, сильно привязанъ къ законамъ своей вѣры.

— Слава Богу, я вижу теперь, что ты шутишь, сказала баронесса, потому что такіе жиды, какъ тотъ, о которомъ ты говоришь...

— Не существуютъ, хочешь ты сказать? А между тѣмъ я увѣряю васъ, что сегодня-же вечеромъ вы познакомитесь съ нимъ, и признаетесь сами, что похвалы мои не были излишни. Послушайте только, съ какимъ жаромъ нашъ Лессингъ рекомендуетъ мнѣ этого примѣчательнаго человѣка.

Шимельманъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ удивленнымъ дамамъ слѣдующее:

«Не только между своими одновѣрцами Натанъ заслужилъ названіе мудраго, но и мы, христіане, должны признать его таковымъ; прошу васъ дать ему пріютъ въ вашемъ домѣ, въ вашемъ сердцѣ.»

— Вотъ что знаменитый Лессингъ пишетъ намъ объ жидѣ, сказалъ съ чувствомъ Шимельманъ. Рѣшите-же теперь, друзья мои, какъ хотите вы принять этого чужестранца?

— Мы примемъ его, какъ приняли бы самаго Лессинга, вскричала съ радостью баронесса.

— Вотъ и онъ! сказалъ баронъ, указывая на дверь. И всѣ взоры обратились туда.

Между тѣмъ никто не входилъ, никого не слышно было за дверью; но въ ту же минуту Каролина вскрикнула отъ удивленія: баронъ украдкой положилъ предъ нею на столъ тетрадь, на заглавіи которой стояло:

«*Мудрый Натанъ*, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Готтольда-Ефраима Лессинга».

Тогда всѣ поняли шутку барона.

— Драма Лессинга? вскричала Эрменгарда, ахъ, папенька, да я расцѣлую этого жида, еще не познакомясь съ нимъ, хотя бы борода его была сѣра и жестка какъ борода нашего Вондзбекскаго торговца.

И прелестная дѣвушка прижала розовыя губки свои къ имени Натана съ такою горячностью, какъ будто хотѣла въ этомъ поцѣлуѣ почерпнуть его мудрости.

Баронъ прочелъ эпиграфъ, написанный на заглавіи. Написалъ роль Ректы, для моего друга, Шарлоты Акерманъ.—Что вы думаете объ этомъ, дитя мое, спросилъ онъ, обращаясь къ молодой актрисѣ, сильно смутившейся. Лессингъ даетъ свѣту поэму, по языку и глубинѣ мыслей безподобную, и въ тоже время возвращаетъ нашу Шарлоту въ храмъ искусства, который она покинула.

При этомъ новомъ оборотѣ разговора, Шарлота сильно смутилась. Въ первый разъ еще съ тѣхъ-поръ, какъ она была въ Вандзбекѣ, съ нею говорили о ея несчастіи. До сихъ-поръ она говорила объ этомъ только съ одной Эрменгардой, и потому послѣднія слова барона сильно взволновали ее.

Она краснѣла и блѣднѣла попеременно.

Послѣ нѣкотораго молчанія, добрый покровитель Шарлоты продолжалъ съ чувствомъ: Сколько выстрадалъ Лессингъ въ эти послѣдніе годы! А между-тѣмъ онъ никогда не терялъ веселаго расположенія духа. Онъ остался вѣренъ своему призванію. Прочтите дивную поэму нашего друга, прочтите ее съ тѣмъ вниманіемъ, которое давало вамъ способность проникать всю глубину безсмертныхъ твореній другихъ поэтовъ, и я надѣюсь, что геній Лессинга пробудитъ васъ къ новой жизни.

Съ этими словами онъ всталъ, взялъ обѣими руками голову дѣвушки, поцѣловалъ ее въ лобъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

XLIX.

На слѣдующее утро, когда лучи восходящаго солнца проникли сквозь опущенныя занавѣсы въ комнату Шарлоты, молодая актриса, погруженная въ легкую дремоту, являла собой образъ спокойнаго счастія и тихой радости. Въ рукахъ ея былъ букетъ розъ, а къ груди своей она прижимала рукопись *Натана*, какъ-бы боясь и во снѣ разстаться съ нимъ.

Какъ руки удержали книгу, такъ душа удержала и впечатлѣнія, произведенныя чтеніемъ. Шарлота во снѣ видѣла себя Ректою; она чувствовала ея горе, ея любовь, страдала съ нею въ то мгновеніе, когда она узнаетъ, что тотъ, кого она любила — братъ ея, а Натанъ ей не отецъ.

Всѣ эти впечатлѣнія во снѣ были также сильны, какъ наканунѣ, когда Шарлота читала *Натана*. Она видѣла себя то въ блестящихъ дворцахъ калифовъ, то подъ тѣнью пальмовыхъ деревъ, близъ монастыря. Вся роскошь восточной природы являлася ея очарованнымъ чувствамъ. Вдругъ глухой шумъ разбудилъ ея.... въ просонкахъ она дотронулась рукою до лѣваго виска, гдѣ чувствовала сильную боль, какъ бы отъ ударовъ ланцета. Когда она проснулась совершенно, то шумъ, который она слышала, исчезъ, и боль въ вискѣ также затихла; она чувствовала только родъ онѣмѣнія въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ ушибъ.

Увѣренная, что все это было только послѣдствіемъ ея паденія, она не заботилась больше объ этомъ. Она встала въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, и вышла, чтобъ погулять въ паркѣ передъ завтракомъ.

Тутъ, посреди блистящей весенней природы, гдѣ все распускалось и цвѣло, Шарлота наконецъ почувствовала, что и въ ея душѣ начинается новая весна. Ей казалось, что она несется на орлиныхъ крыльяхъ въ область высокаго вдохновенія. Она чувствовала ту же радость, какъ еслибъ изъ страшнаго мрака вышла бы вдругъ въ свѣтлый, блестящій міръ. И все это перерожденіе было дѣломъ *Натана*. Эта поэма величественная и ясная, проникнутая такой высокой философіей, высвободивъ душу Шарлоты, вызвала ее къ новому счастію. Дѣвушкѣ казалось, что она видитъ въ *Натанѣ* добраго генія первой молодости своей, котораго потеряла изъ виду посреди горькихъ заблужденій, и который снова теперь явился ей, и маня, звалъ ее за собою. Воспоминаніе послѣднихъ несчастій понемногу изглаживалось изъ памяти Шарлоты. Рай первой ея молости былъ снова передъ нею.

— Не здѣсь ли я лежала разбитая, умирающая нѣсколько дней тому назадъ, сказала Шарлота, остановясь передъ Тиго-Брагской башней, и я все-таки еще жива и счастлива тѣмъ, что живу! Мое первое паденіе было ужаснѣе этого — тамъ, бездна черная, какъ могила, была подъ ногами. О, Боже, кто бы могъ подумать, что я переживу это паденіе! Но можетъ быть, тутъ

было заблужденіе, я никогда въ дѣйствительности и недостигала той высоты, съ которой коварный такъ безжалостно сбросилъ меня. Я нашла тотъ мостъ, который долженъ привести меня къ цѣли!

Будь благословенна, башня Тиго-Браге! продолжала съ восторженностью Шарлота, поднявъ глаза къ платформѣ старой обсерваторіи. Съ вышины твоей въ былое время мудрый астрономъ слѣдилъ, въ тишинѣ ночей, за ходомъ небесныхъ свѣтилъ, и открывалъ новые міры. Разсѣевая мракъ, такъ долго скрывавшій отъ смертныхъ вѣчные законы природы, онъ проникалъ испытующимъ взглядомъ своимъ въ великія таинства мірозданія. И теперь, когда я стою передъ тобою, старая башня, я клянусь твоею тѣнью, мудрый Тиго-Браге, что никогда тучи страстей не омрачатъ болѣе моей души.

Шарлота воротилась въ замокъ, гдѣ все семейство уже собиралось къ завтраку. Чтобъ дойти скорѣе, она пошла по дубовой аллеѣ, пролегавшей вдоль большой дороги и отдѣленной отъ нея только низенькимъ заборомъ. Она дошла уже до большаго пруда, лазоревая вода котораго блистала волшебнымъ свѣтомъ при утреннемъ солнцѣ, какъ вдругъ увидѣла маленькаго нищаго, ребенка лѣтъ двѣнадцати, который дѣлалъ ей разные знаки и возбудилъ ея участіе своимъ живымъ, умнымъ лицомъ, которое озаряли большіе черные глаза, блиставшіе какъ два карбункула. Едва она остановилась, глядя съ любопытствомъ и позвала его, какъ мальчикъ быстро перепрыгнулъ черезъ заборъ, бойко подбѣжалъ къ Шарлотѣ, схватилъ и повернулъ ея руку. При видѣ маленькаго рубина, который въ золотомъ кольцѣ блисталъ на пальцѣ дѣвушки, нищій защелкалъ языкомъ, перекувырнулся нѣсколько разъ на травѣ, и, въ то время, когда Шарлота спрашивала у него его имя, онъ быстро вскочилъ на ноги, нѣсколько секундъ пристально смотрѣлъ на нее, и не проговоривъ ни одного слова, бросилъ запечатанное письмо къ ея ногамъ. Потомъ съ быстротою серны бросился въ сосѣдніе кусты, сквозь щель въ заборѣ пробрался на большую дорогу, и безъ оглядки побѣжалъ по направленію къ уединенному трактиру.

Когда Шарлота подняла письмо, она была болѣе удивлена, чѣмъ испугана, узнавъ почеркъ и печать Зильбурга. Облако прошло у нея передъ глазами, она задрожала, почувствовавъ свою слабость. Но это смущеніе продолжалось не долго; она снова стала тверда, и, вѣрная своему рѣшенію, хотѣла уничто-

жить это письмо не прочитавъ его, чтобъ окончательно избавиться отъ человѣка, который преслѣдовалъ ее даже и въ этомъ вѣрномъ убѣжищѣ и своею дерзостью снова заставлялъ ее трепетать. Уже она взяла камень, вложила его въ письмо и намѣревалась бросить его какъ можно далѣе въ самую глубину пруда, но вдругъ перемѣнила намѣреніе. Она спрятала письмо Зильбурга и сказала съ твердостью:

— Нѣтъ, нѣтъ! неужели я боюсь самой себя! Нѣтъ, это письмо не будетъ уничтожено; скоро, надѣюсь, оно окажетъ мнѣ важную услугу. Послѣ завтрака я отдамъ его, нераспечатаннымъ, г. Шимельману, и тогда увидимъ, осмѣлится-ли еще кто нибудь подозрѣвать меня! Если бъ наконецъ, по кознямъ Зильбурга, дѣло дошло до этого, то, благодаря Бога, мое оправданіе написано здѣсь его собственною рукою!

L.

Но баронъ, акуратный во всемъ, что касалось домашнихъ привычекъ, неявился къ завтраку въ назначенный часъ, и даже велѣлъ сказать дамамъ, черезъ своего секретаря, чтобы его не ждали, потому что важныя и спѣшныя дѣла удерживали его въ кабинетѣ. Это однако же была неправда, и Шарлота не была бы такъ спокойна, еслибъ знала настоящую причину, удержавшую барона. Онъ не былъ занятъ дѣлами. Не принимаясь за завтракъ, который прислала ему г-жа Шимельманъ, онъ скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и напрасно стараясь превозмочь свое волненіе. Лицо его, обыкновенно спокойное, выражало сильное огорченіе; отъ времени до времени вырывались у него восклицанія:

— Мерзавецъ!.. О, бѣдный мой Шредеръ? Кто бы могъ это подумать.... Такъ молода и ужъ такъ коварна!... Они все еще имѣютъ тайныя сношенія между собой!... Погоди, злодѣй! ты не посмѣешься безнаказанно надо мною!

По волненію и угрозамъ барона, можно было отчасти отгадать, что такъ сильно раздражало его и отчего въ это утро онъ избѣгалъ встрѣчи съ Шарлотой. Изъ теплицы, гдѣ баронъ кормилъ своихъ птицъ, онъ видѣлъ всю сцену Шарлоты съ маленькимъ нищимъ, видѣлъ, какъ онъ бросилъ ей письмо, какъ она подняла его, какъ послѣ минутнаго размышленія спрятала его за корсажъ своего платья. Шимельманъ, зная, что баронъ находится въ окрестностяхъ, увѣрился, что Шарлота знала о

его присутствіи, и подумалъ даже, что утренняя прогулка ея имѣла цѣлію получить ожидаемое письмо.

Рѣдко этотъ человѣкъ, столь опытный въ жизни, чувствовалъ себя такъ взволнованнымъ, какъ въ этотъ разъ. Старый философъ, искусный дипломатъ чуть было не потерялъ совершенно присутствія духа.

Сколько интригъ я проникнулъ, со сколькихъ лицемѣровъ сорвалъ личину! говорилъ онъ съ негодованіемъ, и теперь этотъ обезславленный человѣкъ, этотъ Зильбургъ, безнаказанно будетъ оспаривать у меня ту, которую я взялъ подъ свое покровительство, какъ родную дочь! Нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать, хотя бы эта безразсудная дѣвушка и была за одно съ этимъ злодѣемъ! Но Шарлота хитрѣе, чѣмъ я думалъ! Своимъ видомъ невинности и раскаянія она увѣрила всѣхъ, что одумалась совершенно! Нѣтъ, сударыня! я не согласенъ на это! Погодите, я буду покровительствовать вамъ, не смотря на васъ самихъ и на ваше неблагодарное сердце!.. Еслибъ только графиня была здѣсь!.. Она одна можетъ спасти насъ, потому что она одна имѣетъ въ рукахъ доказательства страшнаго злодѣйства этого человѣка, письма, въ которыхъ онъ старался оклеветать ее передъ мужемъ. Да, Ульрика раскроетъ Шарлотѣ такую правду, передъ которой всѣ ея романическія мечтанія должны будутъ исчезнуть. А я пока постараюсь выжить этого опаснаго гостя изъ окрестностей Вандзбека.

Только что онъ принялся за перо, чтобъ написать приставу свои приказанія, на дворъ замка въѣхала карета, и этотъ пріѣздъ заставилъ его отложить начатое дѣло. Онъ узналъ карету графини и поспѣшилъ сойти внизъ, чтобъ поздороваться съ Ульрикой и увѣдомить ее о настоящемъ положеніи дѣлъ; но баронесса Шимельманъ и обѣ ея дочери уже выбѣжали навстрѣчу гостьѣ, а вскорѣ за ними явилась и Шарлота, такъ, что баронъ опять долженъ былъ смолчать и скрыть свое неудовольствіе подъ видомъ свѣтской любезности.

Неожиданный пріѣздъ графини въ Вандзбекъ смутилъ Шарлоту болѣе, чѣмъ письмо Зильбурга. Видъ этой прелестной женщины, которую онъ описывалъ ей такими черными красками, пробудилъ всѣ грустныя ея воспоминанія. Она совершенно растерялась, когда г-жа Шимельманъ представила ее графинѣ и когда та, взявъ Шарлоту за руки, сказала ей съ выраженіемъ глубокаго чувства:

— О, какъ я счастлива, что встрѣчаю васъ здѣсь, посреди людей, на дружбу которыхъ мы имѣемъ совершенно одинаковыя права. Позвольте мнѣ видѣть въ этомъ счастливый признакъ того, что и сами мы будемъ соединены между собою дружбой такъ, прибавила она съ нерѣшимостью и глубокимъ чувствомъ, такъ, какъ кажется самъ Богъ назначилъ намъ быть дружными.

Эти ласковыя слова и намекъ, который дѣлала графиня на прежнія сношенія свои съ барономъ, до того поразили Шарлоту, что она не могла удержаться отъ слезъ и, не произнеся ни одного слова, бросилась рыдая въ объятія Ульрики.

— Да, Шарлота, да! здѣсь, въ этомъ сердцѣ вы найдете и помощь, и утѣшеніе, сказала ей вполголоса графиня, цѣлуя ее.

Тутъ Шимельманъ, вспомнивъ подозрѣнія свои на счетъ тайныхъ сношеній Шарлоты съ Зильбургомъ, оставилъ общество, чтобъ пойти въ свой кабинетъ. Онъ сказалъ графинѣ, что идетъ приготовить все касающееся до ея дѣла.

— Я надѣюсь, прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на Шарлоту, что вы наконецъ найдете это дѣло устроеннымъ, какъ вы желали. Какъ аккуратный стряпчій, я расположилъ все такъ, чтобъ вы могли тотчасъ съ нимъ ознакомиться; въ моемъ кабинетѣ я къ вашимъ услугамъ.

Ульрика угадала мысль барона и сказала со вздохомъ:

— О, этотъ несчастный процессъ!...

Черезъ часъ она обѣщала явиться въ кабинетъ барона.

LI.

Зильбургъ ждалъ, сидя въ своемъ трактирѣ, благопріятнаго отвѣта на свое письмо. Нетерпѣніе его росло съ часу на часъ. Время уходило, а Шарлота не подавала о себѣ никакого извѣстія. Онъ зналъ навѣрное, что письмо отдано ей въ руки; но положеніе его было такъ отчаянно, что онъ поневолѣ начиналъ чувствовать въ душѣ тысячу сомнѣній, когда дѣло дошло до послѣдней, рѣшительной попытки къ спасенію.

Иногда ему казалось, что она благосклонно выслушаетъ его и придетъ на свиданіе въ сосѣднюю рощу. Онъ употребилъ всѣ старанія, чтобъ убѣдить ее въ своей любви и раскаяніи; потомъ онъ терялъ всякую надежду, вспоминая, какъ обманулъ это благородное сердце, какъ во зло употребилъ великодушное ея довѣріе. Если Шарлота не совершенно ослѣплена на его счетъ, то одинъ взглядъ на прошедшее долженъ предостеречь ее противъ него; тогда онъ погибъ безвозвратно! Только полное и неоспо-

римое обладаніе Шарлотой могло защитить его противъ обвиненій, которыя должны были погубить всю его будущность!... И кто знаетъ что еще можетъ обнаружить слѣдствіе, составленное для разсмотрѣнія прошлой его жизни...

Такъ считалъ онъ часы и минуты до самаго вечера, сидя у маленькаго, узкаго окна, изъ котораго наблюдалъ за всѣмъ, что могло казаться ему добрымъ или недобрымъ признакомъ. Наконецъ солнце стало садиться; красные лучи его освѣтили багровымъ свѣтомъ лѣсъ и поле. Работники возвращались съ полей въ городъ или на свои мызы. Въ ближней рощѣ, той самой, гдѣ должна была рѣшиться участь маіора, раздавался голосъ кукушки... Вдругъ хозяйскій мальчикъ, тотъ самый, который такъ ловко исполнилъ порученіе Зильбурга, прибѣжалъ увѣдомить его, что двѣ дамы вышли изъ парка и идутъ по направленію къ рощѣ.

— Это она безъ сомнѣнія! вскричалъ Зильбургъ въ восторгѣ. Развѣ женщина можетъ утерпѣть, чтобъ не повѣрить хоть кому-нибудь свою тайну! Побѣда! Шлезвигскіе господа могутъ обвинять меня теперь сколько имъ угодно! Шарлота будетъ моимъ адвокатомъ, противъ котораго ни этотъ сѣдой дипломатъ, ни герцогъ, ни весь судъ ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать.

Зильбургъ не долго тѣшился этой хвастливой выходкой. Въ ту самую минуту, когда онъ выходилъ изъ трактира, чтобъ бѣжать въ рощу, въ дверяхъ встрѣтился ему какой-то старый господинъ, сопровождаемый Голштинскими драгунами, которые загородили ему дорогу, а старый господинъ, съ холодной учтивостью просилъ объяснить ему пребываніе маіора въ этомъ мѣстѣ.

— Кто вы, милостивый государь, что осмѣливаетесь дѣлать мнѣ подобный вопросъ? вскричалъ баронъ, смѣшавшись, но все-таки съ обычнымъ нахальствомъ и запальчивостью.

— Я Вандзбекскій приставъ, отвѣчалъ старикъ, а худая слава этого дома, и моя должность даютъ мнѣ право просить васъ объявить мнѣ ваше имя.

— Что вамъ за дѣло до моего имени? вскричалъ снова Зильбургъ, которому становилось что-то не ловко. Вчера я выѣхалъ изъ Гамбурга верхомъ, чтобъ прогуляться; мнѣ вздумалось переночевать здѣсь, и черезъ часъ я возвращаюсь въ городъ.

— Но не прежде, чѣмъ скажете мнѣ свое имя и званіе и дадите удовлетворительныя объясненія на счетъ себя, отвѣчалъ

съ силою старый приставъ, бросивъ въ тоже время значительный взглядъ на своихъ драгуновъ. Этотъ господинъ, сказалъ онъ сухимъ, безстрастнымъ голосомъ, какъ будто бы дѣло шло о самомъ простомъ полицейскомъ дѣлѣ, этотъ господинъ не выйдетъ изъ этого дома, пока не докажетъ своей невинности. Кто бы вы ни были, продолжалъ онъ, обращаясь къ Зильбургу, вы должны уважать во мнѣ власть. Уже два раза я ловилъ мошенниковъ въ этомъ трактирѣ, и такъ рѣшайтесь объяснить мнѣ теперь же, кто вы и что привело васъ сюда — или я долженъ буду отправить васъ въ Вандзбекскую тюрьму, чтобъ приступить къ дальнѣйшимъ разысканіямъ.

— Милостивый государь, я дворянинъ! пробормоталъ баронъ, который понималъ все болѣе и болѣе опасность своего положенія.

— Если вы дворянинъ въ самомъ дѣлѣ, то и докажете это.

— Я королевскій офицеръ!

— Я тѣмъ болѣе буду сожалѣть, если вы не убѣдите меня въ этомъ, отвѣчалъ снова приставъ, съ страшнымъ равнодушіемъ. До сихъ поръ все, что я вижу и слышу, говоритъ не въ вашу пользу. Дворянинъ не остается ночевать въ кабакѣ, хозяинъ котораго уже нѣсколько разъ былъ остановленъ за то, что скрываетъ у себя мошенниковъ, а королевскому офицеру не нужно, особенно въ томъ положеніи, въ которомъ вы находитесь, скрывать свое имя предъ мѣстными властями.

— Поѣзжайте со мною въ Гамбургъ, тамъ вы получите отъ меня всѣ объясненія.

— Вы забываете, что моя обязанность не спростирается далѣе предѣловъ Голштиніи.

Зильбургъ замолчалъ, но его видъ, осанка, ясно доказывали достаточно его бѣшенство и смущеніе. Быть такъ близко къ цѣли и потерять нетолько всякую надежду завладѣть Шарлотой, но самому подвергаться публичному оскорбленію чрезъ усердіе незначущаго полицейскаго чиновника, если онъ не успѣетъ оправдать свое пребываніе въ этомъ подозрительномъ кабакѣ. Подумавъ минуту, онъ рѣшился испытать, нѣтъ ли хоть искры романическаго чувства въ строгомъ судьѣ! Онъ отвелъ его въ сторону и признался ему, что любовная интрига съ дѣвушкой очень хорошаго дома, которой онъ назначилъ свиданіе, была единственной причиной пребыванія его въ этомъ кабакѣ.— Начальство не заботится объ вашихъ секретныхъ дѣлахъ, милостивый государь! ему нуженъ только вашъ паспортъ, отвѣ-

чалъ приставъ, каждая черта лица котораго казалась живой строкой изъ закона. Однакожъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, пристально глядя на барона, здѣсь въ окрестностяхъ живетъ много знатныхъ господъ. Какъ дворянинъ, вы вѣрно знаете хоть кого-нибудь изъ живущихъ здѣсь по сосѣдству.

Былъ ли Зильбургъ смущенъ этимъ вопросомъ, или не зналъ, на что ему рѣшиться, но онъ растерялся и пришелъ въ припадокъ совершеннаго бѣшенства. Онъ ругался, проклиналъ, топалъ ногами и забылся до того, что наговорилъ въ глаза приставу такихъ вещей, которыхъ бы тотъ вѣроятно не снесъ отъ него во всякомъ другомъ случаѣ. Тутъ онъ остался совершенно спокойнымъ, далъ барону разразиться, какъ ему было угодно, не перемѣнился даже въ лицѣ, словомъ, велъ себя, какъ человѣкъ, котораго ни грубости, ни лесть не могли заставить дѣйствовать противузаконно, и когда Зильбургъ сказалъ, что не позволитъ обойтись съ собою, какъ съ обыкновеннымъ преступникомъ, старый приставъ очень учтиво отвѣчалъ ему, что никто и не думаетъ объ этомъ; что ему стоитъ только сказать свое имя и онъ будетъ воленъ возвратиться въ Гамбургъ.

— Я баронъ Зильбургъ, маіоръ королевской службы и надѣюсь имѣть довольно вѣса и вліянія, чтобъ на вашу бѣду доказать вамъ это.

— Я совершенно удовлетворенъ, отвѣчалъ приставъ съ видомъ холодной ироніи, который составлялъ такую разительную противоположность съ бѣшеной злобой, съ какой Зильбургъ сказалъ свое имя, что маіоръ не могъ не догадаться, кто далъ ему этотъ урокъ.

Онъ понялъ, кто подъ видомъ пристава такъ заботится объ его особѣ, о причинѣ пребыванія его въ этомъ трактирѣ и разрушаетъ весь планъ его въ ту минуту, когда онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ. Вмѣсто свиданія съ Шарлотой, вышло свиданіе съ Голштинскими драгунами, и это приключеніе было для Зильбурга предвкусіемъ того, что ожидало его въ Шлезвигѣ, если ему не удастся удовлетворить судей лучше, чѣмъ въ Вандзбекской харчевнѣ.

Онъ не могъ сомнѣваться болѣе, покровитель Шарлоты вырвалъ у него орудіе изъ рукъ! вскорѣ онъ могъ совершенно убѣдиться въ этомъ. Проѣзжая на всемъ скаку по дорогѣ, ведущей въ Гамбургъ, онъ повстрѣчалъ двухъ дамъ, которыя ѣхали въ открытой коляскѣ. Едва взглянулъ онъ на нихъ, какъ понялъ,

что вся надежда для него пропала. Въ коляскѣ, подлѣ графини Линденкронъ, сидѣла Шарлота, сіявшая спокойствіемъ и тихою радостью. И такъ, не смотря на смерть, пуля, пущенная рукою оскорбленнаго супруга въ сердце изверга, достигла своей цѣли.

И та и другая узнали его. Это явленіе продолжалось одно мгновеніе, пока бѣшеный ѣздокъ промчался мимо нихъ, но этого было достаточно, чтобъ соединить души этихъ двухъ женщинъ и привести ихъ къ полной откровенности. Тогда въ первый разъ произнесли онѣ имя Зильбурга.

— Да, это онъ! сказала Ульрика, и взоръ ея омрачился. Онъ, единственный человѣкъ въ мірѣ, котораго бы я могла ненавидѣть, еслибъ онъ былъ не такъ низокъ, не такъ развратенъ — что я чувствую къ нему болѣе жалости, чѣмъ ненависти. Да, Шарлота, есть безъ сомнѣнія люди, которые дѣлаютъ столько зла, столько низостей, что нѣтъ мѣры, нѣтъ возможности къ ихъ осужденію, и Зильбургъ принадлежитъ къ этимъ испорченнымъ натурамъ. Я знаю сколько онъ заставилъ васъ страдать; я узнала отъ нашего добраго Клопштока всю повѣсть вашей любви къ этому человѣку, который разрушилъ миръ вашей души. Дайте мнѣ вашу руку, Шарлота и скажите, точно ли вы навсегда разошлись съ барономъ, какъ это всѣ предполагаютъ, или вы все еще втайнѣ привязаны къ нему и все еще твердой ногою идете къ своей погибели?... Вы молчите?... Вы блѣднѣете?... Слушайте же, что я скажу вамъ!... Я то же любила, я обожала этого человѣка; но, благодаря Бога, — во-время узнала, что онъ такое и могла еще сохранить свою невинность и добродѣтель!

— О, Боже, какое мнѣніе имѣете вы обо мнѣ, графиня! вскричала Шарлота, сильно взволнованная послѣдними словами Ульрики. Неужели можете вы думать, что я могу еще любить человѣка, который такъ глубоко оскорбилъ меня! Нѣтъ, нѣтъ! между имъ и мной все кончено; я чувствую къ нему столько же отвращенія, какъ и вы.... Между имъ и мной не существуетъ болѣе никакихъ сношеній, клянусь вамъ, графиня, всѣмъ, что есть святаго!...

— Но чего же ищетъ здѣсь баронъ? сказала Ульрика, послѣ минутнаго молчанія, глядя на Шарлоту съ видомъ сомнѣнія и безпокойства.

— Могу ли я запретить ему преслѣдовать, мучить меня, вскричали несчастная дѣвушка, которая при этомъ несправедли-

вомъ подозрѣніи залилась слезами. Вотъ наказаніе за мое ослѣпленіе. При каждой новой выходкѣ этого безумца, обвиняютъ меня, потому что подозрѣніе лежитъ на мнѣ!...

— Не называйте подозрѣніемъ участія, любви къ вамъ, бѣдное дитя мое, сказала съ нѣжностью графиня, однакожъ не совсѣмъ еще довѣряя правдивости Шарлоты, потому что г. Шимельманъ разсказалъ ей всю сцену съ маленькимъ нищимъ и сообщилъ ей вполнѣ опасенія.

— Любовь наблюдаетъ за мною? вскричала съ горечью Шарлота, полная чувства своей невинности. Нѣтъ, любовь не замучиваетъ до смерти жестокимъ недовѣріемъ сердца и безъ того уже разбитаго, не сдѣлаетъ ему казни изъ собственнаго раскаянія!... Дома, между своими, тамъ, гдѣ такъ долго не понимали меня, я не могла ожидать ничего другаго, и терпѣливо сносила то, чего уже не могла перемѣнить и что отчасти я заслуживала; но здѣсь, гдѣ я не сдѣлала ничего предосудительнаго, гдѣ еще сегодня утромъ я имѣла самыя лучшія намѣренія—подобное подозрѣніе мнѣ невыносимо! Я лучше хочу возвратиться сегодня же въ Гамбургъ, чѣмъ видѣть себя непонятою людьми, которые оказывали мнѣ столько дружбы! Эта мысль привела Шарлоту въ такое отчаяніе, что графиня должна была употребить все свое краснорѣчіе, чтобъ успокоить ее. Когда она нѣсколько успѣла въ этомъ, то сказала Шарлотѣ:

— Выйдемъ изъ коляски и пойдемте пѣшкомъ назадъ въ замокъ. Вечеръ такъ хорошъ, такъ располагаетъ къ душевнымъ изліяніямъ. Я хочу, чтобъ вы узнали также мою исторію съ баромъ, тогда вы поймете, отчего я трепещу за васъ.

Онѣ вышли изъ коляски и, рука объ руку шли нѣсколько времени молча по темнымъ аллеямъ. Графиня была сама такъ потрясена послѣднимъ разговоромъ, что ей хотѣлось успокоиться и собраться съ духомъ, прежде, чѣмъ начать печальный разсказъ грустной, ужасной повѣсти своей любви.

Наконецъ она сказала: мнѣ кажется, большей части женщинъ предназначено узнать себя тогда уже, когда поздно для нихъ воспользоваться опытомъ и основать на немъ болѣе прочное счастіе. Любовь очаровываетъ насъ въ особенности своей поэзіей, наша чистая душа съ наслажденіемъ вслушивается въ ея сладкій голосъ. Каждое страданіе, каждая жертва усиливая наше увлеченіе, усиливаетъ и вѣру нашу въ него. Мы закрываемъ глаза и не хотимъ видѣть ничтожности предмета, изъ

котораго сердце наше создаетъ себѣ кумиръ. Въ ослѣпленіи преданности и счастія, мы не видимъ тщеславія, холоднаго эгоизма, съ какими идолъ нашего сердца принимаетъ нашу любовь, какъ должную дань и смѣется втайнѣ надъ нашимъ увлеченіемъ, которое не имѣетъ для него другой цѣны, другаго значенія, какъ видѣть, что мы безъ сопротивленія склоняемся предъ ихъ волею. Ему самому едва ли нужно обманывать насъ—наше собственное, слѣпое чувство уже сдѣлало это и безъ него!.. И вотъ, милая Шарлота, положеніе, въ которомъ я находилась противъ барона, въ то время, когда была еще очень молода. Я разскажу вамъ все.

Съ этими словами она посадила ее на скамью въ углубленіи, которое образовала тутъ зеленая аллея. Тутъ-то Шарлота въ первый разъ услышала полное объясненіе, неоспоримое, на счетъ характера маіора Зильбурга, и это отъ женщины, которую онъ обманулъ, оскорбилъ еще болѣе, чѣмъ ее самое. Страшнымъ свѣтомъ озарилось тогда ея сердце! Еще ужаснѣе показалось ей тогда ея собственная участь. Она не могла уже не вѣрить низости, жестокости того, въ комъ такъ долго видѣла образецъ совершенства, въ руки котораго отдала свое счастіе, свою честь. Она вѣрила его клятвамъ; она испытала близъ него все невыразимое счастіе нѣжной любви... А теперь какой ужасъ раскрывался передъ нею!... Какая бездна злодѣяній!... Что значили упреки, предостереженія, которыми мать, сестра, братъ, друзья и даже общій голосъ народа старались вывести ее изъ пагубнаго заблужденія; что была измѣна Зильбурга въ сравненіи съ тѣмъ изображеніемъ, которое начертала передъ нею графиня такими ужасными красками—и это было изображеніе того человѣка, къ которому (она сознавалась въ этомъ) чувствовала когда-то еще болѣе любви и довѣрія, чѣмъ теперь могла чувствовать ненависти и презрѣнія!... Но что болѣе всего смущало Шарлоту, это былъ не страхъ, который внушалъ ей Зильбургъ, но ея собственное сердце Послѣ такого заблужденія, могла ли она еще вѣрить чему нибудь? Что предохранитъ ее въ будущемъ отъ подобныхъ заблужденій, если такая любовь не находила даже въ самой себѣ оправданія? Это былъ роковой часъ для молодой жизни ея. У нее отнимали не только вѣру въ того, котораго она любила, но и вѣру въ самую любовь....

Была уже ночь, когда Ульрика кончила свой разсказъ; луна свѣтила сквозь вѣтви деревъ; журчанье ручьевъ и шумъ фонта-

новъ одни нарушали безмолвіе ночи. Шарлота, закрывъ глаза, лежала на груди графини, которая обнявъ ее, ожидала, чтобъ впечатлѣніе, произведенное ея разсказомъ, изгладилось немного. Ульрика была вполнѣ убѣждена, что минута полнаго исцѣленія наступала для бѣдной дѣвушки.

Но когда Шарлота, пробудясь какъ бы отъ сна, подняла голову, и проведя рукою по лбу, остановила на графинѣ мутный, неподвижный взглядъ, та онѣмѣла отъ ужаса, увидя ея блѣдность и разстроенное состояніе. Она походила на бѣлую мраморную статую, которая смотрѣла мертвыми глазами.

— Благодарю васъ... Воротимся въ замокъ... Мнѣ холодно...»

Шарлота не могла сказать ничего болѣе. Она встала и, дрожа всѣмъ тѣломъ, завернулась въ шаль.

— Примите разсказъ моей несчастной любви какъ предостереженіе вашего добраго ангела, сказала Ульрика, которая уже начинала бояться, что высказала болѣе, чѣмъ могла перенести Шарлота. Наше счастье, что мы встрѣтились! Я хоть разъ могла высказать все, что лежало у меня на душѣ, а вы можете извлечь пользу изъ того, что слышали. Я покажу вамъ также письма, въ которыхъ этотъ злодѣй хотѣлъ очернить меня, отнять у меня любовь Артура, даже въ послѣднія минуты его жизни. Эти письма такъ полны адской хитрости, что я сравниваю ихъ съ смертельнымъ ядомъ, который убиваетъ медленно, но на вѣрное. Хотите прочесть завтра эти письма, Шарлота? Кто знаетъ какую услугу онѣ еще могутъ оказать вамъ?

Мнѣ? проговорила едва внятно Шарлота. Эти письма не могутъ уже оказать мнѣ никакой услуги!... Мнѣ достаточно знать вполнѣ мое странное заблужденіе... О, Боже мой, Боже! какъ перенесу я это испытаніе?

— Не принимайте слишкомъ къ сердцу все это, Шарлота, сказала Ульрика, все болѣе и болѣе пугаясь. Мы должны переносить испытанія съ надеждою на Бога и не отчаиваясь въ своихъ силахъ. Вы молоды: для васъ жизнь только еще начинается; повѣрьте мнѣ, другъ мой, эти испытанія, перенесенныя въ молодости, избавляютъ насъ въ послѣдствіи отъ многихъ слезъ. Оправьтесь, Шарлота, чтобъ друзья наши не обезпокоились, увидя васъ!

Но это увѣщаніе графини было напрасно. Шарлота весь вечеръ была молчалива, печальна, какъ бы чужда всего, что дѣлалось вокругъ нея. Взглядъ ея былъ неподвиженъ; она ничего

не хотѣла ѣсть, и скоро ушла въ свою комнату. Эрменгарда, которая чрезъ нѣсколько времени пошла провѣдать ее, воротилась и сказала, что нашла ее спящею.

Старый баронъ все еще сомнѣвался въ томъ, что было причиной болѣзненнаго состоянія дѣвушки, открытіе ли графини, или неудавшееся свиданіе съ Зильбургомъ.

Ульрика чувствовала тоже сомнѣніе. Шимельманъ объявилъ, что въ этотъ день его довѣріе къ Шарлотѣ получило сильный толчокъ. Когда дочери его удалились, онъ прибавилъ:

— Подождемъ еще три дня, тогда увидимъ что будетъ изъ всего этого. Увидимъ откроютъ ли глаза Шарлотѣ совѣты графини. Если же нѣтъ, я возвращу ее роднымъ, потому что, какъ ни грустно мнѣ сказать это, но мы не должны знакомить дочерей нашихъ съ подобными заблужденіями.

Баронесса ничего не могла возразить на это замѣчаніе; но Ульрика объявила, что готова взять подъ свое покровительство и увезти съ собою въ Гамбургъ бѣдную Шарлоту.

— Вы хотѣли исцѣлить ее и кажется ранили смертельно! сказала графиня. Мать, сестра и братъ ея можетъ быть люди очень почтенные, но они никогда не умѣли понять ее! Это больное сердце, обманутое въ лучшихъ стремленіяхъ своихъ. Дайте этому бѣдному полуувядшему цвѣтку землю, солнце, и онъ снова весело подниметъ свою свѣжую головку. О, еслибъ съ помощію Бога это могло быть моимъ дѣломъ, моимъ счастіемъ!

Баронъ въ тотъ же вечеръ узналъ отъ трактирщика, что письмо, отданное тайкомъ мальчикомъ барышнѣ, живущей въ замкѣ, было точно написано незнакомцемъ. Эти справки не могли уменьшить подозрѣній Шимельмана. Самъ маіоръ даже признался приставу, что пріѣхалъ на свиданіе, и потому недоразумѣніе, ошибка казались невозможными. Шимельманъ счелъ себя обязаннымъ написать обо всемъ Шредеру и старался намеками дать ему понять, что онъ не надѣется болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ быть полезнымъ Шарлотѣ и охранить ее отъ *оболь*стителя, но что графиня Линденкронъ предлагаетъ взять ее на время къ себѣ въ Гамбургъ.

Шредеръ получилъ это письмо послѣ обѣда, въ театрѣ, во время репетиціи новаго балета. Увидя, что онъ перемѣнился въ лицѣ во время чтенія, Доротея догадалась, что дѣло идетъ о Шарлотѣ. Шредеръ молча передалъ ей письмо и сдѣлалъ знакъ, чтобъ она прочла его безъ свидѣтелей; потомъ онъ снова при-

нялся за репитицію пьесы, но всѣ присутствующіе замѣтили, что директоръ сильно взволнованъ. Послѣ репетиціи онъ пошелъ прямо къ Доротеѣ: молодая дѣвушка была въ слезахъ. Тогда между братомъ и сестрой началась трогательная сцена. Шредеръ объявилъ, что въ тотъ же день поѣдетъ въ Вандзбекъ за Шарлотой. Доротея умоляла пощадить бѣдную сестру, увѣряя, что очень могло быть, что Зильбургъ пріѣхалъ туда безъ ея вѣдома.

— Чего еще надобно! вскричалъ съ запальчивостью Шредеръ: она получила его письмо, а потомъ осмѣлилась лгать той благородной женщинѣ, которая принимаетъ въ ней такое живое участіе; она увѣряетъ ее, что не знала о присутствіи барона!.. Это худыя отговорки, и я не понимаю, какъ можешь ты защищать столько хитрости и обмана!.. Довольно состраданія, довольно терпѣнія... Если она могла рѣшиться на такой поступокъ, я не вѣрю ни ея раскаянію, ни чистотѣ намѣреній. Я хочу держать ее у себя, а не у графини или у кого бы то ни было! Но подожди! черезъ нѣсколько дней мы даемъ Клавиго, я сегодня же хочу разыграть съ этимъ новымъ Клавиго сцену, въ которой Бомарше объясняется съ обольстителемъ въ собственномъ его домѣ... Шляпу.. трость... мою лучшую испанскую трость!..

— Ради Бога, что ты хочешь дѣлать, Фридрихъ? вскричала Доротея, стараясь остановить его. Ты хочешь силою войти къ Зильбургу? Вспомни, что у него есть оружіе, и что главное желаніе его заключается въ томъ, чтобъ ты въ минуту вспыльчивости и увлеченія, покусился противъ него на какой-нибудь необдуманный поступокъ. Это средство не избавитъ насъ отъ этого человѣка!..

— Ты права, Доротея, отвѣчалъ Шредеръ, у котораго разсудокъ взялъ верхъ надъ вспыльчивостью. Не должно поступать неосмотрительно и въ особенности съ этимъ низкимъ человѣкомъ.

Посреди разговора Шредера и Доротеи, кто-то сильно постучался въ дверь; это былъ запыхавшійся Крейсинеттеръ. Онъ принесъ брату и сестрѣ страшную вѣсть, что Шарлота пришла пѣшкомъ изъ Вандзбека и въ такомъ бѣдственномъ состояніи, которое внушало самые сильныя опасенія. Ее уложили въ постель, и г-жа Аккерманъ просила Доротею и Шредера придти какъ можно скорѣе домой.

— Боже мой, неужели насталъ уже послѣдній актъ? вскричалъ Шредеръ, пораженный этою новостью.

Никто не узналъ отъ Шарлоты причины ея бѣгства. Мы знаемъ только, что все случившееся наканунѣ въ Вандзбекѣ нанесло ей слишкомъ сильный ударъ; это было выше силъ ея.

Разсказъ Ульрики разбилъ ея сердце; то, чѣмъ думали спасти—убило ее. Свѣтъ, брошенный графинею на жизнь Зильбурга, зажегъ погребальный факелъ Шарлоты.

Никто въ замкѣ не зналъ о ея тайномъ уходѣ; только когда по прошествіи нѣсколькихъ часовъ она не воротилась съ дорожной прогулки въ паркѣ, стали опасаться и послали искать ее по всѣмъ окрестностямъ, но напрасно. Никто не узналъ отъ нее ничего; когда докторъ пріѣхалъ, она была уже безъ памяти, въ жару страшной горячки, и Унгеръ объявилъ, что она не переживетъ ночь.

Въ платьѣ ея нашли нераспечатанное письмо Зильбурга—послѣднее доказательство ея невинности.

Около пяти часовъ, когда баронъ, жена его и графиня пріѣхали въ Гамбургъ, Шарлота была уже въ предсмертномъ томленіи, но только въ полночь скончалась тихо, на груди старой баронессы. На утро 10 мая, отъ Шарлоты Аккерманъ, великой артистки, оставался только трупъ съ спокойною улыбкой и безсмертное имя въ лѣтописяхъ нѣмецкаго театра.

Это былъ траурный день для всего Гамбурга; мы читаемъ, что даже на биржѣ въ этотъ день дѣла были остановлены. Тысячи людей отправлялись на Крейенкампъ, чтобъ взглянуть на тотъ домъ, гдѣ *она* умерла. Около полудня толпы народа съ угрозами собрались передъ Кейзергофскимъ трактиромъ; вездѣ слышались крики и проклятія противъ Зильбурга. Стоило большаго труда удержать народъ, который хотѣлъ бросать камнями въ окна его квартиры, не смотря на увѣренія трактирщика, что маіоръ уѣхалъ еще рано утромъ.

Никогда не видали его болѣе въ Гамбургѣ, и никто не знаетъ, что сталось съ нимъ въ послѣдствіи. Тѣло Шарлоты, по обычаю, было положено въ открытомъ гробѣ. Толпа людей всякаго званія, которые хотѣли отдать ей послѣдній долгъ и еще разъ взглянуть на нее, была такъ велика, что надо было поставить солдатъ, чтобъ сохранить порядокъ передъ домомъ. Комната, гдѣ стояло тѣло, была безпрерывно наполнена новыми печальными посѣтителями; гробъ осыпали цвѣтами; каждый хотѣлъ имѣть на память волосы Шарлоты. Видъ покойницы, одѣтой въ бѣлое платье, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, заставлялъ ры-

дать самыхъ холодныхъ зрителей. Каждый, взглянувъ на нее, понималъ, что она умерла съ чистымъ сердцемъ. Артистка еще въ самой смерти, она казалась въ гробѣ Эмиліей Галотти или Маріей Бомарше...

Въ день погребенія, сожалѣніе и горе дошли до высшей степени. Тѣло за ночь было перенесено на театральный дворъ, и оттуда въ воскресенье, 14 мая, отвезено, въ семь часовъ вечера на колесницѣ, убранной цвѣтами и миртовыми вѣнками, въ церковь Святаго Петра. Улицы, по которымъ везли ее, кладбище, церковь, все было наполнено зрителями, одѣтыми большею частію въ траурныя платья. При входѣ въ церковь, близкіе друзья, артисты и нѣкоторые изъ почетныхъ членовъ совѣта, взяли гробъ и понесли его въ могилу.

Брокманъ сказалъ надгробное слово.

На гробовой доскѣ были написаны слѣдующія простыя слова:

Все здѣсь на землѣ исчезаетъ,
Вся жизнь — сновидѣнье одно.
Свой путь вполовину я совершила,
Но въ смерти надежда живетъ:
Посѣва зерно погибаетъ,
Но жатвы приходитъ пора.

III.

КРАСНОКОЖІЕ.

—

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

I.

Имя Филиппа Поканокетъ было ужасомъ между колонистами Массачусета и Коннектикута. Филиппъ отличался между всѣми начальниками, управлявшими некодами, наррангасетами, вампаногами и другими восточными племенами индійцевъ въ Сѣверной Америкѣ.

«Всѣ эти люди, достойные эпической эпохи, говоритъ Вашингтонъ-Ирвингъ, едва оставили по себѣ нѣсколько чертъ на страницахъ нашихъ лѣтописей, между-тѣмъ они мелькаютъ какъ исполинскія тѣни посреди сумрака преданій.»

Когда «пилигримы», — такъ называли первыхъ колонистовъ, высадившихся въ Плимутъ,—прибыли къ берегамъ Новаго Свѣта, положеніе ихъ было весьма незавидное и вскорѣ сдѣлалось почти отчаяннымъ. Окруженные враждебными племенами индійцевъ, они терпѣли голодъ и гибли отъ болѣзней. Но религіозный энтузіазмъ ихъ поддерживалъ и они мужественно переносили всѣ бѣдствія. Въ этомъ критическомъ положеніи посѣтилъ ихъ Массассуа, могущественный начальникъ вампаноговъ. Вмѣсто того чтобъ пользоваться слабостію пришельцевъ и выгнать ихъ изъ земель своихъ, Массассуа заключилъ съ ними дружественный договоръ, продалъ имъ земли и обѣщалъ помощь и покровительство.

Массассуа имѣлъ двухъ сыновей и желалъ дать имъ имена европейскія, перваго назвалъ Александромъ, втораго Филиппомъ.

Чувствуя приближеніе смерти, онъ прибылъ въ Плимутъ, чтобъ упрочить дружескія сношенія между колонистами и своимъ наслѣдникомъ. Онъ желалъ одного, чтобъ колонисты не дѣлали попытокъ къ отвлеченію индійцевъ отъ прежней ихъ вѣры и обычаевъ.

По смерти Массассуа, Александръ пылкій и надменный не ужился съ колонистами, которые обвиняли его въ заговорѣ съ наррангасетами лишить купленныхъ ими у индійцевъ земель. Послѣ нѣсколькихъ непріязненныхъ дѣйствій, колонисты успѣли захватить Александра, чтобъ предать его своему суду. Однажды, когда онъ отдыхалъ въ лѣсу, утомленный охотою, англичане взяли его въ плѣнъ. Такой вѣроломный поступокъ до того раздражилъ Александра, что съ нимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго онъ скоропостижно умеръ.

Братъ его Филиппъ, называвшійся по-индійски Ме-та-мо-сетъ, наслѣдовалъ ему. Воинственный духъ этого дикаря и необыкновенная отважность усвоили ему названіе: «Короля Филиппа». Этотъ начальникъ и прежде не одобрялъ миролюбиваго расположенія отца своего къ бѣлымъ. Получивъ власть, онъ обнаружилъ давно-питаемую имъ злобу къ пришельцамъ; Филиппъ объявилъ своимъ соплеменникамъ, что всѣ договоры отца его съ колонистами ничтожны; что прежде пришествія англичанъ, вся земля принадлежала индійцамъ, и онъ намѣренъ ее отъ нихъ отнять. Впрочемъ, прибавлялъ онъ, «англичане должны еще разсчитаться со мною за смерть моего брата.»

Филиппъ прибѣгнулъ къ такимъ же хитростямъ, какъ и Понтіакъ. Онъ сначала показывалъ видъ, что желаетъ жить съ европейцами въ мирѣ и согласіи и, перенеся свое жилище въ Поканокетъ (*), главную деревню своего племени, предложилъ англичанамъ заключить съ нимъ дружественный договоръ. Это была одна хитрость; цѣль Филиппа состояла въ томъ, чтобъ выиграть время и въ удобное время начать войну.

Въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ этой политической комедіи, Филиппъ пробовалъ, подъ чужимъ именемъ, дѣлать набѣги, которые строго наказывались колонистами. Филиппъ всякій

* Близъ этой деревни существуетъ нынѣ городъ Бристоль.

разъ возобновлялъ увѣренія въ своей дружбѣ и подписывалъ новые договоры, на другой же день нарушаемые. Такой порядокъ вещей служилъ какъ нельзя лучше его планамъ.

II.

Но такое лукавство, какъ ни слѣпы были колонисты, не могло долго продолжаться.

Между вампаногами, одинъ индіецъ, по имени Джонъ Сассамонъ, воспитанъ былъ кембриджскими колонистами, и потомъ получилъ двойную должность миссіонера и школьнаго учителя, чтобъ сдѣлать между индійцами прозелитовъ.

Сассамонъ былъ человѣкъ не глупый и ловкій. Но цивилизація не подѣйствовала на него благодѣтельно. Сердце его еще болѣе развратилось и Сассамонъ не нашелъ ничего лучше какъ разыгрывать двойную роль: обманывать своихъ и чужихъ.

Воспитаніе произвело на него дѣйствіе хмѣльнаго напитка, слишкомъ крѣпкаго для его головы, не вмѣщающей здравыхъ идей. Сассамонъ заразился исполинскимъ самолюбіемъ. Во-первыхъ должность миссіонера и школьнаго учителя ему показалась двойной синекурой,—потому-что онъ не обратилъ въ христіанство ни одного индійца и никого ни чему не выучилъ;—потомъ, отъ скуки, перешелъ онъ къ зависти и задалъ себѣ вопросъ: почему бы ему не быть главою своего племени, тогда какъ онъ послѣдняя спица въ колесницѣ. Сассамонъ рѣшился взять приступомъ высокое званіе, столь свойственное его генію. Прежде всего онъ втерся въ милость къ Филиппу, сдѣлался его секретаремъ (настоящимъ секретаремъ, какъ водится и у просвѣщенныхъ начальниковъ) и задушевнымъ совѣтникомъ. Но, однажды, замѣтивъ, что впалъ въ немилость, пошелъ прямехонько въ Плимутъ и открылъ всѣ замыслы Филиппа, который, по принятымъ вдругъ противъ него предосторожностямъ, догадался объ измѣнѣ.

Дикари не имѣютъ въ своемъ распоряженіи всѣхъ ресурсовъ, которыми пользуются народы просвѣщенные. Когда нужно мстить, они идутъ прямо къ цѣли. Филиппъ хотя былъ и политикъ, но въ настоящемъ случаѣ долго не размышлялъ, и чрезъ восемь дней послѣ доноса, нашли трупъ несчастнаго Сассамона, пораженнаго ножемъ и прикрытаго снѣгомъ. Трое индійцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ другомъ Филиппа, были взяты, уличены въ преступленіи и казнены въ Плимутѣ.

Филиппъ, настоящій виновникъ этого убійства, боясь что, рано или поздно, подвергнется суду европейцевъ, рѣшился объявить имъ войну. Онъ отослалъ всѣхъ женъ и дѣтей въ деревню союзниковъ своихъ наррангасетовъ и, окруживъ себя многочисленною стражею, выжидалъ удобнаго случая для явнаго разрыва. Случай не замедлилъ представиться. Одинъ индіецъ убитъ былъ изъ ружья колонистомъ, за ночную въ жилищѣ его кражу. На другой день семеро англичанъ поплатились жизнью и трупы ихъ валялись около домовъ, объятыхъ пламенемъ.

Тогда-то началась (24 іюня 1765) знаменитая война, извѣстная въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ подъ названіемъ: «Война короля Филиппа.» Начало ея было ужасное. Индійцы и колонисты не довольствуясь убійственнымъ оружіемъ, прибѣгали къ зажигательству. Въ-самомъ-дѣлѣ, каждое нападеніе, каждая побѣда оканчивалась страшнымъ пожаромъ въ индійской деревнѣ или англійскомъ городѣ, и сколько женщинъ и дѣтей гибло въ пламени. Война съ той и другой стороны была безпощадная. Она стоила англичанамъ тринадцати ихъ городовъ, едва возникшихъ и обращенныхъ въ пепелъ, потери болѣе шести сотъ человѣкъ и огромнаго долга, замедлившаго развитіе колоніи.

«Со стороны бѣлыхъ, говоритъ Вашингтонъ-Ирвингъ, война ведена была съ искусствомъ и успѣхомъ; но съ потоками крови и глубокимъ презрѣніемъ правъ туземныхъ жителей, ихъ непріятелей,—со стороны индійцевъ война ведена была съ отчаяніемъ людей, не страшащихся смерти и не ожидающихъ отъ мира ничего, кромѣ позора, рабства и истребленія.»

Три колоніи Массачусета, Коннектикута и Нью-Джерсей, соединясь для общей защиты, не могли выставить болѣе двухъ тысячъ солдатъ, раздѣленныхъ на отряды отъ двухсотъ до трехсотъ, и иногда отъ двадцати-пяти до тридцати человѣкъ. Эти слабыя партіи часто встрѣчались съ толпами индійцевъ въ семьсотъ или восемьсотъ человѣкъ. Правда, что сотня дикарей, принявшая сторону англичанъ, приносила имъ не малую пользу, служа проводниками чрезъ дремучіе лѣса, совершенно извѣстные индійцамъ, въ которыхъ они по цѣлымъ недѣлямъ скрывались и потомъ вдругъ, подобно урагану, являлись истребляя все на своемъ пути.

Давно уже не видно было Филиппа. Отсутствіе этого неутомимаго человѣка не могло быть приписываемо его бездѣятель-

ности. Таинственность его окружавшая возбуждала дѣйствительныя опасенія. Ему приписывали даже способность быть невидимкой или являться въ одно время въ разныхъ мѣстахъ. Внезапныя нападенія индійцевъ всегда были подъ его руководствомъ, а между тѣмъ его нигдѣ не встрѣчали. Вѣроятно то, что если онъ лично и не участвовалъ въ битвахъ, духъ его не покидалъ индійскихъ виганов и возжигалъ отвагу и храбрость въ дикаряхъ, слѣпо ему повиновавшихся.

Гдѣ же былъ Филиппъ?

III.

Онъ углубился, говоритъ историкъ, въ земли отдаленнѣйшихъ племенъ и раздувалъ тамъ пламя ненависти къ бѣлымъ, призывая всѣхъ къ оружію.

По словамъ другаго историка, Филиппъ, собирая всюду воиновъ, посѣтилъ въ пустынѣ одну ворожею, которая, надѣливъ его очарованными амулетами, предсказала ему, что никогда не умретъ отъ руки англичанина.

Филиппъ, возвратясь изъ этой поѣздки, нашелъ что непріятели лучше укрѣпились и оправились отъ понесенныхъ ими потерь, такъ что могли вести съ успѣхомъ войну, которая сначала была для нихъ бѣдственна. Пять или шесть послѣдовательныхъ сраженій обратились въ пользу бѣлыхъ.

Для Филиппа медаль обратилась изнанкой. Съ этой минуты характеръ его сталъ обозначаться яснѣе, во всемъ своемъ величіи и непоколебимой твердости.

Однажды атакованный въ своемъ лагерѣ и потерявъ двѣсти или триста воиновъ, онъ съ трудомъ могъ спастись съ своею женою. Убѣгая въ пустыни, онъ не могъ удержаться, чтобъ не взглянуть еще разъ на родную деревню Поканокетъ, гдѣ былъ такъ могущественъ. Онъ нашелъ тамъ одну груду развалинъ и кучу пепла. Филиппъ, — какъ Марій, — сѣлъ на развалины и проливалъ горькія слезы.

— Этотъ холмъ, сказалъ онъ женѣ своей,—мы называли холмомъ «надежды»;—теперь должны назвать его холмомъ «бѣдствія и позора.»

И онъ не могъ оторваться отъ этихъ мѣстъ. Окруженный сотнею воиновъ Филиппъ желалъ провести хотя одну ночь на развалинахъ Поканокета.

Но бѣлые узнали о присутствіи тутъ Филиппа. Съ разсвѣтомъ горсть индійцевъ была атакована бѣлыми. Замѣшательство столь было сильно, что несчастные дикари почти не защищались.

— Пораженіе было полное и почти мгновенное. Филипъ во второй разъ успѣлъ ускользнуть, но жена его и сынъ попались въ плѣнъ непріятелю.

Филиппъ удалился къ покассетамъ, которыхъ королева — женщина съ умомъ и сердцемъ, — оказала ему великодушное гостепріимство. Тронутая несчастіемъ этого начальника, она не удовольствовалась безплодными утѣшеніями, но вооружила въ пользу его весь свой народъ.

Филиппъ думалъ опять явиться на поприщѣ военныхъ дѣйствій. Королева покассетовъ отправилась съ нимъ на легкомъ челнѣ, который опрокинулся въ рѣкѣ, и королева погибла въ волнахъ.

Одинъ историкъ разсказываетъ, другіе опровергаютъ, что будто бы англичане чрезъ нѣсколько дней, нашедши на берегу рѣки трупъ этой женщины, отрѣзали ей голову и вонзили на остріе пики, вмѣсто знамя, которое распространяло ужасъ между индійцами; узнавая голову королевы покассетовъ, они съ воплемъ обращались въ бѣгство.

Мы уже сказали, что въ рядахъ колонистовъ было довольное число дикихъ; можетъ-быть они и совершили это злодѣйство. Но не случилось-ли чего-то подобнаго въ странѣ просвѣщенной и при томъ съ людьми поважнѣе индійской принцессы? А потому нѣтъ ничего невѣроятнаго, если подобное варварство совершено было и англичанами.

Филиппъ на пути встрѣтился съ Канончетомъ, вѣрнымъ своимъ союзникомъ и начальникомъ всѣхъ Наррагансетовъ.

Филиппъ находился въ крайности, и потому помощь, данная ему его союзникомъ, возродила въ немъ опять надежды.

Этотъ Канончетъ заслуживаетъ, чтобъ мы посвятили ему нѣсколько строкъ.

IV.

Онъ былъ сынъ Сашема Міантонимо, который будучи обвиненъ въ заговорѣ противъ колонистовъ, оправдался. Но спустя нѣсколько дней, нашли его убитымъ въ лѣсу. Канончетъ, увѣренный, что убійство совершено было бѣлыми, или по ихъ наученію,

возымѣлъ къ нимъ глубокую ненависть, которую впрочемъ наслѣдовалъ и отъ своего отца.

Сначала канончетъ не хотѣлъ принимать участія въ войнѣ Филиппа съ бѣлыми, видно что система вооруженнаго нейтралитета была извѣстна и между дикарями.—Канончетъ объявилъ, что не пристанетъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ, но племя его готово было выступить въ походъ по первому сигналу, и прибытіе въ его вигамъ несчастнаго Филиппа, преслѣдуемаго, разореннаго, пробудило въ немъ едва усыпленную или лучше скрытую по-разсчету ненависть. Воинственные клики раздавались въ племени наррагансетовъ, и два союзные начальника хотѣли сдѣлать нападеніе, какъ извѣстились, что непріятель съ главными силами идетъ ихъ аттаковать, не смотря на зимнее время и на покрытыя льдомъ рѣки.

Канончетъ тотчасъ собралъ наилучшихъ своихъ воиновъ, и удалился съ женами, дѣтьми и старцами въ крѣпость, расположенную на вершинѣ одной горы, которая между индійцами слыла неприступною, по причинѣ непроходимыхъ къ ней дорогъ, особенно кто не зналъ ихъ.

Англійскія войска, съ индійскимъ провожатымъ проникли чрезъ снѣга и льды по покатостямъ горы до самой крѣпости. Тутъ произошло кровопролитнѣйшее сраженіе. Аттакующіе дважды были отражаемы и потеряли своихъ лучшихъ офицеровъ. Но побѣда осталась на ихъ сторонѣ; индійцы оспаривали каждый шагъ земли, но опрокидываемые всюду, обращены были въ бѣгство. Филиппъ и Канончетъ, окруженные горстью храбрыхъ, вышли изъ крѣпости и скрылись въ глубинѣ сосѣдственныхъ лѣсовъ.

Мы не будемъ слѣдовать за движеніями этихъ двухъ начальниковъ, а скажемъ только, что оставаясь вѣрными другъ другу, они разлучились и пошли по двумъ противуположнымъ дорогамъ, претерпѣвая всевозможныя бѣдствія и лишенія.

Послѣднія битвы Канончета выказали его мужественный и возвышенный характеръ.

Англичане предложили ему миръ, съ условіемъ выдать имъ союзника своего Филиппа. Съ негодованіемъ онъ отвергъ такое предложеніе и отвѣчалъ посланнымъ:

— Буду драться до послѣдней капли крови, но не помирюсь съ англичанами.

И Канончетъ бродилъ по берегамъ Коннектикута, какъ и Филиппъ, съ горстью вѣрныхъ ему воиновъ.

На слѣдующую весну, онъ осмѣлился, съ тридцатью человѣками, проникнуть въ страну, чтобъ собрать маисъ для прокормленія своего отряда. Онъ прошелъ невредимо землю пекодовъ, которые почти держали сторону англичанъ, и уже находился посреди собственнаго своего племени наррагансетовъ, возлѣ небольшой рѣки Пантукетъ. Началась жатва, но въ это время гонецъ извѣстилъ его, что отрядъ англичанъ приближается. Съ Канончетомъ въ это время было только семь человѣкъ. Онъ послалъ двоихъ на ближнюю возвышенность, чтобъ удостовѣриться въ справедливости этой вѣсти.

Два человѣка увидѣвъ приближающихся во множествѣ англичанъ и индійцевъ, бросились бѣжать изъ всей мочи и не думали возвратиться къ начальнику.

Канончетъ, не видя возвращенія посланныхъ, отправилъ еще двоихъ, которые поступили подобно первымъ. Одинъ изъ нихъ закричалъ ему однако-жъ изъ далека, что цѣлая армія англичанъ гонится за нимъ по пятамъ.

Канончетъ увидѣлъ, что ему остается одно бѣгство; но онъ былъ живо преслѣдуемъ неумолимымъ непріятелемъ. Достигнувъ рѣчки Пантукетъ, онъ хотѣлъ въ нее броситься, но нога его зацѣпилась за камень, и онъ упалъ съ своимъ заряженнымъ ружьемъ, которое выстрѣлило. Между тѣмъ подоспѣли непріятели, и Канончетъ, безъ сопротивленія дозволилъ взять себя одному индійцу изъ племени Пекозъ.

Сдѣлавшись плѣнникомъ, Канончетъ обнаружилъ необыкновенное присутствіе духа и свойственную начальникамъ индійскимъ гордость. Допрашиваемый однимъ молодымъ англійскимъ офицеромъ, которому казалось едва-ли и двадцать лѣтъ, онъ посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ спокойнымъ и твердымъ голосомъ:

— Ты еще дитя, и не можешь ничего понимать въ дѣлѣ военномъ; пусть придетъ старшій твой братъ, или начальникъ, тогда я буду отвѣчать.

Ему обѣщали сохранить жизнь, лишь-бы покорился англичанамъ и заключилъ съ ними трактатъ.

— Довольно, вскричалъ онъ, не хочу объ этомъ и слышать.

Канончетъ приговоренъ былъ къ смерти. Англичане предоставили ему честь умереть солдатомъ. Онъ былъ разстрѣлянъ

въ Стонингамѣ тремя индійскими сашемами одинакаго съ нимъ ранга.—Вотъ честь, возданная ему англичанами!

Когда прочли ему смертный его приговоръ, онъ горделиво поднялъ голову и произнесъ слѣдующія послѣднія слова:

— Я доволенъ что умираю, не показавъ слабости и не произнеся ни одного недостойнаго меня слова!

Участь Канончета произвела глубокое впечатлѣніе на Филиппа. Вѣсть эта достигла до него въ неприступномъ убѣжищѣ, въ которомъ онъ укрывался.

Это было, говоритъ одинъ изъ его историковъ, мѣсто надежное въ его отчаянномъ положеніи, куда ни одна человѣческая нога до него не проникала. Земля покрыта была кипарисами и другими деревьями, современными началу свѣта. Вѣтви такъ были перепутаны, листья такъ густы, что сквозь этотъ зеленый сводъ не могъ проникать лучъ свѣта. Вдали слышалось рыканіе дикихъ звѣрей, единственныхъ обитателей этихъ пустынь.

Мы не украшаемъ картину и не дѣлаемъ романическаго описанія, а заимствуемъ эти строки изъ историка, который прибавляетъ, что не одни звѣри обитали въ этомъ страшномъ мѣстѣ, гдѣ Филиппъ скрывалъ горесть свою и стыдъ, предаваясь мрачнымъ думамъ. Побѣжденный начальникъ видѣлъ иногда сквозь кустарникъ бродящія существа, которыя кромѣ образа человѣка ничего не имѣли человѣческаго. Это были, безъ сомнѣнія, дѣти индійцевъ, потерянные въ пустыни и совершенно одичавшіе.

Какъ-бы то ни было, такое мѣсто согласовалось съ несчастнымъ положеніемъ Филиппа. Онъ потерялъ все. Жена его была въ плѣну и, можетъ быть, умерла съ печали; сынъ его, вѣроятно, палъ подъ ударами англичанъ, всѣ его воины погибли въ сраженіи, и ему остались вѣрными весьма немногіе. Канончетъ, котораго вѣрность и дружба были выше всякихъ жертвъ и самой жизни, перешелъ уже въ селеніе духовъ!...

Когда Филиппъ жаловался на свои несчастія, одинъ бывшій съ нимъ индіецъ посовѣтовалъ ему помириться съ англичанами. Филиппъ съ бѣшенствомъ бросился на несчастнаго и поразилъ его ножемъ.

Братъ убитаго убѣжалъ на слѣдующую ночь и открылъ англичанамъ убѣжище Филиппа.

На другой день начальникъ разсказалъ окружавшимъ его индійцамъ видѣнный имъ сонъ, что попалъ въ руки англичанъ, и

убѣждалъ товарищей своихъ бѣжать, потому что ему не миновать своей участи.

Едва онъ докончилъ свой разсказъ, какъ явился предъ нимъ англійскій капитанъ Черчъ съ своей ротой. Филипъ, прислонясь къ дереву, защищался какъ левъ, и, опрокинувъ окружавшихъ его солдатъ, бросился было въ чащу лѣса, какъ одинъ англичанинъ и одинъ индіецъ выстрѣлили въ него. Ружье англичанина осѣклось; Филипъ упалъ отъ пули индійца, попавшей ему прямо въ сердце.

Такъ кончилъ жизнь человѣкъ дѣйствительно необыкновенный, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ индійскихъ начальниковъ, воевавшихъ съ бѣлыми.

Со смертію его кончилась и война, которой онъ былъ героемъ.

Три или четыре начальника въ разныя эпохи возстановлявшіе индійцевъ, не были поняты своими соотечественниками и всѣ погибли. Видно, что массѣ индійцевъ не суждено было слиться съ европейцами и воспользоваться даромъ цивилизаціи.

—

ПОНТІАКЪ.

I.

Трактатомъ, подписаннымъ въ Парижѣ въ Февралѣ 1763, Франція, послѣ неблагопріятной войны, уступила Англіи Канаду и всѣ свои сѣверо-американскія владѣнія на восточномъ берегу Миссисипи.

Но Англіи дорого стоили эти завоеванія. Франція оставила по себѣ мстителей въ индійцахъ, бывшихъ ея союзниками. Миссіонеры и французскіе купцы умѣли привязывать къ себѣ дикарей.

Одинъ изъ индійскихъ начальниковъ говорилъ: Французы къ намъ пришли не такъ какъ Англичане, они обращались съ нами человѣколюбиво и называли своими дѣтьми, а мы ихъ почитали своими благодѣтелями.

Англичанъ-же индійцы какъ сначала, такъ и послѣ, не переставали ненавидѣть.

Въ ту эпоху былъ одинъ индійскій начальникъ изъ племени

Утавовъ, называвшійся Понтіакомъ. Онъ пріобрѣлъ большую извѣстность не только въ Америкѣ, но имя его распространилось и за атлантическими волнами въ Европѣ, ему даже присвоивали знаменитое титло и называли великимъ Понтіакомъ.

Въ самомъ-дѣлѣ, это былъ весьма замѣчательный человѣкъ. Съ львиною храбростью онъ соединялъ въ себѣ необыкновенную силу воли и лукавство, которое можно только находить у дикаго народа.

Пораженіе Французовъ и изгнаніе ихъ изъ Канады послужило Понтіаку предлогомъ возбудить противъ побѣдителей ожесточенную войну.

Понтіакъ такъ разсуждалъ:

— Англичане выгнали французовъ, зачѣмъ же и намъ не выгнать англичанъ, чтобъ опять владѣть нашими землями, лѣсами, рѣками? Къ счастію, что двѣ націи бѣлыхъ не соединились между собою на наше истребленіе. Великій духъ восхотѣлъ, чтобъ одно бѣлое племя изгнало другое, и теперь побѣдители оставлены только при однихъ своихъ силахъ.

Эта тема служила воззваніемъ къ ополченію всѣхъ индійскихъ племенъ противъ англичанъ.

Въ эту эпоху индійцы сохраняли еще свое значеніе и всю поэзію своей дикости. Они еще не далеко были оттѣснены во внутренность земель, еще находились въ своихъ владѣніяхъ, попирали землю — гдѣ родились, жили — гдѣ покоились кости ихъ предковъ. Тогда легко было возбуждать въ нихъ воинственный жаръ и чувства сохраненія своей независимости.

Понтіакъ успѣлъ соединить подъ свою власть восемь сосѣдственныхъ племенъ, обитаемыхъ около Гурона, Мичигана и Великаго озера.

Нѣсколько чертъ изъ жизни этого начальника, которыя сейчасъ передадимъ, покажутъ всѣ пороки и качества этихъ дѣтей пустыни.

II.

Въ 1760, послѣ взятія англичанами Квебека, маіоръ Рожерсъ посланъ былъ съ небольшимъ отрядомъ пѣхоты атаковать горсть французовъ, укрѣпившихся неподалеку отъ-того мѣста, гдѣ былъ станъ Понтіака.

Узнавъ о приближеніи англійскаго офицера, индійскій начальникъ послалъ ему формальное приказаніе подождать его на этомъ мѣстѣ и не дѣлать впередъ ни шага.

Маіоръ понимая, что дѣйствительно неблагоразумно было-бы съ горстью людей углубиться въ индійскія земли, рѣшился тутъ остановиться. На другой день послѣ полудня явился Понтіакъ и вотъ первыя слова его маіору:

— По какому праву входишь ты въ мои владѣнія безъ моего позволенія?

— Я пришелъ сюда не съ тѣмъ чтобъ быть вашимъ врагомъ, а другомъ, отвѣчалъ маіоръ. Цѣль нашего похода—истребить французовъ.

И въ доказательство миролюбиваго къ нимъ расположенія предложилъ начальнику въ подарокъ хлѣбъ и разные припасы.

Понтіакъ казался признательнымъ.

— Во всякомъ случаѣ, ты не можешь идти впередъ раньше завтра.

— Отчего-же? спросилъ офицеръ, начинавшій терять терпѣніе.

— Говорю тебѣ, что не пойдешъ сего-дня впередъ, вскричалъ Понтіакъ, я тебя предупреждаю, что лягу поперегъ дороги. А черезъ меня перейти такъ-же трудно, какъ черезъ гору.

Маіоръ Рожерсъ постигъ смыслъ этой метафоры и рѣшился провести еще ночь въ лѣсу, въ которомъ Понтіакъ окружилъ его невидимою цѣпью томагаковъ, стрѣлъ и ружей.

Понтіакъ не смыкалъ глазъ своихъ въ эту ночь, но предавался думамъ. Положеніе остатковъ французской арміи было отчаянное, и никто не сомнѣвался въ ея погибели. По этому Понтіакъ не находилъ никакой выгоды идти противъ англичанъ-побѣдителей. Отъ французовъ нечего было ожидать помощи. Въ дикой своей политикѣ, впрочемъ довольно похожей, въ этомъ случаѣ, на политику и націй образованныхъ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ пожертвовать французами.

Но съ другой стороны, Понтіакъ готовилъ недоброе и англичанамъ въ будущемъ. Онъ находилъ для своихъ плановъ выгоднымъ—дозволить имъ проникнуть какъ можно дальше во внутренность земель. И чѣмъ миролюбивѣе будутъ казаться его поступки, тѣмъ менѣе они станутъ держать войска; въ колоніяхъ водворится слѣпая довѣренность къ индійцамъ, въ крѣпостяхъ гарнизонъ будетъ только для вида Для Понтіака не трудно тогда

будетъ въ удобное время напасть на всѣ разсѣянные группы англичанъ и истребить ихъ разомъ.

Планъ этотъ обдуманъ былъ не дурно, и Понтіакъ зналъ наперед, что будетъ одобренъ всѣми подвластными ему племенами.

На разсвѣтѣ онъ явился къ маіору и сказалъ ему:

— Ты можешь пуститься теперь въ походъ; вчера вечеромъ я задержалъ тебя изъ дружбы. Мнѣ надлежало дать знать всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ индійскимъ, что дозволилъ тебѣ ходить по нашей землѣ. Теперь вездѣ тебѣ будетъ хорошій пріемъ. Мои гонцы разосланы этою ночью во всѣ мѣста, откуда великій духъ посылаетъ вѣтры. Хочешь-ли еще для доказательства моей дружбы, чтобъ я самъ провожалъ тебя нѣкоторое время?

— Хорошо, отвѣчалъ маіоръ.

И Понтіакъ пошелъ въ головѣ отряда подлѣ начальника. Такъ достигли они до Детруа (Detroit), гдѣ разстались наилучшими друзьями.

III.

Дружба эта, сопровождаемая съ одной стороны осторожностью, съ другой разсчетомъ, длилась около трехъ лѣтъ. Понтіакъ показывалъ видъ, что вѣритъ вполнѣ доброму расположенію маіора; послѣдній имѣлъ тоже несомнѣнные знаки въ дружбѣ индійскаго начальника, который однажды, бросясь въ самый пылъ битвы, спасъ жизнь Рожерсу. Можно ли было послѣ того недовѣрять искренней преданности Понтіака.

Однажды Рожерсъ прислалъ Понтіаку бутылку водки; приближенные не совѣтовали ему до нея дотрогиваться, полагая что жидкость отравлена.

— Пустое, сказалъ индійскій начальникъ, я спасъ ему жизнь, и разомъ опорожнилъ бутылку.

Англичане, завладѣвъ всею Канадой и сосѣдственными землями, учредили вездѣ крѣпостцы въ родѣ наблюдательныхъ аванпостовъ.

Начальство надъ одною изъ этихъ небольшихъ крѣпостей, Мичилимакинакъ, дано было маіору Рожерсу. Съ нѣкотораго времени купцы предувѣдомляли его быть на стражѣ, потому что индійцы могутъ когда нибудь нечаянно на него напасть. Тоже дано было знать и прочимъ начальникамъ укрѣпленныхъ постовъ.

Но ежедневные поступки индійцевъ не подтверждали этихъ

слуховъ, и начальники смѣялись надъ опасеніями, считая ихъ пустою химерой.

Понтіакъ между тѣмъ превосходно устраивалъ свои планы, какъ это увидимъ.

IV.

4 Іюня, въ день рожденія англійскаго короля, Понтіакъ назначилъ привесть въ исполненіе давно замышленный имъ заговоръ — истребить вдругъ англичанъ во всѣхъ крѣпостцахъ.

Индійцы собрались въ этотъ день въ большомъ числѣ на игрища. Передъ крѣпостью Мичилимакинакъ, разстилается обширная равнина, на которой они выпросили позволеніе учредить свои игры.

Индійцы предаются этимъ играмъ съ такимъ увлеченіемъ и жаромъ, что представляютъ дѣйствительно любопытное зрѣлище, по этому весь гарнизонъ маленькой крѣпости, состоявшій изъ сотни человѣкъ, смѣшался съ зрителями, выключая небольшаго числа караульныхъ.

Въ самомъ разгарѣ игръ, когда вниманіе бѣлыхъ возбуждено было въ высшей степени, одинъ индіецъ съ намѣреніемъ бросилъ свой шаръ въ средину палисада крѣпости. Тотчасъ индійцы, подъ предлогомъ достать шаръ, кинулись на палисадъ, перекололи караульныхъ, перебили изъ зрителей восемьдесятъ человѣкъ гарнизона, а остальныхъ взяли въ плѣнъ. Несчастный Рожерсъ былъ въ числѣ первыхъ жертвъ слѣпаго довѣрія къ индійцамъ и безполезной храбрости, показанной имъ въ этомъ вѣроломномъ убійствѣ.

Между тѣмъ какъ эта рѣзня происходила въ Мичилимакинакѣ, другія девять крѣпостей, разсѣянныхъ по Мичигану, въ тотъ-же часъ попали въ руки индійцевъ, которые ихъ разорили и сожгли.

V.

Понтіакъ, изобрѣтатель этого плана, не участвовалъ въ убійствахъ, ни лицемъ своимъ, ни именемъ, не изъ страха, но изъ политики. Онъ готовилъ себѣ важнѣйшій успѣхъ отъ предпріятія болѣе смѣлаго, болѣе труднаго, болѣе рѣшительнаго.

Послѣ истребленія въ маленькихъ крѣпостяхъ бѣлыхъ, соб-

ственныя владѣнія индійцевъ были очищены отъ европейцевъ. Осталась одна только грозная крѣпость Детруа въ колоніи Мичиганъ, изъ которой составился потомъ одинъ изъ штатовъ союза, гдѣ англичане сосредоточили въ ту эпоху до пяти сотъ человѣкъ хорошаго войска. Понтіакъ только и мечталъ, какъ-бы завладѣть этой крѣпостью, и хотя дѣло было трудное, но коварный и отважный индійскій начальникъ отъ него не отказывался.

Для этой-то цѣли Понтіакъ исчезъ въ тотъ самый день, какъ всѣ крѣпостцы были взяты индійцами. Чрезъ нѣсколько дней, показывая видъ, что раздраженъ такимъ коварствомъ, онъ расположился лагеремъ въ сосѣдствѣ крѣпости Детруа и послалъ сказать коменданту, полковнику Гладвину, что зачинщики заговора противъ бѣлыхъ получили достойное наказаніе и, въ самомъ дѣлѣ, десятокъ несчастныхъ индійцевъ заплатили жизнью за политику Понтіака. Для дикарей это не важность! Понтіакъ клялся, что впредь индійцы всегда будутъ почитать бѣлыхъ и для запечатлѣнія дружбы предложилъ полковнику Гладвину подписать мирный трактатъ.

Для этого назначено было въ крѣпости свиданіе.

Но, вотъ какимъ образомъ не удался проектъ Понтіака, стоившій ему большаго труда и терпѣнія.

Индійцы имѣли свободный входъ въ крѣпость и могли оставаться въ ней до захожденія солнца, чтобъ торговать тамъ и доставлять припасы гарнизону. Въ тотъ день, когда Понтіакъ и полковникъ условливались о назначеніи свиданія для заключенія мирнаго трактата, одна молодая индіянка, которой братъ былъ въ числѣ жертвъ, падшихъ изъ коварной политики Понтіака, пришла въ крѣпость съ парою мокассиновъ (индійская обувь), приготовленныхъ для полковника. И какъ осталось еще нѣсколько кусковъ лосиной кожи, то полковникъ заказалъ индіянкѣ приготовить изъ нихъ другую для него пару и съ тѣмъ отпустилъ ее.

По пробитіи вечерней зари, всѣ индійцы вышли изъ крѣпости. Ночной дозоръ дѣлая обычный обходъ, нашелъ эту самую дѣвушку спрятавшеюся за грудою камней, близъ комендантскаго дома. На вопросъ зачѣмъ осталась въ крѣпости, она ничего не отвѣчала, а только плакала. Доложили полковнику, онъ велѣлъ позвать къ себѣ индіянку, которая дрожала вся отъ страха.

На первые вопросы Гладвина, она отвѣчала, что не ушла

изъ крѣпости по той причинѣ, что кусковъ лосинной кожи оказалось мало для другой пары мокассиновъ.

Полковникъ, разумѣется, не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, возразилъ ей:

— Но почему же ты давича мнѣ объ этомъ не сказала?

Дѣвушка молчала, только крупныя слезы катились по ея щекамъ.

— Хорошо, продолжалъ Гладвинъ,—возьми назадъ эти куски кожи, добавь къ нимъ сколько нужно для новой пары, я тебѣ за все заплачу.

— Мнѣ нельзя ихъ взять, отвѣчала индіянка.

— Отчего же?

— Отъ того, что... не могу принести къ вамъ мокассиновъ.

Отвѣтъ этотъ, хотя и не ясный, достаточенъ былъ для того, чтобъ подозрѣнія полковника о существованіи заговора обратились въ увѣренность. Онъ сталъ вновь разспрашивать дѣвушку, обѣщая ей покровительство и награду, если ничего не утаитъ.

Тогда ободренная индіянка сказала, что всѣ индійцы, которые присутствовать будутъ въ крѣпости на совѣтѣ — явятся съ ружьями, скрытыми подъ епанчами, что Понтіакъ дастъ имъ знакъ въ то самое время, какъ будетъ передавать коменданту бумагу для подписанія мирнаго трактата. Между тѣмъ, пришедшіе въ крѣпость индійскіе воины, подъ предлогомъ мѣны и торговли, пособятъ довершить убійство гарнизона.

Комендантъ тотчасъ собралъ все войско, открылъ имъ о заговорѣ и принялъ всѣ мѣры предосторожности.

Ночью странный крикъ огласилъ всю окрестность и повторялся въ отдаленіи. Солдаты бросились къ оружію, но нападенія на крѣпость не было. Это былъ предварительный сигналъ Понтіака, что замыселъ его осуществится завтра.

VI.

Въ шесть часовъ утра Понтіакъ съ шестидесятью воинами вошелъ въ крѣпость и тотчасъ ворота за ними были заперты. Эта мѣра и значительное число солдатъ, поставленныхъ въ залѣ, гдѣ происходилъ совѣтъ, не укрылись отъ вниманія Понтіака, который замѣтилъ объ этомъ полковнику. Послѣдній отвѣчалъ, что солдаты пришли туда изъ одного любопытства. Отвѣтъ этотъ повидимому успокоилъ индійскаго начальника.

Засѣданіе началось рѣчью Понтіака. Достигнувъ въ ней того мѣста, гдѣ долженъ былъ вручить бумагу коменданту, онъ быстро окинулъ собраніе взоромъ и увидѣвъ, что офицеры готовы выхватить изъ ноженъ шпаги, понялъ что заговоръ его открытъ.

Понтіакъ показалъ въ этомъ случаѣ рѣдкое присутствіе духа и хладнокровіе. Ни жестомъ, ни голосомъ, ни измѣненіемъ лица не обнаружилъ, что происходило у него на сердцѣ. Онъ подалъ бумагу коменданту безъ условнаго знака и кончилъ рѣчь свою, исполненную самыхъ жаркихъ увѣреній въ вѣрности и дружбѣ къ англичанамъ.

Послѣ Понтіака сталъ говорить полковникъ и съ негодованіемъ укорялъ его въ вѣроломствѣ и гнусной измѣнѣ. Понтіакъ съ жаромъ оправдывался и для доказательства раскрылъ свою епанчу. Но англійскій офицеръ, не смущаясь, быстро подошелъ къ ближайшему отъ него индійскому воину, распахнулъ его, и въ широкихъ складкахъ буйволовой кожи оказалось заряженное ружье. Понтіакъ со стыдомъ опустилъ голову и не сказалъ ни слова.

Полковникъ приказалъ индійцамъ выдти вонъ изъ крѣпости и съ трудомъ удержалъ своихъ солдатъ, чтобъ не перекололи этихъ мерзавцевъ. Онъ простеръ свое великодушіе до того, что не взялъ отъ нихъ даже заложниковъ, а только отобралъ оружіе.

Поступокъ полковника основанъ былъ столько же на рыцарскихъ его свойствахъ, сколько и на благоразуміи. Онъ зналъ, что индійцы умѣютъ оцѣнивать великодушное прощеніе, поэтому и предпочиталъ привести ихъ къ покорности этими мѣрами, нежели пролитіемъ крови.

Но на этотъ разъ онъ сѣялъ на землѣ безплодной. Понтіакъ, отказавшись отъ мщенія, уронилъ бы себя въ глазахъ индійцевъ и не снесъ покрывшаго его стыда. Онъ умѣлъ исказить въ умѣ воиновъ великодушный поступокъ полковника, приписавъ его страху и сознанію безсилія, а потому и заключилъ, что надлежитъ нанести англичанамъ новый энергическій ударъ.

Слова эти подѣйствовали на индійцевъ; на другой-же день съ разсвѣтомъ все племя дикихъ напало на крѣпость. Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ значительный, но до полудня индійцы не успѣли проникнуть чрезъ палисады.

Наконецъ при звѣрскихъ крикахъ они ворвались въ первую ограду.

Полковникъ Гладвинъ не препятствовалъ имъ собраться тутъ въ большомъ числѣ и потомъ велѣлъ пустить въ нихъ картечью.

Развязку можно было предвидѣть: индійцы бросились въ бѣгство, не смотря на усилія Понтіака возстановить битву. Солдаты приведены были въ ожесточеніе и безъ милосердія убивали всѣхъ кого настигали.

Этотъ строгій урокъ хотя и заставилъ индійцевъ отказаться отъ нападенія на крѣпость Детруа, но по настоянію Понтіака, они не переставали держать ее въ строгой блокадѣ.

Искусное обложеніе крѣпости дѣйствительно наносило большой вредъ гарнизону.

Почти всѣ суда, шедшія съ запасами, были перехватываемы и экипажи ихъ истребляемы. Войско давно уже не имѣло свѣжей провизіи, и ему начиналъ угрожать голодъ, какъ вдругъ появилась шкуна съ провіантомъ. Судно это, какъ и прочія, было атаковано, но успѣло ускользнуть отъ берега. Индійцы бросились на лодки, догнали судно и убили большую часть экипажа. Капитанъ, видя какая ожидаетъ его участь, приказалъ канониру зажечь крюйтъ-камеру, дабы взорвать себя и непріятелей на воздухъ. Понтіакъ, понимая по-англійски, тотчасъ объяснилъ этотъ приказъ индійцамъ, которые проворно соскочили съ лодки и побѣжали отъ судна, поражаемые ядрами и пулями.

VII.

Полковникъ Гладвинъ, наскучивъ тѣсною блокадой этой дикой орды, рѣшился сдѣлать вылазку и напасть на Понтіака въ самомъ его лагерѣ. Онъ выбралъ сто пятьдесятъ человѣкъ изъ гарнизона и поручилъ этотъ отрядъ капитану Даніелю. Начальникъ индійскій, узнавъ объ этомъ отъ своихъ лазутчиковъ, снялся ночью съ лагеря и удалился за мостъ, по обѣимъ сторонамъ котораго густой былъ лѣсъ; тамъ онъ разсѣялъ своихъ воиновъ, а подалѣе устроилъ родъ ретраншамента. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ изъ палисада заставили Даніеля идти на приступъ, но съ обоихъ фланговъ посыпались пули отъ невидимыхъ непріятелей.

Англичане должны были повернуть назадъ, и шестьдесятъ человѣкъ съ нѣсколькими офицерами и капитаномъ Даніелемъ легли на мѣстѣ. Мостъ, гдѣ потерпѣли они пораженіе, называли потомъ «мостомъ крови».

Осада Детруа продолжалась болѣе года; наконецъ правительство послало цѣлый корпусъ подъ начальствомъ генерала Бредстрита, чтобъ выгнать оттуда индійцевъ.

На этотъ разъ орды дикарей струсили и самъ Понтіакъ понялъ, что сопротивленіе будетъ невозможно. Онъ предложилъ миръ. Ему велѣли удалиться во-свояси, на что онъ и согласился, выпросивъ себѣ пенсіонъ, который выплачивали ему аккуратно.

До самой революціи Понтіакъ исполнялъ свято условія, но когда вспыхнула война между метрополіей и колоніями, старинная его къ англичанамъ ненависть пробудилась въ высшей степени. Онъ предложилъ колонистамъ войти въ ихъ службу и увлечь за собою на помощь имъ нѣсколько племенъ.

Генералъ Гамильтонъ, узнавъ о намѣреніи Понтіака взять сторону колонистовъ, призадумался и рѣшился погубить его какимибы то ни было средствами.

Но трудно было до него добраться и взять его живымъ или мертвымъ. Понтіакъ извѣстенъ былъ за дикаря умнаго и хитраго.

Генералъ Гамильтонъ прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ совѣту одного преданнаго ему колониста въ провинціи Мичиганъ, и тотъ ему сказалъ:

— Есть у меня подъ рукою человѣкъ, который можетъ вамъ пригодиться. Это полуиндіецъ, полу-образованный, по имени Тимоѳей. Я часто употреблялъ его въ труднѣйшихъ дѣлахъ. Пожалуйте завтра въ мою маленькую хижину, которая въ двухъ миляхъ отъ моей фермы, тамъ вы встрѣтите и Тимоѳея.

— Хорошо, господинъ Адамсъ, но вы мнѣ ручаетесь за вѣрность и смышленость вами рекомендуемаго человѣка?

— Если я вамъ разскажу, генералъ, его жизнь, то вѣрно вы будете имѣть полную къ нему довѣренность. Тимоѳей родомъ изъ Нью-Гампшира; женясь тамъ, онъ смѣло поставилъ свою хижину на самой отдаленной границѣ близъ земель индійскихъ. Нѣсколько другихъ авантюристовъ послѣдовало за нимъ, набралось всѣхъ человѣкъ до шестидесяти или семидесяти; они образовали родъ деревни, и нѣкоторое время жили мирно и спокойно.

Но въ одну ночь, неожиданно атаковали ихъ индійцы, и по обычаю своему, убили всѣхъ жителей, сожгли домы и поля. Тимоѳей, получивъ двѣнадцать ранъ, лежалъ безъ чувствъ на этомъ полѣ рѣзни, но видѣлъ еще какъ пали подъ желѣзомъ убійцъ жена его и четверо дѣтей.

Когда индійцы увидѣли, что нечего болѣе жечь и грабить и некого убивать, пустились назадъ, боясь чтобъ изъ сосѣднихъ селеній не явились мстители.

Около полудня Тимоѳей пришелъ въ себя, съ растерзаннымъ сердцемъ и вмѣстѣ съ бѣшенствомъ смотрѣлъ онъ на дымящіяся развалины, разбросанные человѣческіе члены и потоки крови; съ трудомъ потащился онъ кое-какъ къ ближней деревнѣ, отстоящей миль на пять.

Оправясь отъ ранъ, Тимоѳей навѣстилъ пепелище своего дома и на грудѣ развалинъ произнесъ страшную клятву употребить всю свою жизнь на мщеніе. Онъ устроилъ себѣ въ чащѣ лѣса нѣчто въ родѣ берлоги, и оттуда лютымъ образомъ преслѣдовалъ индійцевъ. Кого бы онъ не завидѣлъ, женщину ли, ребенка ли, старика ли, ему все равно: пуля въ лобъ, и дѣлу конецъ. Тимоѳей сознается, что отправилъ уже порядочное число индійцевъ для умилостивленія тѣней жены своей и дѣтей. Для него нѣтъ другаго наслажденія, какъ направлять дуло ружья на индійца, подмѣчать его движенія, видѣть падающаго мертвымъ или страдающимъ отъ раны, смотрѣть на послѣднюю борьбу между жизнію и смертію. Слушая его, волоса становятся дыбомъ.

— Вы не найдете, генералъ, человѣка болѣе вамъ пригоднаго для дѣла труднаго и опаснаго, хотя бы то было и противъ индійца. Онъ сверхъ того говоритъ нарѣчіями почти всѣхъ индійцевъ, ему извѣстны всѣ ихъ обычаи и онъ смѣшивается съ ними съ геройскою отвагой.

— Хорошо, господинъ Адамсъ, велите Тимоѳею придти завтра въ вашу хижину. Для большей осторожности, я придамъ ему вѣрнаго человѣка, въ которомъ можетъ быть не достанетъ только надлежащей смѣлости.

VIII.

На другой день, Адамсъ и генералъ, въ сопровожденіи молодаго англичанина, котораго употреблялъ въ арміи какъ шпіона, пришли въ хижину на условленное свиданіе.

Вскорѣ за дверью послышался странный, продолжительный крикъ.

— Это онъ! сказалъ престарѣлый колонистъ, это его сиг-

налъ. Такъ выражаетъ онъ свое удовольствіе, когда употребляютъ его противъ старинныхъ враговъ-индійцевъ.

— Войди, Тимоѳей! закричалъ Адамсъ.

Тимоѳей явился, поставилъ ружье свое въ уголъ и ждалъ, чтъ будутъ ему говорить.

Генералъ разсматривалъ внимательно пришедшаго: онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, довольно статенъ, съ угловатыми чертами лица и бронзовымъ цвѣтомъ кожи, волосы у него были рыжіе, золотистые, бороду не брилъ лѣтъ пять или шесть. Глаза его безпрестанно бѣгали во всѣ стороны отъ одного предмета къ другому, какъ будто онъ чего-то искалъ, или чего-то опасался.

— Тимоѳей, сказалъ старикъ-колонистъ, вотъ, генералъ Гамильтонъ хочетъ дать тебѣ дѣльце...

— А, а, а! промычалъ Тимоѳей съ скрипучимъ смѣхомъ.

— Можешь ли ты теперь же отправиться? спросилъ генералъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Очень хорошо; могу ли я на тебя надѣяться, какъ бы трудно ни было мое порученіе?

— Можете. Мое ружье вонъ тамъ, отвѣчалъ Тимоѳей, указывая пальцемъ на уголъ.

— А есть ли снаряды?

— Да къ чорту ли ружье безъ снарядовъ? Когда меня позвалъ Адамъ, я смекнулъ въ чемъ дѣло, онъ знаетъ, что хочу этимъ сказать...

— Однако, прервалъ генералъ, въ порученіи, которое я тебѣ дамъ, нуженъ будетъ тебѣ помощникъ.

Тимоѳей замычалъ неодобрительно.

— Лучше бы одному, проворчалъ онъ.

— Можетъ быть, но въ настоящемъ дѣлѣ тебѣ необходимо имѣть товарища. Вотъ молодой человѣкъ, который будетъ съ тобою.

Тимоѳей окинулъ шпіона своими бѣглыми глазами.

— Лучше бы одному, повторилъ онъ.

— Сказано, что нельзя, возразилъ генералъ; надобно чтобъ васъ было двое. Ну, готовъ ли ты отправляться теперь, сію минуту?

— Готовъ, отвѣчалъ Тимоѳей съ недовольнымъ видомъ.

— Хорошо! продолжалъ Гамильтонъ. Я не буду терять времени на объясненіе порученія; товарищъ, дорогою, разскажетъ тебѣ въ чемъ дѣло.

— Только чтобъ не мѣшалъ мнѣ подстрѣлить какого нибудь Индійца для принесенія въ жертву тѣнямъ жены и дѣтей моихъ, вотъ все, чего желаю.

— Сохрани тебя Богъ! вскричалъ генералъ; отнюдь не дѣлать глупостей, этимъ повредишь успѣху предпріятія.

— А! пробормоталъ Тимоѳей въ раздумьи.

Адамсъ отворилъ тогда сундукъ и вынулъ изъ него двѣ полныя одежды.

Тимоѳей сдѣлалъ страшную рожу, но рѣшился повиноваться.

— Чтобъ по-крайней мѣрѣ не видать мнѣ своей тѣни!.. пожалуй, въ себя еще выстрѣлю!

Старикъ-колонистъ выпачкалъ лицо шпіону, чтобъ походилъ на индійца; что касается до Тимоѳея, ему не нужна была подобная операція, потому что цвѣтъ его кожи и безъ того былъ мѣдный. Послѣ сего генералъ и Адамсъ проводили этихъ двухъ человѣкъ до берега рѣки, тамъ готова была лодка перевезти ихъ чрезъ озеро Ери къ предѣламъ земли, составляющимъ нынѣ штатъ Огіо, гдѣ Понтіакъ назначилъ совѣтъ изъ собранныхъ имъ старшинъ разныхъ племенъ.

— Теперь, сказалъ тихимъ голосомъ генералъ, желаю вамъ добраго успѣха и скораго возвращенія.

— Генералъ, сказалъ Тимоѳей, если невзначай встрѣтимъ мы какого индійца, можно подстрѣлить?

— Сказалъ, что нельзя, возразилъ Гамильтонъ съ гнѣвомъ, или хочешь, чтобъ по возвращеніи тебя самаго разстрѣляли. Ну, теперь, молодцы, садитесь, весла на воду, и маршъ.

Тимоѳей и шпіонъ схвативъ каждый по веслу, ударили ими, и легкій челнъ полетѣлъ по гладкой равнинѣ водъ съ быстротою морской чайки.

— Однако это меня бѣситъ! проворчалъ Тимоѳей, когда товарищъ его принялся говорить ему въ чемъ состоитъ ихъ порученіе.

— Что такое? спросилъ шпіонъ.

— То, что нельзя выстрѣлить въ гадкаго индійца.

— Ни слова болѣе... слушай меня внимательно.

Тимоѳей не раскрывалъ болѣе рта, но живо дѣйствовалъ

своимъ весломъ. Наступила ночь, всѣ предметы покрылись однимъ цвѣтомъ, небо и вода, какъ бы слились во мракѣ. Ни одно дуновеніе вѣтра не шевелило листьями гигантскихъ деревъ, дремлющихъ на берегахъ рѣки; ни одно эхо не нарушало глубокой тишины въ природѣ, а челнъ летѣлъ да летѣлъ, ничего не видя впереди и ни кѣмъ не будучи примѣчаемъ.

— Берегись!.. сказалъ Тимоѳей такъ тихо, что товарищъ его едва разслышалъ, и ударивъ сильно весломъ, чтобъ дать другое направленіе лодкѣ, онъ прилегъ на дно. Шпіонъ машинально послѣдовалъ его примѣру, смотря чрезъ бортъ, что такое случилось. Онъ услышалъ, или ему казалось, что слышитъ мѣрные удары веселъ по водѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ пять или шесть огоньковъ, быстро движущихся въ темнотѣ. Тимоѳей выпрямясь, схватилъ свое ружье и направилъ его дуло на одинъ изъ огоньковъ, но вспомнивъ приказаніе генерала, принялъ опять прежнее положеніе. Чрезъ минуту шумъ веселъ умолкъ въ отдаленіи, и огоньки исчезли.

— Что это значитъ? спросилъ шпіонъ.

— Это мошенники индійцы! а свѣтлыя точки, скользившія по водѣ—огонь ихъ трубокъ. Цѣль была знатная, и еслибъ не приказъ генерала, я бы двухъ-трехъ подцѣпилъ.

— Ружье не хватило-бы до нихъ, потому что они были миляхъ въ шести отъ насъ.

— Они были отъ насъ саженяхъ въ пятидесяти, отвѣчалъ Тимоѳей. Хорошъ-же у тебя глазомѣръ! Я говорю тебѣ, что перебилъ бы всѣ эти трубки одну за другой, также легко какъ цѣлую теперь свою руку.

За симъ наступило вновь молчаніе, и оба продолжали неутомимо грѣсть.

Въ продолженіе слѣдующаго дня, они скрывались въ маленькой бухтѣ или ковшѣ, а вечеромъ снова пустились въ путь и, около полуночи достигли своего назначенія.

Когда они обогнули одинъ мысъ, Тимоѳей вдругъ остановилъ лодку и бросился на дно. На этотъ разъ товарищу его не нужны были объясненія, онъ увидѣлъ въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи множество мелькавшихъ въ темнотѣ огней. Эти огоньки простирались на большое разстояніе вдоль рукава рѣки, котораго спокойныя, прозрачныя воды отражали ихъ какъ звѣздочки.

— Это индійцы, прошепталъ Тимоѳей, наконецъ мы ихъ открыли. Теперь, товарищъ, позволь сдѣлать тебѣ одинъ вопросъ?

— Говори.

— Намѣренъ-ли ты меня слушаться?

— Да, если это не будетъ противно даннымъ мнѣ приказаніямъ.

— Не знаю твоихъ приказаній, знаю только то, что теперь я долженъ дѣйствовать, а ты меня слушать.

— Дѣйствуй!

— Знаешь-ли ты индійцевъ?

— Я нѣсколько лѣтъ жилъ между ими.

— Хорошо! А знаешь-ли ты ихъ языки, напримѣръ, хоть этого племени?

— Нѣтъ.

— Плохой-же ты шпіонъ. Ну, да здѣсь ненужно будетъ тебѣ говорить ни на какомъ языкѣ. Можешь-ли ты ползти въ травѣ на четверенькахъ такъ тихо, чтобъ не пробудить кузнечика?

— Полагаю.

— Надѣюсь, что не струсишь?

— Испытай и увидишь!

— Хорошо; самое трудное я беру на себя. Индійцы стоятъ здѣсь лагеремъ.

Теперь не время все тебѣ объяснять; держись близъ меня, дѣлай то, что я буду дѣлать и не произноси ни слова.

Шпіонъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и Тимоѳей направилъ лодку къ огонькамъ. Онъ такъ легко и искусно дѣйствовалъ весломъ, что неслышно было ни малѣйшаго шума. Такъ они подкрались къ самому лагерю, откуда неслись къ нимъ пронзительные звуки нестройныхъ пѣсень. Тимоѳей остановилъ весло и сталъ прислушиваться.

— Это пѣсни мерзавцевъ Утавовъ, сказалъ онъ. У нихъ идетъ ночная попойка, значитъ завтра предстоитъ имъ какое нибудь важное дѣло. Мнѣ хорошо извѣстенъ ихъ языкъ и я знаю всѣ пѣсни. Теперь намъ надо войти въ ихъ лагерь. Помни, что я тебѣ говорилъ. Дѣлай, что я буду дѣлать, держи языкъ за зубами и небойся ни кинжала, ни томагака и никакого оружія.

Сказавъ это, Тимоѳей выскочилъ на берегъ и, съ помощію своего товарища привязалъ лодку къ пню дерева.

— Теперь оставимъ здѣсь весь нашъ багажъ, прошепталъ Тимоѳей.

— Даже и ружья?

— Да, отвѣчалъ Тимоѳей, удостовѣрясь, что ружья въ порядкѣ и сухи. Даже и наши ружья, чтобъ исполнить приказъ генерала, хотя это и очень досадно!.. Ну, впередъ держи свой ротъ замкнутымъ, какъ пороховницу.

Тимоѳей легъ почти на брюхо и скользилъ по травѣ, какъ змѣя. Проползя нѣкоторое разстояніе онъ остановился.

— А! а! вотъ они, я вижу и самаго Понтіака.

— Гдѣ?

— Гляди прямо, передъ нами.

Шпіонъ дѣйствительно замѣтилъ группу изъ пяти или шести индійцевъ, сидѣвшихъ вокругъ огня; пламя, освѣщая ихъ бронзовыя лица и странныя одежды, производило удивительный эфектъ. Они сидѣли въ тѣсномъ кружку, и чаша съ хмѣльною влагой переходила изъ рукъ въ руки.

По временамъ они испускали дикіе вопли, принимались плясать и дѣлать примѣрное сраженіе, размахивая своими длинными ножами.

Предметъ ихъ пѣнія состоялъ въ разсказѣ истребленія деревни и такъ походилъ на кровавую сцену убійства жены и дѣтей Тимоѳея, что онъ не могъ удержаться отъ глухаго рева, раздирая грудь свою острыми ногтями.

— О! еслибъ сомной было ружье....

Тимоѳей сталъ приближаться къ индійцамъ, такъ чтобъ они его замѣтили, и показывая видъ будто идетъ мимо ихъ.

— Гу! гу! вскричалъ одинъ изъ начальниковъ, судя по его одеждѣ.

Тимоѳей сдѣлалъ ему привѣтствіе и представилъ своего товарища, котораго они поподчивали пьянымъ напиткомъ.

— Мой братъ не говоритъ, сказалъ онъ начальнику.

— Онъ нѣмой?

— Нѣтъ, онъ далъ клятву не говорить, пока не вонзитъ ножа въ своего непріятеля.

— Доброе дѣло, отвѣчалъ начальникъ; мой привѣтъ ему.

Потомъ онъ подошелъ и, не смотря что былъ пьянъ, глядѣлъ на него съ недовѣрчивостью.

— Я не знаю этого молодаго воина, онъ не нашего племени?

— Вашего, но нѣсколько лѣтъ былъ въ плѣну у Могасовъ, онъ недавно убѣжалъ оттуда, убивъ одного начальника.

— Браво! отвѣчалъ индіецъ.

Потомъ схвативъ свой томагакъ, занесъ его надъ головою шпіона, какъ-бы намѣреваясь его ударить.

Тимоѳей былъ въ ужасномъ страхѣ, но вздохнулъ видя, что товарищъ его остался хладнокровенъ предъ этимъ грознымъ жестомъ.

— Хорошо! сказалъ Утавъ, я признаю его нашимъ. Утавъ не мигаетъ глазомъ предъ смертью.

IX.

Приходъ Тимоѳея съ товарищемъ былъ поводомъ къ новой попойкѣ, и индійцы скоро дошли до самозабвенія. Чрезъ четверть часа шумный, оживленный лагерь уподобился кучѣ безсмысленнаго стада, спящаго непробуднымъ сномъ.

Тимоѳей и его товарищъ подошедъ къ Понтіаку; замѣчая съ величайшимъ вниманіемъ всѣ малѣйшія его движенія, видно было что крѣпкіе напитки и на него подѣйствовали. Когда они удостовѣрились, что въ такомъ положеніи онъ не страшенъ, отобрали отъ него оружіе, скрутили ему руки и ноги, и завязали ротъ, потомъ взваливъ его къ себѣ на плеча, отнесли шаговъ на сто отъ лагеря, тогда какъ упившіеся до-смерти Утавы ничего и не подозрѣвали.

— Чтожъ мы будемъ съ нимъ дѣлать?

— Постой, любезный, дай мнѣ прежде насладиться, что держу въ рукахъ моихъ индійца, съ которымъ могу распорядиться какъ хочу. Я могу его сей часъ-же убить, могу заставить долго страдать и между тѣмъ разсказывать ему исторію, какъ убилъ онъ жену и дѣтей моихъ, какъ поджегъ мой домъ!..

О! ты не можешь понять этого наслажденія!

Говоря это, Тимоѳей похожъ былъ на дикаго звѣря. Глаза его горѣли, зубы скрежетали; онъ сжималъ руки плѣнника съ такою силою, что всѣ его десять ногтей врѣзались въ тѣло дикаго, и кровь брызнула изъ ранъ. Понтіакъ опомнясь отъ боли, необыкновеннымъ усиліемъ разорвалъ веревки, которыми были связаны его, руки хотѣлъ сорвать съ лица и повязку, еще уси-

ліе, и былъ бы свободенъ. Еслибъ онъ могъ вскрикнуть, индійцы поднялись-бы на ноги, и тогда все пропало.

Но Тимоѳей долго не думалъ. Онъ выдернулъ длинный ножъ изъ ноженъ и вонзилъ его сначала въ горло, а потомъ въ сердце Понтіака.

Шпіонъ не могъ снести зрѣлища этого страшнаго убійства, и упалъ безъ чувствъ. Тимоѳей поднялъ его, отнесъ въ лодку и тотчасъ отчалилъ отъ берега.

— Видно, говорилъ онъ, поливая холодную воду на лице шпіона, видно что у него не было жены и дѣтей, убитыхъ въ его глазахъ индійцами. Славно могъ-бы я сегодня поохотиться! продолжалъ онъ: всѣ спали мертвымъ сномъ, довольно было-бы для рукъ работы, но я былъ не одинъ и имѣлъ порученіе.

Чрезъ нѣсколько секундъ шпіонъ пришелъ въ чувства и взялся за весло.

— А что, другъ? еслибъ я также лишился памяти, въ хорошемъ бы мы теперь были положеніи!

X.

Такъ кончилъ свою жизнь Понтіакъ, который могъ бы играть еще важную роль, подобно другимъ знаменитымъ индійскимъ начальникамъ, каковы были: Текумсе, Филиппъ, Логанъ и другіе, но они дѣйствовали отдѣльно, безъ единодушія, и побѣда осталась на сторонѣ цивилизаціи.

Понтіакъ, по словамъ современнаго историка, былъ человѣкъ необыкновенный, онъ столько же отличался умомъ своимъ въ совѣтахъ, сколько храбростью въ битвахъ.

Онъ былъ не врагъ цивилизаціи, напротивъ имѣлъ горячее желаніе учиться. Находясь въ соприкосновеніи съ англичанами, онъ желалъ узнать и понять все, что у нихъ видѣлъ.

Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ разсказы объ Европѣ и желалъ предпринять путешествіе въ Лондонъ. Когда ему говорили о пышности и великолѣпіи двора, онъ казалось чувствовалъ, что и самъ рожденъ былъ носить корону и порфиру, имѣть армію и тѣлохранителей. Понтіакъ какъ-бы считалъ себя вровень съ англійскимъ королемъ, и когда въ условіяхъ мира предлагали ему признать короля своимъ господиномъ, онъ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Я готовъ назвать его моимъ *дядей*, но *господиномъ* никогда!

Понтіакъ безспорно былъ выше другихъ современныхъ ему начальниковъ. Онъ могъ только равняться въ талантахъ, мужествѣ и несчастіи съ знаменитымъ Филиппомъ Поконокетомъ, прозваннымъ *Король Филиппъ*.

—

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ МАНДАНГОВЪ.

I.

Манданги болѣе другихъ племенъ Сѣверной Америки доступны были просвѣщенію, такъ, по-крайней-мѣрѣ, отзываются о нихъ всѣ путешественники, посѣщавшіе ихъ прежде упадка и послѣдовавшаго за тѣмъ конечнаго истребленія.

Манданги были, относительно говоря, народъ утонченный, роскошный, любящій искусства и художества, щеголявшій одеждою, отличавшійся отъ другихъ индійскихъ племенъ своими нравами, обычаями и жилищами.

Въ эпоху ихъ могущества, манданги занимали обширныя земли около береговъ Огіо, нѣсколько къ Сѣверу отъ нынѣшняго Цинцинати.

Первыя поселенія колонистовъ были вдалекѣ отъ Мандановъ и не могли устрашать ихъ. Звукъ оружія и удары заступа, раздавшіеся въ новомъ свѣтѣ, до нихъ еще не достигали; если же это и долетало иногда до вершинъ ихъ исполинскихъ лѣсовъ, они не обращали на то вниманія.

Да и не въ характерѣ этого изнѣженнаго, миролюбиваго народа было бы оказывать сопротивленіе, не смотря на то, что другія индійскія племена несли пламень и войну за ихъ уже предѣлы. Манданги не участвовали въ кровопролитныхъ битвахъ между европейцами и дѣтьми пустынь. Они *бѣжали цивилизаціи не сражаясь противъ нее*, а оставаясь равнодушными.

Изгнанные съ своихъ земель, манданги удалились отъ Огіо сначала къ устью Миссури, а потомъ постепенно ослабѣвая поднимались по восточному ея берегу все выше и выше, даже за предѣлы Сіусовъ, достигнувъ верховья рѣки, нашли тамъ себѣ гибель и конечное истребленіе.

По мѣрѣ того какъ европейцы ихъ настигали, они бѣжали

далѣе въ глубину пустынь и въ рѣшительную минуту, когда уже некуда было скрыться отъ цивилизаціи, не могли ни противустать ей, ни покориться.

Судя по тому, что писали о мандангахъ путешественники, народъ этотъ достоинъ полнаго участія, и плачевный его конецъ возбуждаетъ состраданіе.

II.

Происхожденіе этого племени, какъ и всѣхъ другихъ, покрыто мракомъ и таинственностью.

Слово Манданги, на собственномъ ихъ языкѣ значитъ «Народъ фазановъ», вѣроятно по множеству въ странѣ ихъ этой птицы. Манданги почитали себя самимъ древнѣйшимъ народомъ, такъ впрочемъ думаетъ о себѣ и каждое индійское племя, и нѣтъ ни одного, которое не считало бы себя корнемъ всего человѣческаго рода.

Во всякомъ случаѣ ихъ кроткіе нравы, не смотря на нѣкоторые варварскіе обычаи, одежда, самыя черты лица, если не показывали ихъ племенемъ совершенно исключительнымъ, то по крайней мѣрѣ отличнымъ отъ другихъ индійскихъ народовъ Сѣверной Америки.

Мы уже сказали, что Манданги былъ народъ миролюбивый, но когда случалось имъ защищать себя, обнаруживали всегда храбрость и рѣшительность.

На послѣднемъ ихъ, скажемъ, привалѣ на берегахъ верхняго миссури, они прислонили свою деревню къ берегу рѣки и окружили ее съ прочихъ сторонъ крѣпкимъ паллисадомъ съ глубокими рвами. Это показывало познанія ихъ и въ дѣлѣ военномъ.

Въ домашней ихъ жизни замѣтна была роскошь. Вигамы ихъ не походили на жилища другихъ племенъ. Это были настоящіе домики, у которыхъ крыша изъ буйволовой кожи имѣла выпуклость, на подобіе купола. Виганы такъ были просторны, что могли вмѣщать до сорока человѣкъ.

Оружія, таинственные мѣшки, трубки и всѣ домашнія принадлежности разложены были въ порядкѣ. Путешественникъ, вступая въ хижину манданга, не встрѣчалъ бѣдности и нравственнаго униженія, которыя тотчасъ поражаютъ всякаго, когда только приподнимешь кожу индійскаго вигама.

Входя въ хижину манданга, всегда почти находили женщинъ,

занятыхъ приготовленіемъ глиняной посуды, въ чемъ онѣ были довольно искусны.

Вообще всѣ индійцы Сѣверной Америки одинаково одѣваются: рубашки изъ лосиной, епанча и мокассины изъ буйволовой кожи. Разница бываетъ только въ головномъ уборѣ и въ узорахъ, украшающихъ рубашку, епанчу и обувь.

Но не смотря на эту одинакость въ одеждѣ, манданги отличались особою роскошью. Головной ихъ уборъ состоялъ изъ орлиныхъ перьевъ, горностаева мѣху и шелку. Начальники, пользующіеся военною славою, прибавляли еще къ такому украшенію два буйловые блестящіе рога, въ оконечности которыхъ продѣвались перья или шелкъ. Подобнаго рода каска стоила не дешево, потому что орлиныя перья и горностаевый мѣхъ въ странѣ мандановъ были рѣдкостью. Можно судить изъ слѣдующихъ словъ одного путешественника, какую цѣнность придавали манданги своему головному убору.

Однажды, разсказываетъ этотъ путешественникъ, я просилъ индійца продать мнѣ его богатую одежду. Онъ на это согласился, выключая однакожъ головнаго убора; и когда путешественникъ желалъ знать причину такого изъятія, тотъ объяснилъ, что ему долго не достать такихъ прекрасныхъ орлиныхъ перьевъ и столь превосходнаго горностаеваго мѣха. Но какъ путешественнику именно хотѣлось достать головной уборъ, онъ не переставалъ ежедневно докучать о немъ индійцу.

— Если ты непремѣнно хочешь имѣть мой головной уборъ, я тебѣ его продамъ.

— За сколько?

— За двѣ лошади.

Путешественникъ на это согласился и досталъ у купцовъ двѣ лошади, заплативъ по 25 доллеровъ за каждую.

III.

Щегольство, свойственное мандангамъ, распространялось и на ихъ женщинъ, что было рѣдкостью, потому что женщины прочихъ племенъ были чрезвычайно неопрятны. Сверхъ того женщины мандангскія были хороши собою, отличались бѣлизною тѣла, имѣли тонкія черты лица, большіе голубые глаза не безъ выраженія. Въ манерахъ своихъ, въ разговорѣ, выказывали скром-

ность и приличіе, свойственныя женщинамъ съ нѣкоторымъ образованіемъ.

Волосы мандангскихъ красавицъ были необыкновенно хороши, цвѣтомъ своимъ они переходили всѣ тоны отъ русыхъ до каштановыхъ: по странности, нѣкоторыя женщины имѣли волосы совершенно бѣлые; кажется, что это отличіе было наслѣдственнымъ, потому что такой же цвѣтъ волосъ замѣчался у иныхъ мужчинъ и дѣтей.

Впрочемъ мужчины, по большей части, скрывали такую бѣлизну, окрашивая волосы птичьимъ клеемъ или красною землею, разведенною въ водѣ. Женщины; напротивъ, щеголяли бѣлыми волосами и распускали ихъ до колѣнъ.

Во время совершеннаго ихъ истребленія, манданги имѣли вторымъ начальникомъ Ма-то-то-па (четыре медвѣдя) человѣка смышленаго, любимаго всѣмъ племенемъ. Съ его нравственными качествами соединялась и красота физическая. Его мы и назовемъ *послѣднимъ изъ мандановъ*.

Ма-то-то-па былъ также замѣчательный воинъ. Въ торжественные дни онъ надѣвалъ исполинскую баснословную мантію, на которой очень наивно изображены были всѣ его воинскіе подвиги. И такъ онъ влачилъ свою вѣрсаль на плечахъ и могъ драпироваться въ своей біографіи.

IV.

Этотъ походный музей стоитъ описанія.

Первый рисунокъ изображаетъ три человѣческія головы въ прямой линіи; въ сторонѣ видны два человѣка, изъ которыхъ одинъ держитъ въ рукѣ скальпированный черепъ съ капающею съ него кровью, другой протягиваетъ руки въ знакъ страданія.

Этотъ рисунокъ напоминалъ побѣду, одержанную Ма-то-то-па надъ начальникомъ Сіусовъ, который въ заслугѣ своей считалъ смерть трехъ начальниковъ рикарисовъ, не задолго имъ убитыхъ. Человѣкъ со скальпомъ означалъ Ма-то-то-па; человѣкъ съ простертыми руками — начальника Сіусовъ; три черепа — начальниковъ рикарисовъ, убитыхъ Сіусомъ.

Начальникъ племени рикарисовъ, знаменитый воинъ, завидуя военной славѣ Ма-то-то-па, вызвалъ его, по примѣру древнихъ героевъ, на поединокъ. Противникъ согласился и бой произошелъ при стеченіи многочисленныхъ свидѣтелей отъ обоихъ племенъ.

Ма-то-то-па пронзилъ насквозь своего соперника копьемъ. Этотъ гомерическій эпизодъ изъ жизни Ма-то-то-па доставилъ второй сюжетъ для его иллюстрованной мантіи, на которой видѣнъ былъ мандангскій воинъ, прокалывающій своего непріятеля копьемъ, украшеннымъ орлиными перьями.

Однажды Ма-то-то-па оставленъ былъ своими въ самомъ пылу битвы раненый, истекающій кровью. Но и здѣсь герой мандангскій не упалъ духомъ. Онъ продолжалъ драться съ начальникомъ рикарисовъ, убилъ его изъ ружья и обратилъ въ бѣгство пятьдесятъ человѣкъ его окружавшихъ. Этотъ подвигъ храбрости изображенъ былъ на мантіи Ма-то-то-па фигурою человѣка перегнутаго на-двое и стрѣляющаго изъ ружья, поставленнаго вертикально, не менѣе того начальникъ рикарисовъ падаетъ навзничъ съ распростертыми руками и растопыренными пальцами. Этотъ послѣдній окруженъ множествомъ шариковъ, означающихъ рикарискихъ воиновъ, присутствующихъ при этой катастрофѣ.

V.

Однажды Ма-то-то-па былъ въ союзѣ съ рикарисами, всегдашними впрочемъ его врагами — индійцы имѣютъ также свою политику — противъ Сіусовъ. При первомъ сраженіи, рикарисы обратились въ бѣгство, и Ма-то-то-па, покинутый всѣми, соскочилъ съ своей лошади и храбро бился съ непріятелями. Онъ преставленъ на мантіи, стоящимъ на ногахъ съ головнымъ уборомъ изъ орлиныхъ перьевъ выше его самого и похожимъ на гребень разсерженнаго пѣтуха.

Позади его изображена лошадь; она стоитъ на двухъ только ногахъ, (другія двѣ скрываются въ темной перспективѣ) и съ вытянутымъ, какъ палка хвостомъ, ржетъ и умильно смотритъ на господина своего, стрѣляющаго изъ ружья величиною съ пистолетъ, которое видно изъ-за огромнаго щита.

VI.

Послѣдній рисунокъ оченъ интересенъ какъ по выполненію, такъ и по сюжету. Онъ представляетъ стоящаго человѣка съ распростертыми руками. Въ лѣвой рукѣ ружье, а правая пуста.

Въ сердцѣ у этого человѣка видны стрѣла и копье, которымъ онъ пронзенъ на-сквозь. Это братъ Ма-то-то-па, пораженный сна-

чала стрѣлою Шіена и потомъ доконченный копьемъ. Ма-то-то-па выдернулъ окровавленное копье и носилъ его по своей деревнѣ клянясь, что отмститъ смерть своего брата. Четыре года хранилъ онъ въ своемъ виганѣ это копье, не вытирая съ него крови. Видя однакожъ, что случая къ отмщенію не представляется, рѣшился его не дожидаться.

Въ одно утро, вооруженный этимъ самымъ копьемъ, онъ расхаживалъ по деревнѣ и говорилъ: «пусть манданги молчатъ и не произносятъ имени Ма-то-то-па, пусть не безпокоятся о немъ, не спрашиваютъ куда пошелъ, пока деревня не огласится воинственнымъ крикомъ и онъ не покажетъ крови Вон-га-та (имя шіенскаго воина). Желѣзо этого копья напьется кровью изъ сердца Вон-га-та, или Ма-то-то-па соединится съ братомъ своимъ въ странѣ тѣней».

Тогда онъ отправился съ копьемъ въ рукахъ въ деревню шіеновъ. Двѣсти верстъ шелъ онъ по ночамъ, скрываясь днемъ, чтобъ не быть узнаннымъ. Достигнувъ мѣста своего путешествія, онъ осторожно узналъ, гдѣ находится вигамъ непріятеля, и освѣдомился о всѣхъ привычкахъ ежедневной его жизни.

Когда настала ночь, онъ вошелъ въ него перерядившись въ ту минуту, какъ непріятель ложился спать. По обычаю индійцевъ сѣлъ у потухающаго огня и спокойно закурилъ свою трубку, такъ что Вон-га-ту не пришло и въ умъ какое-либо подозрѣніе. Потомъ, полагая что непріятель уже заснулъ, Ма-то-то-па бросился на его ложе и поразивъ хозяина копьемъ, вышелъ изъ вигама съ непріятельскимъ скальпомъ. Всю ночь бѣжалъ онъ боясь погони, и на шестой день прибылъ въ свою деревню съ непріятельскимъ скальпомъ на копьѣ, которое показывалъ предъ каждымъ вигамомъ повторяя: «вотъ кровь Ван-га-на, убійцы брата моего. Братъ мой отмщенъ!»

VII.

Какъ ни забавна артистическая мантія Ма-то-то-па, нельзя однакожъ отказать ему въ достоинствахъ храбраго воина. Мы подтвердимъ это новыми примѣрами.

Однажды шайка изъ ста-пятидесяти человѣкъ шіеновъ грабила ночью въ окрестностяхъ деревни мандановъ, причемъ похищено множество лошадей и даже убитъ одинъ изъ мандановъ, скальпъ котораго унесли съ собой шіены. На слѣдующее утро,

Ма-то-то-па, будучи еще молодымъ человѣкомъ, собралъ до пятидесяти воиновъ и пустился вслѣдъ за непріятелемъ, котораго настигъ на слѣдующій день.

Шіены увидѣвъ за собою погоню, обернулись и дали залпъ. Манданги поколебались и готовы были дать тягу.

Ма-то-то-па въ бѣшенствѣ проскакавъ сквозь ряды войска, вонзилъ копье свое въ землю.

— Какъ! вскричалъ онъ мандангамъ, для того-ли мы гнались два дня по пятамъ непріятеля, какъ собака за птицей, чтобъ постыдно бѣжать отъ него въ ту самую минуту, какъ его настигли? Пожалуй себѣ бѣгите, но земля, гдѣ Ма-то-то-па вонзилъ свое копье, скорѣе обагрится его кровью, чѣмъ рѣшится онъ послѣдовать вашему примѣру! Если вы меня оставите, я буду сражаться одинъ.

Слова его услышаны были и шіенами. Начальникъ послѣднихъ приблизился къ мандангамъ.

— Кто ты, вызывающійся одинъ на битву со всѣми нами? спросилъ онъ.

— Меня зовутъ Ма-то-то-па. Я второй начальникъ храбрыхъ и безстрашныхъ манданговъ.

— Я слышалъ о тебѣ какъ о знаменитомъ воинѣ, возразилъ шіенъ. Хочешь-ли ты биться со-мною одинъ-на-одинъ, а войска наши будутъ свидѣтелями.

— Начальникъ-ли говоритъ со мною!

— Смотри, отвѣчалъ другой, на скальпы, висящіе на сѣдлѣ моей лошади, копье мое украшено орлиными перьями.

— Довольно! воскликнулъ Ма-то-то-па.

Оба начальника вскочили на лошадей своихъ и стали на противуположныхъ концахъ образовавшагося изъ обоихъ отрядовъ кружка. Тутъ началась битва, какія описываются въ древнихъ поэмахъ.

Сначала стрѣляли другъ въ друга изъ ружей. Истративъ заряды, противники бросили оружіе и принялись за луки и стрѣлы; никто изъ нихъ не получилъ тяжелой раны, сраженіе могло на долго затянуться. Разомъ соскочили они съ лошадей и бросились другъ на друга. Шіенъ выхватилъ ножъ, Ма-то-то-па сунулъ руку за поясъ, но ножа у него не было. Тогда онъ сталъ защищаться своимъ лукомъ и схвативъ непріятеля своего, упалъ вмѣстѣ съ нимъ на землю. Тутъ началась отчаянная схватка, одинъ

старался удержать, другой выхватить ножъ, который долженъ былъ рѣшить участь этой звѣрской борьбы. Ма-то-то-па успѣлъ вырвать это орудіе изъ рукъ шіена и вонзилъ ему въ горло.

Это сраженіе изображено на мантіи Ма-то-то-па въ тотъ моментъ, когда ножъ оспаривается противниками. Глядя на рисунокъ подумаешь, что эти непримиримые враги дружески пожимаютъ одинъ другому руки.

Прочіе рисунки этой живописной мантіи менѣе любопытны, число ихъ простирается до двѣнадцати.

VIII.

Ма-то-то-па былъ начальникомъ мандановъ въ то время, какъ въ 1838 г. появилась у нихъ оспа и всѣхъ ихъ истребила. Нѣкоторые полагаютъ, что эта ужасная болѣзнь завезена къ нимъ купцами; другіе утверждаютъ, что капитанъ одного парохода, имѣя на суднѣ двухъ человѣкъ съ признаками оспы, высадилъ ихъ въ деревню мандановъ.

Манданги гибли какъ въ пожарѣ. Чрезъ восемь дней осталось не болѣе сорока человѣкъ этихъ несчастныхъ, сдѣлавшихся плѣнниками рикарисовъ.

Одинъ охотникъ, находившійся въ это время близъ деревни мандановъ, разсказываетъ о злополучномъ концѣ Ма-то-то-па. Начальникъ индійскій видя все семейство свое гибнущимъ, и домъ свой полный труповъ, накрылъ ихъ буйволовою кожей и отправился на ближній къ рѣкѣ холмъ, гдѣ шесть дней постился и молился. Собравъ потомъ послѣднія свои силы, дотащился до дому, обернулся въ свою знаменитую мантію и легъ подлѣ труповъ своего семейства.

На девятый день онъ умеръ съ голода, не смотря на всѣ усилія купцовъ и охотниковъ—бывшихъ свидѣтелями этой страны—избавить несчастнаго.

Когда появится между индійскими племенами оспа, то производитъ ужасныя опустошенія. Изъ донесеній американскихъ агентовъ видно, что въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ двадцать пять тысячъ человѣкъ сдѣлались жертвою этой страшной болѣзни.

Можетъ быть спросятъ: зачѣмъ же правительство американскихъ соединенныхъ штатовъ не принимаетъ мѣръ остановить такую гибель народа и не распространяетъ между индійцами

оспопрививанія? Правительство дѣлаетъ въ семъ случаѣ все возможное.

Многіе медики посланы были къ американскимъ агентамъ, но всѣ ихъ попытки остались безуспѣшными, потому что индійцы вѣрятъ только своимъ знахарямъ. Сначала ихъ озадачило, что царапинка на рукѣ можетъ предохранить бѣлыхъ людей отъ злой болѣзни, но воображая, что чрезъ такое дѣйствіе они подвергнутся особому вліянію на себя бѣлыхъ, рѣшительно отказались отъ всякой операціи.

Что дѣлать съ суевѣріемъ?

IX.

Мы сказали, что сорокъ человѣкъ мандановъ, пережившихъ страшную болѣзнь, сдѣлались плѣнниками рикарисовъ.

Послѣдніе очистили деревню отъ труповъ и заняли превосходныя земли мандановъ.

Но сіусы, также призаривавшіеся на эту деревню, напали на новыхъ владѣтелей.

При видѣ сіусовъ, несчастные манданги, мужчины и женщины, вышли къ нимъ навстрѣчу и кричали имъ:—убейте насъ, мы хуже собакъ у рикарисовъ, всѣ наши родные померли, и намъ нечего дѣлать на этой землѣ!

И сіусы не сдѣлали ни малѣйшаго затрудненія отправить послѣднихъ мандановъ къ друзьямъ и родственникамъ ихъ въ жилище тѣней.

Такъ не осталось теперь и слѣдовъ племени мандановъ.

Н.....й.

СУМАСШЕДШІЙ.

(Разсказъ Октавія Фере).

—

I.

Однажды утромъ почтовая коляска остановилась во стѣ шагахъ отъ заставы Гавра на Парижской дорогѣ. Кондукторъ слезъ съ козелъ. Крестьяне, занимавшіеся жатвой въ сосѣднемъ полѣ, съ изумленіемъ разсматривали путешественниковъ, которые выходили изъ коляски.

— Посмотри-ка, какой молодецъ этотъ баринъ, замѣтила толстая крестьянка.

— А вонъ тотъ-то, что пониже, развѣ не хорошъ тоже? спросила другая.

— О! Это еще ребенокъ!

— Ну, какой же ребенокъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, я люблю лучше высокихъ.

— А я низенькихъ.

— О! Ты всегда любила бѣлокурыхъ.

Въ этихъ словахъ, вѣроятно, заключалась эпиграмма, потому что молодая крестьянка, къ которой они были обращены, покраснѣла и замолчала. Что же касается насъ, то мы скажемъ, что наружность молодыхъ путешественниковъ могла бы понравиться людямъ и болѣе разборчивымъ, нежели простые крестьяне.

Младшему изъ нихъ, блондину, казалось не болѣе шестнадцати лѣтъ; лице его было свѣжо, какъ розанъ.

Его широкій плащъ, небрежно застегнутый, обрисовывалъ одну изъ тѣхъ воздушныхъ талій, которыя мы не привыкли видѣть подъ мужскимъ платьемъ. Легкіе башмаки были надѣты на его маленькія ножки, къ которымъ бы лучше шли туфли Феи. Вообще, всѣ формы юноши были между собою въ полной, прелестной гармоніи.

Другому путешественнику было лѣтъ двадцать пять. Это былъ красивый мужчина, съ нѣсколько смуглымъ лицемъ и черными глазами. Въ физіономіи его выражалась рѣшительность и откровенность.

Кондукторъ вынулъ изъ ящика дорожный мѣшокъ, единственную поклажу путешественниковъ, и получивши отъ нихъ на водку, разсыпался въ благодарностяхъ.

— Не прикажете-ли вамъ, сударь, донести вашъ мѣшокъ? спросилъ онъ.

— Благодарю, любезный; я донесу его самъ.

— Какъ вамъ угодно, сударь. Но если вы еще никогда не были въ Гаврѣ и имѣете нужду въ гостинницѣ, то позвольте рекомендовать вамъ Armes-de-France.

— У насъ приготовлена уже квартира; насъ ждутъ.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, господа. Счастливо оставаться.

Сказавши послѣднія слова, онъ сѣлъ на свое мѣсто въ коляску, бросилъ на младшаго изъ путешественниковъ лукавый взглядъ, которымъ какъ будто хотѣлъ сказать, что онъ больше знаетъ нежели говоритъ, и отправился назадъ по той же дорогѣ, по которой пріѣхалъ.

— Наконецъ-то, сказалъ молодой человѣкъ, брюнетъ, смотря на удаляющуюся коляску, наконецъ мы пріѣхали на первую нашу станцію, безъ всякаго непріятнаго случая. Развѣ это не счастливое предзнаменованіе? Ну, начинаешь-ли ты успокоиваться?

Юноша отвѣчалъ на эти слова улыбкой и не замѣчая любопытныхъ взглядовъ крестьянъ, которые не пропускали безъ вниманія ни малѣйшаго жеста молодыхъ путешественниковъ, приподнялся на цыпочки къ своему товарищу, какъ будто прося его поцѣлуя. Брюнетъ былъ уже готовъ удовлетворить этой просьбѣ, какъ вдругъ увидѣлъ крестьянъ.

— Разсудительность и осторожность, сказалъ онъ тихо.

Потомъ прибавилъ вслухъ:

— Пойдемъ, братъ, насъ ждутъ завтракать.

Юноша покраснѣлъ, улыбнулся и взялъ его за руку; проворно и весело они отправились въ путь.

Погода была превосходна, небо лазурно, солнце во всемъ своемъ блескѣ. Пріятный вѣтерокъ, заносимый съ моря, освѣжалъ солнечный зной; шиповникъ, растущій на дорогѣ, наполнялъ воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Эта восхитительная природа совершенно соотвѣтствовала молодости и красотѣ нашихъ юныхъ путешественниковъ. Въ эту счастливую пору жизни, все наше существо настраивается къ любви и радости; весенняя атмосфера живѣе и живѣе заставляетъ обращаться горячую кровь въ молодыхъ венахъ.

Молодые люди уже скрылись изъ глазъ нескромныхъ крестьянъ. Никто не встрѣчался имъ на дорогѣ; никакой человѣческій голосъ не слышался имъ болѣе; только издали раздавался торжественный шумъ моря. Они сошли съ большой дороги и сѣли подъ деревомъ. Въ тиши своего уединенія, при видѣ великолѣпной панорамы, они долгое время оставались безмолвными, неподвижными, восхищаясь окружающею ихъ природою. Ихъ руки были соединены; не нуждаясь въ словесномъ выраженіи своихъ чувствъ, они сообщали ихъ другъ другу симпатическимъ языкомъ восторга и счастія.

Но увы! земныя радости вообще непродолжительны, не исключая и тѣхъ, которыя бываютъ въ молодости, не смотря на то, что она умѣетъ окружать себя мечтами и надеждами! Молодой человѣкъ вдругъ вздрогнулъ; слеза, упавшая изъ глазъ его товарища, обожгла ему руку. Онъ грустно посмотрѣлъ на него: дѣйствительно, юноша плакалъ!

— Бѣдное дитя! воскликнулъ онъ съ горестью. Бѣдное дитя! О! лучше бы намъ не приходить сюда!...

— Прости меня, мой другъ; это ничего, ничего, клянусь тебѣ. Это уединеніе, эта тишина невольно пробудили во мнѣ тягостныя воспоминанія... но уже все прошло... Повѣрь мнѣ, Гекторъ, мое назначеніе, цѣль моей жизни—принадлежатъ тебѣ. О! Какъ *я люблю тебя*!...

Слова эти произнесены были съ выраженіемъ такой безконечной нѣжности, которая никогда не можетъ слышаться въ мужскомъ голосѣ; огневой и глубокій взглядъ очей молодаго спутника, прозрачныхъ какъ сапфиръ, совсѣмъ былъ не похожъ на взглядъ мужчины,—и потому легко было догадаться, что старшій изъ двухъ молодыхъ путешественниковъ скрывалъ подъ муж-

скою одеждою не брата своего, ни товарища, а сердце своего сердца, душу души своей, жизнь своей жизни.

Онъ взялъ обѣими руками его очаровательную головку и слился съ нимъ въ долгомъ, огненномъ поцѣлуѣ.

— И я, и я также горячо люблю тебя! Но, возразилъ онъ весело, будемъ продолжать нашъ путь. Помни только, какъ мы должны быть осторожны. Одно слово, одинъ жестъ могутъ погубить насъ. Поэтому я желалъ бы на нѣсколько дней, которые мы проведемъ здѣсь, нанять гостинницу не столько блистательную, сколько скромную и уединенную.

— О! Разумѣется, этого требуетъ благоразуміе.

— Ты въ качествѣ ученика шестнадцати лѣтъ, моего брата, должна обожать всѣхъ женщинъ, и если хозяйка гостинницы будетъ молода, я позволяю тебѣ строить ей куры.

И они снова отправились въ путь, смѣясь, болтая и обнимаясь.

Первымъ попавшимся имъ домомъ былъ трактиръ, на вывѣскѣ котораго красовалась надпись. *На-Разсвѣтѣ*, а надъ ней была другая: *Пику. Здѣсь останавливаются пѣшіе и конные.*

Младшій изъ нашихъ путешественниковъ, принявъ на себя рѣшительный видъ, вошелъ первый въ гостепріимный трактиръ; за нимъ послѣдовалъ его спутникъ.

Въ это время хозяинъ Пику былъ сильно занятъ приготовленіемъ яичницы съ ветчиной. При входѣ молодыхъ людей, такъ прекрасно одѣтыхъ, онъ сконфузился до того, что опрокинулъ свою яичницу, которая, пролившись, трещала на угольяхъ. Въ то время, какъ онъ подойдя къ молодымъ людямъ, кланялся имъ, сгибаясь вдвое, г-жа Пику, толстая Нордманка, его дражайшая половина, оставила свое шитье и бросала умильные взгляды на своихъ гостей.

— Здравствуйте, хозяинъ, здравствуйте, прелестная хозяйка, сказалъ юноша, на привѣтствіе котораго г-жа Пику отвѣчала реверансомъ.

— Пику! вскричала она, возьми у господина его дорожный мѣшокъ. Вѣроятно, вы будете здѣсь завтракать? прибавила она, обращаясь къ гостямъ.

Счастіе творитъ чудеса надъ влюбленными женщинами: полное довѣріе молодой путешественницы къ своему возлюбленному, радость, испытываемая ею при мысли, что онъ около нея, со-

вершенно переродили ее, сдѣлавъ изъ робкой, стыдливой дѣвушки, бойкаго, смѣлаго юношу. Она отвѣчала весело:

— Хотя мы пріѣхали сюда только за тѣмъ, чтобъ повидаться съ вами, однако не откажемся попробовать произведеній кухни г. Пику. Не такъ-ли, братецъ?

Гекторъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Вамъ, господа, угодно комнату?

— Да, хозяинъ, отведите намъ комнату съ двумя кроватями.

— Сію минуту. Жена, приготовь для господъ комнату съ четырьмя кроватями.

— Мы сказали: съ двумя.

— Я это слышалъ: но не все-ли равно для васъ? Можетъ быть, вамъ понадобится и болѣе. Притомъ же у насъ всѣ комнаты съ четырьмя кроватями.

— Ну, ужъ признайся лучше, что у насъ только и есть одна комната для путешественниковъ, и та съ четырьмя кроватями, перебила г-жа Пику, выводя мужа на свѣжую воду.

— Чертъ возьми! сказалъ Гекторъ, кусая губы и кинувъ значительный взглядъ на своего мнимаго брата, который покраснѣлъ до ушей. А другія кровати уже заняты?

— Будьте покойны, сударь, вы будете одни; нынче дѣла наши къ несчастію идутъ худо.

— Ну, надобно это кончить, сказалъ Гекторъ. По скольку вы берете за каждую кровать?

— По пятнадцати су въ день.

— Я оставляю за собой всѣ четыре.

Физіономія трактирщика прояснилась.

— Г-жа Пику, проводите же насъ въ нашу комнату, а вы, хозяинъ, поспѣшите завтракомъ.

— Для четырехъ особъ? спросилъ Пику, которому цифра четыре вскружила голову.

— Господа, не угодно-ли вамъ слѣдовать за мною, сказала его жена, пожимая плечами.

— Всюду, куда вамъ угодно, отвѣчалъ мнимый юноша, снова принимая на себя роль волокиты и кидая нѣжный взглядъ на хозяйку трактира.

Комната, въ которую хозяйка трактира ввела нашихъ путешественниковъ, совсѣмъ не щеголяла своею наружностью; въ стѣнѣ, около камина, было углубленіе, въ которомъ, какъ должно полагать, когда-то существовало окно или дверь отъ шка-

фа, задѣланная вслѣдствіе какой нибудь домашней надобности. Въ срединѣ этого углубленія находилась истертая картина, а подъ нею Гекторъ прочиталъ надпись, сдѣланную на стѣнѣ углемъ: «Господи! пошли лундоръ для моей дочери.»

— Не обращайте вниманія на это, сказала хозяйка; это написалъ сумасшедшій.

— Сумасшедшій?

— Да, нашъ слуга при трактирѣ; онъ повѣсилъ здѣсь эту картину и постоянно пишетъ подъ нею то, что вы видите; сначала я стирала эти подписи, но онѣ являлись снова, и я потомъ не стала ихъ трогать.

— Странное помѣшательство, сказалъ молодой человѣкъ, дѣйствительно мало обратившій вниманія на смыслъ подписи.

Г-жа Пику отворила окно, чтобъ показать своимъ гостямъ видъ окрестностей. Въ это время Жюль (вымышленное имя молодой путешественницы) незамѣтно подкрался къ ней и обнялъ ея талію.

— Видъ превосходный, милая хозяйка, сказалъ онъ, но сами вы прелестнѣе всѣхъ возможныхъ видовъ.

И онъ вперилъ въ нее страстный взоръ.

— Вашъ братъ большой шалунъ, сказала г-жа Пику, обращаясь къ Гектору. Какой милашка этотъ мальчикъ, прибавила она потомъ сама себѣ.

Въ эту минуту смѣшанные крики послышались съ улицы. Гекторъ взглянулъ въ растворенное окно и увидѣлъ цѣлую толпу мальчишекъ, которые съ страшнымъ визгомъ гнались за какимъ-то старикомъ, преслѣдуя его насмѣшками, кидая въ него чѣмъ ни попало. Это былъ отвратительный хаосъ криковъ, угрозъ и воплей. Наконецъ бѣдный старикъ, усталый, задохнувшійся, шагахъ въ двадцати пяти отъ трактира, былъ настигнутъ и окруженъ своими безжалостными непріятелями, которые рвали и щипали его. Нѣкоторые изъ проходящихъ мимо бросали равнодушные взгляды на это зрѣлище, къ которому, казалось, они привыкли; другіе поощряли негодяевъ своимъ ободрительнымъ смѣхомъ. Несчастный старикъ умолялъ своихъ преслѣдователей о пощадѣ; но каждое изъ его словъ и движеній сопровождалось только одними грубыми насмѣшками.

Гекторъ, понимая изъ этой сцены только то, что въ ней есть мучители и жертва, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и выскочилъ на улицу. Онъ присоединился къ толпѣ въ одно вре-

мя съ мужчиной, одѣтымъ въ черное, засаленное платье, при появленіи котораго шумъ утихъ. То былъ коммиссаръ полиціи.

Этотъ коммиссаръ, чрезвычайный заика, обратился къ бѣдному, трепещущему старику, съ слѣдующими словами:

— А! а!... О..о..пять ты ко мнѣ по..о..пался, ме...ерзавецъ! Ты только всѣхъ тре..е..вожишь. Вотъ я тебя, не...егодяй. Сту...у...пай за мною, въ тю...рьму.

Осужденный долженъ былъ повиноваться; но въ это время Гекторъ, который едва имѣлъ терпѣніе выслушать судъ коммиссара, сказалъ ему:

— Извините, милостивый государь, мнѣ кажется, вы ошибаетесь.

Коммиссаръ кинулъ надменный взглядъ на дерзкаго, который осмѣлился сдѣлать ему возраженіе.

— Зна...айте, милостивый госу-ударь, отвѣчалъ онъ, что я нико...огда не ошиба...аюсь. Ну же, живо...отное, ступа...ай за мною, прибавилъ онъ, обращаясь къ старику.

Гекторъ стоялъ на своемъ:

— Извините меня, но я долженъ вамъ замѣтить, что вы хотите поступить несправедливо.

— Вы о...очень дерзки.

— Я видѣлъ изъ своего окна всю эту сцену. На несчастнаго старика напали, мучили его и онъ не сдѣлалъ ни одного движенія, чтобъ защититься отъ этихъ негодяевъ, тогда какъ онъ, повидимому такъ силенъ, что однимъ взмахомъ руки могъ бы всѣхъ ихъ повалить на землю. Неужели же вы будете наказывать его только за то, что онъ невольно сдѣлался ихъ жертвою?

Подобно всѣмъ тѣмъ безхарактернымъ людямъ, которые всегда уступаютъ смѣлости и энергіи, нашъ коммиссаръ не могъ противорѣчить болѣе настояніямъ Гектора. Къ тому же онъ хотѣлъ наказать старика только потому, что его одного гораздо легче было схватить, чѣмъ цѣлую толпу шумѣвшихъ мальчишекъ. Правосудіе его было похоже на африканское.

— Я го....о....товъ вамъ вѣ...рить; но знаете-ли вы, что вы за. .ащища....аете сума....а....сшедшаго?

— Сумасшедшаго! повторила толпа любопытныхъ, которые окружили спорящихъ.

— Я сумасшедшій, сказалъ старикъ торжественно-утверди-

тельнымъ голосомъ, устремляя на своего защитника совершенно спокойный взглядъ.

Гекторъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на старика. Его лице, не смотря на то, что было покрыто морщинами, сохранило черты, полныя гармоніи и достоинства: его возвышенный лобъ носилъ на себѣ отпечатокъ благородной гордости, особенно замѣтной въ тѣ минуты, когда онъ распрямлялъ свой станъ, согбенный моральными и физическими трудами. Но неопредѣленный, блуждающій взглядъ, то вдругъ огневой, то вдругъ холодный, споря съ неподвижностью его физіономіи, свидѣтельствовалъ о томъ несчастномъ состояніи, въ которомъ онъ находился.

Видя несчастнаго страдальца освобожденнымъ отъ его преслѣдователей, Гекторъ сказалъ, обращаясь къ коммиссару:

— Благодарю васъ, милостивый государь, за то, что вы обратили вниманіе на мое замѣчаніе.

При этомъ онъ пожалъ ему руку...

— О! По....омилуйте! проговорилъ коммиссаръ. Васъ, какъ ка....ажется, Пьеръ интере...е.....суетъ.

— Да, сказалъ Гекторъ, желая кончить разговоръ.

— Позво....ольте вамъ засвидѣ....ѣ...тельствовать свое почте..еніе, милостивый государь.

Они разстались, повидимому, дружелюбно; но рана, которая была нанесена самолюбію коммиссара, еще не зажила.

Подходя къ дверямъ трактира, Гекторъ весьма удивился, увидя идущаго за собою старика Пьера, который слѣдовалъ за нимъ шагъ за шагомъ. Въ ту минуту, когда молодой человѣкъ хотѣлъ переступить черезъ порогъ, сумасшедшій дернулъ его за платье.

— Я желалъ бы съ вами поговорить, сказалъ онъ съ серьёзнымъ видомъ, по которому въ немъ никакъ нельзя было предполагать помѣшательства.

— Что тебѣ надобно?

Сумасшедшій наклонился къ нему на ухо и проговорилъ:

— Не можете-ли вы мнѣ ссудить луидора?

Разговоръ этотъ былъ прерванъ трактирщикомъ Пику, который вышелъ изъ своей кухни, весьма на что-то разсерженный, и не зная на комъ излить свою злость, дернулъ Пьера за ухо, вскричавъ:

А! ты здѣсь, бездѣльникъ, плутъ, лѣнивецъ!

Гекторъ снова хотѣлъ вступиться за несчастнаго старика.

— Что это, что это, хозяинъ! За что вы на него такъ разсердились!

— Да какъ же, помилуйте, сударь. Цѣлые два часа этотъ мерзавецъ проходилъ за дѣломъ, которое можно было сдѣлать въ десять минутъ!...

Гекторъ, находя эту минуту неблагопріятною для дальнѣйшихъ объясненій о загадочномъ старикѣ, прервалъ рѣчь хозяина вопросомъ:

— А что, завтракъ готовъ, г. Пику?

— Осталось только накрыть столъ, сударь, отвѣчалъ трактирщикъ.

И онъ три раза принимался кликать свою жену, худо скрывая свою досаду.

— Ну, что еще? спросила она, показываясь изъ окна вмѣстѣ съ Жюлемъ.

— Приборы для господъ.

— Сейчасъ.

— Представьте себѣ, ворчалъ Пику, она сидитъ въ вашей комнатѣ съ тѣхъ поръ, какъ вы оттуда вышли. Я думаю, она ужасно надоѣла вашему брату.

Громкій смѣхъ его веселой жены и Жюля опровергли это предположеніе. Пику испустилъ тяжелый вздохъ и пошелъ къ своему очагу.

Гекторъ въ свою очередь не могъ воздержаться отъ улыбки. Простякъ Пику ужасно ревновалъ свою жену и къ кому-же?...

Хозяйка проворно накрыла на столъ въ столовой и доложила Гектору, что все готово. Онъ позвалъ своего брата.

— Иду, иду! прокричалъ онъ изъ своей комнаты.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ серебрянымъ голосомъ, изъ груди сумасшедшаго, который до тѣхъ поръ сидѣлъ на землѣ и былъ равнодушенъ ко всему его окружающему, вырвался глухой стонъ.

— Еще, еще!... О! говори еще! воскликнулъ онъ съ волненіемъ.

Иду, иду, сей-часъ, повторялъ Жюль; я только застегну манжеты.

Безумный поползъ къ лѣстницѣ, ведущей въ комнату нашихъ путешественниковъ, опираясь руками объ землю и вперивъ впередъ себя жадные взоры.

Когда юноша показался изъ своей комнаты, старикъ снова

испустилъ крикъ, вскочилъ на ноги и отбѣжалъ назадъ, какъ будто испуганный сверхъ-естественнымъ явленіемъ.

Столовая въ трактирѣ *На-Разсвѣтѣ* отдѣлялась отъ кухни стеклянною дверью. Г-жа Пику непремѣнно хотѣла сама служить своимъ гостямъ. Она достала для нихъ изъ кладовой самую блестящую оловянную посуду. Ея мужъ, получившій отъ нея приказаніе не отлучаться изъ своей кухни, только тайкомъ заглядывалъ на своихъ гостей сквозь стеклянную дверь. Я не смѣю даже ручаться за то, что онъ не подслушивалъ ихъ разговора, который могъ касаться и другихъ предметовъ, кромѣ похвалъ его поваренному искуству.

II.

Мучимый ревностью, раздосадованный на свою жену, Пику напалъ на несчастнаго сумасшедшаго, который, будучи неспособенъ слѣдовать постоянно за одною мыслію, безсознательно опустился на полъ, подлѣ него, какъ нарочно, чтобъ гнѣвъ разсерженнаго хозяина разразился прямо надъ нимъ.

— Скотина! что ты тамъ дѣлаешь? поди сюда. Раздувай огонь, поворачивай вертѣлъ, болванъ! Вотъ еще толкнулъ меня, и я пересыпалъ мускатнаго орѣха. О животное!

Пьеръ всталъ, подошелъ къ хозяину и началъ машинально исполнять его приказанія, оставаясь нечувствительнымъ къ ругательствамъ, которыя сыпались на него градомъ.

— Да ну-же, поворачивайся, дуракъ! Поди, спроси хозяйку, не надо ли тебѣ идти въ конюшню.

Онъ отворилъ дверь залы.

Жюль повернулъ голову къ трактирщику, въ намѣреніи заговорить съ нимъ и отвлечь его вниманіе отъ несчастнаго сумасшедшаго; но улыбка, которую онъ увидѣлъ на лицѣ Пику, произвела на него дѣйствіе, подобное ужалѣнію змѣи.

— Давно-ли этотъ несчастный у васъ въ услуженіи?

Пику промычалъ что-то непонятное себѣ подъ носъ.

— Слышишь, Пику, господинъ тебѣ дѣлаетъ честь, разговариваетъ съ тобою, сказала ему его дражайшая половина, кидая на него взглядъ раздраженной Юноны.

— Виноватъ, извините, прервалъ онъ, дѣлая самую отвратительную гримасу, которая у него называлась улыбкой; я взбѣшенъ на этого злодѣя...

Аделанда взялась отвѣтить на предложенный вопросъ.

— Онъ у насъ съ тѣхъ поръ, какъ мы взяли этотъ трактиръ.

— Гостинницу, поправилъ ее Пику.

— Вотъ, что намъ разсказывали про него наши предшественники. Однажды вечеромъ,—тому ужъ лѣтъ пятнадцать будетъ,—этотъ несчастный пришелъ сюда; платье его доказывало, что онъ не изъ простолюдиновъ, хотя и было все въ лохмотьяхъ. Въ рукахъ онъ держалъ шкатулку, съ которой не разлучался ни на минуту. Человѣкъ этотъ просто умиралъ съ голоду; прежніе трактирщики были люди добрые, они накормили его и положили спать на сѣнникѣ. Невозможно было добиться отъ него никакого толку, ни даже узнать, какъ его зовутъ. На другой день шкатулки у него уже не было, и такъ какъ въ домѣ въ то время происходила передѣлка и со двора свозили щебень, то всѣ и предположили, что она гдѣ нибудь затерялась; впрочемъ, когда у него спрашивали, куда онъ ее дѣвалъ и что въ ней было, онъ уже ничего не помнилъ, и вмѣсто отвѣта вынулъ изъ кармана двѣ игральныя кости и началъ разставлять ихъ, что онъ часто дѣлаетъ и теперь. Мы съ мужемъ оставили его у себя потому, что онъ очень кротокъ и еще способенъ на нѣкоторыя небольшія услуги; но когда онъ выходитъ со двора, рѣдко обходится безъ того, чтобъ ребятишки не бѣгали за нимъ толпой, не дразнили его, называя сумасшедшимъ и не дѣлали ему тысячи оскорбленій, за которыя онъ впрочемъ никогда не сердится. У него еще есть страсть протягивать руку къ каждому встрѣчному и просить взаймы луидора. Иногда онъ воображаетъ, что ему дали желаемый луидоръ и тогда начинаетъ онъ играть самъ съ собою въ кости, хохотать отъ радости, какъ будто бы выигралъ цѣлую кучу золота, а потомъ вдругъ останавливается, начинаетъ плакать и произноситъ какія-то безсвязныя слова.

Этотъ разсказъ заставилъ задуматься молодыхъ людей. Поднявши глаза, Жюль вдругъ увидѣлъ старика, который, прокравшись въ залу, пристально смотрѣлъ на него. Юноша испугался этого безумно-пристальнаго взора и прижался къ своему брату.

— Говорите, говорите! произнесъ Пьеръ умоляющимъ голосомъ.

— Я боюсь его, боюсь! проговорило дитя.

— Продолжайте, продолжайте! настаивалъ старикъ, жадно прислушиваясь къ малѣйшимъ оттѣнкамъ голоса юноши.

— Не бойся, поговори съ этимъ несчастнымъ, сказалъ Гекторъ, можетъ быть, намъ удастся отъ него что-нибудь узнать.

Ободренный словами брата, юноша осмѣлился произнесть:

— Ты страдаешь, мой другъ? не нужно-ли тебѣ чего-нибудь?

— Да... воспомнанія мои, воспоминанія... Слушайте... О! голова моя, бѣдная голова! Гдѣ моя память!... Нѣтъ! не могу, не могу!

И онъ съ страшною силой давилъ руками свои виски.

— Не могу! не могу! повторялъ онъ съ горестью, какъ будто стараясь найти потерянный слѣдъ.

Жюль, въ которомъ жалость заступила мѣсто страха, снова сказалъ нѣсколько словъ несчастному безумцу.

— Нѣтъ! Я не могу, сказалъ старикъ съ холодною и разсудительною рѣшимостью. Позвольте мнѣ только хоть смотрѣть на васъ.

Пріѣздъ нѣсколькихъ извощиковъ положилъ конецъ этой сценѣ. Жюль вошелъ въ свою комнату, а братъ его пошелъ на почту.

Сумасшедшій легъ на нижней ступенѣ лѣстницы. Ни угрозы хозяина трактира, ни побои не принудили его оставить это мѣсто. Чрезъ полчаса Гекторъ, возвращавшійся съ почты, едва не упалъ, наткнувшись на эту неподвижную массу.

На этотъ разъ Гекторъ не могъ сообщить Жюлю, или правильнѣе Юліи (такъ какъ читатель уже знаетъ эту тайну) ничего новаго. Его другъ, который обѣщался увѣдомлять его о всемъ томъ, что происходитъ у его отца, не писалъ ему ничего замѣчательнаго.

Юліи было не болѣе года, когда ее взялъ отецъ Гектора сиротой, безъ всякаго состоянія и отдалъ на воспитаніе одному изъ своихъ арендаторовъ. Мало радостей приносилъ ей этотъ покровитель, ненасытный капиталистъ, который, стараясь о воспитаніи молодой дѣвушки, по-видимому, исполнялъ какой-то ненавистный для него долгъ. Онъ всячески избѣгалъ свиданія съ нею и если они случайно встрѣчались другъ съ другомъ, то онъ обходился съ нею гораздо грубѣе, гораздо неприступнѣе, чѣмъ со всѣми другими.

Тутъ была какая-то роковая загадка. Это дитя напоминало ему объ огромной суммѣ денегъ, пріобрѣтенной имъ какимъ-то постыднымъ образомъ.

Но это не могло помѣшать расцвѣсти прекраснѣйшему цвѣтку

среди его раздольныхъ полей. Мало заботясь о томъ, чтобы понравиться человѣку, который обращался съ ней такъ грубо, она окружила себя цѣлымъ міромъ друзей. Одна старая монахиня приняла на себя заботы объ ея воспитаніи; добрые жители фермы обходились съ ней, какъ съ своею дочерью; ея внимательность и предупредительность къ каждому, ея доброе сердце, ея любезность снискали ей всеобщую любовь. Не смотря на то, что у нея не было приданаго, что за воспитаніе ея платили весьма скудно, каждый изъ молодыхъ людей, живущихъ на фермѣ, почелъ бы себя весьма счастливымъ, если бъ взялъ ее за себя замужъ. Но это было такое счастіе, котораго никто изъ нихъ не смѣлъ домогаться, потому что всѣ чувствовали, что они гораздо ниже Юліи.

Но Юлія уже давно сама выбрала себѣ жениха. Еще будучи дитятей и играя съ Гекторомъ, она называла его своимъ мужемъ, и молодая дѣвушка, развившись, не измѣнила своимъ дѣтскимъ обѣщаніямъ. И вотъ, однажды, безъ всякихъ угрызеній совѣсти, ни мало не колеблясь, она, руководимая только чувствомъ своей любви, согласилась на просьбы своего возлюбленнаго бѣжать съ нимъ, чтобъ выйти за него замужъ въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ почти вся ихъ исторія, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она была извѣстна имъ самимъ.

На третій день послѣ ихъ прибытія въ Гавръ, Гекторъ возвратился съ почты, сильно разстроенный, что весьма испугало его подругу.

— Ты, вѣрно, получилъ дурныя новости? спросила она.

Вмѣсто отвѣта Гекторъ показалъ ей письмо слѣдующаго содержанія:

«Мой другъ! твой отецъ въ бѣшенствѣ отъ вашего бѣгства. «Онъ готовъ дойти до послѣднихъ крайностей. Не смотря на «всѣ мои старанія, я никакъ не могъ его успокоить. Онъ ѣдетъ «по твоимъ слѣдамъ; я боюсь, чтобъ онъ не пріѣхалъ въ Гавръ «прежде, нежели ты получишь это письмо.»

— Къ довершенію всѣхъ несчастій, сказалъ Гекторъ, корабль, на который я разсчитывалъ, отправляется въ Порстмутъ не ранѣе какъ послѣ-завтрашняго дня.

— Надобно бѣжать, сказала молодая дѣвушка, предчувствуя тѣ несчастія, которыя привезетъ съ собою ея покровитель. Надобно найти какое нибудь уединенное, пустынное мѣсто и тамъ ждать времени отплытія корабля.

Гекторъ, зная неистовую жестокость своего отца, также боялся встрѣчи съ нимъ, и потому согласился послѣдовать совѣту Юліи.

Уже онъ взялъ свой дорожный мѣшокъ, какъ вдругъ смѣшанные голоса, между которыми одинъ показался ему знакомымъ, раздались въ нижнемъ этажѣ.

III.

Бѣгство Гектора и Юліи привело капиталиста въ ужасный гнѣвъ. Онъ поднялъ на ноги всю полицію, для разысканія ихъ и сыпалъ золото щедрою рукою, противъ своего обыкновенія.

Узнавши дорогу, по которой они отправились, онъ тотчасъ пустился по ихъ слѣдамъ. По прибытіи въ Гавръ, богачъ отнесся прямо къ полицейскому коммиссару, съ которымъ мы уже познакомились въ первой главѣ нашего разсказа.

Этотъ послѣдній, разсчитывая получить отъ богача значительное вознагражденіе, привелъ его прямо въ гостиницу *На-Разсвѣтѣ*, и они вошли туда именно въ ту минуту, когда Гекторъ услышалъ въ нижнемъ этажѣ голоса, между которыми узналъ голосъ своего отца. Но тщетно старался молодой человѣкъ разобрать хоть одно слово изъ ихъ разговора: они держали какой-то совѣтъ въ полголоса.

Бѣглецы, пораженные страхомъ, дрожали, прижавшись другъ къ другу и не знали на что рѣшиться. Этотъ внезапный ударъ, разразившійся надъ ними среди самымъ сладкихъ надеждъ, совершенно отнялъ у нихъ присутствіе духа.

Дверь отворилась и они думали, что минута погибели ихъ уже настала. Но вмѣсто строгаго лица богача, имъ представилась улыбающаяся физіономія трактирщицы. Добрая женщина подошла къ Юліи и, протягивая ей руку, сказала:

— Вы подшутили надо мной, это не хорошо; въ наказаніе за такой поступокъ я хочу спасти васъ.

— Говорите, говорите, что намъ дѣлать!

— Вашъ отецъ, г. Гекторъ, съ коммиссаромъ и моимъ мужемъ тамъ внизу совѣтуются, какъ бы разлучить васъ навсегда; сперва они хотятъ задержать васъ тутъ, а потомъ,—извините, я принуждена повторить ихъ слова,—потомъ хотятъ заключить m-lle Юлію въ тюрьму Св. Лазаря...

— Въ тюрьму! съ ужасомъ повторилъ молодой человѣкъ! О! этого никогда не будетъ! Успокойся, дитя мое! ты не будешь

томиться въ заключеніи за твою любовь ко мнѣ! Никто не посмѣетъ дотронуться до тебя, клянусь въ этомъ памятью моей матери!

Это послѣднее слово возвратило ему всю энергію.

— Молчите, безумецъ, сказала г-жа Пику, безъ насилія это дѣло можетъ обойтись гораздо лучше.

— О! помогите намъ! вскричала Юлія, бросаясь къ ней на шею.

— Прежде всего, сударыня, такъ какъ вамъ ставятъ въ порокъ то, что вы носите мужское платье, снимите его и надѣньте вотъ это, оно принадлежитъ моей племянницѣ, которая оставила его здѣсь въ шкафу.

При этихъ словахъ она вынула изъ шкафа полный, весьма оригинальный нарядъ нормандской крестьянки.

Переодѣванье совершилось въ одну минуту. На мѣсто прелестнаго мальчика, явилась еще прелестнѣйшая дѣвушка. Забывши весь ужасъ настоящаго своего положенія, Гекторъ приходилъ въ восторгъ при видѣ красоты своей юной подруги.

— Ну, теперь, сказала г-жа Пику, идите за мною, я провожу васъ къ одной моей хорошей знакомой и ручаюсь въ томъ, что васъ никто не узнаетъ.

— О! сколько я вамъ благодарна...

— Тогда, какъ ужъ всё кончится, вы будете благодарить, а теперь не надо терять времени; воспользуемся этими минутами, пока они тамъ толкуютъ...

— Они ужъ ушли! сказалъ Пьеръ, войдя внезапно въ комнату.

— Ушли! повторили всѣ въ одинъ голосъ.

— Ушли! снова проговорилъ онъ съ громкимъ хохотомъ, за то окружили весь домъ людьми. Гдѣ этотъ юноша? Я хочу сообщить что-то ему! я хочу...

Въ эту минуту взоръ Пьера упалъ на Юлію, которая, испугавшись шума при входѣ его, спряталась было за широкія занавѣсы кровати, а потомъ, узнавши голосъ старика, снова появилась на сцену. При видѣ ея, несчастный испустилъ долгій и пронзительный стонъ.

— Маргарита! Маргарита! Маргарита! вскричалъ онъ голосомъ, раздирающимъ сердце.

— Имя моей матери! вскричала Юлія, какъ могъ этотъ человѣкъ узнать его!

— Бѣгите, сказала г-жа Пику, думавшая только о спасеніи молодой дѣвушки: въ этомъ костюмѣ васъ не остановятъ.

Но Юлія не помышляла уже болѣе о бѣгствѣ, потому что не могла этого сдѣлать. Безумный схватилъ ее за руку и, вперивши свой дикій взоръ въ ея испуганные глаза, судорожно билъ себя въ грудь, теръ свой горящій лобъ и страшнымъ, потрясающимъ душу голосомъ повторялъ:

— Мои воспоминанія! память моя! О, бѣдная голова моя! Боже мой! Боже мой!...

Наконецъ силы его истощились отъ напряженія, онъ упалъ, холодный потъ катился по его вискамъ, красноватая пѣна выступила на губахъ; блуждая дикими, налитыми кровью глазами по комнатѣ, онъ вдругъ увидѣлъ свою картину; дотащившись до нея на колѣнахъ, онъ прочелъ сдѣланную имъ же подъ нею надпись и это какъ будто возвратило ему лучъ разсудка.

— Слушай, сказалъ онъ торопливо, слушай! Давай играть, играть вмѣстѣ, мнѣ кажется, что на этотъ разъ игра призоветъ меня въ тотъ міръ, который меня покинулъ.

Онъ вынулъ изъ кармана игральныя кости и началъ катать ихъ по полу.

— Шесть, восемь! вдвое!... проигр...о нѣтъ! я выиграю въ другой разъ!

— Другъ мой, тихо сказалъ ему Гекторъ, стараясь допытаться какого нибудь объясненія, откуда тебѣ извѣстно имя Маргариты!

— Маргариты? произнесъ онъ: молчи! молчи! а то я опять проиграю, а если проиграю.. о! если я проиграю! Вѣдь тутъ смерть моей жены! смерть моей дочери!... Но нѣтъ! я не могу проиграть! это будетъ низко! это будетъ грѣшно!

Эти несвязныя фразы приводили въ ужасъ молодаго человѣка; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и мѣнялся въ лицѣ; одна забытая, ужасная исторія, разсказанная ему еще въ дѣтствѣ, начинала какъ будто проясняться въ его памяти; онъ страшился узнать что нибудь болѣе, потому что дѣло касалось чести его отца. Ему когда-то разсказывали, что отецъ его обогатился разореніемъ одного несчастнаго, котораго онъ обыгралъ. Сцена, совершавшаяся передъ его глазами, свидѣтельствовала объ истинѣ этого разсказа, который онъ до сего времени считалъ клеветою. Ему казалось, что онъ видитъ страшный сонъ, отъ котораго всѣми силами желалъ пробудиться.

— Пьеръ, другъ мой!... началъ онъ.

— Вашъ другъ! пробормоталъ безумный, развѣ есть друзья на свѣтѣ!... Да, у меня былъ одинъ...

Онъ прижался къ Юліи, близость и соприкосновеніе которой производили видимое вліяніе на ходъ его мыслей.

— Да, продолжалъ онъ, человѣкъ, который называлъ себя моимъ другомъ... убилъ мою жену, укралъ у меня дочь!...

— Боже мой! стало быть, все, что мнѣ разсказывали, была истинная правда! вскричалъ молодой человѣкъ; и вотъ, это— жертва моего отца!

Молодая дѣвушка внимательно слѣдила за ходомъ происходившей предъ глазами ея драмы, стараясь понять хоть что нибудь, и не зная какую роль играетъ въ ней она сама, хотя чувствовала, что какая-то тайная связь соединяла ее со старикомъ.

— Святая Дѣва! произнесла она въ свою очередь умоляющимъ голосомъ, будь мнѣ покровительницей!

— И дай мнѣ луидоръ! прибавилъ безумный. Да, одинъ луидоръ, повторилъ онъ, глядя еще пристальнѣе на молодую дѣвушку и пожимая ея руку; только одинъ луидоръ.... Да, я зналъ человѣка, который все проигралъ, рѣшительно все, даже постель, на которой лежала его больная жена!... Онъ не смѣлъ уже показаться домой! И чтоже! Въ то время, какъ онъ блуждалъ по улицамъ, кто-то явился ему на помощь, далъ ему луидоръ. Онъ пошелъ опять играть... игралъ и выигралъ... выигралъ столько, что у него явилась цѣлая шкатулка золота. Тогда онъ пошелъ домой, и какъ вы думаете, что нашелъ онъ дома?

— Вѣроятно, сказалъ самъ себѣ Гекторъ глухимъ голосомъ, этому несчастному воротились его воспоминанія.

Пьеръ началъ судорожно хохотать.

— Ха! ха! ха! онъ нашелъ свою жену мертвой!... она умерла отъ нищеты, отъ отчаянія! А дочь свою онъ совсѣмъ не нашелъ: она была похищена, такое милое, прелестное дитя!.. О! я задыхаюсь! Маргарита, Маргарита!

— Отецъ мой, батюшка! вскричала Юлія.

Но несчастный не слыхалъ ничего, онъ упалъ безъ чувствъ. Поразительное сходство Юліи съ его женою пробудило дремавшій разсудокъ бѣднаго безумца; но за этимъ сильнымъ переворотомъ послѣдовалъ страшный обморокъ.

Гекторъ упалъ на колѣна предъ своей нѣвѣстой:

— Юлія, человѣкъ, который причинилъ вамъ столько страданій, который выигралъ все состояніе вашего отца, человѣкъ этотъ далъ мнѣ жизнь; именемъ неба умоляю васъ, простите его, не презирайте насъ!

Вмѣсто отвѣта молодая дѣвушка бросилась на шею Гектора, предоставивъ своего отца попеченіямъ г-жи Пику.

Въ эту минуту сцена дополнилась. Трактирщикъ ввелъ въ комнату двухъ особъ, имена которыхъ провозгласилъ съ торжественностью, назвалъ сперва полицейскаго коммиссара, а потомъ:

— Г. Венсенъ Дюранъ!

Это имя привело старика въ чувство. Онъ открылъ глаза и нѣсколько приподнялся съ помощію г-жи Пику.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! произнесъ безумный съ ужасомъ, не имѣя силъ ни встать на ноги, ни ясно выразить свои мысли.

— Батюшка, сказалъ съ рѣшимостію Гекторъ, подойдя къ отцу, что вамъ угодно? Знаете ли вы этого человѣка?

Глаза Дюрана встрѣтились съ глазами старика. Первый отшатнулся назадъ; волосы на головѣ его встали дыбомъ, какъ будто отъ прикосновенія змѣи. Другой оставался неподвижнымъ, бестрастнымъ, молчаливымъ. Но волненіе богача было не продолжительно.

— Я не знаю этого несчастнаго! сказалъ онъ утвердительно. Потомъ, обращаясь къ сыну, прибавилъ:

— Что меня привело сюда, сударь? Вотъ человѣкъ, который вамъ это объяснитъ сейчасъ.

Коммиссаръ развернулъ листъ бумаги и началъ читать его, заикаясь:

— Именемъ Короля повелѣвается и предписывается всѣмъ вла...астямъ задержать, гдѣ только встрѣ....тится, дѣвицу Ма. .рію Ю....улію Дюмонъ и пре....е...прово...дить ее въ тюрму Св. Ла.... а...заря.

— Вслѣдствіе этого указа, прибавилъ г. Дюранъ, вы, сударыня, должны за нами слѣдовать.

— Милостивый государь, вскричалъ Гекторъ, это неблагородно!

— Мо...о....лчите! закричалъ коммисаръ; не про...о...тивьтесь за...а..кону!

И онъ протянулъ руку къ молодой дѣвушкѣ, но она быстро кинулась къ своему отцу.

— Батюшка! батюшка! неужели ты не защитишь меня!

Безумный вскочилъ на ноги, какъ разъяренный тигръ, откинулъ назадъ свои длинные волосы и, схвативши забытый въ комнатѣ топоръ, махнулъ имъ надъ головами своихъ враговъ.

Коммиссаръ спрятался за кровать. Милліонеръ остался на своемъ мѣстѣ, но не осмѣлился предпринять ничего противъ грознаго старца.

— Не думаешь-ли ты еще разъ отнять у меня дочь мою? Попробуй поднять на нее свою вѣроломную руку!

— Будь по твоему, отвѣчалъ Дюранъ, возьми свою дочь. Я хотѣлъ сдѣлать изъ нея честную дѣвушку, а она развратила моего сына!

— Молчи! Если тебѣ дорога твоя жизнь, то молчи!

— Возьми ее! сдѣлай изъ нея такую же нищую, какъ и ты самъ!

— Батюшка, батюшка! вскричалъ Гекторъ, бросаясь между двумя противниками, не оскорбляйте такъ отца моей Юліи.

— Нищая! моя дочь нищая? повторилъ Пьеръ съ громкимъ хохотомъ, да она богаче тебя, презрѣнный; у нея золота ровно столько, сколько ты отнялъ его у меня!...

— Не слуушайте его, вѣдь онъ безу...умный! проговорилъ коммиссаръ, высовывая голову изъ-за занавѣски, куда онъ потомъ опять спрятался.

— Безумный! нѣтъ, я больше не безумный! негодованіе возвратило мнѣ мой разсудокъ! Смотрите всѣ!

При этихъ словахъ онъ ударилъ кулакомъ по дверкѣ, которая скрывалась за старой картиной: обои разорвались, штукатурка разлетѣлась въ куски и изъ углубленія стѣны онъ вынулъ шкатулку, которую бросилъ къ ногамъ Юліи; при паденіи своемъ она открылась.

Старикъ говорилъ правду: въ шкатулкѣ былъ милліонъ, про который онъ ничего не помнилъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ.

Видъ золота произвелъ страшный и мгновенный переворотъ въ позѣ и фразахъ отца Гектора. На устахъ его явилась улыбка; гнѣвъ, какъ дымъ, исчезъ съ лица его. Онъ приблизился смиренно, униженно, къ своему старинному другу:

— Г. Дюмонъ, я былъ причиною всѣхъ вашихъ несчастій, но причиною совершенно невольною; я выигралъ все ваше состояніе, но выигралъ его не безчестно, и если виноватъ предъ

вами, то только въ томъ, что я слишкомъ строго требовалъ отъ васъ уплаты вашего долга; признаюсь и раскаиваюсь въ этомъ.

Онъ пожиралъ глазами разсыпанное на полу сокровище, какъ бы желая почерпнуть въ немъ новыя силы для своего униженія.

— Вы пропали изъ виду, продолжалъ онъ, я не могъ отыскать васъ, чтобъ помочь вамъ, но осталась ваша дочь,—и вотъ видите, развѣ я бросилъ ее безъ призрѣнія?

Бѣдный отецъ ничего не отвѣчалъ на эти извиненія своего палача. Онъ вспомнилъ его неумолимыя требованія, его безчеловѣчный поступокъ, онъ вспомнилъ, что у жаднаго богача не дрогнула рука отнять послѣднее лохмотье у несчастной жены его.

Съ разбитымъ сердцемъ, со стыдомъ стоялъ Гекторъ предъ почтеннымъ старцемъ, умоляя его взорами о прощеніи своего отца во имя любви къ Юліи.

Онъ отвелъ свою дочь въ отдаленную часть комнаты и, напечатлѣвъ на челѣ ея краснорѣчивый поцѣлуй, заплакалъ. То была первая слеза сознаннаго имъ чувства, послѣ столькихъ лѣтъ его несчастнаго состоянія!

— Дитя мое, сказалъ онъ ей съ неизрѣченною добротой, ты знаешь, что сдѣлалъ противъ насъ этотъ человѣкъ, простить-ли его?

— Батюшка, отвѣчала она, скрывая на груди его свое лицо, я люблю его сына!

Тогда онъ подошелъ къ своему врагу и, указывая ему на деньги, сказалъ:

— Вотъ приданое моей дочери.

— Гекторъ, сказалъ Дюранъ, ты долженъ просить руки m-lle Юліи.

— Благословите насъ, батюшка! вскричалъ молодой человѣкъ, преклоняя колѣна предъ старцемъ.

— Сюда, къ моему сердцу, милыя дѣти!

И онъ сжималъ ихъ въ своихъ объятіяхъ.

Н. А.

РАЗСКАЗЫ ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНІИ.

—

ВОЗДАЯНІЕ.

Морская картина, разсказъ англійскаго офицера.

Лѣтъ за двадцать пять, такъ разсказываетъ старый англійскій морякъ, служилъ я на фрегатѣ, который въ то время считался лучшимъ во всемъ флотѣ. Мы находились въ части свѣта, ужасающей европейцевъ, именно въ Вестъ-Индіи.

Сперва мы крейсеровали во Флоридскомъ заливѣ, потомъ пошли мимо Солткейской банки и направлялись уже къ сѣверу отъ Ангуиллы, какъ увидѣли, разъ утромъ, большое судно, которое шло впереди насъ. Оно потеряло свои стенги и сильно накрѣнилось; между-тѣмъ какъ на подвѣтренной сторонѣ его шла низенькая, черная шкуна подъ всѣми парусами. Мы узнали тотчасъ же, какое это судно, и немалое волненіе произвело въ командѣ его имя «Черный бульдогъ», такъ назывался корсаръ, распространявшій вокругъ себя страхъ грабежами и пожарами. О странностяхъ его носились различные слухи. Говорили, что онъ человѣкъ страшной наружности и дикаго нрава. Его судно, не смотря на свою незначительную величину, имѣло около 200 тоннъ, было вооружено двѣнадцатью 18-ти-фунтовыми орудіями и имѣло экипажъ, составленный изъ людей разныхъ націй, числомъ до семидесяти.

Я былъ въ это время на вахтѣ и тотчасъ спустился къ капитану, чтобы увѣдомить его объ этомъ близкомъ сосѣдствѣ.

— На горизонтѣ два судна, г-нъ капитанъ, сказалъ я, и одно изъ нихъ потеряло стенги и держитъ на...о.

— Ну, изъ-за этого не стоило будить меня, возразилъ онъ, держите на него и потомъ скажите мнѣ, какое это судно. Я не спалъ цѣлую ночь и только что успѣлъ сомкнуть глаза, а вы меня тревожите изъ-за пустяковъ...

— Судно это «Черный Бульдогъ», оно у насъ на подвѣтренной сторонѣ, въ разстояніи около двухъ часовъ ходу, перебилъ я его безъ церемоніи.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ онъ и вскочилъ съ постели. Набросивъ на плеча шинель и надѣвъ фуражку, выскочилъ онъ на палубу и сталъ наблюдать въ трубу за судами. Одного взгляда его на шкуну было достаточно, чтобъ узнать ея характеръ; другое судно, по-видимому, попало въ полонъ къ корсару и было имъ разграблено.

— Къ дѣлу, сказалъ капитанъ хладнокровно. Прикажите спустить шлюпку, садитесь въ нее съ двѣнадцатью матросами, приготовьтесь отплыть и завладѣть судномъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Сдѣлайте все, прибавилъ онъ, что можете, чтобъ исправить его поврежденія; самъ я пойду за шкуной, а вы слѣдите за моими движеніями; ежели потеряете насъ изъ виду, то отправляйтесь въ Ямайку.

Приказанія были исполнены. Извѣстіе, что *Бульдогъ* у насъ подъ вѣтромъ, придало камандѣ больше живости, нежели свистокъ боцмана. Менѣе чѣмъ чрезъ десять минутъ послѣ того, какъ я оставилъ каюту капитана, я присталъ уже къ борту пострадавшаго судна; между тѣмъ фрегатъ нашъ подъ всѣми парусами преслѣдовалъ удирающаго корсара. Во время тревоги на фрегатѣ, я выбралъ матросовъ самыхъ лучшихъ изъ охотниковъ; насъ было 14 человѣкъ, въ томъ числѣ я и подшкиперъ.

Когда мы взошли на палубу, намъ представилась сцена ужаснаго опустошенія. Кипы товаровъ и разломанные сундуки лежали повсюду, богато переплетенныя книги, шелковыя матеріи, кружева и т. п. валялись окровавленныя на шканцахъ. Сломанныя стенги и запутанный такелажъ увеличивали безпо-

рядокъ, между тѣмъ какъ тамъ и сямъ лежавшіе обезображенные трупы довершали ужасную картину. Я былъ нѣсколько минутъ ошеломленъ. Мои люди ожидали приказаній, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, схвативъ меня на руки, бросился къ гакоборту. Сначала я былъ очень раздраженъ и ждалъ бунта, тѣмъ болѣе, что другіе матросы суетились около гротъ-мачты, а нѣкоторые спустились въ главный люкъ. Все это произошло въ одно мгновеніе.

— Что это значитъ, Джаксонъ? спросилъ я матроса, который все еще держалъ меня въ рукахъ и приготовлялся соскочить за бортъ.

— Судно горитъ, серъ, отвѣчалъ онъ почтительно, мы открыли горящій фитиль, который проведенъ къ боченку съ порохомъ на той самой сторонѣ, гдѣ вы стояли; зная, что вы не умѣете плавать, я рѣшился попытаться спасти васъ.

— Нѣтъ, Джаксонъ, сказалъ я, мы должны остаться на своемъ мѣстѣ, не взирая ни на какую опасность. Пойдемъ лучше, поможемъ товарищамъ. Онъ тотчасъ согласился; но опасность почти миновалась, потому что матросы перерѣзали фитиль. Произошелъ только небольшой пожаръ, который, при дѣятельности моихъ людей, скоро былъ потушенъ. Поднявъ фокъ, бизань и еще нѣсколько парусовъ, мы стали слѣдовать за фрегатомъ, но чрезъ нѣсколько часовъ совершенно потеряли его изъ виду.

— Въ каютѣ также лежатъ четыре трупа съ перерѣзанными горлами, сказалъ Джаксонъ и въ сигнальномъ ящикѣ слышны стенанія, можетъ быть и тамъ...

Я спустился въ каюту. На полу валялись разныя вещи и почти рядомъ лежали четыре трупа со связанными руками. Каюта была довольно обширна и хорошо убрана; по одеждѣ убитыхъ, можно было судить, что это были пассажиры. Въ главномъ отдѣленіи каюты лежали мужской и женскій трупы и въ ногахъ у нихъ трехъ-лѣтняя дитя съ перерѣзаннымъ горломъ.

Вотъ тамъ сзади слышенъ шумъ, сказалъ Джаксонъ, вошедши за мною въ каюту. Подходя къ ящику, я услышалъ, дѣйствительно, какія-то странные звуки. Отворивъ дверцы, я съ помощію Джаксона вытащилъ несчастную жертву. Долго ле-

жалъ онъ безъ памяти, однакожъ послѣ многихъ стараній, намъ удалось привести его въ чувство. Долго онъ бредилъ объ убійствѣ и кровопролитіи, вспоминалъ имена Эмма и Элиза. Ему, повидимому, было лѣтъ около сорока пяти; но его лице было до такой степени исколото ножами, что нельзя было различить ни одной черты.

Исправляя, по возможности, всѣ поврежденія, мы стали искать провизіи, потому что взяли съ собою только мѣшокъ съ сухарями и солониной. Однако наши старанія отыскать что нибудь съѣстное, остались безъ успѣха, мы нашли только одинъ боченокъ мадеры. Нѣкоторые изъ матросовъ привязывали баластины къ трупамъ и опускали ихъ въ море, другіе принялись готовить обѣдъ, третьи мыли палубы. Я всѣми силами старался утѣшить несчастнаго, который, приходя мало по малу въ себя, объяснилъ, что онъ былъ кормчій этого судна и братъ капитана, убитаго *пиратомъ*. Вотъ его разсказъ слово въ слово.

«Мы шли, говорилъ онъ, изъ Нью-Іорка, и какъ мой братъ, капитанъ, купилъ себѣ въ Ямайкѣ плантацію, то наше судно направилось въ заливъ Монтего, гдѣ братъ мой съ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей, шестнадцати и тринадцати лѣтъ, намѣревался выдти на берегъ. Наше плаваніе было счастливо до вчерашняго вечера. Когда мы увидѣли шкуну этого разбойника, то поставили всѣ паруса, чтобы уйти отъ него; но при внезапно набѣжавшемъ шквалѣ у насъ сломились стенги, что помѣшало нашему предпріятію. — Женщинъ мы спрятали въ трюмъ подъ различный хламъ, и пока я осматривалъ наше несчастное судно, подошелъ ко мнѣ братъ.

— Джонъ, сказалъ онъ, мнѣ надо съ тобою поговорить на единѣ. Я отошелъ съ нимъ въ сторону.

— «Джонъ, продолжалъ онъ, наши дѣти.... можешь-ли ты видѣть ихъ убитыми?.. онъ не докончилъ и схватилъ меня судорожно за руку. Скажи не лучше-ли умереть имъ, чѣмъ попасть въ руки этихъ изверговъ?.. Я понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, но не находилъ словъ.—Джемсъ, сказалъ я наконецъ, оставь эти ужасныя мысли! намъ надобно употребить всѣ средства къ нашему спасенію, предоставивъ остальное на волю Провидѣнія— если Промыслу угодно, онъ благословитъ наши старанія.

— Твой совѣтъ хорошъ, Джонъ, мы употребимъ все къ на-

шему спасенію, прибавилъ онъ, поднявъ руки къ небу. — Господи, помоги намъ ради Твоего Сына! Мы напрягали всѣ силы, чтобъ привести судно въ лучшее положеніе, но шкуна настигла насъ прежде, чѣмъ мы успѣли исправиться, и чрезъ нѣсколько минутъ отвалила отъ ней шлюпка съ тридцатью матросами и пристала къ нашему борту.

Пираты взошли на палубу и совершили множество злодѣяній. Они таскали пассажировъ въ каюту и мучили ихъ тамъ, чтобъ узнать, гдѣ находятся деньги. Тщетно старались мы смягчить изверговъ, выдавая имъ все, что у насъ было цѣннаго. Нѣсколько женскихъ платьевъ были найдены разбойниками и капитанъ ихъ, лице котораго было покрыто черною маской, сдѣлалъ знакъ одному изъ своей свиты, который тотчасъ спросилъ: чьи это платья? Къ чести матросовъ, будь сказано, никто не открылъ убѣжища женщинъ, но одинъ изъ пассажировъ, слабый и трусливый человѣкъ, желая спасти свою жизнь, указалъ мѣсто, гдѣ были спрятаны женщины, но чрезъ нѣсколько секундъ, самъ лежалъ на палубѣ съ перерѣзаннымъ горломъ.— Никогда не позабуду взглядъ брата, когда его жена и дочери, вытащенныя на верхъ, бросились къ нему, ища у него защиты.— Эмма была уже на возрастѣ и въ полномъ развитіи красоты. Элиза имѣла совершенно дѣтскій видъ, но то же прекрасныя черты лица. По знаку капитана онѣ были схвачены извергами, и когда братъ бросился къ нимъ, чтобъ спасти ихъ, сабельный ударъ капитана сразилъ его на землю. — Вскорѣ Джемсъ пришелъ въ себя, только затѣмъ, чтобъ видѣть, какъ тащили его дочерей къ трапу, чтобъ спустить ихъ въ шлюпку. Бѣдняжки обняли крѣпко мать и прижались къ ней; мать обхватила ихъ объими руками и не отпускала отъ себя. Пираты рубили ее по рукамъ и чтобы скорѣе кончить дѣло, одинъ изъ нихъ воткнулъ ей ножъ въ горло и она тотчасъ-же упала въ море.— Брата связали и осыпали порохомъ, который зажгли, пытаясь узнать отъ него, гдѣ спрятаны деньги. — Я не въ состояніи описать вамъ всѣ злодѣянія, совершенныя разбойниками. Быстро слѣдовало убійство за убійствомъ, потомъ началось разграбленіе. Эти сцены продолжались всю ночь и становились еще ужаснѣе, когда пираты отыскавъ ромъ, напились. — Капитанъ ихъ не снималъ маски, онъ ѣздилъ къ шкунѣ, но оставался тамъ недолго и когда вернулся, моего брата

развязали, продѣли веревку чрезъ блокъ у люка реи, надѣли ему на шею петлю, вздернули на-верхъ и держали его до тѣхъ-поръ, пока не прекращались конвульсіи, потомъ опускали опять внизъ, чтобъ дать ему время отдохнуть. Три раза повторялось это истязаніе, но съ третьимъ разомъ окончились его страданія и онъ былъ спущенъ въ трюмъ. Я также былъ привязанъ къ такагажу, и какъ мнѣ удалось спастись отъ смерти, я самъ не знаю; одно только помню, что канатъ, на которомъ я висѣлъ, былъ отрѣзанъ и я упалъ на палубу, гдѣ меня кто-то притащилъ къ люку и шепнулъ: на горизонтѣ парусъ,— старайтесь спрятаться!» Въ то же мгновеніе я получилъ толчекъ, отъ котораго полетѣлъ въ каюту и спрятался тамъ, гдѣ вы меня отыскали. Вы видите, какъ съ нами поступили, но часъ воздаянія наступитъ!»

Не было ни-какого сомнѣнія, что шкуна увидѣла нашъ фрегатъ прежде, нежели была нами замѣчена и чрезъ это выиграла значительно.

— Каковъ изъ себя капитанъ разбойниковъ? спросилъ я. «Лица его я не знаю, оно было прикрыто маскою, поэтому нельзя означить и его лѣтъ, отвѣчалъ кормчій; но онъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, каждый знакъ, данный имъ, доказывалъ, что у него дьявольское сердце».

Въ эту ночь заштилело и мы должны были три дня носиться по произволу теченія; изрѣдка дразнилъ насъ легкій вѣтерокъ, но онъ опять стихалъ, и какъ наша провизія стала убывать, то я уменьшилъ порціи. Но еще ощутительнѣе былъ недостатокъ въ водѣ, а это очень важно подъ экваторомъ. Наконецъ на четвертый день подулъ свѣжій вѣтеръ; фрегатъ нашъ не показывался и я рѣшился идти въ Гаванну, чтобъ запастись свѣжею водою и провизіей. На утро мы стали уже на якорѣ въ означенномъ мѣстѣ. Къ несчастію, у меня не было бумагъ, которыми я могъ бы доказать право владѣнія судномъ; но за то я взялъ съ собою при отправленіи записную книжку, содержавшую данное мнѣ капитаномъ порученіе и эту книжку я представилъ въ тамошній судъ, какъ доказательство вѣрности моихъ показаній.

Однажды утромъ я отправился на берегъ, чтобы поторопить людей исполнить данныя имъ приказанія и уставъ зашелъ

въ кофейный домъ отдохнуть и позавтракать. Когда я сидѣлъ у стола, подошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ въ испанскомъ мундирѣ и поклонившись, сѣлъ напротивъ меня. Ему было лѣтъ около двадцати пяти и взглядъ его имѣлъ что-то особенное, характеризующее всякаго англійскаго моряка. Съ Испанцемъ онъ не имѣлъ ничего общаго, кромѣ одежды; его обхожденіе скоро показало мнѣ, что онъ былъ мой землякъ. Онъ пилъ вино и поднося рюмку ко рту, сказалъ на чистомъ англійскомъ языкѣ, только съ Ирландскимъ акцентомъ: ваше здоровье, серъ! Я поклонился, чтобъ отвѣчать на его вѣжливость, и между нами завязался разговоръ. Незнакомецъ выдавалъ себя за Ирландскаго урожденца и сказалъ мнѣ, что онъ почти всю жизнь провелъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Испанской Америкѣ и находится въ чинѣ старшаго лейтенанта при особѣ губернатора. Между прочимъ зашла рѣчь о моемъ суднѣ, онъ слушалъ со вниманіемъ всѣ подробности, которыя я разсказывалъ ему. Наконецъ предложилъ онъ прогулку по городу; но я отказался, говоря о необходимости скорѣе поспѣть въ Ямайку. Но истина была та, что я не хотѣлъ довѣряться человѣку, совершенно мнѣ незнакомому и что мнѣ было не по сердцу видѣть Англійскаго моряка въ мундирѣ чужой націи. Однако онъ меня проводилъ къ шлюпкѣ и сказалъ прощай: «Я бы очень охотно пошелъ съ вами въ Ямайку; губернаторъ, я думаю, мнѣ позволитъ. Не хотите-ли взять меня съ собою? Когда вы уходите?» Я отвѣчалъ, что снимаюсь съ якоря завтра утромъ и что мнѣ будетъ очень пріятно имѣть его пассажиромъ.

Окончивъ всѣ приготовленія къ отъѣзду, я съ восходомъ солнца снялся съ якоря. Въ это время подошелъ къ намъ челнокъ «Негръ», находившійся въ немъ, отдалъ мнѣ записку и тотчасъ-же отправился далѣе. Записка была отъ вчерашняго моего знакомца въ кофейномъ домѣ; онъ писалъ, что не можетъ никакъ отплыть со мною, потому что губернаторъ не далъ ему отпуска.

Въ Гаваннѣ, съ помощію доктора мы вылечили нашего кормчаго и вскорѣ раны его закрылись. Онъ былъ человѣкъ здоровый, рослый, но вмѣстѣ съ тѣмъ тихій и скромный.

Однажды рано утромъ, — подшкиперъ, молодой Ирландецъ,

по имени О'Бріенъ, сталъ на вахтѣ—я сладко спалъ на палубѣ на тюфякѣ, какъ вдругъ меня кто-то сильно толкнулъ, и въ тоже время О'Бріенъ закричалъ: Боже мой, онъ опять здѣсь!»

Кто тамъ? спросилъ я, вскочивъ на ноги и стараясь разсмотрѣть въ мою трубу что-то бѣлѣвшееся на подвѣтренной сторонѣ. Чтожъ это такое, О'Бріенъ?

Кто это?—самъ сатана, серъ, отвѣчалъ онъ, который идетъ прямо изъ ада и сядетъ намъ на шею прежде, нежели мы успѣемъ оглянуться!

Я подошелъ къ самому борту и навелъ трубу на парусъ, бѣлѣвшійся на сторонѣ, ближайшей къ берегу; я не могъ не узнать вооруженія этого судна и формы его парусовъ, — странное чувство овладѣло мною—это былъ «*Черный бульдогъ*», который держалъ свой курсъ прямо на насъ. Атмосфера была нѣсколько мрачна, и я послалъ на бамъ-салингъ человѣка, чтобъ узнать не видно-ли на горизонтѣ еще какихъ-нибудь судовъ. Онъ замѣтилъ нѣсколько мелкихъ судовъ и еще одно судно у насъ на подвѣтренной сторонѣ, котораго онъ однако не могъ разглядѣть хорошенько. Я извѣстилъ объ этомъ кормчаго, который этому очень обрадовался. Я умру, говорилъ онъ; но часъ воздаянія наступилъ. Я созвалъ людей, описалъ имъ жребій, котораго мы должны были ожидать, если попадемъ въ такія руки и спросилъ: хотятъ-ли они защищаться до послѣдней капли крови?

— Если вы будете нами командовать, серъ, сказалъ Джаксонъ, выступивъ впередъ изъ среды прочихъ, то мы будемъ съ вами отгрызаться хоть цѣлый мѣсяцъ, и если мы не сыграемъ какой-нибудь штуки съ этою собакой, то—потонуть намъ въ лужѣ! неправда-ли, товарищи?

Единодушный отвѣтъ доказывалъ о готовности матросовъ защищаться, и мы тотчасъ-же принялись за работу. Во время стоянки въ Гаваннѣ нашелъ я въ трюмѣ два осьмнадцати-фунтовыя орудія и велѣлъ ихъ поставить на станки. Пороху было вдоволь, за то не было ядеръ, и мы привели въ движеніе тотчасъ-же всѣ руки, чтобы отыскивать вещи, необходимыя для замѣны ядеръ. Желѣзные обручи были разламываемы на мелкіе куски, бутылки, длинные гвозди, вообще все, что имѣло вѣсъ и крѣпость, было обвертываемо ворсой и парусиной такъ, чтобы

приходилось въ дуло орудія. У каждаго изъ насъ былъ мушкетонъ со штыкомъ, пара пистолетовъ и сабля. Я далъ Американцу свой мушкетонъ, а остальное оружіе оставилъ при себѣ. Насъ всего было пятнадцать человѣкъ; но мы должны были ожидать нападенія семидесяти.

Въ скоромъ времени раздался выстрѣлъ изъ одной изъ длинныхъ пушекъ корсара и ядро перелетѣло черезъ насъ; но мы шли впередъ, не обращая вниманія и стараясь уйти, чтобъ навести непріятеля на мысль, что мы очень испугались.

— «Серъ, позвольте продѣть канатъ въ этотъ шкивъ, сказалъ кормчій, подходя къ гротъ-мачтѣ и показывая на блокъ, находившійся на нака-реѣ, на тотъ самый, на которомъ висѣлъ его несчастный братъ.

— Мой вопросъ можетъ быть васъ удивляетъ, продолжалъ онъ, но исполните мою просьбу. Джаксонъ мнѣ поможетъ и вы увидите, что часъ воздаянія придетъ!

Второй выстрѣлъ со шкуны былъ лучше; ядро прорвало наши марсели; но такъ какъ погода становилась пасмурнѣе, то мы быстро уходили, не питая однако надежды, что успѣемъ совсѣмъ уйти отъ него. Черезъ четверть часа шкуна подошла къ намъ съ подвѣтренной стороны и дала залпъ цѣлымъ лагомъ; но ни одно ядро не произвело желаемаго дѣйствія. Мои молодцы поняли цѣль этого нападенія и поставили наши орудія въ срединѣ порта, покрывъ ихъ парусиной.

— «На судно! Людей на-верхъ!» закричалъ кто-то со шкуны. «Вашу шлюпку къ борту.»

— «Сейчасъ, сейчасъ, серъ, отвѣчалъ я громко; но прибавилъ шепотомъ: будьте готовы, ребята, и прибавилъ вслухъ: Марсель домой!

Мои приказанія въ точности были исполняемы и только нѣкоторые изъ моихъ людей были на-верху. Пираты думали, что насъ очумило и не знали что у насъ есть орудія, взлѣзали толпами на ванты, чтобъ лучше разсмотрѣть наше судно. Они были теперь такъ близко, что мы могли слышать шумъ шаговъ ихъ на палубѣ, какъ вдругъ я скомандовалъ. «пли!» Орудія были заранѣе наведены, и успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Шкуна провела къ вѣтру и лавировала до-тѣхъ-поръ, пока не привела наше судно въ одну линію со своею кормою. Она вре-

дила намъ изрѣдка; но не ранила никого изъ людей, ибо кромѣ меня и рулеваго всѣ были въ трюмѣ.

Я долженъ былъ предполагать, что пираты намѣревались пустить насъ ко дну, потому-что нѣкоторыя ядра попадали въ ватеръ-линію; но мои люди забивали пробоины клиньями, ворсой и парусиной и такимъ образомъ отвращали опасность. Шкуна, видя, что мы не сопротивляемся болѣе, прекратила пальбу и спустила двѣ шлюпки, въ которыя сѣло около пятидесяти человѣкъ; сама-же стала отъ насъ въ разстояніи полукабельтова. Разсматривая пиратовъ въ трубу, я замѣтилъ между ними капитана въ черной маскѣ и принялъ его сперва за негра, но американецъ сказалъ: вотъ онъ идетъ. Часъ воздаянія насталъ! Наши орудія были опять заряжены, мы опустили порты, въ которыхъ они стояли. Это была опасная минута, шлюпка подошла къ борту, какъ вдругъ отворились порты, залпъ грянулъ и одна шлюпка пошла ко дну. Когда разбойники лѣзли на судно и нѣкоторые изъ нихъ добрались уже до фокъ-мачты, они были встрѣчены ружейнымъ залпомъ, отъ котораго десять человѣкъ упали мертвыми.

«Ну, товарищи! закричалъ я, пистолеты и сабли въ руки побѣда наша!

Мы сдѣлали отчаянное нападеніе—произошелъ кровопролитный бой, въ которомъ мы остались побѣдителями и между взятыми нами плѣнными находился также «*Черный Бульдогъ*». Въ одно мгновеніе кинулся на него американецъ, сорвалъ съ него маску, и я узналъ въ немъ красиваго Испанца, видѣннаго мною въ кофейномъ домѣ въ Гаваннѣ. Но я не могъ посвятить ни одного мгновенія для возобновленія знакомства, потому-что около дюжины пиратовъ бросились къ одной изъ шлюпокъ и отвалили отъ борта къ своему судну. Я бросился къ орудію, самъ навелъ его и—какъ только дымъ началъ рѣдѣть, увидѣлъ, что шлюпка наполнилась водою и нѣсколько пиратовъ, оставшихся въ живыхъ, плавали около нея.

Громкій крикъ въ коронѣ привлекъ мое вниманіе, я увидѣлъ сквозь дымъ выстрѣла Американца Джаксона и еще нѣсколько человѣкъ, которые стояли у люка и смотрѣли на-нокъ-гротъ-реи, на которомъ болтался Черный бульдогъ, изнемогая въ предсмертныхъ страданіяхъ. Джонъ сказалъ правду. Часъ воздаянія насталъ.

Я поспѣшилъ, чтобы помѣшать беззаконной казни; но уже было поздно, испанецъ висѣлъ безъ движенія — жизнь отлетѣла.

Джонъ всталъ на палубѣ на колѣна и не взирая на свѣжія раны, которыя получилъ въ грудь и въ голову, произнесъ тихимъ, но торжественнымъ голосомъ: «Господи! Ты услышалъ мою молитву: да будетъ благословенно Святое имя Твое!»

Я содрогнулся, когда услышалъ эту благодарственную молитву объ удовлетвореніи его мести и хотѣлъ было ему высказать свое отвращеніе, но ядро со шкуны пролетѣло сквозь сѣтки, и Джонъ палъ мертвый къ моимъ ногамъ.

Пиратъ далъ намъ еще залпъ бортомъ, двое изъ моихъ людей были убиты и трое ранены. Я долженъ признаться, что былъ совершенно подавленъ грустію, видя, что нѣкоторые изъ моихъ храбрыхъ товарищей пали, какъ вдругъ Джаксонъ закричалъ:

Серъ, нашъ фрегатъ идетъ. Ура! ребята! теперь-то мы ихъ всѣхъ перевѣшаемъ.

Приподнявъ голову, я увидѣлъ разрѣзывающій волной фрегатъ, ясно выходившій изъ-изъ тумана и идущій къ намъ подъ всѣми парусами на помощь. Фрегатъ былъ слишкомъ близокъ къ корсару. Посадивъ шесть человѣкъ въ шлюпку, я отправился на шкуну, взошелъ на палубу, которая была пуста, изуродованные трупы и раненые лежали по всѣмъ направленіямъ. Гонимый непреодолимымъ желаніемъ узнать жребій молодыхъ дѣвушекъ, я спустился въ каюту. На полу, прижавшись къ углу, сидѣла старшая Эмма, ея длинные волосы висѣли по плечамъ и въ глазахъ было какое-то дикое выраженіе; младшая лежала растянувшись на полу, ея голова покоилась на колѣнахъ сестры, глаза были неподвижны и обращены на лице сестры. На вопросы мои отвѣчала только одна пронзительнымъ звонкимъ смѣхомъ. Одна сошла съ ума, другая была мертва.

Шлюпки съ фрегатами пристали къ борту шкуны, командованіе которой поручено было мнѣ. Трупъ бульдога все еще висѣлъ на нокъ-реѣ, нашъ капитанъ не велѣлъ его снимать, и мы такимъ образомъ достигли съ попутнымъ вѣтромъ Ямайки и вошли въ заливъ Мантегю; во все это время тѣло бульдога висѣло на своемъ мѣстѣ. Болѣе сорока пиратовъ были убиты, а остальные заплатили за свои преступленія висѣлицей.

Молодая американка не могла поправиться, однако она получила имѣніе своего отца и оставалась долго еще владѣтельницей онаго. Дядя и племянница были схоронены въ одной могилѣ.

Тѣло Чернаго Бульдога было повѣшено въ желѣзной клѣткѣ на висѣлицѣ близъ моря, какъ символъ наказующаго правосудія.

А. Богословскій.

СОВРЕМЕННОЕ.

I. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Океанъ и его жизнь. До настоящаго времени тайны страшной глубины океана очень мало извѣстны. Еще постоянно требуетъ онъ безчисленныхъ жертвъ. Спокойствіе моря обманчиво и подъ гладкою, какъ стекло, поверхностью, кипитъ вѣчная борьба. Океанъ не держитъ нынѣ, какъ въ отдаленной древности, свою супругу, землю въ нѣжныхъ объятіяхъ: нашъ морской богъ — богъ войны, онъ борется безпрестанно съ материкомъ. Даже покоясь по-видимому во снѣ, онъ дѣйствуетъ неутомимо. Послушайте, какъ волны, играя, ударяются о песчаный берегъ, и посмотрите, какъ дышитъ и напрягается гигантская масса, на подобіе живаго существа. Нѣтъ сна, нѣтъ покоя для грозной стихіи. Какъ ручей прыгаетъ игриво по скаламъ и обваламъ, денно и нощно, безъ всякой остановки, такъ и могучій океанъ не знаетъ ни отдыха, ни покоя.

Не одно давленіе воздуха на обширную поверхность моря производитъ на ней, дыханіемъ легкаго вѣтерка, легкія морщины, или во время бури глубоко бороздитъ ее; есть еще и другія причины, приводящія водяную массу въ движеніе. Страшнѣйшій порывъ вѣтра, морской тифонъ производитъ на водѣ явленія, которыя не больше какъ дѣтскія игры въ сравненіи съ правильнымъ и спокойнымъ, но гигантскимъ движеніемъ водъ къ небесамъ, гдѣ «Онъ собралъ воды въ густыя тучи», и откуда онѣ потомъ ниспадаютъ въ самую глубину земли.

Когда жгучіе солнечные лучи покоятся на холодномъ лонѣ водъ, милліоны капель поднимаются изъ нѣдръ океана и восходятъ невидимо для человѣческихъ глазъ, на крыльяхъ вѣтра до голубаго эфира. Вскорѣ потомъ онѣ собираются въ серебристые облака, носятся округъ зем-

наго шара и падаютъ стремительно шумными, разрушительными потоками, то кроткимъ живительнымъ дождемъ, или еще спокойнѣе въ видѣ яркихъ жемчужинъ росы, которая сіяетъ на груди развивающейся розы и наполняетъ всѣ чашечки цвѣтовъ и растеній. Жадно глотаетъ земля небесный напитокъ; тысячьми жилъ посылаетъ его въ самую глубину своего сердца и наполняетъ драгоцѣнною влагою свои невидимыя, обширныя вмѣстилища. Наконецъ океанъ не въ состояніи удержать внутри себя благодатный даръ небесъ и изливаетъ его сквозь щели и пропасти въ видѣ веселыхъ, рѣзвыхъ источниковъ. Потомъ ручеекъ соединяется съ ручейкомъ и они шумно и беззаботно катятся внизъ по бокамъ горъ, далѣе образуютъ мощные потоки, которые гремятъ по утесамъ, летятъ стремглавъ водопадами и наконецъ катятъ все медленнѣе и медленнѣе свои волны по наклонной площади долинъ, унося на своемъ хребтѣ драгоцѣнныя тяжести, ввѣренныя имъ людьми, пока не возвратятся въ лоно общей матери—моря.

Какъ смирно и спокойно работаетъ природа въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ. Невидимо и неслышимо поднимается несмѣтная масса водъ изъ морей; а между тѣмъ, чтобъ поднять ее до облачныхъ высотъ, нужно неменѣе одной трети всей теплоты, которую солнце доставляетъ землѣ. Поднятая силами, громадность которыхъ превышаетъ самый смѣлый полетъ мысли, эта масса возвращается какъ дождь, обильный оживленіемъ, какъ скромный мельничный прудъ, или какъ жидкая дорога, по которой огромнѣйшія тяжести переносятся изъ края въ край, и океанъ вновь получаетъ свою собственность и совершаетъ такимъ образомъ одно изъ величайшихъ своихъ движеній въ водѣ, въ воздухѣ и на землѣ.

Но могущественный океанъ невсегда остается въ своихъ законныхъ предѣлахъ. Даже въ то время, когда вѣтеръ и теплота не превращаютъ его водъ въ пѣну, волну или испареніе; даже отдыхая спокойно на своемъ вѣчномъ ложѣ, на лонѣ земли, онъ подверженъ вліянію внѣшнихъ причинъ. Эта таинственная сила, которая связываетъ солнце съ солнцемъ, планету съ планетою, которая призываетъ странствующія кометы обратно къ центру ихъ движенія и удерживаетъ облака въ предѣлахъ міра—сила всеобщаго тяготѣнія дѣйствуетъ и на воду, подъ предводительствомъ солнца и луны, совершающей свое кругосвѣтное путешествіе.

Когда сопутники Неарха, полководца Александра Великаго, достигли устья Инда, въ этой странѣ чудесъ ничто не возбудило въ такой степени ихъ удивленіе, какъ приливы и отливы океана,—явленіе, котораго они никогда не видѣли въ своемъ отечествѣ, на берегахъ Малой

Азіи и Греціи. Даже въ короткое время своего пребыванія на берегахъ Индійскаго океана, они могли убѣдиться, что это дивное явленіе имѣетъ связь съ перемѣнами луны. «Какъ ни сладко дремлетъ лунный свѣтъ на этихъ берегахъ», все же луна обладаетъ таинственною силою, которая могущественнѣе солнечной, потому что луна ближе къ землѣ и хотя она поднимаетъ волны только на небольшую высоту надъ необозримою поверхностью океана, но дѣйствуетъ въ глубину до самого дна моря и влечетъ за собою всю водяную массу, какъ будто эта масса прикрѣплена цѣпью къ небесному свѣтилу. Въ тишинѣ катится слабая волна по гладкой зеркальной поверхности океана; но вотъ попадаются ей на дорогѣ земли: Новая Голландія съ одной стороны, Южная Азія съ другой, и низкій, но ужасно широкій водяной валъ сжимается, растетъ и въ стремительномъ теченіи окружаетъ острую оконечность Южной Африки. Въ часъ времени послѣ того, какъ луна достигаетъ высшей точки надъ горизонтомъ, этотъ валъ причаливаетъ къ берегамъ Феца и Марокко; спустя два часа уже проходитъ чрезъ Гибралтарскій проливъ и подвигается вдоль береговъ Португаліи. Въ четвертомъ часу онъ кидается съ шумомъ въ Британскій каналъ и проходитъ мимо западныхъ береговъ Англіи. Прибрежныя скалы Ирландіи и многочисленные острова Нѣмецкаго моря уменьшаютъ быстроту его теченія, такъ что онъ спустя уже восемь часовъ доходитъ до береговъ Норвегіи. Другой рукавъ этого водянаго вала мчится со страшною быстротою; часто пробѣгая по 120 миль въ часъ, вдоль восточныхъ береговъ Америки, оттуда направляется къ сѣверу и тамъ, сжатый со всѣхъ сторонъ, поднимается до ужасной высоты 80 футовъ, что нерѣдко случается въ Финскомъ заливѣ и служитъ доказательствомъ, что это постоянное смирное движеніе сильнѣе бѣшенаго урагана. На самомъ бурномъ и опасномъ мѣстѣ на землѣ у мыса Горна, сила самаго яростнаго вѣтра не въ состояніи поднять воду океана выше тридцати съ чѣмъ-то футовъ и поколебать ее въ глубинѣ болѣе нѣсколькихъ саженей, такъ что водолазъ можетъ тамъ пробыть спокойно въ то время, когда на поверхности бушуетъ ураганъ. Напротивъ того, этотъ валъ, такой кроткій на видъ и столь могучій въ своемъ дѣйствіи, показываетъ всю свою силу тогда, когда онъ встрѣчаетъ препятствія, достойныя преодолѣнія. Ежели стремительное теченіе водъ сопротивляется его приближенію, напр. при устьѣ Дордони во Франціи, то онъ попираетъ на своемъ гордомъ ходу дерзкій потокъ назадъ и въ теченіе двухъ минутъ затопляетъ высочайшіе домы, или гонитъ вверхъ по теченію Амазонской рѣки громадныя воды ея и образуетъ изъ нихъ высокія, какъ горы, страшныя темныя массы пѣнящихся каскадовъ, которые онъ безпрерывно

и съ недолимою силою толкаетъ впередъ, оставляя за ними совершенно гладкую поверхность, а между тѣмъ верховья рѣки отражаютъ ревъ и раскаты грома.

Еще менѣе извѣстно третье большое движеніе, прерывающее мнимый покой океана. Здѣсь какъ вездѣ, движеніе—это жизнь, а спокойствіе—смерть. Безъ этой постоянной дѣятельности, безъ этого передвиженія и смѣшенія водъ, безчисленные трупы животныхъ и растеній, находящіе ежедневно гробъ въ безднахъ океана, уничтожили бы своими ядовитыми испареніями всю жизнь на землѣ. Это третье, самое большое изъ всѣхъ движеній, никогда неостанавливающееся, происходитъ отъ дѣйствія солнечной теплоты. Какъ всѣ тѣла, такъ и вода имѣетъ свойство при пониженіи температуры сжиматься и слѣдовательно получать бо́льшій относительный вѣсъ. Но это сжиманіе воды продожается только до извѣстной точки температуры, около 3° Реомюра, составляющихъ неизмѣнную теплоту воды въ океанѣ, до глубины отъ трехъ-сотъ до шестисотъ и болѣе футовъ. Когда температура понижается еще болѣе, тогда вода опять разжижается и становится легче, такъ что превратившись въ ледъ, она значительно легче воды въ жидкомъ состояніи. Слѣдствіемъ этого отношенія воды къ теплотѣ есть безпрерывное движеніе ея въ морѣ: когда теплота поднимается выше 3°, тогда болѣе согрѣтая вода, какъ относительно легчайшая, поднимается вверхъ, но при температурѣ ниже этого градуса, теплѣйшая вода тяжелѣе той, которая холоднѣе и опадаетъ внизъ, а на мѣсто ея поднимается холоднѣйшая. Оттого встрѣчаются въ моряхъ теченія воды, которыя бываютъ по временамъ холодны какъ ледъ, въ другое же время становятся теплы, даже горячи, такъ что различіе температуры теченія и прилегающей къ нему спокойной воды возбуждаетъ удивленіе. Гумбольтъ замѣтилъ близъ Трухилло, что спокойная вода имѣла температуру въ 22°, текущая же по берегамъ Перу была немногимъ теплѣе 8°, и мореплаватель, который съ нѣкоторою точностью удерживаетъ свой челнокъ на краю теченія, можетъ погрузить одну руку въ холодную, а другую въ теплую воду.

Еще большіе чудеса сокрыты подъ спокойною, молчаливою наружностью *спящаго великана. Беззаботно скользитъ человѣкъ въ легкой* лодкѣ по безпредѣльному океану, не зная, что въ глубинѣ подъ нимъ распространяются роскошные лѣса, благовонные луга, огромныя горы, поднимающія свои хребты до самой поверхности воды и вулканы, воздвигнутые подводными землетрясеніями. Море, также какъ и земля, имѣетъ возвышенныя и низменныя мѣста, горы и долины, пустыя и голыя, или покрытыя буйною растительностью. Нигдѣ на сушѣ нѣтъ такихъ

неровностей, какъ подъ гладкою поверхностью моря. Въ Атлантическомъ океанѣ, къ югу отъ острова св. Елены, отвѣсная гирка, опущенная въ воду французскимъ фрегатомъ «Венера», достигла дна въ глубинѣ 14,556 футовъ, что равняется высотѣ горы Монбланъ; а капитанъ Россъ, во время своей экспедиціи къ южному полюсу не нашелъ дна моря при 27,000 ф.; въ этомъ мѣстѣ гора Давалагири, поставленная на Синаѣ, еще бы не достала до поверхности воды. А между тѣмъ изъ этой страшной глубины поднимаются горы въ видѣ скалъ и рифовъ, или обширные плодородные острова.

Старое повѣрье о постоянствѣ твердой земли въ противоположность перемѣнчивой природѣ воды не можетъ долѣе остаться въ своей силѣ: новѣйшія наблюденія доказали, что напротивъ того земля перемѣнчива, а вода постоянна. Океанъ всегда имѣетъ одинъ и тотъ же уровень, и только дно его, какъ на сушѣ возвышенія и плоскости поднимается и осѣдаетъ. Въ Южномъ океанѣ эти перемѣны случаются въ опредѣленные періоды времени. Къ осѣдающимъ частямъ нашей земли принадлежитъ, между прочими, Новая Голландія. Она вовсе не новая, молодая страна, а напротивъ того старый, умирающій островъ, который вмѣстѣ съ своею странною, ему одному свойственною флорою и фауною медленно, дюймъ за дюймомъ, нисходитъ въ могилу, приготовленную для него въ нѣдрахъ океана.

Чудный этотъ подводный міръ! Въ немъ есть глубокія пропасти, наполненныя ужасными скалами, обломками кораблей, человѣческими трупами. Тамъ лежатъ въ глинѣ и илѣ пушки, ящики съ золотомъ и остовы, притащенные водою со всѣхъ странъ свѣта; тамъ покоится черепъ храбраго корабельнаго командира возлѣ лопнувшаго щита гигантской черепахи, гарпунъ китолова возлѣ зуба морскаго чудовища; въ кипахъ дорогаго индійскаго шелка обитаютъ тысячи рыбъ, и надъ ними толпятся миріяды инфузорій; огромный китъ и хищная аккула гонятъ предъ собою густыя стада сельдей. Здѣсь море ударяетъ съ пѣною объ утесы; тамъ движется оно медленно по обширнымъ песчанымъ степямъ. Утромъ волны устремляются съ яростью на голыя вершины подводныхъ Альповъ, или пробираются со свистомъ сквозь старые лѣса; вечеромъ скользятъ въ тишинѣ надъ бездонными пропастями, какъ будто боятся погрузиться въ вѣчную ночь, внизу, откуда слышенъ отдаленный громъ и воды стонутъ и воютъ, на подобіе злыхъ духовъ, лежащихъ въ оковахъ въ страшной глубинѣ.

Море представляется намъ ужаснымъ кладбищемъ. Милліонъ милліоновъ животныхъ гніютъ тамъ и образуютъ полосы, массы или обширныя отмели. Тамъ внизу подъ тонкимъ, прозрачнымъ покрываломъ

нѣтъ мира; тамъ происходятъ безконечныя убійства, дикія борьбы; непримиримая и неугасимая вражда обитаетъ въ холодной, безчувственной глубинѣ. Жизнь поддерживается тамъ убійствомъ. Львы, тигры, волки достигаютъ въ обширныхъ пещерахъ гигантской величины и истребляютъ каждодневно цѣлыя поколѣнія меньшихъ животныхъ. Полипы и медузы въ безчисленномъ множествѣ распространяютъ свои сѣти, которыми ловятъ миріяды беззаботныхъ звѣздообразныхъ жизотныхъ, и китъ поглощаетъ въ одинъ разъ милліоны крошечныхъ, но живыхъ существъ. Рыба — мечъ и морской левъ охотятся за слонами и носорогами Тихаго Океана, и тунеядныя животныя впиваются милліонами въ жиръ тюленя. Все охотится, убиваетъ; но борьба происходитъ въ молчаніи; неслышно военныхъ восклицаній; крикъ страха не прерываетъ вѣчной тишины, веселья побѣдителей, не проникаетъ чрезъ хрустальныя волны въ міръ свѣта. Сраженія бываютъ въ таинственной глубинѣ; по временамъ только пучина раздается и показываетъ на одно мгновеніе окровавленное мѣсто боя, или издыхающій китъ поднимаетъ надъ водою громадное туловище и выбрасываетъ высоко на воздухъ окровавленную, пѣнящуюся водяную струю.

Не смотря на эту безконечную войну, глубины океана не представляютъ зрѣлища опустошенія. Напротивъ того, тамъ обитаютъ большія и малыя животныя, въ безчисленномъ множествѣ. Море содержитъ въ себѣ животныхъ самыхъ разнообразныхъ породъ, начиная съ микроскопическаго инфузорія и до громадныхъ чудовищъ, которыя, не чувствуя тяжести своего тѣла, свободно и весело гуляютъ въ волнахъ. Гдѣ скалистые утесы Шпицбергена и негостепріимные берега земли Королевы Викторіи не питаютъ даже самой бѣдной породы мха, тамъ море покрыто водорослями и конфервами, и толпы маленькихъ животныхъ населяютъ воды. По природному свойству самая чистая ключевая вода непрозрачнѣе морской, потому что эта послѣдняя поглощаетъ всѣ краски, исключая ультрамарина, который придаетъ ей лазурный цвѣтъ небесъ. Впрочемъ наружный цвѣтъ морской воды измѣняется съ каждымъ солнечнымъ лучемъ, и гдѣ глубина незначительна, тамъ отражается въ водѣ цвѣтъ ея дна; но самые блестящіе цвѣта, самую удивительную краску она получаетъ отъ инфузоріевъ и растеній. Въ сѣверномъ ледовитомъ океанѣ тянутся между пространствами чистѣйшаго лазурнаго цвѣта темнозеленыя полосы, и близъ береговъ Аравіи голубыя полосы воды такъ рѣзко отдѣляются отъ зеленыхъ, что одинъ и тотъ же корабль можетъ находиться въ одно время въ зеленой и голубой водѣ. Красное море при Калифорніи получило свое названіе отъ цвѣта обитающихъ въ немъ въ безчисленномъ количествѣ инфузоріевъ;

цвѣтъ аравійскаго моря измѣняется отъ блѣдно-розоваго до темно-краснаго, смотря по большему или меньшему накопленію крошечныхъ его обитателей. Массы другихъ маленькихъ существъ окрашиваютъ воду близъ Малдивскихъ острововъ чернымъ и въ Гвинейскомъ заливѣ бѣлымъ цвѣтомъ.

Капитанъ Россъ вытаскивалъ въ Арктическомъ океанѣ изъ глубины въ 6000 футовъ все еще живыя существа; даже въ такой глубинѣ, которая далеко превосходитъ наши высочайшія горы, живутъ въ водѣ несмѣтныя громады фосфорическихъ существъ, которыя поднявшись на поверхность воды, украшаютъ каждую волну яркимъ свѣтомъ и превращаютъ океанъ въ огненное море. Вода до того изобилуетъ этими маленькими животными, что большія животныя находятъ въ нихъ достаточную пищу. Они не придерживаются никакихъ опредѣленныхъ странъ своего влажнаго отечества, а дѣлаютъ большія путешествія. Морскія теченія, которыхъ не видалъ еще человѣческій глазъ, заносятъ ихъ густыми толпами отъ полюсовъ къ экватору и иногда отъ одного полюса къ другому.—Китъ принужденъ путешествовать съ быстротою нашихъ паровыхъ машинъ, чтобъ медузъ Арктическаго океана догнать въ Антильскомъ морѣ, если не хочетъ остаться безъ насущнаго хлѣба. Странная охота. Морской гигантъ гоняется съ бѣшеною поспѣшностью за едва видимыми, слабо окрашенными шариками студеня.

Безпрерывная работа въ сокровенномъ царствѣ океана имѣетъ еще и другія назначенія. Ни одно животное на сушѣ не дѣлаетъ столь многихъ и правильныхъ переходовъ, какъ рыба, и нигдѣ въ обширномъ хозяйствѣ природы не видимъ такъ ясно, какъ здѣсь, тѣснаго отношенія между потребностями человѣка и средствами, которыя всеблагое Провидѣніе расточаетъ для удовлетворенія этихъ потребностей. Первыя сельди, которыя появились въ голландскихъ водахъ, были продаваемы на вѣсъ золота, и одинъ японскій вельможа заплатилъ за двѣ штуки обыкновенной рыбы тысячу червонцевъ, потому что его японское величество возымѣлъ желаніе покушать рыбы среди зимы, когда всѣ рыбы оставили берега его государства.

Рыбы, по одиначкѣ или толпами, находятся въ постоянномъ движеніи. Вкусная макрель отправляется на югъ, нѣжная сардинка странствуетъ весною изъ средиземнаго моря на западъ, а осенью возвращается назадъ. Осетръ вплываетъ уединенно въ большія рѣки европейскаго материка, его находили даже близъ Страсбурга. Треугольныя громады лососей входятъ во всѣ почти сѣверныя рѣки и бываютъ иногда столь многочисленны и густы, что препятствуютъ истоку воды. Какъ передовые гонцы лососей миліярды сельдей оставляютъ тѣже во-

ды; но настоящая ихъ отчизна еще не открыта. Весною появляются вдругъ ужасныя массы этой удивительной рыбы, въ двѣ и три мили ширины, отъ двадцати до тридцати миль длины, и такъ плотно и глубоко скоплены эти толпы, что копья, гарпуны, сверла, брошенныя въ нихъ какъ ни попало, не тонутъ, а остаются на поверхности этой живой подвижной отмѣли. Сколько изъ нихъ поглощается акулами и хищными птицами, сколько ловится для унавоженія полей,—превосходитъ всякое исчисленіе, и за всѣмъ тѣмъ, каждый годъ солятъ ихъ, по вѣрному разсчету около тысячи милліоновъ штукъ.

Киты, имѣющіе сто и болѣе футовъ въ длину, самыя величайшія *животныя на землѣ и впятеро превосходятъ длиною слона, великана* суши. Черепахи вѣсомъ въ тысячу фунтовъ находятся во многихъ моряхъ. Скалистые острова южныхъ полярныхъ странъ доставляютъ ежегодно до милліона тюленей, гиппопотамовъ и морскихъ львовъ. Большія птицы поднимаются изъ пѣнящихся волнъ, и родины ихъ не видѣлъ еще ни одинъ человѣческій глазъ; мѣста, въ которыхъ онѣ вьютъ гнѣзда, намъ неизвѣстны. Изъ одного отхода малыхъ птицъ образовались въ теченіе времени острова и горы.—Природа показываетъ и въ малыхъ вещахъ свое величіе: какъ тонки должны быть напр. жилы и мышцы, нервы и кровяные сосуды въ животныхъ, недостигающихъ величины горошины или даже булавочной головки.

Океанъ нетолько имѣетъ свои горы и долины, свои торфяныя болота и песчаныя степи, свои рѣки и ключи прѣсной воды; но въ немъ есть также высокіе лѣса, обширные луга и цвѣтущіе сады; однимъ словомъ мѣстности, которыя величественнѣе и прекраснѣе тѣхъ, какія находятся на материкѣ. Правда, что только двѣ породы растеній: поросты и водоросли прозябаютъ на днѣ морскомъ: первыя нитеобразныя и вѣтвистыя, другія безъ вѣтвей, и что къ этимъ породамъ принадлежатъ всѣ растенія, образующія подводные лѣса или плавающіе на водѣ зеленые луга; но формы этихъ растеній столь различны, краски столь блестящи, число и величина до того чрезмѣрны, что они превращаютъ глубину въ очаровательный садъ. И какъ на сушѣ листья и вѣтви деревъ качаются на упругихъ волнахъ воздуха, или стоная и вздыхая сгибаются подъ бѣшеными ударами бури, такъ морская трава машетъ своими тонкими бураго цвѣта руками и борется съ океаномъ, который подмываетъ ея корни и терзаетъ въ куски ея листья. Иногда сильный противникъ одолѣваетъ растеніе, вырываетъ его изъ земли и уноситъ къ отдаленнымъ берегамъ, при которыхъ трава собирается со временемъ въ такія густыя и плотныя кучи, что неразъ спасала корабли отъ крушенія и жизнь людей отъ пасти хищныхъ волнъ.

Разныя породы *водорослей обитаютъ въ разныхъ* странахъ океана и

имѣютъ свои собственныя ограниченныя владѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ укрѣпляются своими рукообразными корнями на скалистомъ грунтѣ такъ твердо, что когда сильныя волны выносятъ ихъ на верхъ, то эти растенія поднимаютъ вмѣстѣ съ собою огромные камни и влачатъ ихъ за собою на далекое разстояніе. Большая часть водорослей придерживается береговъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ мѣстъ, въ которыхъ морское дно спокойно и рѣдко растутъ глубже сорока саженъ подъ поверхностью воды. Въ полярныхъ моряхъ находятся однако породы, достигающія длины въ полторы тысячи футовъ. Часто онѣ покрываютъ собою значительныя пространства на морѣ и образуютъ эти баснословные луга, которые приводили въ ужасъ древнихъ мореплавателей. Самый большій изъ нихъ, такъ называемое Саргасское море, между Азорскими и Антильскими островами, составляетъ плавающій садъ, имѣющій въ длину отъ одной до трехъ сотъ миль и простирающійся на двадцать градусовъ широты, такъ что Коломбъ употребилъ три безконечныя и безнадежныя недѣли, чтобъ пробраться чрезъ эти *чудные морскіе луга*.

Эти растенія состоятъ изъ полужидкой студеной массы, обтянутой плотною корою, и образуютъ неправильныя вѣтви, по концамъ которыхъ находятся небольшіе пучки настоящихъ листьевъ. Первый стебель тонокъ и сухъ; онъ скоро умираетъ, но растеніе продолжаетъ развиваться въ *длину, кажется, до безконечности. Не многія изъ тѣхъ растеній годны въ* пищу. Близъ Ирландіи растетъ Каррагенскій мохъ, съ красивыми кудрявыми листьями, который врачи прописываютъ отъ грудной болѣзни. Другая порода водорослей доставляетъ ласточкамъ на Индійскомъ океанѣ матеріялъ, изъ котораго онѣ вьютъ всѣмъ извѣстныя гнѣзда, появляющіяся какъ *лакомство на царскихъ столахъ. Сахарный водоросль въ Нѣмецкомъ морѣ*, широкій съ руку и имѣющій въ толщину едва одну линію, но въ длину цѣлыя мили, служитъ къ приготовленію такъ называемаго Мармасскаго сахара.

Полярныя страны служатъ обиталищемъ для самыхъ гигантскихъ породъ этого растенія. Пузырочный водоросль растетъ въ длину до тысячи футовъ среди никогда нетающихъ льдовъ и его длинные листья блестятъ пурпурнымъ цвѣтомъ. На этихъ великолѣпныхъ листьяхъ находятся большіе пузыри, съ помощію которыхъ растенія плаваютъ по водѣ. Недалеко отъ Фалкландскихъ острововъ попадается порода водорослей, похожая на яблонь; стволъ ея поднимается прямо вверхъ; изъ него выходятъ вѣтви на подобіе вилокъ, съ листьями, похожими на траву и съ множествомъ плодовъ. Корни и стволъ приклѣпляются крючкообразными ниточками къ скаламъ выше поверхности воды; вѣтви растенія поднимаются высоко на воздухъ, а листья, какъ въ плачущей ивѣ, наклоняются въ воду.

Сверхъ безчисленныхъ породъ водорослей, покрываютъ морское дно кудрявые темнопурпурнаго цвѣта листья молочая, широкія губки, пустыя внутри поросты, состоящіе изъ маленькихъ розовыхъ пузырьковъ, покрытыхъ нѣжными, постоянно движущимися волосками.

Эти растенія, перемѣшанныя одни съ другими, обнимающіяся взаимно своими вѣтвями, образуютъ подводные лѣса съ ихъ чащами и прогалинами. Тутъ растительность такъ могуча, что лѣсъ кажется непроходимъ; тамъ она рѣже и образуетъ красивые розовые ковры; тысячи красокъ и оттѣнковъ мерцаютъ при каждой перемѣнѣ освѣщенія. Водоросли, въ особенности, разнообразны въ своемъ прозябаніи: то ползутъ они по дну, то выставляютъ свои длинныя, украшенныя подвижными перышками руки высоко на небесный свѣтъ и образуютъ тѣнистыя свѣтлозеленыя аллеи, чрезъ которыя нельзя увидѣть ни звѣздъ, ни луны; то опять поднимаются къ самой поверхности водъ, которая тогда сіяетъ богатою мантіею изъ зелени, золота и порфира. И подъ этимъ очаровательнымъ покрываломъ, отражающимъ всѣ цвѣта радуги глубоко въ пустыхъ, соленыхъ волнахъ плаваютъ и движутся весело блѣдные моллюски и блестящія рыбы. Улитки разныхъ видовъ ползутъ медленно по стеблямъ; неуклюжіе, сѣроволосые тюлени держатся сильными зубами за деревья. Тамъ находится гигантскій Дугонгъ (морская дѣва) сирена древнихъ; тамъ аккула съ свинцовыми глазами; тамъ густоволосый морской леопардъ и лѣнивая черепаха. Посмотрите, какъ эти чудовища, которыя покоятся невозмутимымъ сномъ въ ужасной глубинѣ, шевелятся по временамъ; какъ они гоняются одно за другимъ, поднимаются, какъ острова изъ воды и гнѣвно кидаются и пѣнятся. Можетъ быть они спокойно пасутся на днѣ морскомъ; да вотъ приходитъ голодная аккула и снуется кругомъ этого лѣса; ея стекляные глаза мерцаютъ желтоватымъ свѣтомъ и ищутъ добычи. Морской песъ первый замѣтилъ страшнаго врага и прячется въ самый тайный уголокъ лѣса. Въ одно мгновеніе сцена перемѣняется. Устрица запираетъ свою раковину и бросается въ глубину; черепаха прячетъ голову и ноги въ непроницаемую броню и опускается медленно на дно; игривая рыбка скрывается въ вѣтвяхъ, морской ракъ подъ корнями макрокиста. Молодой бегемотъ (гиппопотамъ) обращается смѣло къ непріятелю и показываетъ ему свои острые зубы. Аккула старается напасть на него съ незащищенной стороны. Начинается бой: оба спѣшатъ въ лѣсъ, наконецъ болѣе ловкой аккулѣ удается ранить противника въ бокъ. Окровавленный бегемонъ, теряя надежду на жизнь, хочетъ укрыть въ лѣсу свою кончину, но ослѣпленный болью и кровью запутывается въ вѣтвяхъ и становится легкою добычею аккулы, которая пожираетъ его съ жадностью. Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда представляется другое зрѣлище. Тамъ находит-

ся обширное, невозмутимое ложе устрицъ—средоточіе спокойнаго счастія. Эти скользкія, тягучія существа кажется, спятъ въ своихъ непроницаемыхъ раковинахъ, а между тѣмъ каждое изъ нихъ ведетъ блаженную жизнь эпикурейцевъ. Внѣшній міръ съ его радостями и страданіями, съ его бурями и тишиною, съ его хорошими и дурными качествами не представляетъ никакого интереса для безпечной устрицы. Вся ея душа сосредоточена сама въ себѣ; все тѣло проникнуто жизнію и наслажденіемъ. Океанъ доставляетъ ей всякого рода радости. Тысячи невидимыхъ для человѣческаго глаза волосковъ движутся на ея тѣлѣ и хватаютъ въ водѣ свѣжую отборную пищу, безъ всякихъ со стороны устрицы усилій. Каждая капля воды приноситъ ей свѣжій воздухъ, который очищаетъ и освѣжаетъ ея кровь.

Здѣсь также родина самыхъ чудныхъ созданій природы, вполовину растеній и вполовину животныхъ—коралловъ. Изъ имѣющаго видъ дерева известковаго камня выходитъ одаренный чувствомъ полипъ, который растетъ, питается, производитъ новыхъ полиповъ и наконецъ обращается въ камень, на которомъ новыя поколѣнія строятъ новыя каменныя жилища.

Кораллы строятъ обширные замки и высокія башни, скрѣпляя камень съ камнемъ лучше всякаго архитектора.

Удивительныя, таинственныя существа эти «дѣвы океана», какъ ихъ называли древніе Греки. Красота ихъ формъ и цвѣтовъ, дивная жизнь, гигантскія постройки — все это съ давнихъ временъ обращаетъ на себя вниманіе людей и служило поводомъ къ фантастическимъ мечтамъ и занимательнымъ обманамъ. Въ продолженіе многихъ столѣтій считали кораллъ настоящимъ морскимъ растеніемъ, которое въ соприкосновеніи съ воздухомъ внезапно превращается въ камень. Даже въ прошедшемъ столѣтіи вѣрили этой сказкѣ и только многія наблюденія и изслѣдованія предоставили коралламъ мѣсто въ животномъ царствѣ.

Чего не въ состояніи сдѣлать человѣкъ, при всемъ своемъ усиліи, съ помощію всѣхъ служащихъ ему силъ природы, не исключая и могущественныхъ паровъ:—защититься отъ ярости вторгающагося океана, то дѣлаетъ невзрачное существо, полипъ, спокойно и въ тишинѣ, скромнымъ трудомъ и въ безпрерывной борьбѣ съ сильными волнами. Да, это борьба, потому что полипы не возводятъ своихъ построекъ въ мутной, стоячей водѣ, они избираютъ свое жилище среди самыхъ быстрыхъ водоворотовъ; строятъ его съ году на годъ, изъ вѣка въ вѣкъ и образуютъ посредствомъ созданныхъ ими кольцеобразныхъ острововъ среди океана обширные пруды, въ которыхъ царствуетъ вѣчный миръ, не возмутимый бурею и волнами. Но какъ только эти постройки достигли поверхности воды, то уже болѣе

не поднимаются, потому что полипы настоящія дѣти моря: едва только воздухъ коснется до нихъ, они тотчасъ же умираютъ.

Въ Южномъ Океанѣ находятся тысячи коралловыхъ острововъ. Всѣ они очень немного возвышаются надъ водою, всѣ имѣютъ видъ колецъ, внутри которыхъ лежатъ спокойныя озера, и всѣ состоятъ изъ одного только вещества—изъ коралла. Волны приносятъ къ этимъ островамъ сѣмена растеній и цѣлыя деревья; потомъ появляются морскія птицы, черепахи и насѣкомыя, и вновь образованная земля кипитъ уже жизнію.

Море имѣетъ свой собственный свѣтъ. Когда день смеркнетъ и ночь распространитъ свое черное покрывало надъ водами, тогда онѣ начинаютъ сіять новымъ таинственнымъ блескомъ. Зеленые, желтые, красные огоньки то всплываютъ на поверхность, то опять погружаются въ воду; звѣздочки мелькаютъ въ разныхъ направленіяхъ; лучи свѣта и молніи бороздятъ воду. За каждою рыбкою тянется свѣтлая полоса: чешуя рыбъ горитъ какъ золото и толпы морскихъ свинокъ, перерѣзывая волны, возбуждаютъ въ нихъ ослѣпительный блескъ.

Какъ ни однообразенъ океанъ, но онъ подверженъ разнымъ перемѣнамъ. Видъ его бываетъ то пасмуренъ и печаленъ, то ясенъ и привлекателенъ. Когда вѣтеръ успокоится и волны улягутся, тогда океанъ является во всемъ своемъ величіи. Впрочемъ видъ моря совершенно спокойнаго имѣетъ въ себѣ что-то страшное: человѣкъ, вдали отъ земли, чувствуетъ себя какъ бы прикованнымъ къ этой стекляной прозрачной поверхности; онъ не въ состояніи вырваться изъ пагубнаго мѣста, и смерть, медленная, страшная, вѣрная смерть заглядываетъ ему въ глаза. Воображеніе можетъ представить себѣ только одну картину, которая ужаснѣе бури, кораблекрушенія или пожара на кораблѣ въ открытомъ морѣ: это видъ корабля, застигнутаго на морѣ совершенною тишиною, безъ всякой надежды на вѣтеръ. Сташное зрѣлище! Бѣдный морякъ смотритъ угасающимъ окомъ на ту же волну, на тотъ же отблескъ солнечнаго луча, со дня на день, пока сердце его не изноетъ и тѣло не сдѣлается жертвою смерти.

Видъ океана возбуждаетъ въ душѣ человѣка чувство безпредѣльности и страха. Не въ состояніи обнять умомъ всю эту величину неимѣющую границъ, онъ даетъ волю воображенію, которое населяетъ глубины моря баснословными существами: сиренами, феями и громадными чудовищами. Здравый смыслъ и вѣра отталкиваютъ отъ себя эти мечты и суевѣрія, находя въ морѣ источникъ мужества и дѣятельности. Жизнь на морѣ—это жизнь безпрерывныхъ стремленій и борьбы. Потому-то мореходные народы воинственны, дѣятельны и полны жизни.

—

Овцеводство въ Австраліи. Ни одна страна въ Европѣ не можетъ сравниться съ Россіею обширностью своего овцеводства; но вотъ новая часть свѣта вступаетъ въ соперничество съ нами въ этомъ отношеніи. Австралія стала нынѣ столько же извѣстна своимъ овцеводствомъ, сколько и богатствомъ своихъ золотыхъ пріисковъ. Многіе милліоны овецъ находятся въ этой землѣ, отдѣльныя стада чрезвычайно многочисленны и обширность пастбищъ, на которыхъ они добываютъ себѣ кормъ, приводитъ въ изумленіе.

Между рѣкою Гленельгъ, на югозападномъ берегу Счастливой Австраліи и Гализарбаемъ, къ сѣверу отъ южнаго Валлиса, находится пространство, заключающее въ себѣ около 1100 англійскихъ миль въ прямомъ направленіи и на немъ разбросана до 3000 овчарень или овечьихъ станцій, какъ ихъ тамъ называютъ лебрищахъ, въ значительномъ одна отъ другой разстояніи.

Около тысячи такихъ станцій считается въ провинціи Викторіи и каждая изъ нихъ объемлетъ обыкновенно отъ 20 до 40 квадратныхъ миль, въ Сиднеѣ же станціи эти простираются на 100 и болѣе кв. миль.

Преимущественно, пространства эти состоятъ изъ неизмѣримыхъ лѣсовъ, которые однако не заростаютъ кустарниками, а состоятъ по большей части изъ рѣдкихъ съ узкими листьями деревъ, между коими солнечный свѣтъ доходитъ до земли и возбуждаетъ въ ней обильный ростъ травъ.

Видъ тѣхъ странъ въ Австраліи, въ которыхъ развито овцеводство, занимателенъ своею новостью. Обширныя равнины, нисколько не напоминающія степей, или ліянъ южной Америки, представляютъ попеременно легкія волнообразныя возвышенія и углубленія, или глубокія долины, покрытыя во многихъ мѣстахъ евкалинтусомъ, который растетъ деревомъ или кустарникомъ, доставляя своими оливкозелеными листьями весьма немного тѣни.

Въ прежнія времена овцеводы переходили съ своими стадами съ мѣста на мѣсто, пока не отыскивали такого, которое особенно благопріятствовало ихъ промыслу. Тамъ они строили себѣ изъ досокъ и древесной коры хижины и жили въ нихъ самымъ спокойнымъ образомъ, между тѣмъ, какъ стада ихъ росли и множились. Потомъ пришли туда другіе овцеводы, и это сосѣдство подавало часто поводъ къ разнымъ спорамъ, въ слѣдствіе чего правительство было вынуждено раздѣлить землю на участки, владѣльцы которыхъ обязаны уплачивать съ каждой головы рогатаго скота, лошадей и овецъ, извѣстную подать.

Подобно другимъ смертнымъ, австралійскіе овцеводы имѣли свои

ясные и пасмурные дни. Было время, когда стада ихъ, въ сравненіи съ потребностью покупателей были слишкомъ значительны, такъ, что цѣны на скотъ и мясо стояли самыя низкія. Бывало также, что они подвергались нападеніямъ туземцевъ, и австралійскіе лѣса неоднократно были свидѣтелями кровавыхъ стычекъ; часто случалось, что цѣлыя колоніи были истребляемы поджогомъ, а жители умерщвляемы. Въ возмездіи со стороны колонистовъ не было также недостатка. Собравшись въ достаточномъ количествѣ, подъ предводительствомъ избранныхъ вождей, они отправлялись на лошадяхъ въ мѣста, заселенныя туземцами и съ избыткомъ отомщали имъ за ихъ кровавыя дѣла: черные постепенно уступали предъ бѣлыми, и въ настоящее время, когда стада колонистовъ заключаютъ въ себѣ милліоны и десятки милліоновъ скота, они перешли къ сѣверу, за рѣки Янко, Биллибонгъ, Эдвардъ и Дарлингъ, и навѣрное будутъ со временемъ оттѣснены къ самому океану. Черные испытали неодолимую силу британскаго племени, и колонисты ведутъ нынѣ по большей части спокойную и удобную жизнь. Многіе изъ нихъ живутъ еще и теперь въ первоначальныхъ скромныхъ хижинахъ, хотя уже завели у себя книги, фортепіана и другія принадлежности образованной утонченной жизни. Напротивъ того, другіе выстроили порядочные жилые домы и пріобрѣли покупкою въ собственность выдѣленные имъ участки. По закону они могутъ покупать въ одинъ разъ неменѣе одной квадратной мили, т. е. 640 десятинъ; но имѣютъ право пріобрѣтать и болѣе, даже цѣлые участки по опредѣленной таксѣ, фунтъ стерлинговъ за каждую десятину, т. е. они могутъ купить за ничтожныя деньги кусокъ земли, который въ Англіи считался бы великолѣпнымъ имѣніемъ.

Эти обстоятельства возбудили, съ размноженіемъ народонаселенія, зависть, и нынѣ жители настойчиво требуютъ, чтобъ настоящій порядокъ былъ отмѣненъ и чтобъ участки земли были продаваемы желающимъ съ публичныхъ торговъ. Но еще долго, очень долго, можетъ быть навсегда, эти обширныя лѣсистыя страны будутъ пристанищемъ овцеводовъ и стадъ ихъ. Даже если земледѣліе будетъ подвигаться отъ морскихъ береговъ къ этимъ донынѣ неизвѣстнымъ странамъ, то овцеводы или ихъ дѣти подвинутся также впередъ къ Сѣверу, гдѣ земля доставитъ имъ тѣ же удобства, которыя они находятъ на Югѣ.

Въ настоящее время овцеводы составляютъ дѣйствительную аристократію края. Многіе изъ нихъ очень зажиточны и обладаютъ, кромѣ лошадей и крупнаго рогатаго скота, стадами овецъ отъ 20 до 30 тысячъ головъ. Постараемся представить здѣсь очеркъ поселеній этихъ лордовъ пустыни.

Главная станція, какъ ее называютъ, гдѣ живетъ семейство владѣльца, можетъ состоять изъ первобытной хижины или изъ краснваго, каменнаго или деревяннаго дома, окруженнаго обширными садами и виноградниками. Какъ бы то ни было, но кромѣ господскаго жилища есть еще хижины или внѣшнія станціи въ разныхъ мѣстахъ овчарнаго участка, гдѣ живутъ пастухи и главный прикащикъ, обязанный готовить для нихъ кушанье и содержать въ порядкѣ домашнее хозяйство. На главной станціи, кромѣ владѣльца и его семейства, живутъ поваръ, погонщикъ, а иногда инспекторъ, и потому здѣсь есть маленькое общество; но на внѣшнихъ станціяхъ царствуетъ глубокое уединеніе. Хотя тамъ и живутъ иногда двое и болѣе пастуховъ, но каждый изъ нихъ выводитъ свое стадо на разсвѣтѣ дня на пастбище въ особую часть лѣса и возвращается въ хижину уже съ наступленіемъ ночи.

Каждый овчарь имѣетъ подъ своимъ присмотромъ отъ 1,000 до 1,500 овецъ; тамъ же, гдѣ страна болѣе открыта и свободна отъ дикихъ собакъ (которыхъ колонисты истребляютъ, бросая имъ пищу, заправленную стрихникомъ), онъ завѣдуетъ двумя или тремя тысячьми овецъ. Но какъ однообразна и уединенна жизнь этихъ бѣдныхъ людей! Со дня на день, съ года на годъ, бродятъ они съ своими стадами по однимъ и тѣмъ же лѣсамъ, не имѣя, часто въ продолженіе долгаго времени, возможности обмѣняться словомъ ни съ однимъ человѣческимъ существомъ. Не многіе изъ нихъ женаты. Они не имѣютъ ни связей, ни какихъ-либо одушевляющихъ видовъ и надеждъ; многіе даже сходятъ съ ума отъ такой одинокой жизни.

Но я не стану распространяться надъ этою печальною стороною картины и долженъ изобразить веселый видъ главной станціи. На одной изъ нихъ, расположенной на Гоульбурнской равнинѣ, мы провели слишкомъ мѣсяцъ времени. Владѣлецъ станціи, Г. Фарлей, имѣетъ, кромѣ этой, другія станціи въ провинціяхъ Викторія и Сидней; на берегахъ Янко и Биллибонга. Незадолго предъ тѣмъ онъ выстроилъ себѣ домъ поодаль отъ станціи, въ которой живетъ теперь его инспекторъ. При насъ находились здѣсь еще два инспектора, прибывшіе изъ дальнихъ станцій, для надзора за важнымъ дѣломъ — мытья и стрижки овецъ. По этому случаю, мы слышали каждый вечеръ возлѣ разведенныхъ въ лѣсу огней безконечные разсказы о прогонахъ овецъ и крупнаго скота, среди лѣсовъ и горъ, что все для насъ было ново и занимательно.

Станція, какъ я сказалъ, устроена на равнинѣ. Мѣсто открыто со всѣхъ сторонъ, исключая одной, съ которой изъ-за лѣсовъ виднѣлись

вершины гранитныхъ горъ. Въ другихъ направленіяхъ можно бы итти сотни миль и найти вездѣ все ту же равнину и все тѣ же вѣчно зеленыя эвкалиптовыя деревья. Въ этой странѣ, по причинѣ ея однообразія, легко заблудиться; намъ разсказывали объ овчаряхъ, которые странствовали съ своими стадами до тѣхъ поръ, пока не умерли съ голоду. Меня ужасала мысль объ этихъ обширныхъ скучныхъ пустыняхъ, откуда по-временамъ являлся овчарь, приводившій стадо для мытья и стрижки. Я никогда не узналъ, гдѣ находились уединенныя хижины, потому что не посѣщалъ ни одной изъ нихъ и кажется ни кто ихъ не посѣщаетъ, кромѣ смотрителей, которые завозятъ пастухамъ порціоны на всю недѣлю.

Эти порціоны состоятъ изъ 10 фунтовъ муки, 12 ф. мяса, ¼ ф. чаю, 2 ф. сахару и извѣстнаго количества табаку на человѣка. Пища пастуховъ также однообразна, какъ и самая жизнь. Ни молока, ни зелени, ни масла, а вѣчно баранина, чай и дамперъ—родъ прѣснаго пирога, который они пекутъ въ горячей золѣ.

Станція, не смотря на ровное положеніе края, представляла моимъ глазамъ довольно пріятный видъ. Она въ пятидесяти саженяхъ отъ берега значительной рѣки, которая—истинное чудо! — не высыхаетъ лѣтомъ. Возлѣ рѣки, трава отличалась свѣжею зеленою краскою; рѣдко растущія деревья принадлежатъ къ гигантской породѣ камедистыхъ деревъ, которыя любятъ сырую почву. Тамъ и сямъ деревья упали поперегъ рѣки и образовали природную плотину. Рыбы и черепахи, которыхъ я, для своего удовольствія, старался удить, были въ излишествѣ. Черепахъ я никакъ не могъ поймать: какъ только онѣ, бывало, завидятъ меня, тотчасъ же падаютъ, какъ камни, въ воду и не выходятъ наверхъ, пока я близко. Рѣчныхъ раковъ было тамъ также много: цвѣтъ ихъ стальной; по обѣимъ сторонамъ хвоста торчатъ у нихъ острія. Раки эти очень вкусны. Я провелъ много пріятныхъ дней на берегу рѣки.

Въ окрестности было много поющихъ воронъ и Lach-Esel, а также двѣ породы птицъ, которыя въ послѣдствіи всегда напоминали мнѣ это мѣсто. Одна изъ нихъ маленькая: голосъ ея однообразенъ, но такъ нѣженъ и музыкаленъ, что я съ удовольствіемъ слушалъ всегдашній ея напѣвъ: авай! авай! ве-го! авай! авай! ве-го! (прочь! прочь! идемъ! прочь! прочь! идемъ!). Я слышалъ пѣніе этой птички и въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ оно не показалось мнѣ такъ гармоническимъ, какъ здѣсь.

Въ этой странѣ было также много красивыхъ ласточекъ, похожихъ на черныхъ съ бѣлыми пятнами голубей. Онѣ столь кротки, что поз-

воляютъ подходить къ нимъ на самое близкое разстояніе. Чистый, металлическій голосъ ихъ: хаинъ! хаинъ! хаинъ! слышенъ очень далеко. Я нашелъ гнѣздо ихъ съ обросшими уже птенцами, и если бъ шелъ домой, то, можетъ-быть, покусился-бы взять ихъ съ собою и воспитать.

Станція состояла изъ множества неуклюжихъ хижинъ, выстроенныхъ изъ тростника, крытыхъ корою камедистыхъ деревъ. Главная хижина имѣла спереди двѣ избы съ огромными очагами и была выстроена изъ досокъ. Снизу стѣны, для защиты отъ огня, выложены гранитными плитами. Полъ состоялъ изъ глины. Въ стѣнахъ находились щели, сквозь которыя можно просунуть руку; но не смотря на то, лѣтомъ было въ избахъ удобно и пріятно. Домашняя утварь состояла изъ нѣсколькихъ простыхъ стульевъ и стола. Ножи, вилки, чайный горшокъ, однимъ словомъ все (а всего было немного) имѣло тотъ же первобытный характеръ. — Возлѣ этой хижины была другая, гдѣ жилъ человѣкъ, соединявшій въ себѣ должности плотника и мясника, а сзади двора расположены кухни, стойла и другія строенія. Кругомъ дома было много собакъ, которыхъ не пускаютъ въ избы, а также изобиліе куръ, нѣтуховъ, кошекъ и котятъ, такъ что почти каждое мѣсто кипѣло жизнію.

За рѣкою, въ небольшомъ разстояніи, правительство велѣло выдѣлить новый участокъ, на которомъ было уже двѣ или три хижины и большой садъ, или то, что было когда-то садомъ. Г. Фарлей велѣлъ перенести оттуда виноградныя лозы и молодыя деревья въ садъ, заведенный имъ возлѣ своего новаго дома. Но и въ прежнемъ саду остался кое-гдѣ виноградный кустъ, который разросся между зельемъ; были персиковыя и квитовыя деревья, обремененныя плодами, но еще зелеными. И какіе удивительные квиты растутъ въ этой землѣ! величиною съ дыню, прекраснѣйшаго желтаго цвѣта, и какой мармеладъ дѣлаютъ изъ нихъ! Тамъ были также розы, лиліи, красныя и малиноваго цвѣта вербены. Какъ роскошно цвѣли онѣ! Мнѣ кажется, что я не видалъ еще садовыхъ растеній, которыя бы имѣли такой пышный и красивый видъ. Между ними было много красныхъ левкоевъ. Они были вышиною почти въ сажень; стволы ихъ жестки и покрыты безчисленными цвѣтами.

Всѣ эти цвѣты растутъ безъ всякаго участія людей. Мы часто ходили по фиговому дереву, (образовавшему единственный въ этомъ мѣстѣ мостъ на рѣкѣ), въ садъ и приносили оттуда въ хижину прекрасные букеты. Въ розовыхъ кускахъ и въ шиповникѣ было много птичьихъ гнѣздъ. Садъ, правда, обведенъ еще заборомъ; но смотрители не

думаютъ о садоводствѣ. Они могли бы имѣть обильнѣйшіе сборы фруктовъ и зелени всякого рода: дыни, тыквы, арбузы и всѣ вкусныя овощи, которыя лѣтомъ такъ освѣжительны. Но смотрители и овчари, кажется, равнодушны къ подобнымъ предметамъ, и съ года на годъ ѣдятъ свою жесткую баранину, да пьютъ чай, безъ молока, съ сахаромъ самаго низкаго сорта, какъ будто картофель, рѣпа, горохъ, бобы и т. п. не стоятъ того, чтобъ о нихъ думать.

Такимъ образомъ этотъ пышный садъ запущенъ и въ немъ несутся куры и выводятъ цыплятъ такими громадами, какихъ вамъ не приходилось видѣть. Кто-то привязалъ въ саду лошадь пастись трилистникомъ и горошкомъ, которые выросли тутъ, какъ будто-бы думали, что на землѣ должно-же что нибудь расти, и если картофель и бобы не хотятъ этого дѣлать, такъ онѣ должны исполнить эту обязанность.

Иногда я просиживалъ часъ въ углу, подъ тѣнію широколистаго растенія, наслаждаясь медовымъ его запахомъ. Одно только мѣшало мнѣ въ моемъ саду: это была змѣя. Она, сдѣлавши себѣ яму подъ кучею обломленныхъ вѣтвей, выходила на верхъ грѣться на солнцѣ.

Когда я приходилъ, она пряталась подъ вѣтви, но оставалась такъ близко, что собака моя, по кличкѣ Принъ, могла ее видѣть и обыкновенно начинала лаять на нее съ яростью. Я не любилъ сосѣдства этого существа, которое часто ползало возлѣ моей бесѣдки. Не смотря на все мое вниманіе, мнѣ не удалось замѣтить ее такъ, чтобы можно было убить ее. Когда я входилъ въ дверь сада, она уходила въ свою яму и, казалось, караулила оттуда, чтобъ меня ужалить.

Пришла пора занятій: мытье и стрижка овецъ. Нѣсколько десятковъ людей стало жить въ хижинахъ на дворѣ, собираясь утромъ, въ полдень и вечеромъ въ кухнѣ, гдѣ они завтракали, обѣдали и ужинали. Крикъ, шумъ, смѣхъ слышны были безпрерывно. Шутки этихъ людей чрезвычайно грубы. По вечерамъ подчивали ромомъ; тогда поднималась страшная кутерьма. Пѣніе, смѣхъ, ругательства, ссоры, крикъ, все вмѣстѣ. Иногда доходило до порядочнаго боя, и тогда Принъ считалъ своимъ долгомъ выскочить и одного или другаго изъ сражавшихся схватить за ногу. Въ то время кричали; собака, собака, выведите вонъ собаку! Вообще Прину удавалось прекращать битву, послѣ чего онъ совсею поспѣшностью ретировался въ нашу хижину, прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ ударить его палкою или камнемъ.

По временамъ заходили на ночь на станцію чужіе люди. Въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ постоялыхъ дворовъ, есть обыкновеніе, что всѣ путешественники заходятъ безъ церемоніи въ какое ни попало поселеніе и тамъ получаютъ пріютъ и пищу. Въ послѣдніе годы обязанность эта

стала столь тягостна для нѣкоторыхъ хозяевъ станцій, что они завели вблизи постоялые дворы. На той станціи не было такого заведенія, и потому всѣ прохожіе останавливались въ ней. Трудно представить себѣ, какое множество людей приходило туда и какая происходила оттого суматоха.

Нѣкоторые изъ прохожихъ были также хозяева или смотрители, которые искали заблудившагося скота или отправлялись въ городъ по дѣламъ. Они заходили въ главную хижину и садились за нашъ столъ; простые же люди помѣщались въ боковыхъ хижинахъ на дворѣ и присоединялись къ тамошнему шумному обществу. Они обыкновенно приносили разныя новости, а если не было, то выдумывали ихъ сами, и потому ихъ всегда радушно встрѣчали. Между ими были овчари, пастухи и извѣстные лѣсные наѣздники, съ пистолетами и ножами за поясомъ, которые, безъ спросу, заводили своихъ лошадей въ садъ на пастьбу. Эти люди обыкновенно спрашивали, что въ горшкѣ, и если кушанье имъ не понравилось, то заказывали другое, что, по возможности, было исполняемо. Часто они приносили съ собою бутылку хорошаго рому, которымъ подчивали собесѣдниковъ, чтобъ ихъ напоить и узнать, кто и гдѣ имѣетъ деньги; не рѣдко случалось, что поутру не было уже ни денегъ, ни гостей.

—

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Итальянское пѣніе въ XVII вѣкѣ и въ настоящую эпоху—(*Статья Густава Энгеля*). Въ этой статьѣ мы намѣрены развить нѣсколько положеній, съ цѣлью выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся до характеристики господствующаго теперь способа изученія искусства пѣнія. При этомъ замѣтимъ, что здѣсь идетъ дѣло не о томъ обыкновенномъ обученіи пѣнію, о которомъ весьма достаточно сказать только то, что существуетъ множество учителей пѣнія, ни сколько не умѣющихъ обходиться съ голосомъ и никогда серьёзно незанимавшихся этою наукою. Мы хотимъ только характеризировать и разъяснить именно тѣ явленія, въ которыхъ по преимуществу выразился современный характеръ искусства пѣнія.

Въ послѣдніе десять или пятнадцать лѣтъ изученіе пѣнія вступило въ новую фазу развитія. Увеличеніе числа учителей пѣнія и появленіе въ послѣдніе годы множества руководствъ къ изученію его служатъ неоспоримыми доказательствами того, что міръ дилетантовъ стремится уже достигнуть въ музыкальномъ образованіи нѣкоторой степени худо-

жественности и что вообще интересъ къ искусству болѣе и болѣе распространяется между любителями. Мы даже готовы идти далѣе и утверждать, что вообще теперь пѣвцы, по-крайней-мѣрѣ въ Германіи, гораздо лучше исполняютъ свое дѣло. Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, между нашими театральными пѣвцами находилось несравненно большее число *натуралистовъ*, чѣмъ въ настоящее время; а лѣтъ за сорокъ даже и между знаменитыми пѣвцами встрѣчались такіе, которые не имѣли понятія о нотахъ. Однако многіе, принадлежащіе старому времени, утверждаютъ, что въ ихъ время искусство пѣнія стояло выше. Но такія сужденія конечно основываются на свѣжести юношескихъ впечатлѣній: то, что мы слышали въ юности, дѣйствовало на свѣжія чувства, слѣдовательно и впечатлѣніе было глубже. Впрочемъ можно предположить, что въ нѣкоторомъ отношеніи пѣвцы въ началѣ нынѣшняго вѣка стояли выше, чѣмъ современные намъ артисты. Въ ту эпоху великіе нѣмецкіе поэты и композиторы внесли въ Германію новую, свѣжую жизнь. Самостоятельная личность каждаго имѣла тогда болѣе первобытной силы, чѣмъ настоящее поколѣніе и потому естественно, что теперь живость чувства и энергія въ выраженіи чувствуемаго ослабѣли. Такимъ образомъ сила внутренняго влеченія тогда много содѣйствовала совершенству въ исполненіи, которое теперь становится рѣже и рѣже, не смотря на тщательное изученіе законовъ искусства. Въ этомъ случаѣ природное дарованіе, хотя и не развитое, могло достигнуть совершенства, въ нѣкоторомъ отношеніи недостижимаго, быть можетъ, въ настоящее время по причинѣ утомленія энергической силы. Все это впрочемъ не болѣе какъ одни предположенія, и потому лучше всего остановиться на томъ фактѣ, что въ новѣйшее время требованія при систематическомъ образованіи голоса и изученіи пѣнія, стали гораздо строже и обширнѣе.

Ближайшими причинами этого явленія были виртуозность,—достигшая десять лѣтъ тому назадъ своей высшей степени и теперь мало по-малу упадающая, — и иструментальная музыка, которая не только отстаиваетъ свои права, но даже стремится къ преобладанію надъ всѣми прочими родами музыки. Наслаждавшись долгое время произведеніями виртуозовъ, лишенными сердечной теплоты, почувствовали наконецъ пресыщеніе и вмѣстѣ съ этимъ потребность сообщить музыкѣ болѣе внутренняго художественнаго содержанія. Это было ближайшимъ поводомъ къ тому, что обратились къ пѣнію, какъ къ самому богатому и разнообразному способу выраженія чувствованій. Отъ виртуозовъ стали требовать, кромѣ механическаго совершенства, души и сердца, безъ чего оставалось недостижимымъ то, къ чему стремилось чувство. При

возникшей потребности въ духовномъ оживленіи музыки весьма естественно обратились къ человѣческому голосу, какъ совершеннѣйшему инструменту. Симфонія не могла удовлетворить этой потребности. Правда, хотя симфоніи Бетховена исполнены были и глубокаго духовнаго содержанія, но для большинства недоступна связь, существующая между нравственною и тоническою жизнію. Сверхъ того инструментальная музыка и на высшей степени своего совершенства ограничивается возможностью выражать только нѣкоторыя духовныя ощущенія. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы выразить существующее; относительно же выраженія опредѣленныхъ сильныхъ ощущеній и страстей она не можетъ стать рядомъ съ вокальною музыкою. Если въ настоящее время любовь къ искусству пѣнія усилилась, то безъ сомнѣнія потому, что и самое это искуство возвысилось. Съ техническимъ усовершенствованіемъ инструментальной музыки развился и вкусъ къ изящнымъ внѣшнимъ формамъ музыки. Стали наконецъ и отъ пѣвца требовать того, что составляло необходимое условіе виртуозности, а именно: прелести, мягкости, полноты, силы и вѣрности тона. Отсюда начало изученія искуства пѣнія и его возвышеніе.

Между многими учителями пѣнія хранится преданіе о старинномъ, золотомъ вѣкѣ искуства. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, говорятъ они, пѣніе процвѣтало въ Италіи; что потомъ искуство это мало-помалу глубоко упало и что намъ теперь ничего другаго не остается дѣлать, какъ отыскивать, по темнымъ слѣдамъ, на сколько это возможно, утраченныя тайны той классической школы и стараться осуществить золотой вѣкъ или, по-крайней-мѣрѣ, одинъ отблескъ его. О нѣкоторыхъ же пѣвцахъ того времени, съ изумленіемъ и восторгомъ разсказываютъ чудеса, такъ напр., что Валтазаръ Ферри, не переводя духа, могъ пропѣть двѣ полныя октавы, вверхъ и внизъ, въ хроматической гаммѣ съ перемежающимися трелями, что Фаринелли пробѣгалъ нѣсколько разъ хроматическую гамму, въ двѣ октавы вверхъ и внизъ, потомъ messa di voce и потомъ кончалъ безконечною трелью. Даже Эмануилъ Гарсіа, котораго школа пѣнія отличается ясностью и безпристрастіемъ въ сужденіяхъ, начинаетъ свое произведеніе сожалѣніемъ о томъ, что утратилась метода той старинной школы, которая ознаменовала свое существованіе богатыми и блестящими результатами. Онъ впрочемъ не принимаетъ на себя труда искать потерянное и не пускается въ темный и скользкій путь изслѣдованій; онъ основываетъ свою систему по большей части на положительной практикѣ.

Хотя и кажется основательнымъ, что будто искуства пѣнія не слѣдуетъ вести новымъ путемъ, но что оно должно опираться на пер-

вобытное свое начало и къ нему примыкать, но такое положеніе невѣрно и неправильно не только уже потому, что древнее искуство пѣнія для насъ уже не существуетъ, но и по другому болѣе глубокому основанію. Изъ обозрѣнія и сравненія двухъ эпохъ, о которыхъ мы говоримъ, само собою обнаружится, что въ основѣ новѣйшаго искуствъ пѣніи лежитъ совершенно другое начало, отличное отъ прежняго. Если это искуство, съ чѣмъ нельзя не согласиться, вообще находится въ тѣсномъ отношеніи съ характеромъ эпохи и съ музыкальными ея особенностями, то конечно на современное искуство пѣнія слѣдуетъ смотрѣть какъ на продолженіе и на совершенствованіе прежняго, старинаго искуства; но ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть на него, какъ на возрожденіе или на подражаніе.

Италіянская опера XVI и XVII столѣтій, на которую опиралось въ то время искуство пѣнія, можетъ быть поставлена въ параллель съ французскою классическою трагедіею. Прекрасныя, выработанныя и холодныя формы, безъ всякаго живаго содержанія, составляли существенный характеръ оперы. Французская трагедія имѣла впрочемъ кромѣ формы и другія нѣкоторыя достоинства; музыка же Итальянцевъ, какъ и поэзія ихъ, была только сладка, игрива и мягка. Такимъ-образомъ она не въ такой степени и не такъ строго придерживалась законовъ изящнаго, какъ драматическая поэзія Французовъ. Южная Италія была по преимуществу отечествомъ оперной музыки и оперныхъ пѣвцовъ. Изнѣженный и чувственный характеръ обитателей Южной Италіи отразился и въ ихъ произведеніяхъ, которыя отсюда быстро разлились по всей Европѣ и повсюду приняты были съ восхищеніемъ. Замѣтимъ, что это было въ вѣкъ Лудовика XIV, когда процвѣтало знаменитое и прославляемое искуство пѣнія, котораго слава и существованіе тѣсно связаны съ тогдашнимъ обществомъ. Можно сказать, что италіянское искуство пѣнія исчезло вмѣстѣ съ вѣкомъ Лудовика XIV, ибо съ того времени пѣвцы изъ той школы являются рѣже и рѣже. Въ ту эпоху естественность и истина изгнаны были изъ искуства и наконецъ доходило до того, что опера существовала именно только для пѣвца. Въ самомъ же пѣніи искали одной виртуозности и чувственной прелести: чѣмъ изумительнѣе были средства пѣвца, тѣмъ вѣрнѣе могъ онъ разсчитывать на благосклонность слушателей. Пѣвецъ не служилъ тогда искуству; онъ думалъ только о томъ, какъ-бы сообщить своему голосу неестественную особенность и тѣмъ изумить публику. Готшедъ оказалъ большую услугу Германіи, возставая противъ направленія тогдашней итальянской оперы и превратныхъ понятій того времени объ искуствѣ. Но чтобы нанести имъ рѣшительный ударъ, для этого ну-

женъ былъ противникъ—музыкантъ. Искуство нашло себѣ такого поборника въ Глукѣ, который съ необыкновенною ясностью сознавалъ свои художественныя убѣжденія и понималъ въ какомъ отношеніи стоялъ онъ къ Итальянцамъ. Вотъ что писалъ Глукъ къ Великому герцогу Тосканскому, посвящая ему свою «Альцесту»:

«Когда я принялся писать музыку для этой оперы, главная для меня задача состояла въ томъ, чтобы очистить искуство отъ всѣхъ заблужденій и злоупотребленій, развившихся въ немъ въ слѣдствіе тщеславія пѣвцовъ и чрезмѣрнаго предпочтенія, оказываемаго пѣнію. Мнѣ хотѣлось обратить музыку къ ея истинному назначенію,—служить художественнымъ выраженіемъ поэтическаго произведенія и притомъ такъ, чтобы самое дѣйствіе не замедлялось и не охлаждалось излишними и ненужными прикрасами. Я думалъ, что здѣсь музыка служитъ къ тому-же, къ чему въ правильномъ и хорошо сочиненномъ рисункѣ служитъ живость красокъ и противуположность свѣта и тѣни, придающія фигурамъ жизнь, нисколько не искажая ихъ очерковъ. Поэтому я не считалъ нужнымъ останавливать дѣйствующее лице въ самомъ разгарѣ діалога, чтобы дать мѣсто медленному ритурнелю или напротивъ заставить пѣвца на срединѣ слова тянуть ноту, чтобъ выказать при этомъ бѣглость прекраснаго голоса. Вообще мнѣ хотѣлось бы изгнать тѣ злоупотребленія, противъ которыхъ давно уже вооружились здравый смыслъ и художественное чувство. Увертюра, по моему убѣжденію, должна приготовить слушателей къ дѣйствію и, такъ сказать, намекнуть на содержаніе. Инструментальная музыка должна быть согласна съ выражаемыми чувствами и въ ней не слѣдуетъ допускать рѣзкихъ переходовъ отъ аріи къ разговору. Далѣе я болѣе всего старался о томъ, чтобы усвоить себѣ изящную простоту: мнѣ не хотѣлось блестѣть трудностями и жертвовать для нихъ ясностью. Созданіе или сочиненіе чего-нибудь новаго имѣло для меня цѣну только тогда, когда оно вытекало естественно изъ положенія дѣйствующихъ лицъ и самого дѣйствія. Таковы мои убѣжденія. Успѣхъ оправдалъ ихъ и ясно доказалъ, что простота, истина и естественность въ каждомъ произведеніи искуства составляютъ главное условіе изящества.»

Удивленіе, съ какимъ еще и нынѣ многіе обращаются къ той эпохѣ, въ которую процвѣтало такъ восхваляемое итальянское пѣніе, можетъ-быть объяснено только совершеннымъ незнаніемъ того, на какой степени вообще стояло тогда искуство. Задачею древняго искуства пѣнія было ничто другое, какъ стремленіе образовать голосъ такъ, чтобы придать ему какъ можно болѣе чувственной прелести. Задача-же новѣйшаго пѣнія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать голосъ

способнымъ выражать внутреннее художественное содержаніе произведенія. Большее или меньшее достоинство современнаго пѣвца опредѣляется степенью чувства и энергіи въ способѣ исполненія. Справедливость этихъ положеній доказывается исторіею развитія искуства пѣнія.

Но Итальянцы не долго держались направленія древне-итальянскаго, какъ совершенно имъ чуждаго и возникшаго на сѣверѣ протестантской Германіи. Опера, первое начало которой относится къ концу XVI-го столѣтія, была преимущественною музыкальною формою, наиболѣе свойственною характеру южныхъ жителей, и къ ней-то они обратились. Опера и оперное пѣніе развивались въ противуположность серьозной духовной музыкѣ. Поэты, пѣвцы и композиторы писали, пѣли и сочиняли безъ всякаго внутренняго побужденія, раболѣпствуя предъ прихотливымъ вкусомъ и ограничиваясь въ своихъ произведеніяхъ одною отдѣлкою внѣшнихъ формъ. Потребности-же настоящаго времени необходимо должны содѣйствовать возвышенію искуства и навести его на совершенно иной путь развитія. Наскучившая внѣшность и безжизненность виртуозности составляютъ главную причину, по которой всѣ теперь обратились къ пѣнію.

Само собою разумѣется, что не смотря на разность основныхъ началъ искуства въ прошедшую и настоящую эпоху, современная система пѣнія во многомъ должна сходствовать съ прежнею, такъ напр., въ томъ, что касается до образованія голоса вообще. При изученіи искуства еще недостаточно отказаться отъ заблужденій, которыя иногда остаются безъ всякихъ послѣдствій, но здѣсь важнѣе всего опредѣлить цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться. Въ настоящее время должны идти по новому пути и не тратить напрасно трудовъ на открытіе утраченныхъ будто-бы таинствъ пѣнія, неимѣющихъ теперь никакого значенія.

Происхожденіе органа. За сто двадцать четыре года до Р. Х. въ Александріи, въ Египтѣ, жилъ цирюльникъ Ктезибей. У этого цирюльника былъ сынъ. Послѣдній, будучи молодой человѣкъ наблюдательный и глубокомысленный, замѣтилъ, что каждый разъ, когда приводили въ движеніе стальную полированную раму большаго подвижнаго зеркала, находившагося въ лавкѣ его отца, оно издавало густой и продолжительный звукъ. Онъ искалъ причинъ этого явленія и убѣдился, что это происходитъ отъ противовѣсовъ, помѣщенныхъ съ обѣихъ сторонъ зеркала въ металлическихъ трубкахъ. Найдя наконецъ объясненіе

этому въ давленіи воздуха, молодой цирюльникъ попробовалъ приложить свое открытіе къ музыкѣ и изобрѣлъ органъ.

Ктизебей—сынъ въ послѣдствіи сдѣлался знаменитымъ математикомъ: геній его изобрѣлъ множество чудесъ, между прочимъ водяные часы, показывавшіе время днемъ и ночью. Органъ его поставленъ былъ въ храмѣ Венеры-Зефиридской, куда стекалось множество народа, чтобы подивиться чудному изобрѣтенію. Это былъ органъ гидравлическій. Ктезибей, съ помощію различнаго приложенія того же начала, изобрѣлъ также пневматическій органъ, потому что, собственно говоря, гидравлическій органъ также хорошо можно назвать пневматическимъ: какъ тотъ, такъ и другой пораждалъ звуки съ помощью воздуха. Разница только та, что въ гидравлическомъ воздухъ приводился въ движеніе силою воды, а въ пневматическомъ посредствомъ мѣховъ.

Изъ Греціи органы не замедлили перейти въ Италію. Мы находимъ ихъ здѣсь во времена Нерона. Инструментъ этотъ употреблялся на сценѣ. Светоній повѣствуетъ, что Неронъ хотѣлъ доставить случай народу услышать гидравлическій органъ новаго рода, доселѣ еще неслыханный. Такимъ образомъ дѣло здѣсь идетъ объ усовершенствованіи, а не объ изобрѣтеніи.

Гелеогабалъ и Александръ Северъ, его преемникъ, были страстные любители органа. Амміенъ Марцеллинъ жалуется, что въ его время страсть къ этому инструменту сдѣлалась общею и возрасла до огромныхъ размѣровъ: молодые люди уходили изъ школъ и пренебрегали наукою, чтобы идти слушать органы.

Древніе оставили намъ нѣсколько описаній органа, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Одно изъ самыхъ изящныхъ описаній находится въ слѣдующихъ стихахъ Клавдіана: «и тотъ, легкая рука котораго извлекаетъ изъ глубины мѣдныхъ трубъ необъятные стоны; его пальцы, блуждая, пораждаютъ громъ, а вода, подъ давленіемъ огромнаго мѣха, разражается въ мелодическихъ звукахъ.»

На какомъ же основаніи историкъ панъ Платинъ и поэтъ Баптистъ Мантуанъ приписываютъ изобрѣтеніе органа папѣ Виталіану, жившему въ половинѣ VII столѣтія? Увѣряютъ, что первосвященникъ этотъ былъ отличный знатокъ музыки; но Шопена или Листа нельзя же назвать изобрѣтателями фортепіано только потому, что они отличные музыканты.

Петрарка подтверждаетъ слова Мантуана и увѣряетъ, что органъ изобрѣтенъ будто-бы въ какой-то деревнѣ въ окрестностяхъ Неаполя, гдѣ родился папа Виталіанъ. Петрарка ошибался. Очень похвально лю-

бить свое отечество и стараться прославлять его, но прежде всего должно любить истину.

Во Францію первый органъ привезенъ изъ Константинополя въ 757 году, во времена Пепина, отца Карла Великаго. Это былъ подарокъ, съ помощью котораго Константинъ VI думалъ склонить французскаго короля къ уступкѣ земель, завоеванныхъ Пепиномъ Короткимъ у Ломбардцевъ. Но Пепинъ подарилъ эти земли Римской церкви, не обращая вниманія на жалобы Константина. Онъ не возвратилъ даже послѣднему органа и другихъ драгоцѣнностей, полученныхъ въ подарокъ. Неизвѣстно какого рода былъ органъ, присланный Константиномъ. Зонара увѣряетъ, что въ Константинополѣ органы дѣлались изъ стекла и алебастра. Онъ прибавляетъ, что императоръ Михаилъ одинъ органъ повелѣлъ сдѣлать изъ чистаго золота. Очень вѣроятно, что органъ, полученный Пепиномъ, былъ сдѣланъ изъ болѣе скромнаго металла.

Педали изобрѣтены въ Венеціи, въ XV вѣкѣ, нѣмцемъ по имени Бернгардомъ, во время папы Сикста IV. Во Франціи фабриканты органовъ существуютъ съ XII вѣка. Первый, занявшійся этою отраслью промышлености, былъ нѣкто Григорій, жившій во время Лудовика VII. Лудовикъ VII умеръ, какъ извѣстно, въ 1180 году.

Употребленіе у древнихъ инструмента съ клавіатурой, органа, ведетъ къ важному вопросу, о которомъ много спорили, но который досихъ-поръ мало разъясненъ: Греки и Римляне имѣли-ли понятіе о гармоніи, или музыка шла у нихъ унисономъ и разнообразилась только эфектами октавы и развѣ еще квинты. Большинство того мнѣнія, что древніе употребляли аккорды. Ссылаются на мѣста въ сочиненіяхъ Цицерона, Сенеки, Овидія, которыя не могутъ быть иначе объяснены. Одинъ писатель IV вѣка говоритъ положительно: «Органъ былъ присоединенъ къ струннымъ инструментамъ не для того, чтобы одинъ игралъ за другимъ, но чтобы употреблять эти инструменты въ одно и тоже время въ различномъ созвучіи, какъ это дѣлается на органѣ». Потомъ, какъ-бы боясь, чтобъ его не поняли, онъ прибавляетъ: «изъ соединенія этихъ нотъ различныхъ, но не непріязненныхъ одна другой, получается очень пріятный эфектъ.»

Авторъ сочиненія de Mundo, долго приписываемаго Аристотелю, также говоритъ: «Музыка, смѣшивая въ различныхъ голосахъ звуки рѣзкіе съ мягкими, продолжительные съ короткими, производитъ одну гармонію.» Возразятъ, что рѣзкіе и мягкіе звуки естественно происходятъ отъ смѣшенія мужскихъ голосовъ съ голосами женскими и дѣтскими. Положимъ, что такъ. Но короткіе звуки, смѣшиваемые съ звуками продолжительными? Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о гармоніи. Я

никогда не повѣрю, чтобъ люди, знакомые съ органомъ, играли на немъ какъ на какомъ-нибудь флажолетѣ и не дошли-бы до аккордовъ. Я не повѣрю также, чтобы Орфей, Амфіонъ, Терпандръ и другіе музыканты древности, производившіе такое сильное впечатлѣніе на слушателей, употребляли одну только мелодію. Въ ссорѣ Аполлона съ Марзіасомъ мы читаемъ, что побѣда потому осталась за Аполлономъ, что онъ дѣлалъ на своей лирѣ модуляціи, за которыми не успѣвала слѣдить флейта Марзіаса. Но какъ перейти къ новымъ тонамъ не чрезъ аккорды? Если-бы Аполлонъ бралъ только по одной нотѣ, что-бы воспрепятствовало Марзіасу слѣдить за нимъ? Какое-бы преимущество было лиры предъ флейтой?

Покойный Бюреттъ, членъ французской академіи надписей, не мало хлопоталъ доказать, что Греки были варвары въ музыкѣ. Дѣло дошло до того, что онъ представилъ своимъ сотоварищамъ и публикѣ мелодію одной оды Анакреона, разобранную будто-бы имъ по Греческимъ знакамъ. Всѣ видѣвшіе эту музыку, единогласно утверждаютъ, что въ ней нѣтъ человѣческаго смысла. Она помѣщена была въ запискахъ академіи. Невозможно, чтобъ Анакреонъ пѣлъ когда либо подобныя нелѣпости.

Напротивъ, чувствительность Грековъ къ гармоніи языка даетъ полное основаніе предполагать, что они были хорошіе музыканты; точно также какъ изъ разсмотрѣнія ихъ превосходныхъ статуй, мы можемъ заключить, что они были хорошіе живописцы. Виновато время, что намъ не осталось отъ нихъ памятниковъ живописи; если мы не умѣемъ разбирать дошедшіе до насъ отрывки ихъ нотъ, тѣмъ хуже для насъ. Во всякомъ случаѣ Бюреттъ немного смѣлъ въ своихъ заключеніяхъ.

Происшествіе съ Маркомъ Мейбомомъ можетъ служить отличнымъ предостереженіемъ для всѣхъ составителей системъ и возстановителей древности. Маркъ Мейбомъ, нѣмецъ, рѣшился во что-бы то ни стало разобрать древнюю музыку. Онъ собралъ всевозможные памятники, касающіеся до этого предмета и написалъ два очень ученыя сочиненія in-quarto. Королева Христина, которой было посвящено сочиненіе, пригласила Марка Мейбома ко двору и просила спѣть какую-нибудь греческую арію. Бѣдный ученый повиновался; но пѣвецъ и арія были такъ смѣшны, что Маркъ Мейбомъ принужденъ былъ искать убѣжища отъ насмѣшекъ въ одной изъ Датскихъ библіотекъ.

III. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ.

Рапортъ Доктора Кана о его открытіяхъ въ полярныхъ странахъ. Послѣдняя экспедиція, отправленная съ цѣлью отыскать Джона Франк-

лина, возвратилась благополучно въ концѣ прошедшаго года. Докторъ Канъ, который начальствовалъ ею, вышелъ въ маѣ 1853 года изъ Нью-Іорка на бригѣ Advance съ немногочисленными, но отборными моряками. Офиціальный рапортъ, представленный имъ секретарю американскаго морскаго управленія, изложенъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Наше маленькое общество возвратилось здорово и въ хорошемъ состояніи. Мы прибыли 6-го августа, послѣ затруднительнаго плаванія на протяженіи 1,300 миль въ датскую колонію Упернавикъ. Этотъ путь мы совершили частію по водѣ на лодкахъ, частію по льду въ саняхъ; пища наша состояла исключительно изъ дичи, которую сами стрѣляли. Мы употребили 82 дня, чтобъ добраться до упомянутой гавани.

Имѣю честь представить вамъ здѣсь бѣглый очеркъ нашихъ дѣйствій съ ихъ послѣдствіями; обстоятельное же описаніе ихъ послѣдуетъ за тѣмъ въ скоромъ времени. Моими депешами я уже доносилъ департаменту о прибытіи нашемъ къ сѣвернымъ поселеніямъ въ Гренландіи. Оттуда мы отправились поперегъ Мельвильской бухты и прибыли безъ всякаго несчастнаго приключенія въ Смитъ-Зундъ 8-го августа 1853 года. Я нашелъ, что мысъ Гатертонъ, на которомъ я предполагалъ устроить указательный знакъ, отдѣленъ отъ Зунда оконечностью Литлетонскаго острова, и потому воздвигъ на этомъ послѣднемъ мѣстѣ каиркъ (пирамидальную кучу камней), на которомъ выставилъ флагъ и оставилъ тутъ депеши. Къ сѣверу видно было плавающее громадное ледяное поле, съ набросанными одна на другую ледяными глыбами, имѣвшими въ вышину до 60-ти футовъ. Мои попытки пробраться чрезъ это поле остались безуспѣшны; меня отнесло назадъ и едва совсѣмъ не заперло во льду, и какъ мнѣ не оставалось другаго средства продолжать поиски, то я рѣшился испытать, не удастся-ли переплыть чрезъ узкій свободный отъ льда каналъ, образованный вдоль берега сильнымъ приливомъ и отливомъ моря, которое здѣсь поднимается и опадаетъ отъ 12 до 16-ти футовъ. Но прежде чѣмъ я рѣшился на эту смѣлую попытку, мы оставили возлѣ одной большой бухты подъ 78° 26′ с. ш. съѣстные припасы и одну запасную шлюпку.

Чрезвычайно крѣпкое устройство брига дѣлало возможнымъ этотъ опасный переходъ. Хотя судно при отливѣ постоянно становилось на мель и даже было дважды опрокинуто сильнымъ напоромъ льда, но не смотря на то, оно не претерпѣло важныхъ поврежденій. Послѣ безпрерывныхъ усилій нашихъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, въ которомъ мы каждодневно нѣсколько подвигались впередъ и воодушевлялись этимъ успѣхомъ къ новымъ трудамъ, наконецъ новый ледъ окружилъ насъ

такъ плотно, что не было уже никакой возможности идти далѣе. Съ трудомъ нашли мы въ одной бухтѣ подъ 78° 54′ с. ш. зимнѣе убѣжище, изъ котораго мы дѣлали въ разныя стороны поиски.

Зима съ тѣхъ поръ продолжалась съ неслыханною суровостью. Виски (спиртный напитокъ) уже въ ноябрѣ сталъ замерзать, а ртуть оставалась въ твердомъ состояніи почти четыре мѣсяца. По одиннадцати спиртовымъ термометрамъ, которые у насъ были, температура понизилась на 60 и 70 градусовъ и средне-годичная теплота была въ 5, 2, градусовъ Фаренгейта т. е. самая малая изъ всѣхъ, какія были донынѣ опредѣлены. Этотъ чрезвычайный холодъ и отсутствіе солнца въ продолженіе 120 дней возбудили неизвѣстный, но убійственный родъ болѣзни, называемый столбнякомъ (tetanus). Гай, хирургъ экспедиціи, успѣшно противодѣйствовалъ цынгѣ, но эта страшная наклонность къ тоническимъ судорогамъ преодолѣла всѣ наши соединенныя усилія. Болѣзнь привязалась и къ нашимъ собакамъ, изъ которыхъ 57 пали, и наши катанья на саняхъ прекратились оттого совершенно.

Поиски были совершаемы при необыкновенныхъ трудахъ и лишеніяхъ. По 24 ноября мы ѣздили на саняхъ, и въ Мартѣ возобновили свои поѣздки, изъ которыхъ многія производились въ темнотѣ и при температурѣ 50° ниже нуля. Изслѣдованія страны продолжались до 12-го Іюля, и полагаютъ, что ни одна изъ прежнихъ экспедицій не оставалась такъ долго въ пути. Гг. Брукъ, М. Гирей, Бонсаль, Гай и Мортонъ способствовали общимъ результатамъ. Команда работала съ усердіемъ и постоянствомъ.

Представляю здѣсь краткое описаніе нашихъ изслѣдованій.

Смитъ-Зундъ былъ осмотрѣнъ и измѣренъ во всю длину. Онъ оканчивается къ сѣверовостоку заливомъ, котораго самый длинный поперечникъ имѣетъ 110 миль. Берега Гренландіи были обойдены до сѣверной стороны, имѣющей направленіе почти съ Востока на Западъ (O 17° N). Отъ проложенія дальнѣйшаго пути къ Атлантическому океану удержала насъ ледяная гора, которая представляетъ для будущихъ изслѣдователей непроходимую преграду. Эта изумительная ледяная масса подымается подъ 60° з. д. и наклоняется къ полуострову. Она возвышается на 300 футовъ отвѣсною стѣною; основаніе ея было осмотрѣно на протяженіи 80-ти миль и найдено вездѣ сплошнымъ. Эта ледяная гора простирается почти въ прямомъ направленіи къ сѣверу и связываетъ ледянымъ поясомъ материки Америки и Гренландіи. Присутствіе ея объясняетъ природу верхняго Смитъ-Зунда, который постоянно покрытъ льдомъ, и имѣетъ весьма суровый климатъ. Видъ этой горы отличается самою величественною красотою. Земля къ сѣверу отъ ледника названа Ва-

шигтоновою, бухтѣ же, отдѣляющей ее отъ Гренландіи, я далъ имя Пибоди.

Большой каналъ, начинающійся у западнаго изгиба бухты Пибоди (80° 12′ с. ш.) составляетъ самое интересное открытіе, которое мы сдѣлали. Онъ расширяется къ сѣверу и образуетъ обширное свободное отъ льда пространство, которое изобилуетъ раэными животными и имѣетъ всѣ признаки открытаго полярнаго моря. Свободная отъ льда площадь въ 3,000 квад. миль со свободнымъ также сѣвернымъ горизонтомъ была видима съ разныхъ возвышеній: сѣверный вѣтеръ, продолжавшійся 52 часа, не нагналъ въ эту воду никакихъ льдинъ.

Съ чувствомъ горести доношу департаменту, что я не былъ въ состояніи плавать по этимъ водамъ. Ледяныя массы, простирающіяся въ длину на 125 миль и имѣющія поверхность столь неровную, что по ней никакъ нельзя перетащить лодокъ, отдѣляютъ эти воды отъ ближайшей южной пристани. Мои личныя усилія, въ Апрѣлѣ и Маѣ, перетащить самую небольшую резинковую лодку къ каналу, остались тщетны. Мои сопутники и я самъ совершенно изнурились; четверо изъ нихъ должны были позволить отрѣзать имъ отмороженные пальцы у ногъ; почти всѣ страдали цынгою, и время года было уже такое, что новое путешествіе было невозможно. Къ сѣверу отъ 81° 17′ берега канала столь утесисты и неровны, что даже на саняхъ нельзя было проѣхать по нимъ. Вилліамъ, достигшій до этого мѣста на саняхъ, въ которыя была запряжена собака, пошелъ было далѣе пѣшкомъ, но мысъ, возвышающійся стѣною и обмываемый сильнымъ буруномъ преградилъ ему дальнѣйшій путь.

Я надѣялся, что на западныхъ берегахъ этого моря найду слѣдъ храбрыхъ мучениковъ, отысканіе коихъ составляло цѣль экспедиціи. Достойные вниманія труды доктора Раде, о которыхъ я узналъ только теперь, предоставили бы нашей поѣздкѣ одно лишь географическое значеніе и потому, принимая въ уваженіе состояніе моего общества, я долженъ считать неудачу этой поѣздки дѣломъ Провидѣнія.

Земля, омываемая этимъ моремъ съ сѣвера и запада, снята на карту до 82° 30′ с. ш. и 76° з. д. Она менѣе всѣхъ донынѣ открытыхъ удалена отъ сѣвернаго полюса и названа именемъ почтеннаго Г. Гриннеля.

Со временемъ мы убѣдились, что нашъ бригъ не освободится до слѣдующей зимы отъ льда. Въ нашей гавани показывались только небольшіе слѣды таянія льда, который лежалъ на Зундѣ сплошною массою. Уже было поздно искать выхода на лодкахъ; при томъ же намъ не доставало топлива, и хотя съѣстныхъ запасовъ было довольно, но они

не были способны предохранить насъ отъ цынги. Въ такихъ обстоятельствахъ я съ пятью охотниками отправился въ путь къ устью Ланкастерова Зунда, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ британскими экспедиціями и достать у нихъ средства пособить моимъ сопутникамъ. На этомъ пути мы прошли на перекрестъ самую сѣверную дорогу Вилліама Баффина; но найдя, что отъ Джонсова Зунда до острова Гаклютъ простиралась сомкнутая масса льда, мы пошли назадъ и добрались съ большимъ трудомъ до нашего брига.

Въ продолженіе второй зимы, намъ приходилось переносить чрезвычайно тяжелыя испытанія. Мы были принуждены вести жизнь Эскимосовъ: зарываться въ кучи мха, жечь лампады и питаться сырымъ мясомъ медвѣдей и тюленей. Однажды случилось, что всѣ члены экспедиціи, исключая меня и Г. Бонсаля, заболѣли цынгою и были не въ состояніи подняться со скамьи. Нашимъ спасеніемъ мы обязаны систематически устроенной охотѣ и собакамъ, съ помощію которыхъ мы привозили мясо тюленей отъ Эскимосовъ, находившихся въ 70-ти миляхъ отъ нашего порта. Съ этими Эскимосами—весьма интереснымъ племенемъ людей мы заключили союзъ, дѣлали обмѣнъ нашихъ запасовъ и пособляли другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ. На нихъ нельзя было вполнѣ полагаться, но ласковымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ обхожденіемъ мы успѣли получить отъ нихъ весьма важныя услуги.

Я долженъ донести о потерѣ трехъ моихъ товарищей. Двое изъ этихъ молодцевъ, погибшихъ при исполненіи своихъ обязанностей, плотникъ Христіанъ Альсенъ и Джефферсонъ Бакеръ умерли отъ столбняка, третій Петръ Шубертъ въ слѣдствіе отнятія ноги. Г. Ольсенъ былъ моимъ другомъ и совѣтникомъ, онъ командовалъ бригомъ, во время моихъ поѣздокъ на саняхъ.

Въ убѣжденіи, что третья зима будетъ стоить намъ жизни, и что мы слишкомъ плотно окружены льдомъ, дабы экспедиція со стороны Зунда могла освободить насъ въ теченіе лѣта, я пожертвовалъ бригомъ и началъ 7-го мая путешествіе на югъ. Больныхъ, которыхъ было четверо, везли на саняхъ собаками. Я долженъ былъ оставить свое собраніе рѣдкостей природы, но спасъ документы экспедиціи. Путешествіе это было тщательно обсуждено и такъ устроено, чтобъ мы могли подвигаться впередъ по льду или по водѣ. Транспортныя средства состояли изъ лодокъ, поставленныхъ на полозья и изъ маленькихъ санокъ. Исключая уменьшенныхъ порцій толченыхъ сухарей и сала, у насъ не было другой пищи, кромѣ добытой охотою. Маленькій запасъ мясныхъ сухарей Бордена оставленъ былъ на чрезвычайные случаи. Наши платья состояли изъ тулупа, а на ногахъ у насъ была войлочная обувь.

Самыхъ большихъ усилій стоплъ намъ переходъ чрезъ широкій ледяной поясъ отъ брига до ближайшихъ южныхъ водъ. Хотя этотъ поясъ имѣлъ въ ширину по прямой линіи только 81 милю, но переходъ по неровной ледяной поверхности былъ столь труденъ, что онъ стоилъ намъ 31 день тяжелой работы и заставилъ пройти 316 миль. Отъ Александрова мыса мы продолжали путь на лодкахъ, но случалось проходить у подошвы ледяныхъ горъ небольшія пространства по льду. На мысѣ Іоркѣ я соорудилъ каирнъ съ вымпеломъ и депешами для инструкціи судамъ, плавающимъ по Мельвильской бухтѣ и отправился къ сѣвернымъ Оренландскимъ поселеніямъ, куда мы прибыли, какъ сказано выше, 6 августа здоровыми и въ хорошемъ расположеніи духа. Въ продолженіе этого путешествія мои товарищи оказывали геройскій духъ, и я былъ бы несправедливъ, если бъ не засвидѣтельствовалъ ихъ привязанность ко мнѣ и стойкость во времена лишеній и опасностей.»

Настоящій сезонъ почтъ столько же труденъ, какъ и предъидущіе. Ледъ на сѣверѣ имѣетъ ужасное протяженіе и можно считать чудомъ, что новая экспедиція не была заперта льдомъ. Безъ чрезвычайныхъ усилій и въ менѣе крѣпкихъ пароходахъ, она бы непремѣнно была заперта. Нетолько Смитъ, но также Джоновъ и Ланкастерскій Зунды были заперты льдинами; но не смотря на эти препятствія, удалось эскадрѣ пробить не очень толстый ледъ и обойдя Баффиновъ заливъ прибыть къ датскимъ поселеніямъ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 12.

ДАЧА СЪ УГОДЬЯМИ

ИЛИ

ИСКУССТВО ИСКАТЬ ЖЕНИХОВЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ ПОДСѢКАЛОВЪ, холостякъ 50 лѣтъ.
МАРЬЯ ПАВЛОВНА его племянница, 18 л.
ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ КУРГАНОВЪ 55 л.
ВИКТОРЪ СЕМЕНОВИЧЪ КУРГАНОВЪ, его племянникъ, 20 л.
ѲЕДОРЪ, садовникъ на дачѣ Подсѣкалова.
АКУЛИНА, служанка въ домѣ Подсѣкалова.

Дѣйствіе на дачѣ Подсѣкалова, въ окрестностяхъ Петербурга.

Комната съ дверями на лѣво и на право; прямо въ глубинѣ дверь, ведущая въ садъ; по обѣ ея стороны окна; на окнахъ ваза съ цвѣтами. Налѣво столъ, кресла и стулья; фортепіано.

I.

Акулина (*убирая комнату*). Скорѣе убраться, пока самъ не всталъ... Ужъ такой характерный, Богъ съ нимъ!.. А еще мужчина! Хуже всякой бабы. Подашь—не такъ, уберешь—не такъ! Все у него дѣлай по наукѣ. Ну, ужъ баринъ! А говорятъ у холостыхъ хорошее житье. Какое это житье, это просто наказанье! Адъ да и только!

Подсѣкаловъ (*въ своей комнатѣ*). Вотъ животное! Дуракъ! У!.. Ослиная голова!..

Акулина. Вона! Встало красное солнышко! Уходить по добру по здорову. (*Идетъ къ среднимъ дверямъ*).

Подсѣкаловъ, (*въ туфляхъ и халатѣ, поспѣшно проходитъ сцену и стучитъ въ дверь налѣво*). Эй! Вставай! вставай! (*Акулинѣ*). А ты куда?

Акулина. Я убрала комнату, такъ стало-быть.... Али что прикажете).

Подсѣкаловъ (*стуча въ дверь*). Эй! вставай! (*Акулинѣ*). Что? Что за резоны?... Тебѣ нечего дѣлать?... Подмети комнату.... сними чехлы съ креселъ и позови Ѳедора.... (*Топнувъ ногою и сильно стуча въ дверь*). Да встанешь ли ты наконецъ!! (*Акулинѣ, которая идетъ къ среднимъ дверямъ*). А тебя куда чортъ понесъ?

Акулина. Вы приказали позвать Ѳедора.

Подсѣкаловъ. Ну, а еще что?

Акулина. Подмести комнату и снять чехлы.

Подсѣкаловъ. Вотъ—то-то же, дура! Первая часть предложенія: вымести комнату, вторая: снять чехлы.

Акулина (*снимая чехлы*). Онъ бѣлины объѣлся!

Подсѣкаловъ (*продолжая стучать*). Да чтожъ это!.. Она спитъ,

какъ гранитный сфинксъ. (*Сильно ударяетъ въ дверь и послѣ дуетъ на кулакъ*).

Акулина. Да что вы это разстучались.... барышня давно встала.

Подсѣкаловъ. Какъ встала? Куда встала! Гдѣ же она?

Акулина. Она гуляетъ.

Подсѣкаловъ. Гуляетъ? Гдѣ гуляетъ?

Акулина. Въ саду.

Подсѣкаловъ. Въ саду?... Развѣ я для того взялъ въ домъ племянницу послѣ покойной сестры,—которая ничего ей не оставила, кромѣ смазливенькой рожицы,—что бъ она у меня гуляла въ саду? Да я ее на улицу выброшу!... Поди скажи ей это отъ меня!...

Акулина. Оченно хорошо-съ. (*Хочетъ идти*).

Подсѣкаловъ. Эй! Куда жъ ты?.. Что я говорилъ тебѣ?..

Акулина (*нерѣшительно*). Позвать... Ѳедора.

Подсѣкаловъ. Гм! Вотъ извольте управляться съ дурой... Смотри, Акулина, мы поссоримся... Я тебѣ велѣлъ сперва вымести комнату, а ты начала снимать чехлы... Молчать!.. Не отвѣчай и дѣлай, что велятъ!

Акулина. Комната давно выметена.

Подсѣкаловъ. Гм! гм! Это умора! Она права!.. она права!.. Гдѣ родятся такіе люди? Вонъ видишь, Ѳедоръ самъ идетъ, а тебѣ только былъ бы предлогъ побѣгать.

II.

ТѢЖЕ и ѲЕДОРЪ становится въ почтительномъ отдаленіи и нѣсколько разъ кланяется.

Подсѣкаловъ (*Акулинѣ*). Позови Машу.

Акулина (*идя къ двери*). Ну, вотъ, слава Богу!

Подсѣкаловъ. Эй! Куда же ты?

Акулина. Вы велѣли позвать барышню.

Подсѣкаловъ. Вотъ дура навязалась на мою шею! Она меня понимаетъ буквально. (*Ей*). Если ты будешь бѣгать по саду, то не отыщешь Машу до завтра... садъ не маленькій... Есть средство проще и легче. Возьми колокольчикъ, стань вотъ здѣсь, вотъ у дверей, и звони со всѣхъ силъ, пока она не прійдетъ...

Акулина. Да вѣдь она, сударь...

Ѳедоръ (*кланяясь*). Звони, когда тебѣ велятъ.

Подсѣкаловъ. Здравствуй Ѳедоръ. (*Акулина громко звонитъ*).

Ѳедоръ (*кланяясь тихо*). Все ли въ добромъ здоровьѣ, сударь?

Подсѣкаловъ. Что? Что ты говоришь?

Ѳедоръ (*кланяясь*). Хорошо ли спать изволили?

Подсѣкаловъ. Что? Что ты тамъ ворчишь? (*Акулинѣ*). Да перестанешь ли трезвонить! Оглушила совсѣмъ! (*Акулина кладетъ колокольчикъ на столъ и снимаетъ съ мебели чехлы*).

Ѳедоръ. Съ добрымъ утромъ, батюшка.

Подсѣкаловъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою, Ѳедоръ! (*Косо взглянувъ на Акулину, всторону*) Эта дура любопытна, ее надо выгнать вонъ, только подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. (*Ей*). Ты, Акулинушка, сходи-ка на кухню, да посмотри нѣтъ ли тамъ меня... отвѣта не нужно.

Акулина. Вотъ давно бы такъ. (*Поспѣшно уходитъ*).

III.

ПОДСѢКАЛОВЪ и ѲЕДОРЪ.

Подсѣкаловъ (*взявъ со стола афишу*). Ты знаешь, Ѳедоръ, что сегодня на сосѣдней дачѣ будутъ спускать шаръ... вотъ, братъ, и афиша.

Ѳедоръ. Ба! И съ человѣкомъ?

Подсѣкаловъ. Съ мужчиной и женщиной и съ живымъ козломъ... значитъ у насъ могутъ быть гости...

Ѳедоръ. Справедливо-съ. Значитъ зѣвакъ соберется ни мало. Погода-то больно хороша.

Подсѣкаловъ. На этомъ основаніи ты вычистишь аллеи и прудъ...

Ѳедоръ (*въ окно*). Эй, Петрушка! Вычисти прудъ и аллеи.

Голосъ изъ внѣ. Хорошо.

Подсѣкаловъ. Посыпь дорожки краснымъ пескомъ.

Ѳедоръ (*крича въ окно*). Эй! Петръ! Не забудь посыпать пескомъ.

Голосъ изъ внѣ. Ладно!

Подсѣкаловъ. Побольше цвѣтовъ поставь на лѣстницу.

Ѳедоръ (*въ окно*). Возьми въ оранжереѣ цвѣты и поставь на лѣстницу.

Голосъ извнѣ. Хорошо.

Подсѣкаловъ. Изъ этихъ вазъ цвѣты выброси къ чорту... нарѣжь другихъ, самыхъ лучшихъ и самыхъ свѣжихъ.

Ѳедоръ (*кланяясь*). Всѣ ваши приказанія будутъ исполнены въ точности.

Подсѣкаловъ. Можетъ быть, будутъ завтракать, такъ ты къ жаркому нарви самой лучшей зелени, понимаешь?.. и вычисти себѣ сапоги. Я хочу, чтобъ въ домѣ все было чисто.

Ѳедоръ (*крича въ окно*). Эй! жена! нарви огурцовъ и салату, да снеси на кухню.

Голосъ извнѣ. Хорошо, хорошо!

Подсѣкаловъ. Наконецъ судьба надо мною сжалилась... одно изъ сердечныхъ желаній моихъ можетъ быть исполниться... А какова мысль: продать дачу? Прибить къ воротамъ билетъ: сія дача продается? А, какова мысль?

Ѳедоръ. Превосходно!.. Ужъ такъ хорошо... что два раза хорошо!

Подсѣкаловъ. Ты находишь?.. Ну, а тамъ продамъ или нѣтъ... это другой вопросъ, лишь были бы покупатели... Не правда-ли, что геніяльная мысль?.. Вѣдь я человѣкъ съ головой! а?

Ѳедоръ. Совершенная правда.

Подсѣкаловъ. А разсказывалъ я тебѣ, какъ напалъ на эту счастливую мысль?

Ѳедоръ. Никакъ нѣтъ-съ... что-то не помню.

Подсѣкаловъ. Какъ не помнишь?

Ѳедоръ. Ахъ, да!.. разсказывали... именно разсказывали...

Подсѣкаловъ. Когда?

Ѳедоръ Да вотъ... какъ-то... да въ на-позапрошлой недѣлѣ.

Подсѣкаловъ. На прошлой недѣлѣ?! Какъ же это могло быть... когда только въ эту ночь .. моя мысль выросла въ головѣ моей, именно, какъ грибъ.

Ѳедоръ. Какъ грибъ? Это премудрено!

Подсѣкаловъ. Видишь ли: я во снѣ сплю и думаю, какъ бы выдать племянницу замужъ... Вотъ нынче мнѣ и приснилось...

Ѳедоръ. Что вы танцуете на ея свадьбѣ?

Подсѣкаловъ. Нѣтъ, братецъ, не то, совсѣмъ не то... Слушай: въ одинъ прекрасный день...—я тебѣ разсказываю сонъ—я вижу вдругъ моя комната наполнилась разнымъ народомъ...

Ѳедоръ. О! стало быть...

Подсѣкаловъ. Все франты, молодежь, знаешь эдакія собрались все, что называется шикари...

Ѳедоръ. Вотъ какъ! Все штукари!

Подсѣкаловъ. То тотъ, то другой подойдетъ ко мнѣ, пожметъ руку и спроситъ: вы продаете дачу? А что стоитъ ваша дача? Какая у васъ хорошенькая племянница! Позвольте лечь къ но-

тамъ вашей племянницы?.. Позвольте предложить ей руку и сердце? А другой говоритъ: позвольте мнѣ похитить вашу племянницу! Я ему говорю: извольте, извольте — и сей часъ же проснулся... и въ тужъ минуту велѣлъ прибить къ воротамъ билетъ...

Голосъ въ окно. Аллеи вычищены.

Ѳедоръ. Ну, не суйся не въ свое дѣло. Вычисти мнѣ сапоги.

Подсѣкаловъ. Покупатели будутъ со всего свѣта.

Ѳедоръ. Теперь въ женихахъ не будетъ недостатка.

Подсѣкаловъ. Да.. да! Я знаю по опыту... Я самъ былъ прежде... очень молодъ.

Ѳедоръ. Вы тоже любили пошалить?

Подсѣкаловъ. Былое время!.. Ахъ, всего бывало! (*Заглянувъ въ окно*) А вотъ и племянница. Какъ! Еще въ капотѣ и папильоткахъ! Постой же, я тебя! Посмотри-ка, Ѳедоръ, какъ я ее расчешу и распудрю.

Ѳедоръ. Только не при мнѣ, батюшка, баринъ... Ужъ больно обидно будетъ для барышни при слугахъ слушать всякія реприманды... а вотъ я перемѣню цвѣты. (*Беретъ съ оконъ вазы и уходитъ*).

Подсѣкаловъ. Доброе сердце! Право доброе сердце!

IV.

ПОДСѢКАЛОВЪ и МАРЬЯ ПАВЛОВНА.

Марья Павловна. Съ добрымъ утромъ, дядюшка.

Подсѣкаловъ. Ладно... ладно.. Не въ томъ дѣло! А вотъ въ чемъ: я жду тебя битый часъ.

Марья Павловна. Что же вамъ угодно, дядюшка?

Подсѣкаловъ. Во-первыхъ мнѣ угодно попросить тебя пріодѣться и какъ можно лучше.

Марья Павловна. Развѣ мы ѣдемъ куда нибудь?

Подсѣкаловъ. Нѣтъ, не ѣдемъ, а сидимъ дома; нельзя же тебѣ съ утра до вечера ходить такою разсомахой.. У насъ будутъ гости.

Марья Павловна. Въ самомъ дѣлѣ? Кто же это?

Подсѣкаловъ. Кто?.. Почемъ я знаю?. Кто нибудь! а гости будутъ, непремѣнно будутъ! Быть не можетъ, чтобъ никоко не было. Народу будетъ много... Шаръ спускаютъ... съ живымъ козломъ.

Марья Павловна. Ахъ, дядюшка, вы непремѣнно хотите продать дачу?

Подсѣкаловъ. Кто тебѣ сказалъ такой вздоръ? Съ чего ты взяла? Я совсѣмъ не думалъ продавать.

Марья Павловна. Въ самомъ-дѣлѣ? Такъ меня обманули? Вы не велѣли прибивать билета?

Подсѣкаловъ. Гм! Это не твое дѣло! Изволь одѣваться и принимать гостей... Гм! прибилъ билетъ?!.. Большая важность! Кто мнѣ запретитъ прибивать билеты, если мнѣ это нравится, если это меня забавляетъ... Знаешь ли, я хочу разыграть комедію.

Марья Павловна. Ахъ, дядюшка, вы мнѣ даете трудную роль въ своей комедіи.

Подсѣкаловъ. Что? Что такое? Какую роль?

Марья Павловна. Принимать гостей, показывать имъ садъ, говорить съ ними, заставите еще играть и пѣть...

Подсѣкаловъ. Ну, да, да, да и сто разъ да! Вѣдь я хлопочу для тебя же.

Марья Павловна. Какъ для меня?

Подсѣкаловъ. Что съ тобой говорить! Ты не поймешь. Я хочу, чтобъ ты нѣсколько пріодѣлась .. да не какъ нибудь, а со вкусомъ.

Марья Павловна. Я надѣну бѣлое муселиновое платье.

Подсѣкаловъ. Муселиновое?!.. Не дурно... только ты его надѣнь такъ, чтобъ знаешь, пыль пустить... Чтобъ тутъ эдакъ было по открытѣе, здѣсь по тоньше... а тамъ по пышнѣе... Знаешь, есть своя манера надѣвать бѣлое платье, когда думаютъ о женихахъ.

Марья Павловна. Вы хотите меня выдать замужъ?.. Но у меня нѣтъ никакого желанія.

Подсѣкаловъ. Тебя ли я слышу?.. Дѣвушкѣ 18 лѣтъ и нѣтъ желанія! Что жъ это прогрессъ, что ли, называется?! Сдѣлай милость объясни мнѣ, въ какомъ столѣтіи мы живемъ?

Марья Павловна. Вы это лучше меня знаете, только я не хочу выходить замужъ.

Подсѣкаловъ. Прогрессъ! Рѣшительно прогрессъ! Ты вѣрно начиталась Жоржъ-Зандъ и всякой дряни заморской... Скажу тебѣ откровенно, что я не думаю держать тебя до скончанія міра.

Марья Павловна *(плача)*. О, дядюшка, я вижу, что я вамъ въ тягость... Но вѣдь я работаю... я тружусь...

Подсѣкаловъ. Знаю... все знаю... ну, не плачь-же... глаза раскраснѣются... распухнутъ... Ты добрая дѣвушка... тебя надо пристроить... надо подумать о будущемъ... Ступай-же одѣваться... да не мѣшкай... и чтобъ я не видалъ твоихъ слезъ... Хорошенько вымойся.

Марья Павловна. Боже! и это правда? Меня не обманули?! Вы нарочно прибили билетъ, чтобъ собрать всѣхъ зѣвакъ и между ними думаете найти мнѣ жениха.

Подсѣкаловъ. Ну-да, разумѣется!.. Если у молоденькой и хорошенькой дѣвушки нѣтъ приданаго, такъ гдѣ-же прикажете найти ей жениха, какъ не между зѣваками, которымъ нечего дѣлать...

Марья Павловна. О! Это жестоко! Правда, дядюшка, я бѣдная дѣвушка, но вашъ планъ постыденъ... я не раздѣляю вашихъ намѣреній.

Подсѣкаловъ. Чего?.. Такъ чтожъ, по твоему, не принимать ни какихъ мѣръ?!. такъ ты вѣчно просидишь на моей шеѣ!

Марья Павловна. Если я вамъ такъ надоѣла, если вы непремѣнно хотите сбыть меня съ рукъ... вы могли-бы взять другія мѣры, напримѣръ, завели бы знакомство...

Подсѣкаловъ. Знакомства!.. Да для этого нужно сто тысячъ годоваго доходу! А много-ли тебѣ осталось послѣ матери?

Марья Павловна. Выѣзжали бы со мной на вечера, въ собранія.

Подсѣкаловъ. Въ собранія!.. Знаю я эти собранія!.. Навяжется какая-нибудь каналья... Ты подумаешь женихъ... а онъ отпляшетъ польку, да тамъ еще окажетъ какую-нибудь услугу... да и былъ таковъ, а ты и дуй въ пальцы. Вотъ хоть бы въ прошлую зиму... ты съ матерью ѣздила въ собранія... какой-то франтикъ подпускалъ вамъ турусы на колесахъ, а вы уши развѣсили... вотъ теперь ищи его... вѣрно онъ чорту въ карты проигрался.

Марья Павловна. Ахъ нѣтъ, дядюшка, это былъ благородный молодой человѣкъ... но онъ зависитъ отъ родныхъ.

Подсѣкаловъ. Знаю я... всѣ они благородны... даже высокоблагородны и всѣ зависятъ отъ кого-нибудь.

Марья Павловна *(всторону)*. Ахъ, еслибъ Викторъ зналъ. (*слышенъ звонокъ*).

Подсѣкаловъ. Ага!.. вотъ... вотъ кто-то и есть... А ты еще не одѣта!.. Поторопись-же, душа моя, поторопись! (*подходитъ къ окну*).

Марья Павловна. Я вамъ сказала все, я уйду въ свою комнату и не выйду...

Подсѣкаловъ. Ты не хочешь одѣваться?! Посмотри какой милый молодой человѣкъ.

Марья Павловна. Молодой человѣкъ?

Подсѣкаловъ (*взявъ Марью Павловну за руку, подводитъ къ окну*). Ну, посмотри сама... не правда ли какой душка! (*кричитъ въ окно*). Эй! Ѳедоръ! Отвори калитку!.. Милый молодой человѣкъ! О, сегодня день будетъ хорошъ! Маша! За туалетъ моя душа! Ну, обними-же меня и ступай одѣваться! Я самъ побѣгу принарядиться; сейчасъ выйду... Да что на тебя столбнякъ, что-ли, нашелъ?

Марья Павловна. Иду, иду... добрый дядюшка... сейчасъ одѣнусь.

Подсѣкаловъ. А!.. вотъ... вотъ ужъ и понравился! Ай-да, Маша! (*уходитъ въ свою комнату*).

V.

МАРЬЯ ПАВЛОВНА, одна.

Это онъ! Викторъ! Онъ для меня пришелъ! О, онъ еще любитъ меня. Добрый Викторъ! Какая счастливая мысль родилась у дядюшки продать дачу. Безъ того, какъ бы Викторъ могъ прійти къ намъ... Отперли... какъ онъ спѣшитъ!.. Въ какомъ волненіи! Боже, я боюсь, чтобъ онъ не измѣнилъ себѣ? Ахъ, какъ я рада! Что, если онъ застанетъ меня здѣсь? Онъ не выдержитъ, онъ тотчасъ покажетъ, что мы знаемъ другъ друга... Уйду въ свою комнату... Дядюшка правъ! Я вовсе не занимаюсь собою и еще не одѣта (*Убѣгаетъ въ дверь налѣво*).

VI.

ВИК. КУРГАНОВЪ поспѣшно входитъ, кидаетъ на столъ фуражку и трость и садится въ кресло.

Уфъ! Эдва ушелъ отъ дядюшки! Онъ меня преслѣдуетъ по пятамъ, какъ строгая совѣсть. Еще нѣсколько минутъ и добрый дядюшка непремѣнно поймалъ бы меня въ нѣжномъ объясненіи съ своей возлюбленной Агнесой, въ томъ поэтическомъ павильонѣ, что противъ этой дачи... Но кто могъ предупредить дядюшку о моемъ rendez-vous съ его Агнесой... Разумѣется не тетушка! Она сама посылаетъ меня слѣдить за нимъ .. Ахъ, мой дядюшка, право пренесносный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ

и какъ мужъ, и какъ дядя. Я рѣшительно беру сторону тетушки (*осматриваясь*). Спасительная храмина! Я здѣсь, какъ у себя, по праву покупателя... Но, чортъ возьми, кто подумаетъ, что я покупатель?.. Примемъ видъ солидный. Скажу, что я мужъ хорошенькой женщины, отецъ пятерыхъ малютокъ, которымъ нужна дача съ чистымъ воздухомъ.

VII.

ВИК. КУРГАНОВЪ; ПОДСѢКАЛОВЪ входитъ изъ дверей на лѣво; ѲЕДОРЪ изъ дверей прямо съ двумя вазами цвѣтовъ.

Подсѣкаловъ (*крича*). Ѳедоръ! Эй! Ѳедоръ!

Ѳедоръ. Вотъ и я съ цвѣтами (*ставитъ на окна вазы*).

Вик. Кургановъ (*вскакивая отходитъ въ сторону*). Я думалъ дядюшка! Это должно быть хозяинъ дома. Покажемъ себя человѣкомъ солиднымъ (*поправляетъ галстухъ и волосы*).

Подсѣкаловъ. Ѳедоръ!

Ѳедоръ. Чего изволите?

Подсѣкаловъ. Вели Акулинѣ подогрѣть вчерашнее жаркое! Да чтобъ былъ салатъ... во французскомъ вкусѣ... знаешь, цвѣтная капуста и каперцы... (*Курганову*). Извините, милостивый государь...

Ѳедоръ. Слушаю-съ (*тихо*). Но онъ совсѣмъ не похожъ на покупателя, это просто мальчикъ.

Подсѣкаловъ. Дуракъ! Намъ такихъ и надо!.. (*громко*). Бутылку вина!.. Шитовскаго! (*Курганову*). Прошу садиться.

Вик. Кургановъ (*всторону*). Кажется, онъ думаетъ кормить меня. (*Ѳедоръ уходитъ*).

Подсѣкаловъ. Ну-съ, милостивый государь...

Вик. Кургановъ. Я имѣю честь говорить съ хозяиномъ дачи...

Подсѣкаловъ (*кланяясь*). Къ вашимъ услугамъ... Илья Ивановичъ Подсѣкаловъ.

Вик. Кургановъ. Викторъ Семеновичъ Кургановъ, вашъ покорнѣйшій слуга... Мнѣ рекомендовали вашу дачу, какъ лучшую въ здѣшнихъ окрестностяхъ.

Подсѣкаловъ. А, рекомендовали. (*Всторону*) Вретъ, каналья. (*ему*) Чтожъ, вамъ сказали правду... вы увидите, что моя дача со всѣми угодьями...

Вик. Кургановъ. Прекрасно! Въ цѣнѣ мы сойдемся... значитъ это дѣло кончено?

Подсѣкаловъ (*всторону*). Кончено?.. Какъ-бы не такъ! (*ему*). Вы для себя покупаете?

Вик. Кургановъ. Да... для себя... (*всторону*). Чортъ возьми! Онъ рѣшительно думаетъ, что я мальчишка. Надо ему показать себя. (*Входитъ Акулина съ жаркимъ, бутылкою вина и стаканами*).

Подсѣкаловъ (*Акулинѣ*). Поставь на столъ... да посмотри одѣлась-ли Машенька... (*Акулина уходитъ на лѣво*).

Вик. Кургановъ. А, вы отецъ семейства?

Подсѣкаловъ (*взявъ бутылку*). Нѣтъ-съ... Я только дядя... а вы?

Вик. Кургановъ (*принимая серьезное выраженіе*). А я?.. Я ношу болѣе священныя обязанности.

Подсѣкаловъ (*поставивъ бутылку*). Какъ!.. Возможно-ли?.. Въ такія лѣта... вы уже того...

Вик. Кургановъ (*важно*). Женатъ!.. Женатъ на очень миленькой женщинѣ!.. Для ея здоровья необходимъ свѣжій воздухъ... Она, бѣдняжка, страдаетъ нервами... а говорятъ, воздухъ здѣшнихъ окрестностей... (*протягиваетъ руку къ бутылкѣ*).

Подсѣкаловъ (*ставъ между нимъ и столомъ*). Извините! Моя дача вамъ не годится... Здѣшній воздухъ просто отрава для беременныхъ женщинъ... Вѣдь вы не захотите убить свою жену!

Акулина (*выходя изъ комнаты Марьи Павловны*). Марья Павловна совсѣмъ одѣты... онѣ сейчасъ выйдутъ...

Вик. Кургановъ. Марья Павловна!..

Подсѣкаловъ (*громко*). Не нужно, пусть сидитъ въ своей комнатѣ! (*Указывая на столъ*). Убери это все! Они ничего не хотятъ!... У нихъ жена больна!.. Имъ не здорово рано кушать... и въ особенности... пить портвейнъ.

Акулина (*снимая со стола*). Онъ женатъ!.. Такой мальчишка и женатъ?..

Подсѣкаловъ. Ну, да!.. Пошла вонъ!.. Неси все на кухню... другой будетъ!.. Не всѣ же женаты, чортъ возьми!..

Вик. Кургановъ (*всторону*). Марья Павловна!.. О, я не уйду, пока не увижу этой особы. (*Ему*). Ваша дача на прекрасномъ мѣстѣ.

Подсѣкаловъ. Домъ очень сыръ... трубы дымятся... и крысъ много... Протекаетъ крыша... Посмотрите, какіе круги на потолкѣ.

Вик. Кургановъ (*смотритъ въ окно*). Какіе чудные виды! Мѣсто очень живописно!..

Подсѣкаловъ. Чрезвычайно низко... болотисто!

Вик. Кургановъ. Но мнѣ именно такое и нужно.

Подсѣкаловъ. А я рѣшительно не продаю дачи!..

Вик. Кургановъ (*строго*). А зачѣмъ вы прибивали билетъ?

Подсѣкаловъ. Что? Вы думаете меня учить?.. Молодой человѣкъ! Не угодно ли вамъ отправиться туда, откуда пожаловали.

Вик. Кургановъ. Не угодно ли вамъ прежде снять билетъ. Я васъ заставлю заплатить мнѣ протори и убытки... Потерянное время, трата на проѣздъ... О, вы поплатитесь... дорого поплатитесь .. Я научу васъ, какъ обманывать покупателей. Вы мнѣ заплатите за все, что я спрошу...

Подсѣкаловъ (*всторону*). Должно быть сутяга! (*Ему*). Сталобыть, вы... стряпчій?

Вик. Кургановъ. Развѣ вы не слыхали обо мнѣ?.. Я повторю свое имя... Кургановъ!.. Слышите ли, Кургановъ!.. Самый извѣстный по этой части... въ столицѣ, въ Россіи... въ Европѣ даже...

Подсѣкаловъ. Вотъ навязался! Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ того... Бѣдовое дѣло возиться съ этимъ народомъ... Милостивый государь...

Вик. Кургановъ. Вы согласны продать...

Подсѣкаловъ. Почему же... почему же... извольте... только не менѣе, какъ за триста тысячъ цѣлковыхъ. .

Вик. Кургановъ. (*всторону*). По мнѣ хоть за милліонъ! (*Ему*) Извольте.

Подсѣкаловъ. Я продаю безъ мебели.

Вик. Кургановъ. Хорошо, хорошо!..

Подсѣкаловъ. Но вы сперва посмотрите, что покупаете. Эй! Ѳедоръ. (*Входитъ Ѳедоръ*). Покажи этому господину садъ, да обходись съ нимъ, какъ можно учтивѣе.

Вик. Кургановъ. Марья Павловна! Въ прошлую зиму я познакомился въ городѣ съ одною милою дѣвушкою, которую звали Марья Павловна и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ она исчезла... О! я увижу ее! (*Уходитъ*).

VIII.

ПОДСѢКАЛОВЪ ходитъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи, толкая стулья и кресла.

Онъ не торгуется!.. Это надо думать... какой нибудь индѣйскій набобъ переодѣтый... Триста тысячъ! А дача едва ли десять стоитъ. И такіе люди бываютъ женаты! Ахъ, каналья!..

женатъ!.. Животное! Грубіанъ!.. Женатъ!.. Кто бы подумать могъ!.. Молокососъ! Десятый годъ отъ роду, а онъ женатъ!

IX.

ПОДСѢКАЛОВЪ, МАРЬЯ ПАВЛОВНА въ слезахъ, выходитъ изъ своей комнаты.

Подсѣкаловъ. Ты зачѣмъ здѣсь?

Марья Павловна. О, какой безчеловѣчный поступокъ!..

Подсѣкаловъ (*не слушая ее*). Женатъ!.. Человѣку лѣтъ 25-ть, а онъ женатъ!..

Марья Павловна. Только 20 лѣтъ, дядюшка.

Подсѣкаловъ. Неправда ли, что это демонски смѣшно?

Марья Павловна. О, это ужасно! Чудовищно!

Подсѣкаловъ (*ударивъ себя по лбу*). И женатому негодяю я позволилъ гулять въ своемъ саду!

Марья Павловна. Какъ вы добры, милый дядюшка! О, на вашемъ мѣстѣ я не позволила бы ему минуты оставаться здѣсь.

Подсѣкаловъ. Не тебѣ пришлось бы платить протори и убытки.

Марья Павловна. Ужъ лучше бы начать тяжбу, чѣмъ позволить распоряжаться въ чужомъ домѣ какъ у себя.

Подсѣкаловъ. О, какъ я взбѣшонъ! Я готовъ чортъ знаетъ на что рѣшиться. (*Толкаетъ кресла и стулья*).

Марья Павловна. Вашъ гнѣвъ справедливъ.

Подсѣкаловъ (*гнѣвно*). Я взбѣшонъ чертовски... Я золъ на всѣхъ!.. И все за тебя переношу обиды! Если бъ тебя не было у меня... у меня не было бы заботы выдавать тебя замужъ... Я не прибивалъ бы билета... и какой нибудь мальчишка не смѣлъ мнѣ грозить въ моемъ домѣ!!

Марья Павловна. Вы сердитесь на меня? Будто я виновата, что онъ женатъ?

Подсѣкаловъ. Ничего не хочу слушать! Ты у меня весь вѣкъ просидишь въ дѣвкахъ... Сейчасъ велю сорвать билетъ!.. Эй! Ѳедоръ, Ѳедоръ!

Марья Павловна. Нѣтъ, нѣтъ, добрый дядюшка! Не дѣлайте этого... Я выхожу замужъ... хоть сію минуту за перваго покупателя дачи... лишь бы онъ былъ молодъ, нѣсколько не дуренъ, а главное понравился бы мнѣ. (*Всторону*) О, я докажу Виктору, что и сама могу выйдти замужъ.

Подсѣкаловъ. Откуда такая увѣренность?.. не думаешь ли ты, что очаруешь перваго, кто явится?.. Нѣтъ, чортъ возьми, я сниму билетъ! Ѳедоръ!

Марья Павловна. Ахъ, дядюшка, оставьте... Вы сами находили давича, что эта мѣра хороша.

Подсѣкаловъ. Давича!.. Но кой чортъ могъ думать, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ всѣ женятся въ пятнадцать лѣтъ?! О! Прогрессъ! О, вѣкъ открытій! Я взбѣшонъ, демонски взбѣшонъ! (*Слышенъ звонокъ у калитки*).

Марья Павловна (*подбѣжавъ къ окну*). Вотъ видите! Вотъ еще новое лице!

Подсѣкаловъ (*кричитъ высунясь въ окно*). Эй, Ѳедоръ! Скажи этому господину, что меня нѣтъ дома.

Марья Павловна. Ахъ, дядюшка, что съ вами!.. Онъ васъ слышалъ и видѣлъ... какъ это можно!

Подсѣкаловъ. Наплевать!.. Я сорву билетъ!

Марья Павловна (*всматриваясь*). Онъ очень comme il faut... только не молодъ.

Подсѣкаловъ. Стало быть, отецъ семейства.

Марья Павловна. Можетъ быть у него есть сынъ.

Подсѣкаловъ. Маша! Ты совсѣмъ съума сошла!.. Потеряла стыдъ и совѣсть!

Марья Павловна. Ахъ, я готова выйти замужъ за этого старичка, лишь бы отмстить Виктору...

IX.

ТѢЖЕ и ЕГ. КУРГАНОВЪ, въ венгеркѣ, шляпа на бокъ, съ тростью.

Ег. Курановъ (*остановясь въ дверяхъ и раза два ударивъ по стѣнѣ*). Ха, ха! Пресмѣшная лачуга!.. изъ глины и извести!.. Впрочемъ еще долго простоитъ.

Подсѣкаловъ (*всторону*). Это что за обезьяна! (*ему*) Милостивый государь, вамъ угодно говорить со мною?

Ег. Курановъ (*лорнируя Марью Павловну*). Вовсе нѣтъ! Я хочу видѣть домъ. (*Подойдя къ Марьѣ Павловнѣ*). Mademoiselle, эта дача продается? (*всторону*). Чортъ возьми, прехорошенькая плутовка!

Марья Павловна. Да, а теперь она моего дядюшки.

Ег. Курановъ. Все равно! Сколько вашъ дядюшка хочетъ за дачу?

Марья Павловна. Спросите у дядюшки.

Подсѣкаловъ. Моя дача будетъ для васъ дорога.

Ег. Курановъ. Ничего, скажите цѣну, посмотримъ. (*Всторону*). Славные глаза у этой плутовочки!

Подсѣкаловъ. Съ кѣмъ я говорю, позвольте знать?

Ег. Курлановъ. Со мною.

Подсѣкаловъ. А кто вы таковы?

Ег. Курлановъ. А какое вамъ дѣло? Я богатъ, чего же еще... *(Марьѣ Павловнѣ).* Притомъ люблю все прекрасное... большой знатокъ въ изящномъ. *(Подсѣкалову).* И плачу всегда чистоганомъ.

Подсѣкаловъ. Милостивый государь, вы ужъ черезъ-чуръ того... не церемонны...

Ег. Курлановъ. Что? Что вы говорите?

Марья Павловна. Дядюшка говоритъ, чтобъ вы обратились къ нему, какъ къ хозяину дачи.

Подсѣкаловъ. Вы для себя покупаете?

Ег. Курлановъ. Нѣтъ... для одной дамы *(всторону)*, для Агнесы, эта дача, по близости къ моей, будетъ очень кстати...

Подсѣкаловъ. Для друга вашей жены?

Ег. Курлановъ *(всторону).* Забавно! Жена выцарапала бы мнѣ глаза, если бъ знала, что я покупаю для Агнесы. *(Ему)* нѣтъ, я вовсе не женатъ.

Подсѣкаловъ. Вы не женаты?

Ег. Курлановъ. Нѣтъ, нѣтъ. *(Дерзко смотритъ на Марью Павловну).* Вы продаете съ мебелью?.. Конечно, цѣна не высока!

Подсѣкаловъ. Да, если угодно и съ мебелью... Мебель вообще у меня очень порядочная, такъ себѣ... но у меня есть фортепіано... на которомъ моя племянница отлично хорошо играетъ.

Ег. Курлановъ. Вотъ что называется идеальное совершенство!.. Съ такою красотою соединять такіе таланты!

Марья Павловна *(всторону).* Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, думаетъ на мнѣ жениться? *(громко)* Развѣ вы забыли, дядюшка, что фортепіано разстроено!

Подсѣкаловъ. Но ты такъ хорошо умѣешь играть, что этого никто и не замѣтитъ...

Ег. Курлановъ. Если такая хорошенькая ручка, какъ ваша, коснется клавишъ, то фортепіано не можетъ быть разстроено.

Марья Павловна *(всторону).* Какъ онъ гадокъ, однако же!

Подсѣкаловъ. Ѳедоръ! Ѳедоръ! *(Ѳедоръ входитъ).* Жаркое и салатъ!.. Вино!..

Ѳедоръ *(тихо).* А другой?..

Подсѣкаловъ. Какой другой?

Ѳедоръ. Который женатъ? *(Уходитъ).*

Подсѣкаловъ. Онъ не ушелъ? Это изъ рукъ вонъ! Я его непремѣнно выгоню. Важная птица! Какой-то Кургановъ!

Ег. Кургановъ (*съ живостью*). Что вы говорите? Какой Кургановъ?

Подсѣкаловъ. Какой-то дуракъ, мальчишка... забрался ко мнѣ съ утра... подъ предлогомъ купить дачу... *Я его сейчасъ выгоню.*

Ег. Кургановъ (*встороиу*). *Племянникъ? Шпіонъ моей жены?* Въ этомъ домѣ? О! Вотъ чего я не ожидалъ!.. Все кончено!.. Жена узнаетъ все... и тогда хóть со свѣта долой! *(Громко).* Послушайте, у васъ другой покупатель?.. Позвольте же откланяться, *я не люблю мѣшать другимъ. (Ѳедоръ приноситъ жаркое и вино и ставитъ на столъ).*

Подсѣкаловъ. Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь... *Я* отказалъ тому... вотъ завтракъ... А между тѣмъ, Машенька будетъ играть... да, да! Того негодяя я выгоню... ей-ей выгоню! Дача за вами... за безцѣнокъ отдамъ! (*Тихо Марьи Павловнѣ*). Задержи этого господина, пока я справлюсь съ тѣмъ... (*Ему*) Извините, милостивый государь... на нѣсколько минутъ... по хозяйству... Ѳедоръ! за мной! (*Оба уходятъ*).

X.

МАРЬЯ ПАВЛОВНА и ЕГ. КУРГАНОВЪ.

Марья Павловна (*встороиу*). Викторъ еще не ушелъ? Вѣроломный, ужасный Викторъ! На зло же тебѣ буду пѣть... Пусть мой голосъ напомнитъ ему ту, которую онъ любилъ когда-то слушать. (*Садится за піано. Ег. Курганову*). Въ этой залѣ прекрасный резонансъ... Правда, что фортепіано нѣсколько разстроено, но это ничего... Угодно я вамъ спою романсъ?

Ег. Кургановъ (*смотритъ то въ окно, то на двери*). Чортъ возьми, романсъ! (*Громко*) Я не хочу, я не смѣю васъ безпокоить... Нѣтъ, ужъ лучше не пойте... въ другой разъ... когда настроите фортепіано.

Марья Павловна. *Вы сказали, что любите музыку.*

Ег. Кургановъ. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!.. Музыка разстраиваетъ мои нервы... Прошу васъ, оставьте... (*встороиу*) Викторъ непремѣнно прійдетъ сюда, когда она запоетъ...

Марья Павловна. О, вы притворяетесь... *Вы любите,* чтобъ вамъ насильно сдѣлали удовольствіе. (*Поетъ*).

Нѣтъ, напрасно я жду, милый другъ не прійдетъ!
Онъ покинулъ меня одинокую.
Но любовь у меня все растетъ и растетъ,
И терзаетъ тоскою глубокою.

Неужели должна я цѣлый вѣкъ мой страдать,
И томиться всегда ожиданьемъ;
Между тѣмъ, для другой станетъ онъ расточать
Тѣ же ласки, и тоже вниманье.

Сердце жаждетъ любви, сердце милаго ждетъ,
Оживляясь надеждой напрасною.
Милый другъ позабылъ, милый другъ не прійдетъ,
Онъ покинулъ подругу несчастную!

Ег. Кургановъ *(у окна въ волненіи)*. Такъ и есть, племянникъ... вмѣстѣ съ этимъ чудакомъ... Они идутъ сюда... Ну, братъ, милый Жоржъ, достанется же тебѣ сегодня отъ твоей дрожайшей половины!.. Однако нельзя ли принять какое нибудь отступательное движеніе. (*Осматривается*). Да вотъ хоть бы сюда... (*Тихонько уходитъ въ дверь налѣво*).

XI.

МАРЬЯ ПАВЛОВНА и въ дверяхъ ПОДСѢКАЛОВЪ и ВИК. КУРГАНОВЪ.

Подсѣкаловъ (*не пуская Вик. Курганова*). Не пущу, хоть вы тутъ тресните на мѣстѣ... Не пущу!

Вик. Кургановъ. Кто это поетъ?

Подсѣкаловъ. Моя племянница. Убирайтесь къ чорту!.. я не пущу васъ.

Вик. Кургановъ. Боже! Это именно ея голосъ... (*Прорвавшись въ залу*). Ангелъ, Марья Павловна!..

Марья Павловна (*вставая изъ-за піано, холодно*). Извините...

Подсѣкаловъ. Остановитесь-же... говорятъ вамъ...

Вик. Кургановъ. Какая холодность!

Подсѣкаловъ (*осмотрясь*). Гдѣ же другой?

Марья Павловна. Кто?

Подсѣкаловъ. А тотъ господинъ... не женатый?

Марья Павловна. Кажется ушелъ.

Подсѣкаловъ. Ушелъ! Онъ ушелъ?.. (*Крича въ окно*) Эй, Ѳедоръ!.. Запри калитку на замокъ и никого не выпускай!.. А вы, милостивый государь, обѣщали мнѣ за дачу триста тысячъ цѣлковыхъ... Смотрите же, если не сдержите слова, я буду искать на васъ протори и убытки... Не можетъ быть, чтобъ тотъ го-

сподинъ такъ скоро ушелъ!.. Онъ гдѣ нибудь въ саду!.. О, я найду его вездѣ... (*Убѣгаетъ*).

XII.

МАРЬЯ ПАВЛОВНА и ВИК. КУРГАНОВЪ.

Вик. Кургановъ. Ахъ, Марья Павловна, вамъ не къ лицу этотъ холодный строгій видъ!.. Неужели вы сердитесь за то, что я не имѣлъ возможности видѣться съ вами такъ долго? Когда я просилъ дядюшку-опекуна позволить мнѣ жениться на васъ, то онъ ничего не хотѣлъ слушать и послалъ меня въ деревню разсѣяться отъ любви... Но дядюшка ошибся... Разлука не охладила страсти... Теперь, напротивъ, я люблю васъ больше, чѣмъ когда нибудь...

Марья Павловна. Неужели?.. Вы лжете!.. нагло лжете!.. А ваша супруга?.. молоденькая, хорошенькая женщина!.. Вы ее не любите? Зачѣмъ же вы женились?

Вик. Кургановъ. И вы повѣрили такому вздору?!

Марья Павловна. Кому же повѣрить, какъ не вамъ? не сами ли вы сказали дядюшкѣ, что вы женаты?.. Я слышала все... (*Поддѣлываясь подъ голосъ Курганова*) Прекрасная женщина... для ея здоровья необходимъ чистый воздухъ!.. О, это ужасно!.. Жестоко! И вы еще можете оставаться здѣсь! Идите, сударь, идите... Я не могу васъ видѣть. (*Закрываетъ платкомъ глаза*).

Вик. Кургановъ. Марья Павловна, клянусь, это была только шутка... Я не женатъ!

Марья Павловна. Въ самомъ дѣлѣ? Вы не обманываете?

Вик. Кургановъ. О, что я говорю правду, это легко доказать... Я буду просить вашей руки... у вашего дядюшки...

Марья Павловна. Но вашъ опекунъ?!..

Вик. Кургановъ. Дядюшка?!.. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ не будетъ имѣть надо мною никакого права.

Марья Павловна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?.. Ахъ! Если бъ вы и теперь искали моей руки... то было бы уже поздно...

Вик. Кургановъ. Какъ поздно?

Марья Павловна. Я уже дала слово.

Вик. Кургановъ. Какое слово?.. Вы меня пугаете!..

Марья Павловна. Да, я выхожу замужъ.

Вик. Кургановъ. Возможно ли?

Марья Павловна. Очень возможно... Почему же мнѣ не выйдти замужъ?.. Мой женихъ сейчасъ былъ здѣсь... Можетъ быть, вы еще встрѣтитесь съ нимъ.

Вик. Кургановъ. Встрѣчусь?.. О, въ такомъ случаѣ эта свадьба не состоится.

Марья Павловна. Почему?

Вик. Кургановъ. Потому... потому, что я убью вашего жениха... Гдѣ же онъ?.. Гдѣ онъ несчастный?.. (*Замѣчаетъ на піано платокъ, забытый Егоромъ Егоровичемъ*) Это что.. Такъ точно... вышивка моей тетушки... буквы Е и К, Егоръ Курганов! (*Марьѣ Павловнѣ*) Можетъ быть, это платокъ вашего жениха?

Марья Павловна. Вы угадали.

Вик. Кургановъ. Ха, ха. Это забавно!.. Ха, ха!

Марья Павловна. Что же вы смѣетесь?

Вик. Кургановъ. Соперникъ не такъ опасенъ, какъ я думалъ... Я понимаю, вы хотѣли меня испытать, люблю ли я еще васъ... Но я долженъ предупредить, чтобъ вы не очень надѣялись на своего жениха... во-первыхъ, мой дядюшка женатъ... во-вторыхъ: онъ грубый, глупый, наглый старичишка...

Ег. Кургановъ (*полуотворивъ дверь*). Что? Грубый старичишка... Вотъ я тебя!

Марья Павловна. Такъ это былъ вашъ дядюшка?

Вик. Кургановъ. Зачѣмъ онъ былъ у васъ, что говорилъ?.. давно ли ушелъ?

Марья Павловна. Онъ можетъ быть еще въ саду... онъ покупалъ дачу для какой-то дамы...

Вик. Кургановъ. Дачу для дамы?.. Онъ можетъ быть еще здѣсь... (*всторону*) Счастливая мысль!.. (*Марьѣ Павловнѣ*) Ангелъ, Марья Павловна, именемъ нашей любви.. нашей будущности... позвольте написать письмо.

Марья Павловна. Къ кому это?

Вик. Кургановъ. Къ тетушкѣ... вы убѣдитесь въ моей невинности... и мы обвѣнчаемся раньше, чѣмъ я думалъ... А, милый дядюшка... добрый опекунъ... Позвольте мнѣ дать вамъ въ свою очередь небольшой урокъ.

Марья Павловна. Такъ пишите скорѣе, я вамъ не мѣшаю...

Вик. Кургановъ. А гдѣ чернила и бумага?

Марья Павловна (*указывая на дверь своей комнаты, налѣво*). Вотъ, ступайте сюда... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Я въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума... Ступайте лучше сюда... (*Указывая направо*). Это половина дядюшки... (*Уходятъ вмѣстѣ*).

XIII.

ЕГ. КУРГАНОВЪ, потомъ ПОДСѢКАЛОВЪ.

Ег. Кургановъ (*выходя изъ дверей на лѣво*). Мнѣ просто приготовили здѣсь западню... долѣе оставаться въ этомъ проклятомъ домѣ было бы очень безразсудно... и опасно. Жена не замедлитъ явиться... она ревнива, какъ всѣ женщины.

Подсѣкаловъ (*вбѣгая изъ двери прямо*). Ахъ, вы здѣсь... любезный гость... а я избѣгалъ всѣ дорожки въ саду, искавши васъ... Не правда ли, что пора позавтракать? Садитесь... пожалуйста... безъ церемоніи... да садитесь же!!

Ег. Кургановъ. Убирайтесь съ вашимъ завтракомъ... у меня нѣтъ времени...

Подсѣкаловъ (*удерживаясь*) Но... удѣлите хоть часокъ... хоть полчаса!

Ег. Кургановъ (*вырываясь*) Ни минуты!..

Подсѣкаловъ. Ну... ну... сдѣлайте же милость... вы можетъ быть любите итальянскую колбасу?

Ег. Кургановъ. Ахъ, отстаньте вы съ вашей колбасой!

Подсѣкаловъ. Чтожъ... чтожъ вамъ угодно... кусочекъ лимбургскаго сыру?..

Ег. Кургановъ. Я вамъ сказалъ, что я не хочу ѣсть и что я сейчасъ иду.

Подсѣкаловъ. Какъ?.. А гдѣ же моя племянница, сударь?.. Вѣдь я оставилъ ее съ вами?

Ег. Кургановъ. Ваша племянница?.. да тамъ...

Подсѣкаловъ. Гдѣ тамъ?..

Ег. Кургановъ. Тамъ... съ молодымъ человѣкомъ.

Подсѣкаловъ. Съ какимъ молодымъ человѣкомъ?

Ег Кургановъ. Котораго вы собирались вытолкать вонъ.

Подсѣкаловъ. Какъ! Онъ еще здѣсь?

Ег. Кургановъ. Который одурачилъ васъ.

Подсѣкаловъ. Одурачилъ?.. Меня?..

Ег. Кургановъ. Увѣряя, что онъ женатъ.

Подсѣкаловъ (*съ живостью*). А развѣ онъ не женатъ?

Ег. Кургановъ. Ни сколько! Онъ просто... наплевалъ вамъ въ глаза... Однако же мнѣ нѣкогда.

Подсѣкаловъ. Я васъ не удерживаю.

Ег. Кургановъ. Прощайте... желаю вамъ хорошаго аппетита. (*Уходитъ*).

XIV.

ПОДСѢКАЛОВЪ, потомъ МАРЬЯ ПАВЛОВНА.

Подсѣкаловъ. (*одинъ, послѣ Марья Павловна*) И вамъ также!.. Прощайте! Очень радъ!.. Провалъ васъ возьми... Молодой человѣкъ... Стало быть они любятъ другъ друга?!.. Гей!.. Ѳедоръ! Ѳедоръ!.. Акулина!.. Что за дьяволъ!.. Машенька! Машенька!..

Марья Павловна *(выходя изъ дверей направо)* Что вамъ угодно?

Подсѣкаловъ. Гдѣ же тотъ?.. тотъ гдѣ?

Марья Павловна. Кто?..

Подсѣкаловъ. Другой?..

Марья Павловна. Который?

Подсѣкаловъ. Который не женатъ?

Марья Павловна. Развѣ вы не нашли его въ саду?

Подсѣкаловъ. Но вѣдь онъ съ тобой оставался здѣсь... на этомъ мѣстѣ?..

Марья Павловна. Будто вы не видали, какъ онъ ушелъ, когда вы пришли съ другимъ?

Подсѣкаловъ. Который?

Марья Павловна. Который не женатъ.

Подсѣкаловъ *(топнувъ ногой гнѣвно)* Ты меня съ ума сведешь! Ужъ я чувствую, что нѣсколько помѣшался!..

Марья Павловна. Я не понимаю васъ, дядюшка.

Подсѣкаловъ. То есть... ты не хочешь понять меня. Я все знаю, не притворяйся.

Марья Павловна. Вы знаете, что онъ не женатъ?

Подсѣкаловъ. Даже знаю больше... знаю, что онъ тебя любитъ!

Марья Павловна. Въ самомъ дѣлѣ?.. Какой вы проницательный, дядюшка... Ахъ—да,—онъ любитъ меня... очень любитъ... Это премилый молодой человѣкъ!

Подсѣкаловъ. То-то вотъ и есть (*передразнивая ее*)... очень любитъ!.. Премилый молодой человѣкъ!.. А все я хлопочу для тебя... Давича и платья надѣть не хотѣла... а теперь... очень любитъ!.. Куда же ты его спрятала?

Марья Павловна. Онъ пошелъ кликнуть Ѳедора.

Подсѣкаловъ. Зачѣмъ?

Марья Павловна. Чтобъ послать съ нимъ письмо къ тетушкѣ.

Подсѣкаловъ. Зачѣмъ?

Марья Павловна. Онъ находитъ это необходимымъ, чтобъ намъ скорѣе обвѣнчаться.

Подсѣкаловъ. Обвѣнчаться?.. А?.. Ступай же непремѣнно отъищи его... гдѣ хочешь отыщи и приведи ко мнѣ живаго...

Марья Павловна *(убѣгаетъ въ садъ)* Милый, добрый дядюшка!

XV.

ПОДСѢКАЛОВЪ одинъ.

Ну, слава Богу! Наконецъ все кончилось благополучно. Племянница выходитъ замужъ!.. Уфъ! Будто гора съ плечъ!.. Ну, теперь, на досугѣ, можно позавтракать... и выпить малую толику... а тамъ и по рукамъ... а тамъ и къ вѣнцу... а тамъ...

XVI.

ПОДСѢКАЛОВЪ и ЕГ. КУРГАНОВЪ.

Подсѣкаловъ. Опять этотъ незваный татаринъ! Что онъ забылъ здѣсь?

Ег. Курлановъ. Послушайте, милостивый государь, будетъ ли конецъ вашимъ шуткамъ?

Подсѣкаловъ. Какимъ шуткамъ? Вы сами шутъ.. Я честью просилъ васъ выйти... а теперь заставлю!..

Ег. Курлановъ. Сперва отоприте калитку.

Подсѣкаловъ. Отпирать вамъ ворота?.. На это есть люди!..

Ег. Курлановъ. Я хотѣлъ бы ихъ видѣть.

Подсѣкаловъ. Вы начинаете меня обижать? Вы думаете у меня нѣтъ людей?.. Эй! Ѳедоръ!

Ег. Курлановъ *(послѣ паузы)* Видите!

Подсѣкаловъ (*громко*) Акулина!

Ег. Курлановъ. *(послѣ паузы)* Видите!

Подсѣкаловъ. Это демонски непостижимо! Я выгоню ихъ всѣхъ... Эй, Ѳедоръ! Акулина!.. Акулина! Ѳедоръ!.. (*хрипло*) Ѳедорррръ!..

Ег. Курлановъ. Видите!

Подсѣкаловъ. Послушайте... это отсутствіе моихъ людей заставляетъ думать, что вы скрываете какое нибудь преступное намѣреніе... на мой счетъ.

Ег. Курлановъ. Вы не въ своемъ умѣ.

Подсѣкаловъ (*въ сильномъ гнѣвѣ*) Извольте итти вонъ!

Ег. Курлановъ. Какимъ образомъ?

Подсѣкаловъ. Какъ вамъ угодно!

Ег. Курлановъ. Дайте мнѣ ключъ!

Подсѣкаловъ (*въ испугѣ*) Ключъ?.. Можетъ-быть вамъ надо ключъ отъ сундука съ серебромъ?.. отъ шкатулки съ деньгами?..

Ег. Курлановъ. Ключъ отъ калитки!.. Отъ калитки... понимаете-ли, отъ калитки!

Подсѣкаловъ. Для васъ у меня нѣтъ ключа... Вы пришли ко мнѣ... чортъ васъ знаетъ какъ... точно также можете и убираться.

Ег. Курлановъ. Что-же это значитъ? Вы задерживаете меня насильно... берегитесь!..

Подсѣкаловъ. Вы смѣете еще грозить мнѣ?!.

Ег. Курлановъ. Я васъ заставлю раскаяться!

Подсѣкаловъ. Опять начинаете!..

Ег. Курлановъ. Вы посягаете на мою свободу.. Я васъ самихъ запрячу въ тюрьму!

Подсѣкаловъ (*бѣшено*) О!.. Вы осмѣлились... оскорблять меня!.. У меня въ домѣ!.. Это демонски... Я самъ знаю порядки!.. Вонъ!.. Чтобъ вашего духу здѣсь не было!.. Если вы не выйдете сію-же минуту... то я прибѣгну къ оружію!.. къ оружію!.. (*Схватываетъ со стѣны старый лукъ и направляетъ стрѣлу на Егора Егоровича*).

Ег. Курлановъ. Осторожнѣе! Вы мнѣ вышибите глазъ! (*Вырываетъ стрѣлу*).

Подсѣкаловъ. Какъ! Вы еще смѣете поднимать на меня руку?.. Въ моемъ домѣ? Караулъ!.. Воры!.. Разбойники!.. караулъ!

Ег. Курлановъ. Онъ окончательно рехнулся! Да замолчишь-ли ты, старый дуракъ.

XVII.

ТѢ ЖЕ, ВИК. КУРЛАНОВЪ и МАРЬЯ ПАВЛОВНА.

Марья Павловна. Что случилось? что съ вами?

Подсѣкаловъ. Этотъ разбойникъ... въ собственномъ моемъ домѣ... хотѣлъ меня зарѣзать.

Вик. Курлановъ. Дядюшка?!

Марья Павловна. Женатый человѣкъ?!.

Подсѣкаловъ. Онъ женатъ!.. Ѳедоръ!.. Онъ женатъ! Такъ вы покупали дачу для подруги вашей жены?!

Вик. Курлановъ. Нѣтъ... для подруги сердца...

Подсѣкаловъ. Онъ?.. Этотъ старый козелъ? Эй, Ѳедоръ!.. Воды! Воды! (*Въ изнеможеніи падаетъ на стулъ*).

Ег. Курлановъ (*въ сильномъ гнѣвѣ*). Это твои штуки, любезный

племянникъ! Ты меня заперъ въ этомъ сумасшедшемъ домѣ, чтобъ я не ушелъ, пока тетка не получитъ твоего письма... Я не позволяю тебѣ жениться! Я лишаю тебя наслѣдства!

Вик. Курлановъ. *Дядюшка, это неблагородно...*

Марья Павловна. Викторъ!..

Ег. Курлановъ. Ты не женишься... даю тебѣ мое слово.

Подсѣкаловъ (*стуча по столу*) Ѳедоръ! Ѳедоръ! Выброси въ окно этого господина!

Вик. Курлановъ. Дядюшка... Я люблю эту дѣвушку больше вашего наслѣдства... Богъ съ вами и съ наслѣдствомъ... мнѣ нужно только ваше согласіе.

Ег. Курлановъ. Нѣтъ, нѣтъ, и сто разъ нѣтъ...

Марья Павловна. О, не можетъ-быть, чтобъ вы говорили это серьезно, у васъ доброе лице... должно быть и не злое сердце... Вы не захотите быть причиною нашему несчастію.

Подсѣкаловъ (*вставая и перемѣнивъ тонъ*) Молчите, дѣти! Я съ нимъ раздѣлаюсь одинъ. (*Подойдя къ Егору Егоровичу*). Послушайте.. будемте откровенны... Я хочу говорить съ вами... какъ дядя.

Ег. Курлановъ. Что вы мнѣ скажете, какъ дядя?

Подсѣкаловъ. Немного... Я вамъ напомню только объ обязанностяхъ...

Ег. Курлановъ. О какихъ обязанностяхъ?

Подсѣкаловъ. Объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ на насъ долгъ, совѣсть, природа... наконецъ честь... безъ этихъ обязанностей вы не можете быть тѣмъ, чѣмъ вы должны быть.

Ег. Курлановъ. То есть чѣмъ?

Подсѣкаловъ. Добрымъ дядею! Да, слушайте... Я призрѣлъ сироту племянницу... далъ ей приличное воспитаніе... замѣнилъ ей отца и мать... и вотъ теперь, когда она выбрала спутника... опору въ жизни... когда выборъ палъ на вашего племянника... когда молодые люди полюбили другъ друга... Что вы дѣлаете?

Ег. Курлановъ. А что?

Подсѣкаловъ. Вмѣсто того, чтобъ соединить молодыхъ людей, вы разстраиваете ихъ счастіе. Это не благородно!.. Это ужасно!.. Это... Это безнравственно!

Ег. Курлановъ. Ха, ха, я вижу вы образцовый дядя!

Вик. Курлановъ. Дядюшка!

Марья Павловна. Вы жестокосерды.

Подсѣкаловъ (*громко*) Берегитесь! Я пока дѣйствовалъ...

простымъ словомъ на ваше сердце... Не заставьте меня употребить другое оружіе.

Ег. Курлановъ. Опять лукъ и стрѣлы?

Подсѣкаловъ. Совѣсть... обличительницу совѣсть! Я выставлю васъ передъ женою... открою ей намѣренія, съ какими вы пожаловали ко мнѣ...

Ег. Курлановъ. Какія намѣренія?

Подсѣкаловъ. Купить дачу для любовницы.

Вик. Курлановъ. Я увѣдомилъ тетушку, что вы здѣсь и желаете ее видѣть. (*Слышенъ звонъ у калитки*).

Ег. Курлановъ. Попался, чортъ возьми... Ужъ не она-ли?

Вик. Курлановъ (*подойдя къ окну*) Тетушка!.. Добрая тетушка!.. какъ кстати! Ну, дядюшка, рѣшите нашу участь.

Подсѣкаловъ (*крича*) Ѳедоръ! Ѳедоръ! отопри ворота!

Ег. Курлановъ. Все кончено! Жена не проститъ мнѣ... Эти люди меня погубятъ! Чортъ меня принесъ на эту проклятую дачу! (*Виктору Семеновичу*) Нѣтъ-ли, братъ, какого-нибудь средства.

Вик. Курлановъ (*скоро*) Есть, дядюшка, вы спасены!

Ег. Курлановъ. Какимъ образомъ?.. Сдѣлай одолженіе!

Вик. Курлановъ. Скажите тетушкѣ, что вы пріѣхали сюда, чтобъ быть свидѣтелемъ моего счастія.

Подсѣкаловъ. Единственное и прекраснѣйшее средство!

Марья Павловна (*встороиу*). Какая ужасная минута!...

Ег. Курлановъ (*смотря въ окно*). Жена!.. сюда идетъ!.. Ну, такъ и быть... Викторъ! объяви теткѣ о твоей свадьбѣ.

Подсѣкаловъ. Достойный человѣкъ! Благородный человѣкъ!

Вик. Курлановъ. Добрый дядюшка!

Марья Павловна. Милый дядюшка! (*Молодые люди обнимаютъ Егора Егоровича и цѣлуютъ его*).

Подсѣкаловъ (*крича сильно*). Ѳедоръ!.. Акулина!.. Акулина, Ѳедоръ!.. (*Они входятъ*) Гдѣ вы пропадали, животные?

Ѳедоръ. Смотрѣли съ чердака шаръ... оченно любопытно съ живымъ козломъ.

Акулина. Такъ высоко поднялся... изъ виду вонъ... даже сердечушко замирало...

Подсѣкаловъ. Поздравьте барышню! Она выходитъ замужъ .. Ѳедоръ, Шампанскаго! дюжину!.. сто дюжинъ! Вечеромъ китайскіе фонари и фейерверкъ! сто тысячъ фонарей!..

ОГЛАВЛЕНІЕ XXIV ТОМА.

—

I.

Заслуженный Учитель. Романъ *Корженевскаго*. Переводъ съ польскаго. *А. Чужбинскаго*. Часть третья и послѣдняя (Кн. 11).

Варенька Долива. Романъ *В. В. Толбина*. Часть вторая и послѣдняя (Кн. 12).

Стихотворенія: 1. Свиданіе. *Н. Грекова*.
2. Что за чудная ночь! *Н. Грекова*.
3. Нѣтъ, не хочу въ тебѣ искать безумно страсти. *Н. Кроля* (Кн. 11).
4. Предъ каминомъ. *Н. Гербеля*.
5. Герцогъ Рейхштадтскій. *В. Зотова*.
6. Графинѣ А. М. Г. *Кн. Г. Кугушева*.
7. Портретъ матери. *В. Мельницкаго*.
8. Русская пѣсня. *И. Яцевича*.
9. Молодость. *Н. Гербеля* (Кн. 12).

II.

Записки Барнума. Часть четвертая и пятая, послѣдняя (Кн. 11 и 12).

Записки Шарлоты Аккерманъ о гамбургскомъ театрѣ въ XVIII столѣтіи. *Собраны Отто Мюллеромъ* (Кн. 11 и 12).

III.

1. **Лукавый попутанъ.** *В. И. Родиславскаго* (Кн. 11).
2. **Письма объ Италіи.** *Н. П. Мундта* (Кн. 11).
3. **Краснокожіе.** Разсказы изъ Индійской жизни (Кн. 11 и 12).
4. **Заколдованное мѣсто.** Разсказъ *Гр. Григоренко* (Кн. 11).
5. **Невысказанная боль.** Разсказъ *В. Негрескула* (Кн. 11).
6. **Сумасшедшій.** Разсказъ *Октава Фере* (Кн. 12).
7. **Разсказы въ Каютъ-Компаніи.** Воздаяніе. *А. Богославскаго* (Кн. 12).

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

Литература: Дѣвушка изъ Ротуруга (Кн. 11). **Театры, музыка, искусства**: Аристическій очеркъ. (*Статья Шмидта*) (Кн. 11). Итальянское пѣніе въ XVII вѣкѣ и въ настоящую эпоху.—Происхожденіе органа (Кн. 12). **Открытія въ наукахъ и промышленности**: Общественное продовольствіе, хлѣбныя растенія и хлѣбъ. — Мехика, до завоеванія ея испанцами. — Составныя части чая. — Самое крошечное изъ извѣстныхъ нынѣ животныхъ (Кн. 11). Океанъ и его жизнь (Кн. 12). **Путешествія, сцены и нравы**: Смотръ войскамъ въ Китаѣ (Кн. 11). **Мелкія повѣсти и разсказы**: Англійскіе туристы въ Террачинѣ (Кн. 11). Рапортъ доктора Кана объ открытіяхъ въ полярныхъ странахъ. — Овцеводство въ Австраліи (Кн. 12). **Анекдоты, замѣчательные случаи и новости**: Замѣчательное спасеніе отъ ядовитыхъ змѣй.—Уборы древнихъ Египтянокъ.—Пальмерстонъ и два французскіе писателя.—Основаніе города Буффало (Кн. 11).

V.

Репертуаръ русской сцены:

Племянникъ изъ Индіи. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *Я. И. Дементьева* (Кн. 11).

Дача съ угодьями, или искусство искать жениховъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи (Кн. 12).

1076
1826.